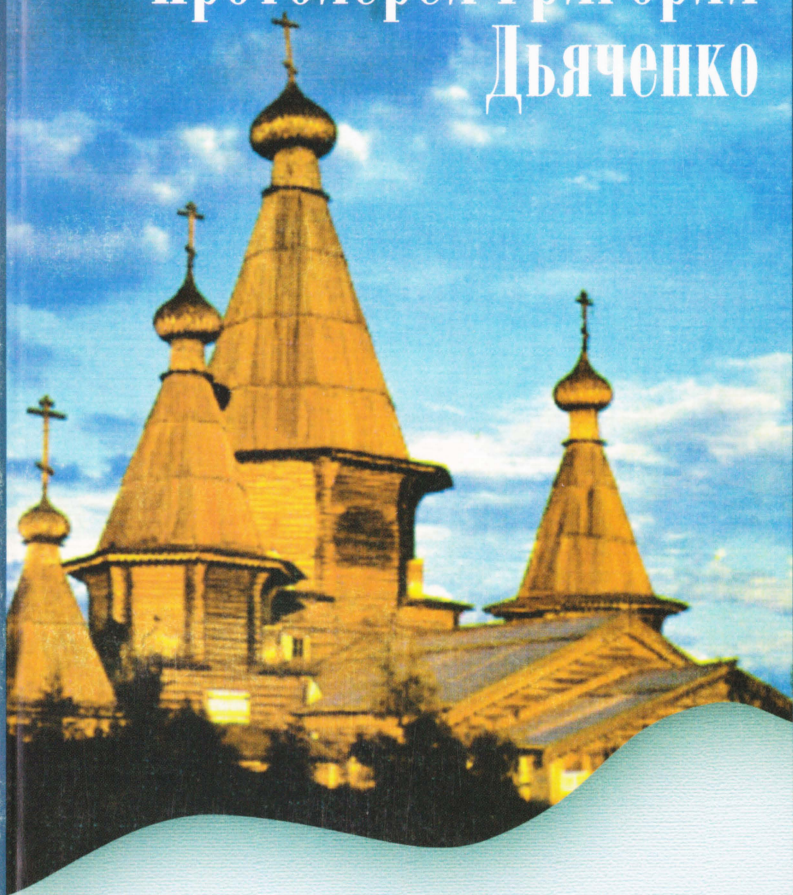

Протоиерей Григорий
Дьяченко

Тайная жизнь души
после телесной смерти

Протоиерей Григорий
Дьяченко

Тайная жизнь души

после телесной смерти

а

артос медиа

Москва

2010

УДК 271.22-475.5

ББК 86.37

Д93

По благословению
архиепископа Орловского и Ливенского
Пантелеимона

Протоиерей Григорий Дьяченко

Д93 Тайная жизнь души после телесной смерти. – М. : Артос-Медиа, 2010. – 448 с.
ISBN 978-5-9946-0088-7

ISBN 978-5-9946-0088-7

© Издательство «Артос-Медиа», 2010

Подписано в печать 15.11.09. Формат 84х108/32.
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 6000 экз. Заказ 389

ООО «Артос-Медиа»
127015, г. Москва, Новодмитровская ул., д.5 А, стр.1
E-mail: info@artos-media.ru

Отпечатано в типографии Патриаршего
издательско-полиграфического центра
141300, М.О., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра.

Глава 1

Кончина людей

Таинственные предзнаменования кончины людей. 1) «Мой отец, — рассказывает г. Теплов, — был крепкий старик — он умер 4 октября 1877 года, имея от роду 63 года. За всю свою жизнь он почти ничем не хворал.

Мой старший брат, занимавший дипломатический пост в Константинополе, совершенно случайно тогда приехал по делам службы в Петербург, хотя незадолго до того уже был здесь в отпуске и никто из домашних не рассчитывал его так скоро увидеть снова.

Отец умер от апоплексии мозга; он заболел 3 октября, приблизительно в шесть часов утра, а 4 октября, промучившись весь день и всю ночь, скончался ровно в это же время. Утомленный бессонной ночью, брат заснул в соседней комнате. За несколько минут до шести часов, повинаясь как бы какому-то внушению, он вскочил с дивана и бросился в комнату умирающего; благодаря этому обстоятельству он мог присутствовать при последнем вздохе отца.

Прошло несколько минут; мы с братом вышли в гостиную, чтобы переговорить о предстоящих похоронах.

Брат попросил узнать, который теперь час на кухонных часах, так как каминные часы в гостинной почему-то остановились и показывали только шесть, т. е., остановились на моменте смерти отца.

Горничная ответила, что в кухне часы стоят на шести часах. Это было тем удивительнее, что часы эти были с гириями, которые в данное время едва спустились до половины запаса своих намотанных цепей и, следовательно, могли бы идти, не останавливаясь. Тогда брат сказал, чтобы я взглянул на часы во второй гостиной. Я тотчас же отправился туда, но находившиеся там старинные бронзовые часы показывали тоже шесть, и маятник их не двигался. Надо заметить, что в первой гостиной часы были месячного завода, а во второй — недельного. Подобное совпадение нас заинтересовало, и мы сейчас же пересмотрели все часы, какие только были в нашей квартире, в том числе карманные; все они показывали тоже шесть часов.

Предположение, что все часы были не заведены, не выдерживало критики, так как достаточно было дотронуться до их маятников или стержней заводов, как они немедленно же начинали идти. Мы подивились этой странной, необъяснимой связи между часами и жизнью человека и не могли не рассказать о ней псаломщику Исаакиевского собора — старику лет за семьдесят, который явился читать над покойником псалтирь.

— Вас это удивляет? — спросил он. — Между тем, для меня ваш случай очень обыкновенен и бывал на моих глазах нередко. Почему это происходит —

я не знаю, но сам был неоднократно свидетелем, что часы в доме, со смертью хозяина, иногда оставались без всякой видимой причины!..

С тех пор прошло уже двадцать лет, но этот случай по-прежнему остается для нас неразгаданным.

Подлинность вышеизложенного свидетельствуем нашими подписями, с приложением фамильной гербовой печати». («Ребус», 1897 г., №51.)

2) Письмо мисс Бэль из Гольстона (в Англии). «В июне 1880 г. я приехала в одно имение в качестве гувернантки. В первый же день моего пребывания там, ложась спать, я услышала около себя странный шум, похожий на тиканье часов, которых, однако, в комнате не было. Скоро я убедилась, что этот шум преследовал меня повсюду, прекращаясь только когда я была не одна; я даже привыкла к этому странному явлению и перестала обращать на него внимание. 12 июля со мной случилось нечто еще более странное: выходя из столовой, я увидела в дверях какую-то темную фигуру с распростертыми руками. В испуге я зажмурила на секунду глаза, когда же открыла их, видение уже исчезло. Через два с половиной месяца (23 сентября) я получила от родственников моих письмо с известием, что в тот день, когда явился мне призрак, утонул мой брат. С тех пор, как я узнала эту печальную весть, тикание невидимых часов совершенно прекратилось».

Из приложенного к этому письму удостоверения постороннего лица, находившегося на пароходе в момент несчастья с Уильямом Бэлем, видно, что день и час, когда оно произошло, совпали с видением мисс Бэль. Последняя прибавила к рассказанному ею еще следующее:

«Незадолго до получения мною вести о кончине

брата (числа не помню) случилось еще нечто, о чем я не упомянула в первом моем письме, не думая, чтобы это обстоятельство имело отношение к постигшему меня горю. Едва я легла спать, как вблизи меня раздался сильный треск, точно упало и разбилось вдребезги что-нибудь из посуды. Я не решилась сейчас же встать и посмотреть, что разбилось; на следующее же утро, к удивлению своему, убедилась, что все цело и на своих местах. Три ночи подряд я слышала этот ужасный треск и ни разу не могла доискаться до его причины. Я никогда не имела никаких видений до того дня, когда увидела фигуру, о которой вам писала. Я тогда не успела рассмотреть ее и заметила только, что на ней было верхнее платье, похожее на то, в котором я при прощании видела брата».

Почти каждому, вероятно, приходилось слышать или читать о «часах смерти», т. е. о таинственном шуме, похожем на тиканье часов, раздающемся иногда в жилых помещениях, чаще всего в тишине ночи, и будто бы предвещающем чью-либо смерть. Несмотря на широкое распространение этого «суеверия», образованные люди не находят нужным поближе его исследовать и до сих пор серьезно продолжают считать единственным его виновником — одного жучка из породы *Xylorhagae*. Жучок этот гнездится в деревьях, преимущественно в дубах, и еще чаще в старой мебели; он имеет обыкновение привлекать свою самку оригинальной музыкой: спрятав передние ножки и щупальца, он ритмически ударяет о дерево головой и краем шейного щитка, производя шум, очень похожий на тиканье больших часов. Очень возможно, что во многих случаях беспокойный этот жучок, действительно давал повод для суеверных опасений, но имеем ли мы право заключить, что распространенное по-

верье о часах смерти возникло единственно благодаря этому насекомому? Мне случилось однажды предложить это естественнонаучное объяснение одному крестьянину, слышавшему, по его словам, часы смерти, и он отвечал мне тем самым возражением, которого я ожидал: что и вне дома, когда поблизости не было ни мебели, ни строений, он продолжал слышать тот же шум. «Ведь не в старой же моей шапке сидел этот жучок!» — заметил он не без иронии.

Мистика и особенно спиритуализм издавна признают, что элементарная форма, в которой проявляется для нас трансцендентальный мир — это разного рода стуки. Такое воззрение существовало и прежде у самых разнообразных народов — у индейцев, египтян, греков, римлян и др., продолжает существовать и в наше время. Столь прочно укоренившееся «суеверие» гораздо легче осмеять, чем найти для него сколько-нибудь удовлетворительное объяснение. По мнению Жана-Поля, «невозможно считать лишенными основания факты, с давнего времени и повсеместно известные; ведь никакая нация, — говорит он, — не станет утверждать, что имеет короля или ведет войну, если этого в действительности нет». Самый факт — стуки, известные под названием «часов смерти», и не оспаривается почти никем; сложилось же это поверье, я полагаю, не потому, что есть на свете стучащий жучок, а вследствие бессознательного, может быть, вывода, сделанного в разное время множеством людей из отдельных своих наблюдений. Вывод этот может, конечно, быть и ложным, и ссылаться на то, что «глас народа — глас Божий», научная мистика не имеет никакого основания; ей скорее подобает помнить слова Джордано Бруно: «*La verita amata la compagnia dei pochi e sapienti, odia la moltitudine.*»

Для нас, живущих в конце XIX века, только с переходом в иной мир могут вполне разъясниться эти тайны; но раньше или позже настанет, вероятно, день, когда они раскроются и перед земной наукой.

«Опрометчиво поступает тот, кто вне области чистой математики решается объявить что-либо невозможным», — говорил астроном Араго. Предоставляем самому читателю решить, следует ли считать математически и вообще логически невозможными ниже следующие случаи.

3) Весной 1863 г. супруги Сьюэль схоронили свою маленькую дочь Лили. Вот что пишет мать умершей:

«Незадолго до смерти нашей Лили муж мой, я и наш маленький сын сидели в комнате больной и старались ее развлечь, как вдруг внимание наше было привлечено звуками музыки; она раздавалась как будто в углу комнаты и напоминала эолову арфу. «Слышишь музыку, Лили?» — спросила я, но, к удивлению нашему, она ответила: «Нет». Звуки, между тем, все росли и, наконец, наполнили всю комнату, не уступая по силе полному тону органа; затем они стали удаляться — как будто игравшие спускались с лестницы — и, наконец, умолкли. Старшая дочь наша была в это время в кладовой, а служанка в кухне, т. е. двумя этажами ниже нас, и, тем не менее, обе они также слышали музыку и говорили о ней друг с другом. Это случилось около четырех часов дня. На другой день было воскресенье; в комнате больной, кроме моего мужа, сидели две гостьи: одна наша родственница и прежняя няня Лили. В тот же самый час, как и накануне, опять раздались те же звуки, и все слышали их, в том числе и я, занятая в кухне приготовлением молочного кушанья для больной. На следующий день музыки не было, но во вторник, опять в то же время, она возобновилась,

и в этот же день ребенок наш умер. Ни один инструмент не способен издавать в человеческих руках тех нежных, жалобных звуков, которые нам троекратно пришлось слышать.

М-р Сьюэль прибавил с своей стороны следующее: «Я убежден, что слышанные нами музыкальные звуки не могли доноситься с улицы, от которой дом наш, расположенный в глубине большого сада, отстоял ярдов на 50. В соседнем доме никто в то время не жил. Музыка продолжалась всякий раз с полминуты, замечательно, что больной ребенок, очень любивший музыку, не слышал ни единого звука».

4) В сочинении «Euthanasia» из надежного источника приведен следующий рассказ о смерти восьмидесятидвухлетнего прелата Хохштэтера.

«Накануне его смерти, последовавшей 7 ноября 1720 г., все бывшие в его комнате слышали пение чудного голоса, сопровождаемое тихой, благозвучной музыкой; казалось, звуки проникали в окна с улицы. Их слышали два раза: в 9 ч. вечера и в 3 ч. утра. Выражение блаженства на лице умирающего позволяло думать, что он больше других наслаждался этой музыкой, растрогавшей всех, кому удалось ее услышать. Хохштэтер был большой любитель духовной музыки и еще за два дня до смерти ослабевающим голосом пел хвалу Богу».

5) Подобный пример мы находим в некрологе немецкого поэта Мерики.

«8-го сентября 1874 г. поэту исполнилось 70 лет. Скромно отпраздновав этот день, он рано лег спать, но сестра его Клара и дочь Мария еще не ложились. На улицах той отдаленной части Штутгарда, где жила эта маленькая семья, уже водворилась полная тишина, но вот ее внезапно прервал громкий аккорд, и

комнаты огласились звуками арфы. Это продолжалось недолго: музыка прекратилась так же неожиданно, как и началась. Клара подошла к окну посмотреть на музыкантов, пожелавших сделать сюрприз поэту, но ни на улице, ни в доме их не оказалось. Старик спросил из своей комнаты: кто это играл? Услышав от сестры и от дочери, что никого не было видно, он задумался и потом заметил: «для меня уже не наступит более день рождения». Слова его оправдались».

Если мы желаем поступать научно, то должны принять простейшее из всех объяснений, возможных для подобных фактов, не допуская, чтобы личные наши чувства и желания одерживали верх над требованиями рассудка. Предсмертные галлюцинации могут быть во многих случаях вполне удовлетворительно объяснены чисто физиологическими причинами: расстройством кровообращения, мозговой деятельности и т. д. В силу закона психологической реакции, галлюцинации человека, измученного болезнью, могут быть и приятного характера. Известно, что жертвы инквизиции иногда во время пыток впадали в экстаз (*Wonneschlaf*) и что умирающие от голода и жажды часто перед смертью видят во сне роскошные пиры.

Но если не один умирающий, а и другие слышат мистическую музыку? Тогда приходится уже допустить, что впечатления умирающего могут телепатически передаваться другим лицам. Для тех же случаев, когда музыку слышали после чьей-либо смерти, даже и такое объяснение оказывается недостаточным, если мы не предположим, что тут смерть наступила позже, чем ее констатировали. Это предположение не включает в себе ничего невероятного; слух, например, остается очень долго деятельным, иначе не

был бы возможен тот ужасный факт, что иногда рыдания и крики отчаяния окружающих возвращают на несколько моментов к жизни тех, от кого она, по-видимому, уже отлетела.

Однако и при таком предположении все-таки остаются непонятными случаи, в которых сам умирающий не слышит музыки. В поисках их разгадки некоторые смелые психологи еще более углубляются в область мистики; даже такие научно и философски образованные люди, как гг. Перти и Шиндлер, прибегли для объяснения их к метафизическому понятию о душе как об особой сущности, выходящей за пределы знакомого нам (феноменального) я. Предполагается, что деятельность души при обычных условиях как бы не существует для нашего мозгового сознания, точно так же, как для пробудившегося сомнамбулы не существуют совершенные во сне поступки. Такой взгляд на душу не включает в себе логического противоречия; в этом убеждают нас такие общеизвестные свойства нашей природы, как раздвоение сознания во сне, память, совесть, а также известное в мистике «раздвоение личности». Душе, понятой таким образом, и приписывается интересующее нас загадочное явление; при наличии неизвестных нам условий, деятельность ее телепатическим путем передается сознанию умирающего и близких к нему лиц. («Ребус», 1890 г., №№ 43—44.)

6) Я проводил и это Рождество, как и во многие предыдущие года, в поместье старых друзей, где постоянно собирались одни и те же члены дружной семьи. Но в этот раз наша праздничная встреча была омрачена великой утратой: наш добрый друг, наш веселый хозяин, центр и душа нашего общества, внезапно покинул нас во цвете лет. Незначительная болезнь

в продолжение недели... и мы, так весело расставшиеся несколько месяцев тому назад, сошлись опять в этом доме не на радость, а чтоб разделить общее горе и наговориться о покинувшем нас друге.

Немало странных обстоятельств пришлось мне узнать из разговоров осиротевшей семьи.

Так, приблизительно за месяц до смерти нашего друга молодая девушка, немка, гувернантка его детей, встретив В. во время прогулки, внезапно ощутила какое-то странное не то предчувствие, не то представление, как будто он должен скоро умереть, хотя в это время он был еще совершенно здоров.

Впечатление это было в ней так сильно, что у нее невольно вырвалось то, о чем она думала.

— Как странно, — ответил ей В., — в эту именно минуту я точно то же чувствовал сам.

Во время его болезни та же молодая немка и так же внезапно увидала пред собою сцену, точно повторившуюся наяву после его смерти. В ее видении ей представился гроб, совершенно незнакомой ей формы, несколько не похожий на те, которые ей приходилось видеть у себя на родине. Немецкие гроба в некоторых отношениях отличаются от наших.

7) Следующие факты узнал я от одной знакомой дамы, друга означенного семейства, жившей довольно далеко от их поместья. Я передаю их подлинными словами двух ее писем ко мне.

«Первое известие, которое мы имели о В., было письмо Л., уведомлявшее нас о его смерти. Получено оно 9 апреля. *В продолжение многих недель перед тем мы не имели о них никаких известий, ни прямых, ни косвенных.*

По меньшей мере, две или три недели до получения письма Л. мы обе, моя мать и я, почувствовали

одновременно, как будто что-то нехорошее случилось с семьею В. Чувство это было особенно сильно у моей матери и так угнетало ее, что, не считая удобным в данном случае писать им с единственной целью узнать, что у них происходит, я вздумала поискать у себя какую-нибудь гравюру, чтобы, посылая им ее, написать кстати, но день ото дня откладывала свое намерение. Все это время нам обоим было что-то не по себе, как ни старались уверить друг друга, что все это вздор, воображение, беспокойное состояние наше не уменьшалось, напротив... За ночь или за две перед его смертью я два раза просыпалась от ощущения холодной руки, прикасавшейся к моему лицу, и при этом будто слышался чей-то вздох.

Я испытала почти то же самое незадолго до смерти моего брата, но тогда я не придавала этому никакого значения. Наконец, в ночь на воскресенье, день, в который известие о смерти В. дошло до нас, я была разбужена колокольным звоном в нашей сельской церкви, викарий которой в это время был опасно болен. Звон начался около полуночи, так как было ровно десять минут первого, когда, досадуя на помеху моему сну, я посмотрела на часы, после чего крепко заснула. Звон этот произвел на меня тягостное впечатление, хотя я объяснила его возобновлением старого обычая звонить при смерти духовного лица и подумала, какое может произвести это дурное впечатление на нашего больного соседа, жившего как раз против церкви, что я и сказала моей горничной, когда та взошла утром ко мне. Отправившись затем в комнату матери, я застала ее с письмом Л., извещавшим нас о смерти В. Нисколько не приписывая колокольного звона какому-либо предзнаменованию, я попросила молодую девушку, гостившую у нас в это время,

пойти узнать от церковного старосты, в котором часу скончался викарий и что заставило их возобновить так некстати старинный обычай? Оказалось, что викарий не умирал и никакого звона не было».

Сообщаю эти странные факты так, как они происходили, без всяких комментариев, исключая разве первого, который можно еще объяснить «передачей мыслей» от моего покойного друга В. к молодой немке. («*Light*», сн. «*Ребус*», 1884 г., №34.)

8) «*Пет. Лист.*» передает о следующем происшествии, случившемся в С.-Петербурге. У купца Антона Павловича С...ва, живущего на Литейном проспекте, висел в роскошном кабинете в позолоченной раме портрет отца его, проживающего в Москве. Отец его, хотя и старик, но очень бодрый и совершенно здоровый человек, отличался крепким вообще организмом. По возвращении с дачи, у всех картин, в том числе и у портрета отца г. С...ва, шнуры, на которых они висели, заменены были новыми и крепкими. На днях вечером, когда г. С...ов с семейством пил чай в столовой, в соседнем кабинете раздался стук от упавшего на пол предмета; все бросились в кабинет, и там оказалось, что портрет отца г. С...ва упал на пол со стены потому что шнур лопнул. На г. С...ва это обстоятельство произвело крайне неприятное впечатление, и ему невольно представилось, что в этот момент умер его отец в Москве. И действительно, предчувствие его сбылось: на другой день утром получена была телеграмма, извещавшая, что накануне вечером отец г. С...ва скоропостижно скончался. («*Пет. Лист.*»; сн. «*Ребус*», 1885 г., №49.)

Глава 2

Исход души из тела

1. Рассказы об исходе души из тела, почерпнутые из творений св. Григория Великого. В древнейших житиях и сказаниях о святых, восточных и западных, находим следующие картины исхода души. В житии Антония Великого, составленного св. Афанасием Великим, которое в IV веке было уже переведено и на латинский язык (Евагрием, антиохийским пресвитером), приводится рассказ о видении Антонием «души Аммония Нитрийского, в сопровождении ангелов восходившей на небо». Блаженный Иероним сообщает о подобном же видении Антония Великого — о видении души Павла Фиваидского, восходившей на небо. О смерти самого Антония в его житии говорится, что «ясность его лица в минуту смерти указывала уже на присутствие ангелов, сошедшихся для отнесения его души» (на небо).

Сульпиций Север (IV—V в.) в рассказах о жизни и кончине блж. Мартина сообщает, что ему было сонное видение: «Казалось мне, — пишет он, — что пред мною предстоит блж. Мартин, в белом одеянии, с огненным ликом, с звездными взорами. В руках у не-

го я увидел книжечку его жития, составленную мною; я поклонился ему, принял благословение, и вслед затем он скрылся в высоте. Спустя немного по тому же пути, на котором я видел блж. Мартина, отправился и его ученик св. Клар. Действительно, как оказалось, в это именно время блж. Мартин оставил земную жизнь». В другом месте Сульпиций Север прибавляет к этому рассказу, что еще задолго до кончины блж. Мартин предсказал час своей смерти, а в минуту смерти, видя подле себя диавола, воскликнул: «Зачем ты здесь, свирепое животное? Ничего не найдешь ты во мне — лоно Авраамово приемлет мя».

В таких же точно чертах изображается отшествие душ в загробный мир и в рассказах «Собеседований» Григория Великого.

«Многие из наших — из лиц близких нам по времени и по отношениям, — говорит св. Григорий Великий, — верою чистою и пламенной молитвой очистившие око ума своего, неоднократно видели души, исходящие из тела» (Диал. IV, 7), — и вот, большей частью рассказы — сообщения таких именно лиц он и приводит, рассказы «самовидцев» или переданное с их слов другими...

Св. Бенедикт, жизнь которого с таким глубоким воодушевлением св. Григорий Великий изложил во 2-й кн. «Собеседований», — этот великий подвижник — «отец и вождь» западного иночества, имел видение исхода души Германа, епископа Капуанского. Обстоятельства, при которых происходило видение, и самый рассказ о нем св. Григория запечатлены трогательной сердечностью и чарующей прелестью агиологического стиля. «Серванд, диакон и настоятель монастыря, — рассказывает он, — устроенного в пределах Кампании неким патрицием Либе-

рием, имел обыкновение часто посещать монастырь св. Бенедикта. Тот и другой были очень близки, так как и сей муж, как и св. Бенедикт, исполнен был учения небесной благодати, и потому они взаимно насыщали друг друга беседами о вечной жизни и таким образом, по крайней мере сердцем, вкушали сладостную пищу небесного отечества, которою еще не могли совершенно насладиться (находясь здесь, на земле). Когда же наступал час покоя, то в верхнюю часть монастырской башни уходил достопочтенный Бенедикт, а в нижних частях помещался диакон Серванд; тут была и проходная лестница, которая вела снизу наверх. Пред самой башней, на некотором расстоянии, находилось жилище, в котором покоились ученики того и другого. Однажды, в то время, как братья еще спали, Бенедикт встал на ночную молитву и молился у окна Всемогущему Богу; вдруг он увидел в самую глубокую полночь осиявший всю ночную мглу свет, который так блестел, что ночь сделалась светлее дня. Чрезвычайно изумительное событие последовало за этим освещением: весь мир, как сам он рассказывал после, собран был пред его глазами как бы под одним лучом солнца. Достопочтенный отец устремил внимательный взгляд на этот блеск небесного света и увидел в огненном сиянии несомую ангелами душу Германа, епископа Капуанского. Тогда пожелал он иметь для себя свидетеля такого чуда и громким голосом призывал диакона Серванда, два-три раза повторяя его имя. Серванд тотчас был пробужден необычайным криком сего мужа, взошел наверх, посмотрел и увидел только небольшую часть света. Он изумился чуду, а святой муж по порядку рассказал ему, что происходило, и немедленно послал в Капуу узнать, что делается с епископом Германом, — оказа-

лось, что он уже умер, и умер в ту самую минуту, в которую св. муж видел его восшествие на небо...»

О кончине самого св. Бенедикта было открыто также в чудесном видении двум из его учеников, находившимся в разных местах и вдали один от другого: «В этот самый день (в день его кончины), — рассказывает св. Григорий, — двум из его учеников, одному, оставшемуся в монастыре, и другому, находившемуся вдали, было совершенно одинаковое видение. Видели они, как тянулась дорога, устланная одеждами и освещенная множеством сияющих светильников, по направлению к востоку от монастыря, до самого неба. Муж в светлых одеждах предстал пред каждым из них свыше и спрашивал, чья эта дорога, которую они видели. Они отвечали, что не знают. Явившийся муж сказал: это путь, по которому восходит на небо возлюбленный Господу Бенедикт...» (Кн. II, гл. 37, — рус. пер. стр. 149; ср. кн. IV, гл. 9.)

Иногда люди праведной жизни провидят близость кончины и заранее готовятся к ней или бывают извещены особыми чудесными явлениями, знаменующими и их загробную участь. В доказательство этого св. Григорий приводит рассказ о своей тетке Фарсилле, сообщенный им также и в одной из бесед на Евангелие... «Отец мой, — рассказывает он, — имел трех сестер, которые все три были священными девами (в монашестве): из них одна называлась Фарсиллою, другая Гордианою, третья Эмилианою. Все воспламененные одною ревностью, посвященные в одно и то же время, живя под установленным надзором, они проводили жизнь вне монастыря, в собственном доме. И когда они долго были в этом сожительстве, то Фарсилла и Эмилиана начали возрастать в ежедневных приращениях любви к Создателю своему и, будучи

единой плоти, переходить духом в вечность. Напротив же того, душа Гордианы начала охлаждаться от жара внутренней любви ежедневными ее утратами и мало-помалу возвращаться к любви века сего... В одну ночь тетке моей Фарсилле, которая была почтеннее и выше сестер своих силою постоянной молитвы, тщательным измождением плоти, необыкновенным воздержанием и важностью высокой жизни, явился, как *она сама рассказывала*, прапрадед мой Феликс, настоятель сей римской церкви, и, показав ей жилище непрестаемого света, сказал: «Иди, я приму тебя в это жилище света...» Она заболела и чрез несколько времени умерла, накануне Рождества Господня, а через день в сонном видении явилась сестре своей Эмилиане и сказала: «Я пришла затем, чтобы, проведши без тебя день Рождества Господня, провести уже с тобою святой день Богоявления». Та, заботясь о спасении сестры своей Гордианы, тотчас отвечала ей: «Если я одна приду, то на кого оставлю сестру нашу Гордиану?» Ей, как сама передавала, со скорбью отвечала явившаяся: иди, Гордиана же, сестра наша, перечислена к мирским... За этим видением тотчас последовала болезнь телесная, и за день до Богоявления она скончалась». (*Диал.* 4, 16; *Беседы на Еванг.* 39, рус. пер. стр. 286—290.)

При одре умирающих происходят различные явления, знаменующие исход души, наступление для нее новой жизни, явления, доступные даже внешнему восприятию окружающих смертный одр и ими засвидетельствованные в многочисленных рассказах... Так, со слов одного достопочтенного мужа, св. Григорий рассказывает о кончине Спя, пресвитера и настоятеля одного монастыря в Нурсии: «Находясь среди созванных им братьев, причастился он тела к кро-

ви Господних, потом начал с ними таинственное пение псалмов и во время самого пения братии с молитвою предал дух Богу. Все присутствовавшие братия видели, как вылетела из уст его голубка, которая немедленно, сквозь отверстие кровли храма, на виду у братии, полетела на небо...» «Должно верить, — замечает по этому поводу св. Григорий, — что в образе голубки явилась душа его — и самым этим видом Бог показал, с какою простотой служил Ему отшедший муж...» О смерти другого пресвитера, который не назван по имени, но который всем был известен святою подвижническою жизнью, Григорий Великий передает рассказ (гл. 11), что «в минуту смерти, окруженный своими близкими и родными, он начал восклицать: «Добро пожаловать, господие мои, добро пожаловать!.. Но зачем вы удостоиваете меня, раба вашего, своим посещением?» А когда окружающие спросили, к кому он обращается с вопросом, он ответил: «Разве вы не видите, что сюда пришли св. апостолы? Разве не видите первых из апостолов — Петра и Павла?» Затем, произнося слова: «Я иду, иду!» — испустил дух». Приводя этот и другие рассказы о явлении умирающим праведникам Самого Господа Иисуса, Богоматери и святых, Григорий Великий говорит, что «часто случается праведным, умирая, видеть подле себя святых, дабы в их присутствии без печали и боязни освободиться от оков плоти...»

Минута кончины праведного, кроме указанных чудесных явлений, сопровождается многими другими — как в самом праведнике (например, прозрение в будущее), как бы предвкушающем уже наступление высшей духовной жизни, так даже во внешней окружающей природе: необыкновенное блистание света, благовоние, землетрясения, бури. В подтверждение

этого в III кн. «Диалогов» приводится, между прочим, рассказ о кончине Павлина Ноланского: «Когда он был уже при последних минутах, вдруг потряслась земля, и ложе, на котором он возлежал, поколебалось, между тем, самый дом оставался непоколебимым»...

Духи тьмы, в образе личных и страшных существ — чудовищ, также появляются пред одром умирающих, стараясь овладеть их душою, — в образе «черных людей, мавров — эфиопов», или в виде «дракона» с разинутой пастью, готовящегося поглотить умирающего. «Некто Хрисаоргий, — по рассказу человека, близко знакомого св. Григорию, настоятеля одного монастыря, — пред тем самым временем, как душе выйти из тела, открытыми глазами увидел черных и страшных духов, которые стояли пред ним и готовы были схватить душу его и отнести в адскую темницу. Он затрепетал, побледнел, громко стал просить отсрочки и странным и смущенным голосом звал сына своего Максима... Собралось все семейство с плачем и трепетом. Злых духов, от которых он так сильно страдал, домашние не могли видеть, но узнали о присутствии их из смущения больного, бледности и трепета. Со страха от их черных лиц Хрисаоргий обращался на постели туда и сюда; лежал на левом боку — и не мог удалить их от взора; поворачивался к стене, и там они были. Стесненный ими до чрезвычайности, он отчаивался уже в своем освобождении от них и стал громким голосом кричать: «отсрочку хоть до утра! хоть до утра!» Но во время самого этого крика душа была взята из тела...» Передавая этот рассказ, св. Григорий говорит, что видение это служило «предостережением для нас, которых еще ожидает долготерпение Божие», так как для самого умиравшего оно уже не мог-

ло иметь пользы — его душа была взята из тела. По другому рассказу, один умиравший, за которого окружавшие его воссылали усердные молитвы, чтобы Господь отпустил ему согрешения, — «вдруг громким голосом закричал, прервав молитву: отойдите, отойдите, я отдан на съедение дракону, но он не может пожрать меня по причине вашего присутствия. Голову мою он проглотил уже; дайте ему место, чтобы не мучил меня более, но сделал со мной, что хочет. Если я отдан ему для пожрания, то зачем из-за вас терплю, замедление?» Тогда братия стали говорить ему: «Что это ты говоришь, брат? Положи на себе знамение святого креста». С великим криком отвечал он: «Хочу перекреститься, но чешуя дракона препятствует мне». Услышав об этом, братия простерлись на землю со слезами и стали еще усерднее молиться об его избавлении. Вдруг больному сделалось получше, и он воскликнул громким голосом: «Благодарение Богу! Дракон, намеревавшийся пожрать меня, бежал; отгоняемый вашими молитвами, он не мог стоять здесь. Молитесь только за мои грехи, потому что я готов раскаяться и совсем оставить мирскую жизнь». Таким образом, человек, который, как сказано было, стал уже холодеть в оконечностях своего тела, сохраненный для жизни, всем сердцем обратился к Богу; после того, изменив свои мысли, он долго подвизался с сокрушением сердца, и тогда только душа его разрешилась от тела». (*Dial.* 1. IV, сар. 38; *Hom. in evangel* XIX, col. 1156. 76.)

2. Кончина праведников по рассказам в письмах очевидных свидетелей. 1) Кончина Новоспасского иеромонаха Филарета, в схиме Феодора. 28-го августа (1842 г.) в 7 часов утра этот старец мирно и свято почил от всех трудов своих. Бог удостоил ме-

ня в продолжение десятидневной его болезни ему послужить и быть свидетелем многих дивных происшествий, которые вам единому, как духовному другу, желаю открыть. Когда старец стал ощущать слабость, безболезненную еще, он сказал: близка кончина моя. Эти слова узнал митрополит Ф. и поспешил посетить старца. Много утешительного и назидательного сообщил старец владыке, который со слезами внимал словам покойного. 23-го в Успенском соборе я узнал, что отец мой очень труден, и поспешил в Новоспасский монастырь. И точно, нашел его в самом страдальческом состоянии, он стонал очень тяжело; ибо внутренний антонов огонь, особенно в мочевом пузыре, начинал его палить. 24-го ему сделали операцию, и от сильного кровотечения он получил некое облегчение: терзания его уменьшились, и он начал живее молиться; с каждым его дыханием повторялось им: «Иисусе, Спасе сладчайший»; даже когда он засыпал, действие сердечной молитвы в нем не умолкало. На 26-е в ночь, может быть, в часу третьем утра, старец вдруг воодушевился; невидимая сила его подняла, он встал и, указывая перстом в дверь, воскликнул: «вот Спаситель, вот Спаситель! К Спасителю меня!» Лицо его просияло, и реки слез потекли из очей его; он пожелал приобщиться. Когда Святые Дары внесли в его келию, он заплакал. По принятии оных, он начал протирать руки; ему поднесли теплоту, но он головою указывал на потир и, взяв его в руки, прижал его к сердцу, начал его лобызать и горько рыдать. После соединения со Христом он еще живее стал молиться и среди ежеминутного призывания имени Иисуса обращался к нам, предстоящим, и говорил: «спасайтесь, спасайтесь». — Не только жители Москвы, но и соседних деревень и городов при-

ходили к старцу на поклонение, ибо слух о его болезни везде распространился. В таком дивном молитвенном состоянии он пробыл почти 50 часов. От 27-го на 28-ое он видимо стал слабеть, дыхание стало прерываться; в 7-м часу медленно стали читать отходную, и при чтении последнего стиха мирно и свято предал он дух свой Господу Богу.

В течение четырех дней толпа народа не выходила из обители, надгробное пение не умолкало, слезы любви и благодарности орошали останки праведника. Митрополит его погребал; во время отпевания он горько плакал и несколько раз при прощании целовал с благоговением десницу мужа, исполнившего закон Христов и исполненного Божественной благодати. До вечерни не могли закрыть его могилы, потому что, может быть, 2.000 человек стремились лобызать его гроб и поручить себя его предстательству.

2) Кончина Задонской старицы Евфимии Григорьевны. «Старица Божия Евфимия Григорьевна, — пишет о. Зосима, — скончалась 15 января (1860 г.) в 9 часов вечера, а 18 января о. архимандрит соборно служил позднюю обедню за упокой ее души в Царстве Небесном и с 14 иеромонахами в облачении отправил по ней погребение и тело ее предал земле. Могила ее в часовне, рядом с затворником Георгием по левую сторону, а с правой покоится схимонах Митрофан, которого она тоже лично знала и бывала у него, и пользовалась его советами и наставлениями. О месте ее покоя, чтобы ее в часовне похоронили, приказал еще покойный батюшка, затворник Георгий, и великий старец отец Иларион из Троекурова, где ныне женская община. Да я ее и сам много любил, почитал и уважал вот уже 25 лет; зато взаимно и она меня любила нежно, как сына, и берегла, как свою ду-

шу. В духовном отношении ей открыты были от Господа все мои чувства и мое сердце. Чего, бывало, сама за собою не досмотрю, а она меня предостережет и наставит. По ее собственному желанию, я ее 9 января, в субботу, в 4 часа вечера соборовал святым елеем, в воскресенье, 10-го, после ранней обедни исповедал ее и причастил Святых Таин тела и крови Христовых; в четверг, 14-го, еще приобщил ее Святых Таин и прочел отходную. В пятницу, за час до смерти, я был у нее, и все время она была в чистой памяти и говорила. За четыре дня до смерти она стала очень хорошо слышать, много лет быв крепка на ухо. Скончалась, как заснула. Стояла в теплой комнате, но запаха никакого тяжелого не было от нее и не распухла, а напротив, еще мертвая похудела: лицо ее было чистое, приятное и светло-желтое, как восковое. Она почилла, потрудившись на сем свете 115 лет. Но удивительно то, что на головке ее волосы не поседели, но черные. Она с нетерпением все желала поскорее переселиться в вечность и о сем часто просила Господа Бога. Жизнь старицы во всем была преисполнена чудес. Она была вроде юродивой, но не всегда, а это на нее находило временно. Назад тому 65 лет, когда она жила в своем селе в келейке, вдруг случился ночью пожар. Это было зимою; зазвонили тревогу; она встала и побежала по селу босая в одном белье и, подойдя к дому, приказывает огню со властью так: огонь, иди сюда, жги этот дом: тут живут великие грешники и нераскаянные. Огонь повиновался ей рабски; с места пожара сейчас же летели головни с огнем, и зажигался дом, как бы далеко от пожара ни был. И так несколько домов вымела она, и это все она делала вне себя. Опомнилась она в доме священника, и, когда увидела себя полураздетою, ей стало совестно всех: она оделась.

Это верная история; она сама мне рассказывала и еще многие».

3) В дополнение к рассказанным случаям приведем еще два подобных случая праведной кончины по рассказу лица достоверного.

«В 1860-х годах, — пишет Пр. Ф—ий, — в г. Владимире умирала благочестивая и многострадальная старушка, жена священника. Пред кончиною захотела она принять елеосвящение. Приглашены два священника с причтами. На особоровании маслом больная ирмосы канона повторяла пением за духовенством сама и все таинство приняла бодренно. По совершении елеопомазания священники (о. Максим В. и Н. Ф.) спросили больную: как чувствуете себя? — «В груди боль у меня прежняя, — отвечала она, — но на душе радостно, несмотря на болезнь. Часа за два до прихода вашего видела я вот здесь пред столом (стоявшим у дивана больной) Божию Матерь и пред Нею ирп. Зосиму и Савватия». Спустя два дня по особоровании благочестивая старица преставилась, удостоившись благодатного утешения, которое испрашивается в молитве к Богоматери в конце повечерия: «Предстани мне, Пречистая Дево, Богоневесто, Владычице, и во время исхода моего окаянную мою душу соблюдаючи, и темные зраки лукавых бесов далече от нее отгоняючи».

Кстати присовокупим заметку о кончине старца Парфения, замечательной по ее времени. Под изображением известного многим подвижника, о. схиеромонаха Парфения (Киевской лавры, ближних пещер) начерчена подпись из записок покойного: «буди благословен, преблагословен и трблагословен день Благовещения Богородицы, несомненной моей надежды, отныне 1845 рока и до века. Аллилуиа! Неключимый

раб, схимонах Парфений». Благочестивый и незабвенный старец записал эти слова для себя, для всегдашнего себе напоминания о чудесном явлении ему Пречистой Приснодевы, в самый праздник Благовещения ему бывшем. Замечательно, что и скончался он, много годов спустя после видения, в праздник Благовещения. (См. *«Душ. чт.»* 1877 г., ноябрь.)

3. Предзнаменования кончины людей из более близкого нам времени. 1) «В пятидесятых годах в Москве заболела родная моя тетка Елизавета Петровна Смаллан, — рассказывает г-жа Т. Пассек. — Болезнь ее, сначала казавшаяся ничтожной, как-то странно развивалась. Ни на что не жалуясь, тетушка слабела и, наконец, слегла в постель. Лечил ее друг нашего дома, известный медик Константин Иванович Скологорский, один из лучших людей, человек добрый, религиозный. Болезнь тетушки с каждым днем усиливалась, наконец, больная стала впадать в бред и беспамятство. Видя ее в таком положении, я однажды осталась у нее на ночь. Это было во время святок. Кровать тетушки в начале болезни переставлена была из спальни в гостиную, с которой она, как заболела, так и не вставала до кончины. У внутренней стены гостиной находился большой диван, на котором с наступлением ночи я прилегла, не раздеваясь. На другом конце дивана, прислонясь к подушкам, полулежала невестка моя, жена моего брата. Подле дивана на скамейке сидела молодая женщина Александра, находившаяся у тетушки в услужении, и горничная, девушка лет двадцати пяти, Маша, дочь крепостного ее человека, служившего у тетушки с самого ее замужества. Между ними на стуле стояла свеча под зонтиком, чтобы не тревожить излишним светом больную. Больная была в бессознательном состоянии, време-

нами бредила, временами стихала. Спать мы никто не могли и тихонько разговаривали. Из гостиной дверь выходила в залу, из залы в переднюю, оттуда в сени и на большой двор. Дом был деревянный, комнат в десять, одноэтажный. Улица тихая. Наступила минута, в которую мы все как-то смолкли и вдруг услышали необыкновенно громкий стук в дверь, выходящую из сеней в переднюю. В этом стуке было что-то до такой степени странное, что мы невольно переглянулись.

— Кто бы мог прийти в такую пору и стучать так сильно, — сказала я.

— Должно быть, приехал Константин Иванович, — сказала Александра, — я пойду посмотрю. — И отправилась.

Ждем, ждем, является Александра с изумленным, расстроенным лицом и говорит:

— Никого нет. Я вышла на двор, по двору ходит сторож, ворота закрыты, на дворе нет никого. Спрашиваю сторожа, не приезжал ли кто или не проходил ли кто к хозяевам, большой каменный дом которых находился в глубине двора. Сторож сказал, что он никуда не отлучался и во двор никто не приходил. Ночь стояла тихая, светил полный месяц. На дворе сильно морозило. Было ясно, точно днем.

Поговорили, потолковали мы и разместились по-прежнему. Но едва только немного успокоились, как такой же самый вызывающий стук, или, скорее, грохот в дверь, послышался из передней в залу, куда Александра и бросилась, говоря:

— Константин Иванович.

И тотчас же возвратилась бледная, расстроенная.

— Никого нет. Что это за стук? Ни в передней, ни в сенях нет никого.

Молча мы посмотрели друг на друга.

Больная лежала без сознания, не открывая глаз, и временами произносила невнятные слова. Мы опять сели. Я и невестка моя прилегли на двух противоположных концах дивана, горничные уселись на скамейке подле нас, и только что у нас начался разговор, как над самым диваном раздался в карнизе такой оглушительный грохот, что мы моментально вскочили с дивана; казалось, карниз и потолок разрушаются. Другие также бросились со своих мест; все были бледны, у всех на лицах выражался ужас. Остаток ночи никто уже не ложился, к дивану мы боялись приступить. С наступлением дня тетушка пришла в себя, слабым голосом передала мне некоторые распоряжения и к обеду опять стала впадать в забытие. Одна из самых близких к тетушке дам подошла ко мне, говоря:

— Видите, близок конец. Хорошо бы заранее заготовить все, что надо, в чем положить. Вы бы съездили в город и купили. — И сказала, что купить.

Я немедленно отправилась, по пути на минуту зашла в свой дом — взглянуть на детей и кой о чем распорядиться. Но не прошло и четверти часа, как ко мне прибежали от тетушки и сказали:

— Не извольте ездить в город. Катерина Петровна поехала. Пожалуйте к нам.

Я тотчас отправилась. Вхожу во двор, меня поразила сильный запах ладана.

В сенях, в передней запах был еще сильнее.

— Верно, все кончено? — спросила я вышедшую ко мне навстречу горничную.

— Нет еще, они не скончались, — отвечала она.

— Что ж это ладаном вы накурили?

— Да у нас ладана и в доме-то нет, — отвечала она. — А вот, как вы ушли, то по дому и даже по дво-

ру ладаном запахло, и сами не знаем, откуда этот запах взялся.

Я прошла в гостиную. По всему дому был сильный запах ладана.

Тетушка лежала в агонии, с закрытыми глазами. Вскоре приехала с покупками Катерина Петровна, женщина глубоко верующая, и сказала мне:

— Видите, как тетушка страдает, а умереть не может. Вероятно, над нею тяготеет чье-нибудь неудовольствие или клятва. В нашей церкви есть молитвы, которые разрешают и примиряют.

— Очень хорошо, пригласите священника, — отвечала я.

Тотчас послали за священником. В углу спальни на маленьком столике затеплили небольшую восковую свечку. В комнате воцарилась глубокая тишина, несмотря на то, что было человек до десяти присутствующих. Слышалось только тяжелое дыхание умирающей.

Вошел старичок священник с молитвенником в руках, благословил умирающую, стал перед образом и начал читать примирительные молитвы. Я слышала их в первый раз; они поразили меня глубиной содержания и трогали душу простотой и искренностью любви. Чем долее читал священник, тем дыхание больной становилось тише. С последним словом молитвы, вероятно, примиренный дух ее отлетел в вечность». («Ребус», 1887 г. №27.)

2) Мисс Хатти Доути, 21 года от роду, старшая дочь м-ра Доути из Уэйланда, более года страдала страшным недугом, называемым в медицине чахоткой, но в постель слегла она лишь за неделю до кончины. Я видел ее ежедневно, а иногда и по несколько раз в день, беседовал с ней о разного рода житейских предметах

и вполне убежден, что она была психически нормальна, сохранила свои умственные способности до последних минут жизни. В религиозных вопросах она была до некоторой степени скептична и, как я слышал, не любила говорить о теориях, касающихся загробной жизни.

В продолжение утра 14 августа мисс Доути начала быстро угасать, и любящая мать ни на минуту от нее не отходила. Около полудня она видимо ослабела, и многочисленные друзья ее собрались вокруг ее кровати, каждую минуту ожидая ее последнего вздоха. Обильный холодный пот покрывал все ее тело, большие глаза сделались мутны, веки закрылись, губы и оконечности пальцев похолодели, как мрамор, а вскоре пульс остановился и дыхание прекратилось. Благодаря смущению и горю присутствующих родственников и друзей, думавших, что все уже кончено, никто не заметил по часам, сколько времени продолжалось это состояние. Но вдруг, без всякой предварительной перемены, мисс Доути открыла глаза, провела несколько раз руками по лицу, приподнялась на постели и, обратя к матери испуганный взгляд, проговорила ясным, отчетливым голосом:

— Где я была, объясни мне, мама. Я ничего не понимаю. О, зачем я вернулась сюда! Я не хочу... не хочу...

Сестра первая спросила ее:

— Что ты видела, Хатти?

— Я была далеко, далеко отсюда и видела великое множество народа, много незнакомых лиц пожимали мне руку, и так были они рады меня видеть. Они сняли с меня кожу без малейшей боли, и я почувствовала себя гораздо лучше. Мама, я опять вернусь к ним.

Мать возразила: — Как же я расстанусь с тобою, Хатти?

— Зачем расставаться? Мой дух всегда будет с тобою, я буду знать все, что вы делаете.

Затем она попросила, чтобы ей дали поесть, съела кусочек и запила глотком вина. Ей попробовали предложить несколько вопросов, но голос ее так ослабел, что ответов не расслышали.

Когда же в комнату вошел ее доктор, больная весело спросила:

— Что вы думаете теперь, доктор?

— О, все идет прекрасно. Вы скоро выздоровеете.

— Посмотрите, доктор. Я дышу так свободно, и вместе с тем мне так холодно, холодно.

Вскоре после этих слов, она подняла пальцы обеих рук к ушам и сказала: — Я не слышу, что вы говорите, доктор, — и через минуту прибавила: — я теряю и зрение, я вас более не вижу.

Доктор, видя, что конец приближается, вышел, чтобы позвать недостающего члена семьи, а умирающая, обратив свой потухший взгляд в сторону матери, проговорила радостным и необыкновенно нежным голосом: — «Я должна теперь идти к ним, прощай, мама». Затем еще один последний вздох, и ее не стало.

Кто осмелится утверждать, что больная бредила, а не получила, по милосердию Творца, возможность заглянуть в ожидавший ее мир блаженства и принести оттуда радостную весть для утешения скорбящих близких. Осиротелая мать говорит, что ничто так не облегчает ее горя, как воспоминание о последних минутах ее дорогой Хатти. («*Ban. of Light*», т. XLV, №26; см. «*Ребус*», 1890 г., №45.)

в) В своих записках («*Русский архив*», №6 за 1897

год) граф М. Д. Бутурлин рассказывает два следующих замечательных случая:

Около масленицы или в начале поста того 1828 г. умер мощный еще по летам московский старожил Степан Степанович Апраксин при странном следующем обстоятельстве. Он сам предсказал свою кончину за несколько дней вперед, потому что явился ему давно умерший приятель его, обещавший (как уверял Степан Степанович) при жизни исполнить такое предуведомление в подлежащее время. Это рассказывали тогда по Москве, и помнится мне, что тогда говорил о том в доме Чернышевых Яков Федорович Скарятин, когда С. С. Апраксин был труден, но еще жив. Об ожидании С. С. Апраксиным явления ему того лица перед кончиною я знал с детства моего из рассказов о том Мальцевых. Понимайте, как хотите, но это так.

Бывал я иногда у княгини Елизаветы Ростиславны Вяземской, матери павлоградского моего товарища. Княгиня Елизавета Ростиславна, урожденная Татищева, внучка известного историка этой фамилии, рассказывала следующее о смерти деда. Жил он в своей подмосковной и, хотя был преклонных уже лет, но отличался хорошим здоровьем. Встав утром в одно из воскресений, он пошел в церковь и перед обедней сказал священнику, что желает немедленно исповедоваться и причаститься Св. Таин, потому что видел во сне, что он должен умереть в этот самый день, хотя вовсе не чувствует себя больным. Исполнив этот христианский долг, он после обедни пошел домой, напился, по обыкновению, чаю, после чего, сделав последние распоряжения, созвал всех своих семейных и прислугу, простился с ними, прилег и послал за священником, чтобы собороваться или

читать отходную над ним молитву, и вскоре потом испустил дух.

Сообщено мне это старицею Натальей Федоровной Крыловой, слышавшей этот рассказ от самой княгини Елизаветы Ростиславны. («Рус. арх.» 1897 г., №6.)

4) Помещенная ниже история произошла во Франции, в городе Марселе, много лет тому назад и известна между тамошними жителями как действительный факт. Последствием его было то обстоятельство, что все часы города были переставлены на час вперед.

В окрестности Марселя жил один состоятельный человек по фамилии Валет. Он происходил из старинного рода и женился на дочери марсельского мэра, которая славилась своей красотой и была прозвана «Марсельскою розою». От этого брака родилось две дочери и два сына, и когда дети стали подрастать, семья перебралась в Париж для их воспитания. Там у них образовался большой круг знакомых, и веселая светская жизнь требовала больших расходов. Марсельским помещьем Валета после отъезда владельца стал управлять некто Лебрэн и вследствие частых требований присылки денег притеснял своих подчиненных, чем возбудил в них ненависть к себе. Если бы Валет знал, какою дорогою ценою оплачивается его веселая жизнь, он, вероятно, переменял бы образ жизни, но, ничего не подозревая, он и не думал мнить ее.

Однажды ночью Валет видит сон такого рода: ему является его управляющий, покрытый кровью, и говорит, что он убит возмущившимися крестьянами и что труп его зарыт под деревом, которое он тут же описывает очень подробно. Лебрён просит при этом г. Валета немедленно приехать в Марсель и предать его тело земле по христианскому обычаю, так как

иначе душа его не будет иметь покоя. Сперва этот сон испугал Валета и удивил его своими точными указаниями, но затем он убедил себя, что все это пустяки и не стоит обращать внимания. Через неделю он видит то же: перед ним появляется рассерженный Лебрен и упрекает его за то, что он не исполнил его просьбы. Валет обещает немедленно все сделать, но, с наступлением утра, ему кажется нелепым придавать значение сну, и он ограничивается тем, что пишет своему управляющему. Между тем, видение это снова повторяется, и опять Лебрен повторяет свою мольбу об успокоении его души. В заключение он дает Валету обещание, если он исполнит его желание, предупредить его, Валета, за двадцать четыре часа о предстоящей ему смерти, для того чтобы он не умер неподготовленным. Валет обещал все исполнить и на следующий день поехал в Марсель, где он не был уже в продолжение десяти лет. Семье своей он сказал, что едет туда по важному, неотлагаемому делу.

Оказалось, что Лебрен был действительно убит, и труп его зарыт под деревом на краю леса, как то было указано в видении. Все труды его разыскать убийц были тщетны, но зато он убедился в бедственном положении своих подчиненных и не остался равнодушным к их нуждам. Переезд всей семьи из Парижа в Марсель последовал вслед за его возвращением домой, и Валет снова стал жить в своем имении и сам вести дела.

Прошло восемь лет, и, когда в имении понадобилась перестройка, вся семья переехала в город к отцу г-жи Валет. Сам Валет давно перестал думать об обстоятельствах, вызвавших его переезд, и о бывшем когда-то видении.

Однажды вечером, когда вся семья сидела за ужи-

ном и весело разговаривала, послышался сильный стук во входную дверь. Прислуживающий за столом лакей пошел посмотреть, но никого не нашел. Стук повторился с большею силою, и старший сын Валета сам пошел отворить дверь. Но, как и прежде лакей, он никого не увидел. Когда стук раздался в третий раз и еще сильнее прежнего, Валет вспомнил о бывшем у него видении и встал со словами: «я сам пойду; кажется, я знаю, кто стучит». Когда он отворил дверь, то увидел призрак своего бывшего управляющего, который ему прошептал, что в следующую ночь, в тот же час, т. е. в полночь, он должен будет покинуть мир.

Валет вернулся бледный и расстроенный и, уступая общей просьбе, рассказал о том, что с ним было восемь лет тому назад и что сейчас произошло. Семья страшно перепугалась, жена и дети наперерыв обнимали его и сами в слезах старались его успокоить. Тесть Валета, скептик, хотел повернуть все дело в смешную сторону и вместе с тем старался придумать средство, которое могло бы рассеять вредные последствия страха смерти и, наконец, дал приказание перевести все часы в городе на час вперед. Таким образом, думал он, когда пробьет назначенный час и Валет увидит, что роковой час миновал и что ему не грозит никакая опасность, он успокоится и все дело будет кончено.

На следующий день Валет занялся приведением в порядок всех своих дел, причастился и совершенно подготовился к смерти. Вечером сидел он в кругу своей семьи и прощался с нею, когда вдруг пробило 11 часов. Все молчали. Когда через час начало бить двенадцать, Валет встал и произнес: «да помилует Господь мою душу, час мой настал!» Он ясно слышал бой всех городских часов. «Неужели это был обман?» —

сказал он, наконец, видя, что смерти нет. «Дух обманул тебя, — сказала с насмешкой его теща, — не думай более об этой глупой истории». «Да будет воля Божия! — ответил Валет — я пойду к себе в комнату и буду благодарить Бога за спасение». Данвиль, тесть его, порадовался, что его хитрость так хорошо удалась, и простился с зятем, не подозревая, что прощается с ним навеки.

Приблизительно около часу пробыл Валет в своей комнате, когда вдруг вспомнил, что в одном из шкафов осталась неподписанной одна важная бумага. На пути к шкафу ему приходилось проходить мимо лестницы, ведущей в подвал. Услыша внизу какой-то странный шум, он направился по лестнице в подвал. Как только он туда вступил, чья-то рука вонзила ему кинжал в сердце, и в ту же минуту раздался бой городских часов, бивших час вместо двенадцати, предсказанных призраком.

В подвал дома Данвиля прокрались воры и, когда они увидали, что их могут открыть, они поспешили покончить с несчастным Валетом. Таким образом, они оказались орудием судьбы. (См. «Ребус», 1899 г., №26.)

4. Мысли о смерти. 1) «Разбитый колокол издает неприятные звуки; необходимо его перелить, чтобы он звучал приятно: так и человек чрез грехи пришел в разлад не только с другими, но и сам с собою; и вот, через смерть он преобразуется на лучшее существо, способное к стройной, приятной жизни, которая настанет после всеобщего воскресения мертвых». (Кирилл, еп. Мелитопольский.)

2) «Что для человека всего ужаснее? Смерть. Да, смерть. Всякий из нас не может без ужаса представить, как ему придется умирать и последний вздох

испускать. А как терзаются родители, когда умирают их любезные дети, когда они лежат пред их глазами бездыханные! Но не страшитесь и не скорбите, братья, чрез меру! Иисус Христос, Спаситель наш, Своєю смертью победил нашу смерть и Своим воскресением положил основание нашему воскресению, и мы каждую неделю, каждый воскресный день торжествуем во Христе воскресшем наше общее будущее воскресение и предначинаем вечную жизнь, к которой настоящая временная жизнь есть краткий, хотя тесный и прискорбный путь; смерть же истинного христианина есть не более как сон до дня воскресения или как рождение в новую жизнь. Итак, торжествуя каждую неделю воскресение Христово и свое воскресение из мертвых, учитесь непрестанно умирать греху и воскресать душами от мертвых дел, обогащайтесь добродетелью и не скорбите безутешно о умерших; научайтесь встречать смерть без ужаса, как определение Отца Небесного, которое, с воскресением Христовым из мертвых, потеряло свою грозность». (из кн. *«Моя жизнь во Христе»* прот. Кронштадтского Иоанна Сергиева, т. II, изд. 1. 1892 года, стр. 178).

3) *Живи так, чтобы всегда быть готовым к смерти.* «Видишь, — говорит святитель Тихон Задонский, — что часы заведенные непрестанно идут и, хотя спим или бодрствуем, делаем или не делаем, непрестанное движение имеют и приближаются к пределу своему. Такова наша и жизнь — от рождения до смерти непрестанно течет и убавляется; упокоиваемся или трудимся, бодрствуем или спим, беседуем с кем или молчим, непрестанно течение свое совершает и к концу своему приближается, и уже к концу ближе стала ныне, чем вчера и третьего дня, — сего часа, нежели прошедшего. Так нечувствительно наше житие сокраща-

ется! Так проходят часы и минуты! А когда окончится цепочка и перестанет ударять маятник, не знаем того. Промысл Божий скрыл от нас это, да всегда готовы будем ко исходу, когда ни позовет нас к себе Владыка наш, Бог. Блажен тот, его же Господь обрящет бдяща (Лк. 12, 37). Окаянен тот, кого Он в греховном сне погруженным обрящет!

Этот случай и рассуждение научают тебя, христианин: 1) что время жизни нашей беспрестанно уходит, 2) что прошедшего времени возвратить невозможно, 3) что прошедшее и будущее не наше, но только то, которое теперь имеем, 4) что кончина наша нам неизвестна, 5) следовательно, всегда, на всякий час, на всякую минуту, быть нам готовыми к исходу должно, если хочешь блаженно умереть, 6) отсюда заключается, что христианин в непрестанном покаянии, подвиге веры и благочестия находиться должен, 7) каким кто хочет быть при исходе, таким должен стараться быть на всякое время своей жизни, потому что никто не знает, от утра дождется ли вечера и от вечера дождется ли утра. Мы видим, что те, которые с утра ходили здоровы, к вечеру лежат на одре смертном бездыханными: и те, которые с вечера засыпают, поутру не встают и будут спать до трубы архангельской. А что случается с другими, то же самое тебе и мне случиться может, ибо все подлежат всяким случаям» (Из *«Творений св. Тихона Задонского»*, изд. 2, т. 2, стр. 48).

4) *Для чего сокрыто от нас время нашей смерти?* Св. Иоанн Златоуст, толкуя слова апостола: *день Господень якоже тать в нощи, тако приидет* (1 Сол. 5, 2), говорит: «Если же хотим знать, для чего сокрыт этот день, и почему, якоже тать в нощи, тако приидет, то я, как мне кажется, справедливо скажу вам: никто никогда во всю жизнь свою не стал бы заботиться о до-

бродетели, если бы этот день был известен и не был сокрыт, но всякий, зная последний день свой, совершал бы бесчисленные преступления, и уже в тот день приступал бы к купели, когда бы стал отходить от мира сего». И действительно: если мы, не зная ни дня, ни часа скончания своего, несмотря на страх ожидания его, решаемся на бесчисленные и тяжкие греховные деяния; то на что не решились бы, если бы знали, что еще проживем много лет на земле и не скоро умрем? А так как мы не знаем, когда, в какой день и час умрем, то и должны каждый день так проводить, как бы ожидали ежедневно смерти, и при наступлении дня помышлять: «не сей ли день будет последним днем жизни моей?» И при наступлении ночи говорить самому себе: «не сия ли ночь будет последнею ночью моего пребывания среди живых?» Отходя ко сну ночному, говори себе мысленно: «встану ли живым с ложа моего? Увижу ли еще свет дневной? Или уже сей одр будет гробом моим?» Равно и воспрянув от сна и увидев первые лучи света дневного, помышляй: «доживу ли до вечера, до наступления ночи, или час смертный наступит для меня в течение сего дня?» Помышляя так, проводи весь день, как бы уже готовясь умереть, и вечером, отходя ко сну, исправляй свою совесть так, как бы имел ты в сию ночь предать Богу дух свой. Погибелен сон того, кто заснул в грехе смертном, — небезопасен сон и того, чей одр окружают бесы, выжидая случая увлечь душу грешника в дебрь огненную; худо тому, кто отошел ко сну, не примирившись с Богом, ибо если в том случае, когда мы чем-либо оскорбили ближнего, апостол говорит: «солнце да не зайдет во гневе вашем» (Ефес. 4, 26), то тем более прогневавшему Бога должно заботиться о том, чтобы не зашло солнце во гневе Божиим, чтобы

не уснуть ему, не примирившись с Богом, ибо час кончины нашей неизвестен: как бы внезапная смерть не похитила нас неготовыми? Не говори, человече: завтра примирюсь с Богом, завтра покаюсь, завтра исправлюсь; не отлагай со дня на день твоего обращения к Богу и покаяния, ибо никто тебе не сказал, доживешь ли до вечера».

5) *Смерть, как наказание прародителей за совершение в раю греха, допущена Богом не для одного наказания, но и для пользы, или блага, падшего человека.* Эту мысль развивают, между прочим, св. Феофил Антиохийский и св. Кирилл Александрийский.

Первый говорит: «Бог оказал великое благодеяние человеку тем, что не оставил его вечно связанным грехом, но, как бы осудив в ссылку, изгнал его из рая, дабы он этим наказанием очистил в продолжение известного времени грех и, исправившись потом... мог быть возвращен..., что имеет совершиться после воскресения и суда. Ибо как сосуд, когда после устройства его окажется в нем какой-либо недостаток, переливается или переделывается, чтобы он сделался новым и неповрежденным: так бывает и с человеком чрез смерть, потому что он некоторым образом разрушается, чтобы при воскресении явиться здоровым, т. е. чистым, праведным и бессмертным» (*«Exposit. in Psalm.»* 6. п. 1).

Второй отец церкви говорит об этом следующее: «Смертию Законодатель останавливает распространение греха и в самом наказании являет человеколюбие. Так как Он, давая заповедь, с преступлением ее соединил смерть, и поелику преступник подпал сему наказанию, то и устрояет так, что самое наказание служит ко спасению. Ибо смерть разрушает эту животную нашу природу и, таким образом, с одной

стороны, останавливает действие зла, а с другой, избавляет человека от болезней, освобождает от трудов, прекращает его скорби и заботы и оканчивает страдания. Таким-то человеколюбием растворил Судия самое наказание». (О вочелов. Господа в *«Христ. чтен.»* 1847 г., ч. 3, стр. 171 и 172. Сравн. Григор. Наз. Orat. 38 п. 12, сн. *«Опыт прав. догм. богосл.»*. еп. Сильвестр. Киев. 1884 г., т. III, стр. 494—495).

5. За рубежом земной жизни. (Рассказ.) Хотя я имел надежду на выздоровление, но был уже несколько лет болен, страдая тягостным хроническим недугом, который только время, хороший климат и постоянный уход могли излечить.

А теперь доктора сказали мне, что для ускорения хода моего выздоровления необходима операция.

Хотя родители мои еще были живы, я пребывал один за границей. Ради горного воздуха и особого лечения, требуемого моим расстройством, я жил в Швейцарии, в частном санатории.

Названия кантона и местечка читателю безразличны, да и не в них суть.

Легко себе представить, что сообщение о необходимости операции оказалось не особенно приятным, но бороться с неизбежным было бесполезно. Операция была серьезная. Мои виды на выздоровление — не особенно блестящи с нею или без нее. Поэтому я решил пренебречь риском неудачного или даже рокового ее исхода, так как однообразное существование на положении больного становилось невыносимым.

День, назначенный для операции, приблизился необыкновенно скоро. Заранее я привел все свои дела в порядок, на случай скверного исхода. Операцию должен был сделать известный хирург, профессор университета.

Накануне были закончены все мои приготовления. Поужинав легко в начале вечера, я приступил к длинному посту перед операцией, которую, разумеется, должны были произвести под наркозом. До нее я уже не должен был ни пить, ни есть.

Хотя я и был ослаблен болезнью, однако мне редко приходилось оставаться в постели. Поэтому вечер удалось провести довольно приятно, в гостиной, в беседе со знакомыми — товарищами по несчастью. Но, разговаривая, я воздержался от всякого намека о том, что предстояло завтра.

В десять часов я принял ванну и затем ушел спать немного раньше обыкновенного.

Странно, но я не чувствовал ни беспокойства, ни опасения. Мне пришлось в прошлом перенести пустячную операцию под хлороформом, и воспоминание об этом опыте скорее служило к моему успокоению.

Мой сон был безмятежен, и я проснулся на другой день в восемь часов утра. Стояла зима; день был тусклый и темный: свинцовое небо тяжело нависло над долиной, окрестные горы были затянуты тучами, обещавшими снег. Когда я отворил окно, несколько снежинок проникло ко мне в комнату. День не предрасполагал к веселым думам, и теперь, впервые, я почувствовал, что меня оставляет моя бодрость духа и что-то похожее на беспокойство закрадывается в мою душу.

Однако нельзя уже было терять времени. Надев халат, я принялся умываться и затем вернулся в постель, чтобы дожидаться прихода профессора, которого я еще не видал.

Ровно в девять часов я услышал сдержанный говор в коридоре и шаги нескольких человек, при-

ближавшихся к моей комнате. Шаги двоих из них мне были знакомы. Я различил хромающую поступь главного врача заведения и легкие шаги его молодого ассистента. Другие шаги, твердые и тяжелые, были мне незнакомы.

«Так вот это, должно быть, профессор, который должен меня вскоре оперировать!» — промелькнуло в моей голове.

В короткий промежуток времени, отделявший момент прихода докторов от первого шума их приближения, я старался представить себе, каким окажется профессор, его наружность, манеры.

Но всякие размышления были прерваны резким стуком в дверь.

— Войдите, — сказал я и затем окинул знаменитость внимательным, долгим взглядом.

— Господин В., профессор Рейнхейм, — сказал мой доктор, представляя нас друг другу.

Профессор был высокий, атлетически сложенный мужчина, возрастом около пятидесяти лет. Его довольно длинные волосы были зачесаны за уши. Под массивным лбом с глубокими бороздами, за мохнатыми бровями глядели серые, спокойные, умные и не лишенные доброты глаза. Его челюсть была довольно сильно развита, но рот и подбородок скрывали густые усы и борода.

Я пожал всем руки. Затем профессор принялся меня исследовать, с особенным вниманием выслушивая мое сердце, так как от последнего зависел в большой степени успех операции. Результаты осмотра, должно быть, были удовлетворительны, и, после нескольких вопросов и двух-трех ободряющих слов, знаменитый хирург спустился вниз вместе с другими, чтобы закончить свои последние при-

готовления. Меня должны были позвать через полчаса.

Нервное чувство овладело мною. Возможность смерти под наркозом — всякая операция сопровождается этим риском — не особенно беспокоила меня. Но я теперь находился в состоянии сравнительного физического удобства. Хотя я и был нездоров более трех лет, однако моя болезнь никогда не причиняла мне чувствительного страдания. Мое сердце упало при мысли, что из кажущегося здоровья, без промежуточного приготовления, я буду погружен через несколько часов в состояние сильной физической боли, которое могло продолжаться несколько дней.

Эти размышления, в связи с непривычным постом, повлекли за собою мое настоящее угнетенное настроение. Усилием воли я постарался вернуть себе хладнокровие, мысленно обсуждая положение и размышляя о своем настоящем и возможном будущем.

Мне это настолько удалось, что теперь я мог уже дожидаться призыва с полным внешним спокойствием. Все же мой пульс бился чаще обыкновенного. Секунды этого получаса, казалось, превращались в минуты, минуты — в часы. Но, наконец, приход сестры милосердия, явившейся позвать меня в операционную комнату, прекратил томительное ожидание. Надев халат и туфли, я последовал за нею вниз...

Все обитатели лечебницы или ушли на утреннюю прогулку, или отправились на террасы, чтобы провести на них утро, как это было заведено. Все было совершенно так, как всегда, и чувство одиночества охватило меня, когда мне стало ясно, сколь мало мое предстоящее испытание интересует весь остальной мир. Хотя последнее и было вполне естественно, все-таки бессознательно — равнодушное отношение этих

сравнительно чужих мне людей болезненно отразилось во мне. Однако, я был рад, что, проходя через лестницы и коридоры, мы никого не встретили.

Ко мне в приемную сейчас вошел один из ассистентов. Он пощупал мой пульс: сто ударов в минуту. «Не беспокойтесь, мы дадим вам кое-что для успокоения нервов», — сказал он. Едва эти слова были сказаны, как шприц с морфием уколол мне руку.

Через несколько секунд неподдающееся описанию чувство какого-то отупения и вместе успокоения начало меня охватывать, и возбуждение улеглось. Я стал странно равнодушен и начал думать о том, что должно последовать, с вялым любопытством: как будто мне не предстояло подвергнуться самому серьезной и опасной операции, а присутствовать при интересном научном опыте!

Вслед затем вошел профессор сказать, что пора. Он был одет с ног до головы в белое, и его сильные мускулистые руки, красные от многократного мытья и карболки, были оголены по локоть. Стоя передо мной во всей своей грубой, мужественной силе, одетый в балахон и передник, он мне напоминал атлетического мясника, собирающегося приняться за убой. Это непривлекательное мысленное сравнение вызвало на моих губах насмешливую улыбку, которая удивила даже меня самого. Право, морфий творил чудеса!..

Я теперь находился в светлой, чистой, полной воздуха операционной. Среди комнаты стоял роковой стол, покрытый белоснежным бельем. Рядом были расставлены стеклянные столы с внушительной батареей блестящих инструментов, перевязочных материалов, лоханок; в углу, над газовым рожком, кипели в металлическом ящике другие инструменты.

На отдельном столике я заметил маску для хлороформирования и флажечку-капельник с наркозом. В помещении было очень тепло, и воздух насыщен запахом карболовой кислоты и других сильных снадобий. Вокруг стояли две чистенькие католические монахини, сестры милосердия, главный оператор, его помощники.

Я влез на стол и улегся. Меня накрыли одеялом и урегулировали подвижные части стола, чтобы мне было поудобнее. В следующее мгновение, приказав мне дышать глубоко и равномерно и наложив пальцы на мой пульс, ассистент начал хлороформировать. Первые капли произвели на меня действие сильного удара по носу и почти оглушили. Затем туман опять рассеялся; я почувствовал себя слабым, мне было несказанно гадко и тошно от сильных, захватывавших, проникающих паров наркоза. Они, казалось, прокрадывались в самую середину моего мозга, наполняли мои члены невыразимым чувством слабости и истомы.

Барабаны начали выбивать ритмическую дробь в ушах. Я начал терять свою способность чувствовать, хотя я еще мог слышать и видеть. Сознание затем начало меня покидать. Моя способность мыслить, казалось, была ограничена пространством, величиной с булавочную головку, в самой середине моего мозга. Вдруг я почувствовал, как чья-то рука приподняла мне веко. На мгновение ко мне вернулось сравнительное сознание, я различил операционную; те же лица стояли кругом; до моего слуха стали долетать звуки странного, непрерывно болтающего голоса. Голос спрашивал, кончена ли операция, как она сошла, после чего следовала полнейшая бессмыслица, набор слов на нескольких языках в перемежку. Сначала я

не мог сообразить, кто это говорит, пока вдруг меня осенила мысль, что это я сам и что профессор грозно приказывает мне замолчать и спать...

Опять маску наложили, последний оглушающий удар этих страшных барабанов поразил мой слух, я почувствовал, как все уплывает, последний остаток сознания меня покинул, и все померкло.

Сколько времени прошло до моего вторичного возвращения к сознанию — я не могу сказать.

Но вот, я опять пришел в себя. Странное чувство легкости наполняло мое существо. Я не мог ни видеть, ни слышать, ни чувствовать, я мог только думать, последнее же — с ясностью, никогда не испытанною до того. Это новое ощущение продолжалось не более сотой доли секунды, и в следующее мгновение я опять стал и видеть, и слышать.

Нечто странное и необъяснимое открылось моему взору. Я находился в той же операционной, тут же стояли профессор, его помощники, но было еще другое лицо, которого я раньше не заметил. Оно лежало на столе и казалось болезненно-бледным. Я стал в него внимательно вглядываться с того возвышенного положения, в котором находился. Черты лица казались мне знакомы. Вдруг коченеющее чувство страха охватило меня: я сам был этим человеком, лежавшим там, на столе. Я, или, вернее, мое тело, не подавало признаков жизни.

Полудосадливое, полуогорченное выражение было на энергичном лице профессора. Он стоял рядом с телом и правой рукой щупал область сердца, в левой же еще держал какой-то инструмент. Доктор, который до того хлороформировал, отложил маску в сторону и растерянно перешептывался с другими врачами. Сестры милосердия стояли тут же, не понимая хо-

рошенько, что случилось; одна держала в руках ватные тампоны, другая — лохань.

— Паралич сердца! — сказал профессор. — Это очень скверно, господа, но иной раз не убережешься от подобной случайности, какие меры ни принимай!

Тело же по-прежнему продолжало лежать неподвижно. Глубокий разрез зиял в правой стороне груди. Пинцеты, защемлявшие перерезанные артерии, которые еще не завязали, были на своих местах. Несколько кусочков удаленной кости лежало на боковом столике. Простыни были слегка забрызганы кровью.

Некоторое время я не мог сообразить, что именно случилось, затем страшная правда стала мне ясной: смерть наступила под хлороформом! То, что лежало передо мною, был мой труп. То, что я мысленно называл собой, было мое внутреннее самознание, одним словом, то, что в общежитии принято называть душою.

Во время моей жизни я держался безусловно материалистических мнений. Неожиданное открытие, что существует сознание после смерти, — ошеломило меня, я был к нему так неподготовлен, оно так противоречило всем моим привычным взглядам!

Но вскоре весь ужас случившегося стал слишком подавляющим, и я чувствовал, что не в силах долее глядеть на тяжелое зрелище. Я хотел скрыть от себя картину этого изрезанного тела, лежащего среди чужих мне людей, и печальное, но непреодолимое желание посмотреть на лица, дорогие мне, овладело моей душой. Бессознательно я пожелал перенестись на мою далекую родину, в Соединенные Штаты, в дом моих родителей. К моему крайнему удивлению, настоящая картина растаяла, исчезла, и без сотрясения, но также и без паузы моему духовному взору от-

крылась наша гостиная. Мать моя сидела в любимом кресле и занималась вышиванием, отец читал газету у лампы. Хотя предшествовавшая картина была освещена дневным светом, здесь был вечер. Несколько минут это было мне непонятно, но затем я вспомнил, что так и должно быть из-за огромной разнице в долготе.

Глядя на эту мирную и знакомую сцену, я позабыл на время о происшедшей со мною перемене. Я заговорил с матерью, но мой голос был беззвучен и не произвел на нее никакого впечатления. Сознание неумолимости настоящей действительности вернулось ко мне с удвоенной силой, и я понял, как бесполезны мои старания. Но я не хотел сдаться без борьбы и сосредоточил всю свою волю в одном желании сообщить ей о своем невидимом присутствии. Непокойное, озабоченное выражение проскользнуло по ее лицу, и, обратившись в сторону моего отца, мать заметила, что ее беспокоит, как-то я перенесу операцию и скоро ли прибудет телеграмма с извещением об ее исходе. Отец взглянул на часы и сказал, что надо ожидать депешу через три-четыре часа, но что он лично не сомневается в благополучном окончании. Но моей матери было уже совсем не по себе, и, говоря, что она слишком нервничает, чтобы продолжать рукоделие, она взялась за книгу, но не могла сосредоточиться на ней.

Мне было невыразимо тяжело при мысли, что моих родителей вскоре должно поразить известие о моей смерти и внести горе в их тихую жизнь.

Беспокойное чувство усилилось во мне, и я захотел повидать моего брата. Он был лейтенантом флота и в ту минуту находился с нашей летучей эскадрой где-то в Карибском море, за несколько тысяч верст. Но

я уже успел освоиться немного с моим положением, и расстояние не было более препятствием. За зарождением мысли следовало ее исполнение с быстротою света. Опять декорации переменились, как и раньше, плавно, без остановки или какого-либо толчка.

На этот раз я очутился на капитанском мостике, одного из наших крупных океанских крейсеров. Была безлунная, но тихая, звездная ночь. Кругом, за кормой и носом огромного судна расстилалось безбрежное пространство глубоких, синих вод, переходивших в черное, где горизонт сливался с небом. Темная ширь освещалась лишь нашими отличительными огнями, да искрилась тем фосфористым отблеском, который присущ тропическим морям. Корабль, подвигаясь величественно вперед, оставлял за собой длинный путь сверкающих, серебристых водоворотов и пены, где воду бурлили винты.

Идя экономическим ходом, мы почти что беззвучно прорезали воду; никакое сотрясение не доходило до нашей вышки. По временам звуки глубокой, ритмической пульсации машин долетали в нашу сторону. Черный дым медленно и лениво клубился из высоких труб и тянулся темной полосой на целые мили за нами в тихом воздухе. Волны не было, лишь могучая, никогда не стихающая зыбь океана сообщала огромному крейсеру равномерную качку. Высокие мачты с их боевыми марсами казались маятниками огромных часов.

Мой брат стоял в плаще около штурвальной рубки и глядел вперед. Только одни вахтенные были видны, остальная команда находилась внизу. Я стал напротив брата и опять сосредоточил на нем свои мысли. Вдруг он отступил от фальшборта и провел рукой перед лицом, как будто что-то закрыло его взор. Я заме-

тил, как он побледнел, при свете компасных фонарей. «Не может быть, — пробормотал он, — должно быть, мне померещилось!..» И, постояв в раздумье с минутой, поднял свой ночной бинокль и опять стал вглядываться в даль. Приближение рассвета давало о себе знать острой свежестью в воздухе, так как брат, завернувшись поплотнее в шинель, стал шагать по мостику в молчаливом раздумье... Я долго еще продолжал глядеть на него... Пробило четыре склянки. Через минуту вахту сменили, и мой брат исчез внизу, чтобы предаться заслуженному отдыху.

Я начал терять всякий интерес к вещам этого мира, членом которого я уже более не состоял. Даже сочувствие и любовь к моим самым близким начали испаряться, и я с каждой минутой становился все более и более равнодушным.

Я был невыразимо одинок и страстно желал какого-нибудь общества. Несказанно обрадовался бы я встречи с товарищем-духом, но я был один. Мое отчуждение от всего и всех было полное и окончательное, и сознание его становилось все более и более устрашающим. Я был совершенно покинут в бесконечных пространствах вселенной, совершенно одинок!

Меня начала ужасать мысль о существовании в подобной обстановке годы, столетия, вечность. Это слово «вечность» имело страшный смысл теперь, который раньше был мне недоступен. Я стал понимать до некоторой степени его значение.

Покой был для меня недостижим. Как я желал того забвения, которое я раньше предполагал за гробом и которого я так боялся!.. Нет выхода! Нет спасения от самого себя!.. Дикая мысль самоубийства промелькнула, но тут же я сообразил ее полное бессмыслие и несуразность. У меня уже не было тела, у которо-

го я мог бы отнять жизнь! Ведь я только что его покинул!

Обратиться к Божеству? В своем отчаянии я старался молиться, но мои мысли отказывались слагаться в какой-либо порядок, в какую-нибудь последовательность. Я испытывал умственную муку, какую считал бы раньше невозможной.

Что, если я совершенно заблуждался в своих прежних понятиях?! Что, если, в самом деле, я был все время неправ в своем материализме?! Что, если все то, чему религия меня научила в детстве, было истиной, если мои позднейшие сомнения были следствием какого-нибудь умственного расстройства?! Что, если моя хваленая логика, которою я так гордился, была лишь чадом больного мозга?!

Затем явилась страшная мысль, что мое настоящее состояние, с еще более ужасной перспективой в будущем, было наказанием, ниспосланным мне оскорбленным Божеством, наказанием, выбранным именно мне — неверующему! Как оно подходило к моему случаю!

В моем беспредельном ужасе я опять старался молиться. Мои страдания уже не поддавались описанию. Все завертелось в головокружительном водовороте...

— Сделайте ему еще впрыскивание! Где шприц? — услышал я далекий голос. Затем кто-то раскрыл мне левый глаз, и сквозь облако я различил профессора и своего доктора и понял, что нахожусь в постели...

Я не мог сообразить, что случилось. Моя голова кружилась...

— Ага, зрачок сокращается, он приходит в себя! — продолжал все тот же бодрый, сильный голос. — Ну, как вы себя чувствуете? Довольно скверно, а?

Итак, это был только сон! Я не мог сразу постигнуть правды. Я уже так успел привыкнуть к мысли об оставлении мира навсегда, что это неожиданное возвращение к жизни ошеломило меня.

— Что случилось? — спросил я. Затем я все вспомнил. — Как сошла операция? Была ли она удачна, профессор? — был мой следующий вопрос.

— Вы можете успокоиться, — последовал ответ, — вы отлично перенесли ее и через несколько недель будете на ногах.

Я опять погрузился в молчание.

Реакция была слишком сильна... Затем, по мере того, как сознание все более и более возвращалось, я стал ощущать глухую, подавляющую, все усиливающуюся боль в боку, которая с каждым мгновением становилась все сильнее и сильнее.

Но испытываемое нравственное облегчение было неизмеримо глубоко, и я чувствовал, что могу переносить острую физическую боль с полным спокойствием, почти что с удовольствием.

Мое выздоровление протекло скоро и со временем оказалось полным.

Но яркое воспоминание моего страшного видения — видения ли? — долго оставалось запечатленным в моей памяти, и я до часа моей смерти не забуду те ужасные минуты, которые мне пришлось пережить. («Ребус», 1899 г., №№1—2.)

6. Жизнь по отсечении головы. Уже не раз было говорено о том, что человек, когда ему отрубают голову, не сразу прекращает жить, а что его мозг продолжает соображать, и мускулы двигаться, пока, наконец, кровообращение совсем не остановится и он не умрет окончательно. «*Mutter Erde*» приводит несколько случаев такой смерти из средних веков. Ко-

роль Людвиг Баварский в 1336 г. приговорил к смертной казни Дица фон Шаунбурга вместе с четырьмя его ландскнехтами за то, что они восстали против него и тем нарушили спокойствие страны. Когда приговоренных к смерти привели на место казни, то Диц фон Шаунбург попросил короля поставить их всех в ряд, на расстоянии 8 шагов друг от друга, затем начать с него и отрубить ему голову, по окончании чего он встанет и побежит мимо своих ландскнехтов, и те, мимо которых он успеет пробежать, пусть будут помилованы.

Король, смеясь, обещался ему все исполнить в точности, принимая эту выходку за шутку и в полной уверенности, что человек без головы не может бегать.

Диц фон Шаунбург поставил своих ландскнехтов по порядку одного за другим, самых любимых поближе к себе, сам же встал позади всех и опустил на колени, ожидая смертельного удара. Когда голова его была отрублена, он быстро вскочил на ноги и, пробежав мимо всех своих ландскнехтов, замертво упал на землю.

Ландскнехты были, конечно, помилованы.

Подобный же случай был с одним средневековым полководцем, который спас 8 товарищей, пробежав мимо них с отрубленной головой.

Одна немецкая газета XVII столетия сообщает об удивительном случае, происшедшем в 1528 г. в гор. Родштадте. Одного монаха-проповедника приговорили сначала к отсечению головы, а затем к сожжению его тела на костре. Он обещался после смерти дать какое-нибудь доказательство своей невиновности.

И действительно, после того, как монаху отрубили голову, он плашмя упал на землю и пролежал так минуты 3 без движения; затем он медленно перевер-

нул грудью кверху, положил правую ногу на левую, скрестил руки на груди и больше уже не двигался.

Тело его уже побоялись предать сожжению. («Русск. лист.» 1900 г. №34.)

7. Психология ощущения наступающей смерти. «Мне кажется, что, с уменьшением моей деятельной силы, я делаюсь более духовным. Все делается для меня прозрачным, я вижу типы, основу существ, смысл вещей.

Все личные события представляются мне только частными опытами, только предложениями для размышления, фактами для обобщения их в законы, реальностями для преобразования их в мысли; жизнь представляется мне только документом, который надо растолковать, материей, которую надо одухотворить. Такова жизнь мыслителя; он все более и более обезличивается с каждым днем. Если он соглашается испытывать и действовать, то только для того, чтобы лучше понимать. Если он чего хочет, то только для того, чтобы познать волю. Хотя ему приятно быть любимым, и он не знает ничего столь радостного, но и тут ему кажется, что он только повод для явления, но не цель его. Он созерцает зрелище любви, и любовь остается для него зрелищем. Он не считает даже своего тела своим; он чувствует проходящий чрез себя жизненный вихрь, который дан ему на время только для того, чтобы он мог познавать вибрации мира. Он только мыслящий субъект и удерживает только форму вещей, он не приписывает себе никакой материальной собственности, он требует от жизни для себя только мудрости. Это настрояние делает его непонятным для всего наслаждающегося, властвующего, захватывающего. Он воздушен, как привидение, которое можно видеть, но

нельзя схватить. Я еще не умер, но уже привидение. Люди кажутся мне сновидениями, и я представляюсь им сном.

Категория времени уже не существует для моего сознания, и вследствие этого все перегородки, которые делают из жизни дворец в тысячу комнат, падают для меня, и я не выхожу из первобытного, одно-клеточного состояния. Я знаю себя только в состоянии монады и чувствую, что мои способности вновь возвращаются в ту субстанцию, которую они индивидуализировали. Все выгоды животности таким образом откинута, уничтожено также все то, что дало изучение и культура. Птица вернулась в яйцо, организм в зародыш. — Это психологическое явление есть предварение смерти; оно изображает жизнь загробную, возвращение к тому, из чего я вышел, или скорее укрощение личности, которая, откинув все случайности, существует уже только в состоянии нераздельности, в состоянии точки, в состоянии потенции, в состоянии нуля, но нуля плодотворного. Это ничто есть все...

Что такое желудь, как не дуб, лишенный своих ветвей, листьев, ствола, корней, т. е. всех своих приспособлений, всех форм, всех особенностей, но который сосредоточен в своей сущности, в своей производительной силе, которая вновь может завоевать все, что она отбросила. Это обеднение, стало быть, есть только внешнее сокращение.

Возвратиться к своей вечности это-то и значит умереть, но не уничтожиться, это значит возвратиться к своей потенциальности» (См. кн. «Из дневника Амиеля», перев. с франц. под ред. графа Л. Толстого.)

8. Телесная смерть.

а) В чем состоит телесная смерть, составляет ли

она для человека необходимый закон, откуда и как она произошла и какое значение имеет для человечества?

Смерть телесная есть распадение союза между духом и телом, или отделение души от тела, возвращение последнего в землю, — из которой взято (Быт. 3, 19). При создании человека Бог для образования тела его берет персть земли, мертвое вещество, подлежащее закону разрушения и изменения, как и все вещественное; но это мертвое вещество одухотворяется жизненным началом — душою, которую Бог создал духовною и живою, разумною и свободною, которая с телом составила один живой организм человека. Теперь, если душа — это жизненное начало в организме человека, оставляет его, то человек умирает: тело без души мертво. В Св. Писании смерть представляется под разными образами, которые находятся в соотношении с нравственным состоянием умирающего. В то время как для нераскаявшегося нечестивца смерть представляется царством ужаса, таинственными и мрачными вратами, которые ведут его к праведному Судии для услышания приговора его участи, — для праведника, умершего с раскаянием и надеждою на милосердие Божие, смерть представляется как переход из разрушенной хижины в дом нерукотворенный, вечный, который на небесах (2 Кор. 5, 1), как оставление разрушенной телесной храмины, отшествие из здешней жизни и радостный переход в будущую жизнь (2 Тим. 4, 6—8); как преобразование перстного и смертного сего тела в небесное, нетленное и бессмертное (1 Кор. 15, 40—54), как враг Христа, который истребится Христом (1 Кор. 15, 26). Из этих мест видно, что телесная смерть есть: а) страшное для грешных и радостное для праведных прекращение земной жизни; б) вслед за этой жизнью для

души следует другая, высшая, вечная, которая будет блаженством для одних, мучением для других; в) что смерть будет некогда истреблена. Таким образом, смерть представляется явлением временным и ненормальным.

б) Здесь возникает другой вопрос: откуда смерть, если она есть явление временное и ненормальное, которое со временем должно исчезнуть?

Смерть не есть установленный от Бога закон для человека; смерть, как бы мы ни рассматривали ее, есть зло, а зла Бог не сотворил. Напротив, все сотворенное Богом найдено Им прекрасным: *и виде Бог вся, елика сотвори, се добра зело* (Быт. 1, 31). Уже самый способ создания человека, природа которого, духовная и физическая, образует одно существо — человеческое, показывает, что смерть, как расторжение двух природ его, не входила первоначально в планы Божии. По творческому плану Бога, сущность человеческого существа должна состоять не из одного духа и не из одного тела, но из того и другого вместе, в неразрывном союзе и согласии: *и созда Бог человека персть взем от земли и вдуу в лице его дыхание жизни* (Быт. 2, 7). И Св. Писание ясно показывает, что человек даже и по телу создан для жизни бессмертной, когда говорит о древе жизни посреди рая, вкушая от плодов которого человек и телом был бы безболезнен и бессмертен навсегда (Быт. 3, 19, 22). Несомненно, что плоды древа жизни производили таинственным образом на физическую природу человека самое благотворное действие, предохраняя ее от болезней и процесса разложения, или смерти. Далее, телесная смерть человека не согласна с откровенною идеей о Боге как источнике жизни и света. Бог не есть Бог мертвых, но живых (Лк. 20, 38).

Затем из первой заповеди, данной нашим прародителям в раю, видно, что смерть не есть неизбежный закон для человека: если бы она была законом, то его нельзя было бы избежать. Между тем, Сам Бог, давая заповедь нашим прародителям (Быт. 2, 17) о невкушении от древа познания добра и зла под угрозой смерти, тем самым показывает, что люди могут избежать смерти, если они будут исполнять данную им заповедь. Так всегда понимала эту заповедь и Православная Церковь. Так, напр., в 123 правиле карфагенского собора (418 г.), постановления которого имеют силу наряду с постановлениями вселенских соборов, сказано: *признано всеми епископами карфагенских церкви, представшими на св. собор, яко Адам не смертным от Бога сотворен. Аще же кто речет, яко Адам, первосозданный человек, сотворен смертным, так что, хотя бы он согрешил, хотя бы не согрешил, умер бы телом, т. е. вышел бы из тела, не в наказание за грех, но по необходимости естества: «да будет анафема».* Подобную же мысль выражает блаженный Августин, когда говорит: *между христианами, содержащими истинно-кафолическую веру, признается несомненным, что самая даже смерть телесная постигла нас не по закону природы, потому что Бог не сотворил для человека смерти, но вследствие греха.* Наконец, та истина, что смерть не есть естественное явление, подтверждается, кроме того, и фактами из истории жизни человеческой. Она показывает, что смерть для всех людей, за исключением немногих новозаветных праведников, представляется чем-то ужасным, чем-то таким, что противоречит всей нашей духовной и физической организации. В продолжение всех веков из уст людей слышатся жалобы, что нет на земле никого несчастнее человека, который, несмотря на

свою сильную жажду жизни, должен однако умирать. Величайшие ветхозаветные праведники страшатся одного представления смерти (Пс. 88).

Далее, смерть противна совести, потому что совесть требует беспредельного совершенствования, недостижимого в этом мире, — воле, которая хочет жизни и деятельности тела и духа, — сердцу, которое способно к вечной привязанности к предметам любви, разлука с которыми невыразимо терзает его, — разуму, для которого смерть представляется величайшею загадкой, делающею невозможным понять и признать соотношение между нашею природою и ее назначением. Таким образом, еще раз повторим, что смерть не могла входить в творческие планы Бога при создании человека. По воле всемогущего и премудрого Бога вся телесная организация человека, если бы он остался святым, могла бы все более и более утончаться, просветляться и усовершенствоваться и, наконец, дойти до такого духовного тела, которое явилось у Иисуса Христа по Его воскресении, тело Которого не нуждалось ни в пище, ни в питье и не было в тесной зависимости от пространства и времени. Подобные примеры можно находить еще в вознесениях Еноха и Илии. Наконец, новозаветное учение о воскресении мертвых и изменении живущих пред Страшным Судом очевидно приводит к истине, что смерть не необходима. Поэтому мнение тех, которые утверждают, что смерть есть действие жизненного процесса, неизбежный закон человеческой природы, ввиду сказанного, не выдерживает никакой критики. Так, например, рационалисты, опираясь на исследования строения земли геологами, которые в различных напластованиях предшествовавших человеку формаций находят бесчисленные остатки погребен-

бенных в них живых тварей, утверждают, что смерть существовала в мире и прежде грехопадения людей, что геологические исследования уничтожили понятие о смерти, как о наказании за грех. Что можно сказать против этого? Прежде всего то, что все выводы геологов о строении земли, о продолжительности и последовательности периодов в образовании ее нужно принимать не как безусловную истину, а как гипотезу, более или менее вероятную. История всех наук, кроме математических, показывает, что то, что в одно время считалось за непреложно истинное, в другое время, другими учеными, при новых, более точных и верных исследованиях отвергалось как ложное. Но затем, против указанного вывода, который делают рационалисты из исследований геологов относительно смерти как закона природы, а не как наказания за грехи, должно сказать то, что все подобные открытия геологии никоим образом не подрывают той библейской истины, что смерть есть наказание за грехи. Это потому, что смерть есть *наказание за грех только человека*, а не всех живых существ, населявших и населяющих землю. Только человек есть разумно-нравственное существо и за свое преступление мог быть так или иначе наказан, например, смертью; далее, только одному человеку была предложена заповедь с угрозой подвергнуться смерти за нарушение ее; только тело человека было принято в теснейший союз с духом человеческим, созданным по образу Божию, ограждавшему самое тело от тления, — наконец, только один человек получил в плодах древа жизни средства против болезней и смерти тела. Относительно животного царства ничто подобное не имеет места и нигде в откровенном учении не говорится, что и животные предназначены к бесконечной жизни

по телу. Подвергаясь закону видоизменения чрез разложение или разрушение составных частей и сочетание в новые соединения, животные должны были умирать, или подвергаться всеобщему закону вещественного мира. Правда, эта смерть животных, до грехопадения Адама и Евы и проклятия земли, не могла представлять собою ничего ужасного. «На земле, не пораженной проклятием, твари, теряя отдельное бытие, возвращались бы в общую жизнь природы или из одних форм бытия переходили бы в другие, путем совершенно безболезненным, не таким, каков настоящий, страшный и зловонный путь тления и разложения тел, но путем, сообразным с первобытной красотой и гармонией природы, подобно тому как, напр., и ныне земляной червь преобразуется в крылатую бабочку или ладан, брошенный на огонь, возвращается в общую жизнь природы в благоуханиях».

Если, таким образом, смерть не есть неизбежный закон людей, то спрашивается: откуда и как она произошла?

Слово Божие, к которому мы теперь, как и всегда, должны прежде всего обратиться, показывает нам, что смерть есть естественное наказание за грех наших прародителей, наказание, сначала постигшее их самих, а затем и все происшедшее от них человечество.

Мы сказали, что смерть есть наказание, и притом естественное, т. е. такое, которое само собою вытекало из совершенного первыми людьми греха как его прямое следствие и сопровождалось неизбежным лишением их средств для бессмертия и по телу (т. е. возможности вкушения от плодов древа жизни). Что она является для человека наказанием за грех, это ясно видно из угрозы за нарушение заповеди: в день, в ко-

торый ты вкусишь от него, смертью умрешь (Быт. 2, 17). Сюда же относится и распоряжение Божие об изгнании Адама из рая и об удалении его от древа жизни, плоды которого сообщали ему бессмертие по телу (Быт. 3, 22—23). И ап. Павел учит: возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 6, 23). Но смерть, как мы сказали, есть наказание естественное, которое само собой вытекало из природы греха падшего человека, а не было искусственно установлено Богом.

Если педагог дает своему воспитаннику наставления не вкушать незрелых плодов под опасением болезни, то очевидно, что не он устанавливает болезнь наказанием за послушание со стороны воспитанника, но эта болезнь есть естественное следствие, вытекшее из устройства его организма и только опытным наставником предусмотренное и предупрежденное.

Таков характер естественного наказания.

Из сказанного ясно, что не Бог причина смерти, а *грех человека произвел смерть*, или смерть произошла вследствие злоупотребления свободой человека, которую неизменяемый Бог не мог отнять, раз дав ее человеку.

Бог только установил строгое соответствие между грехом и смертью, которое только в том случае должно было обнаружиться, когда грех был бы совершен. В противном случае, эта связь греха со смертью для людей, если бы они до сих пор оставались святыми, не была бы, по всей вероятности, известна, как и многое другое, что находится в планах Божиих; но, всматриваясь в это соответствие греха и смерти, мы не можем не поражаться глубине премудрости и благости Божией, установившей в смерти, как естественном наказании за грехи, могущественное средство,

при помощи которого человечество делалось способным к принятию спасения и могло снова возродиться к жизни. Смерть есть дело величайшей премудрости Божией, ибо что другое, кроме смерти, может уничтожить греховную деятельность человека, состоящего из души и тела? Только разобщение тела от души, т. е. смерть, может лишить человека того органа, при помощи которого главным образом грешил человек, того телесного состава, который и сам, проникнутый грехом во всех частях — в плоти и крови, располагал человека ко греху. Самое возникновение в душе первых людей греховного желания произошло не без посредства тех органов тела, при помощи которых человек вступил в непосредственное отношение к миру: зрения (похоть очес) и плоти вообще (похоть плоти). Лишение телесного состава, что происходит в смерти и чрез смерть, избавляет человека от множества греховных движений, пороков и страстей. Дух человека, оторвавшись от телесной оболочки, лишается своего важнейшего греховного орудия. В телесной смерти человека, полное существо, жизнь и деятельность которого состоит из души и тела, заключено премудростью Божиею и великое преимущество человека пред бесплотными духами — *на случай грехопадения его*.

Первый грешит на земле по преимуществу телом, по крайней мере, и для духовных страстей человека материалы доставляются от мира и плоти; с прекращением жизни в теле прекращаются греховные стремления и возникновения новых грехов; вторые, бесплотные духи, из которых некоторая часть по своему грехопадению сделалась злыми духами, будучи по своему существу одной духовной природы, которая умирать не может, грешат духовными грехами, которые продолжаются вечно и способны к бесконечному

развитию. Вот почему грех диавола, возникший раз и не подавленный им, развивался постепенно и достиг такой страшной степени зла, при которой сделалось невозможным обращение к Богу. Кроме того, грех человека, будь он даже чисто духовного происхождения (например, зависть, гордость и т. п.), болезненными переменами в теле, которые являются как следствие его, и, наконец, смертью ослабляется и не доходит до сатанинской степени зла; грех же диавола, не встречая преград ни в болезни, ни в смерти, развивается до бесконечности; для первого возможно спасение, для второго — нет.

в) *Смерть есть величайшее дело милосердия и любви Божией к роду человеческому.* В самом деле, что стало бы с человеком, если бы он, не получив заслуженного им наказания после нарушения заповеди Божией, оставался навсегда жить? Не повлияла ли бы на него самым губительным образом надежда на безнаказанность? Нет сомнения, что он стал бы все смелее и смелее совершать грехи и, наконец, дошел бы до такой нравственной порчи, до такого восстания и ожесточения против Бога, до которого ниспал некогда светлый, высокий, бесплотный дух, сделавшись потом сатаной.

Но, получив в свой удел болезни и смерть как наказание за грех, человек смирился пред Богом и признал над собою карающую десницу всемогущего Творца.

Вместе с тем при краткой, хотя и греховной жизни он не мог прийти до такого нравственного падения, которое сделало бы для него невозможным принять и усвоить ту спасительную помощь, которая ему некогда будет подана премудрым и всеблагим Богом. Таким образом, смерть, как естественное наказание за грехи, тесно связана с плана-

ми Божиими о спасении людей. Ее вступление в историческую жизнь рода человеческого, происшедшее не по воле всеблагого Бога и не составлявшее для людей естественного закона, сделалось в руках премудрого Промысла, после грехопадения человека, самым сильным средством как к уменьшению количества грехов, так и самым могущественным препятствием к бесконечному их развитию (Рим. 6, 7).

9. Смерть — только метаморфоза

«Кто здесь страдал, боролся,
Как друга, смерти ждет —
Она ему свободы
Святую весть несет».

Все мы со страхом относимся к смерти, что доказывается и обычным восклицанием, невольно вырывающимся у нас при известии о чьей-либо кончине: «Ах, бедный, он умер!» — говорим мы, внутренне радуясь от сознания, что «мы еще живы», а тот «несчастный перестал жить». От умирающего скрывают, что «час» его настал; близкие тщательно оберегают его покой, неосторожным словом боясь намекнуть на предстоящий его переход «туда». Высшее наказание, налагаемое на преступника — «отнятие у него жизни».

Посмотрим, насколько мы правильно относимся к тому, что обойти не во власти нашей. Посмотрим, не сами ли мы, — кто от страха вдумываться в этот «ужасный вопрос», кто по легкомыслию, — добровольно отворачиваемся от «просветов», время от времени пропускающих, хотя и слабые, а все же лучи, сквозь густую «завесу», отделяющую от глаз наших следующую стадию нашего бытия, то есть от «лучше-

го мира», о близости к нам которого большинство из нас и знать ничего не желает. В самом деле, нельзя не удивляться беспечности, с какою почти все мы относимся к самому важному вопросу: жить или не жить после смерти? Только тогда, когда удар судьбы отнимает у нас дорогое нам существо, в тоске своей по нему мы впервые начинаем задавать себе вопросы: «Где теперь он или она?.. И в самом деле, существует ли *не-что* за пределами гроба?.. Быть может, все кончено?.. И никогда, по всей вероятности, мы не увидимся?! Но, впрочем, кто знает, быть может, и не все со смертью кончается?.. А если не все здесь на земле кончается, если «душа» переживает тело свое, то каким путем убедиться в бессмертии, а главное, в том, что дорогое существо, продолжая жить, помнит нас и там?..» И вот, начинается искание. И открывается истина тем, кто сам идет ей навстречу, зорко вглядываясь в «лучи света», которых вовсе не так мало, и не столь они редки, как мы полагаем. Пусть искренние искатели только постараются прислушиваться, присматриваться к намекам, служащим доказательством тесной связи того мира с нашим. Чем зорче мы будем присматриваться, чем пристальнее станем прислушиваться к этим намекам, тем скорее удастся нам убедиться в великой истине того, что земля служит только первой ступенью к индивидуализации нашего вечного я.

В поисках истины прежде всего следует понять, что мы напрасно привыкли относиться слишком метафизически к «сути», оживляющей наш бренный организм. «Суть» эта вполне *реальное* существо, одаренное формой и волей; но, принадлежа по своей крайне эфирной вещественности к предметам настолько тонким, что они не могут быть уловимы нашими земными пятью ограниченными чувствами, она усколь-

зает от нашего зрения, как и многое другое, чего мы не видим и не слышим и что, тем не менее, существует в природе. «Суть» эта *самостоятельно и более полной жизнью живет* после отпадения от нее грубо-материального тела, стеснявшего ее волю, ее движения. Выделившись из брэнной оболочки, приспособленной только влачить свою жизнь, ползая по земле, «суть» оказывается живущей в иной степени бытия, во всех отношениях более полной, более интенсивной, нежели земное ее существование.

Проникнувшись тем, что «суть» реальное существо, имеющее образ и одаренное волей, мы не будем так скептически улыбаться, если нам удастся видеть ее проявления в тех случаях, когда она найдет нужным и возможным так или иначе доказать нам свою близость и тем дать полную уверенность в своем загробном существовании, *в чем, главным образом, и состоит цель экс-человеков* (т. е. умерших людей), когда они видимо или осязательно проявляют нам себя.

Во все времена экс-человеки являлись в человеческой форме. По *их* уверению, они *могут* стать нам иногда видимыми, употребляя на то правила своих законов, нам, земным, неизвестных. Хотя экс-человеки находятся с нами в постоянном общении мы, однако, ничего о их близости не подозреваем, пока не наступит час видимого доказательства тесной связи их с землей, по разным причинам продолжающей их притягивать.

Одни, по своей материальности, еще тяготеют к грубым ее радостям и не могут подняться до более высоких, более духовных радостей, пока им еще недоступных. Других около нас держит их привязанность к нам. Лучшие из них, то есть те, кто «там» уже достиг известного духовного совершенства, *получают мис-*

сию к близким своим, пока еще живущим на земле. Приведу примеры, наглядно объясняющие дивную метаморфозу, которую принято называть смертью.

Экс-человеки, а также и сомнамбулы, говорят о тройственности нашего существа: 1) видимое, земное тело; 2) внутренний эфирно-вещественный организм; 3) «дух» — божественная бессмертная искра, *вечное начало*, оживляющее все существо. С отпадением грубо-материального, видимого нам тела внутренний эфирный облик его остается, говорят они, связанным с «духом», образуя по-прежнему его отличительную характеричность, составляя его индивидуальность, обособляя его я.

Наделенные *особым*, внутренним зрением люди, которых принято называть «медиумичными», или чуткими к «сверхчувственному», иногда, видя больше, нежели большинство из нас, наглядно убеждаются в превращении, происходящем в существе человека в момент смерти, когда внутренний духовный организм выделяется из умирающего, отжившего свой век тела. Известный ясновидец А. Дэвис (A. I. Davis) обладает способностью самопроизвольно впадать в транс (сомнамбулический сон). В момент давно им ожидаемой смерти старушки, близко знакомой ему, погрузив себя в трансовое состояние, при котором человек получает возможность видеть «очами неземными», он мог наблюдать за выделением из умирающего тела парообразного вещества, вскоре сложившегося в образ, молодой и прелестный, хотя во всем схожий с чертами лица умирающей старушки. Этот новый облик, полный жизни, постепенно выделившись из брэнного тела, еще держался за него тонкой световой струей. С последним вздохом порвалась и эта последняя связь неземного с земным. К рассказу

об этом дивном видении своем Дэвис прилагает рисунок: из темени умирающей выделился молодой облик, ноги которого как бы еще не вполне образовались и сливаются *со струей чего-то*, что еще соединено с головой земного организма.

Издатель «Borderland'a» г. Стэд (Stead) печатает в своем журнале несколько случаев *наглядного доказательства* выделения «сути» в момент отпадения от нее земной ее «скорлупы». Вот один из таких случаев:

«Это было письменно сообщено мне одной моей знакомой писательницей, до той поры не имевшей никаких религиозных убеждений. Сидя возле кровати умирающего, нежно любимого ею младенца, ее племянницы, она мысленно говорила себе: «Если в самом деле в человеке есть душа, если действительно существует «будущее», — да будет дано мне увидеть, как жизнь уходит из этого маленького, дорогого мне существа!..» Ребенок вздрогнул всем телом... Последний вздох вырвался из его груди. Он был мертв. Но в эту самую минуту пораженная удивлением тетка его увидела, что сероватое, туманное облачко выделилось из головы младенца и, постепенно приняв форму и черты умершего ребенка, этот более нежный, более эфирный его облик, плавно поднявшись к потолку, исчез из вида».

Письмо свое она закончила так: «Поверите вы или не поверите моему рассказу, мне это будет совершенно безразлично, так как *теперь я знаю, что у нас есть душа: я ее видела!*»

М-р Стэд продолжает: «А вот еще такой же случай; о нем несколько лет тому назад на митинге сообщила женщина-врач:

«Я знаю, что принято говорить: «Я верю в продол-

жение существования за гробом...» Что касается меня, то я *видела* «душу», отделившуюся в минуту смерти от своего тела!»

Эти слова были встречены сомнениями; но она спокойно и уверенно продолжала:

«Не так давно в мое лечебное заведение привезен был совершенно мне незнакомый человек, недуг которого настолько уже подточил его организм, что я сразу решила, что нет ни малейшей возможности излечить его. Протянув еще день-другой, больной угасал на моих глазах, пока я стояла возле его кровати, погруженная в тяжелые думы единственно только о том, что я не в силах ничем помочь несчастному.

Когда все кончилось и последний вздох вылетел из груди умершего, я еще простояла несколько минут у его койки, размышляя о том, что следовало бы уведомить его родных о его кончине, как вдруг почувствовала чье-то присутствие возле себя. Обернувшись в сторону этого ощущения, я была поражена как громовым ударом, увидя рядом со мной стоящее совершенное подобие только что умершего человека. Облик этот как бы не замечал меня. Он смотрел на свой труп с выражением недоумения, удивления и как бы досады. Я тоже повернулась к трупу, глядя на безучастное, тупое выражение его лица. Затем опять посмотрела в сторону двойника, но его уже не было; тем не менее, теперь я знаю, что *видела* «душу» человека!»

Ближайшие слушатели рассказа, женщины-врачи, примолкли на несколько минут. Затем одна из них презрительно улыбнулась и, обращаясь к рассказчице, сказала:

— Вы, надо полагать, спиритуалистка — не так ли? В ответ ей она сказала:

— Нет, я не спиритуалистка. Но с того момента, как

я своими глазами узрела «душу», жизнь получила для меня совершенно новый смысл и значение».

Далее г. Стэд приводит еще следующий рассказ г-жи С., муж которой недавно умер.

«В апреле удушье еще более усилилось, и положение больного моего настолько внушало опасение за его жизнь, что я не ложилась спать, проведя ночь около его постели. Однако, к полуночи он почувствовал некоторое облегчение. Взбив его подушки повыше, я помогла ему улечься, после чего он крепко заснул почти что в сидячем положении, а я уселась в отдаленной от его кровати части комнаты, тщательно спустила абажур на лампу и принялась за книгу, время от времени отрываясь от чтения, наблюдая за каждым движением моего мужа.

Таким образом я просидела до рассвета. Мой дорогой страдалец продолжал спать спокойно, как дитя. Потушив лампу, я потихоньку, на цыпочках, вышла из комнаты, чтобы кое-чем распорядиться по хозяйству. Вскоре, вернувшись, я была поражена странным положением больного, скатившегося с подушек и плашмя лежащего на матраце. Ощупав сердце и пульс, я убедилась, что они перестали биться, что наступила смерть... В сильном горе я металась по комнате, громко говоря: «О, дорогой мой! Как мог ты покинуть меня, не сказав мне ни единого слова?..» Еще не вполне веря его смерти, я обращалась к нему, как к живому, бросаясь то сюда, то туда. Дойдя до окна, я повернулась в глубь комнаты и, о удивление! — немного выше головы безжизненного тела я ясно увидела — что бы вы думали? — радостно смотревший на меня и полный жизни другой облик моего умершего дорогого друга, но напоминавший лучшие годы его молодости, только несравненно красивее, живее и сияющий

теперь неземным восторгом. Он казался просветленным!.. Находясь приблизительно в пятнадцати дюймах расстояния от головы умершего, этот живой облик соединялся с этой теперь безжизненной головой, как бы вырастая из нее. Изумленная, но не испуганная явлением, я ни на секунду не теряла присутствия духа и только спрашивала себя: — «Не иллюзия ли это? Быть может, это галлюцинация?.. Я хочу знать, правда ли это или только обман чувств?» С этой целью я подошла к окну, открыла его и посмотрела на улицу; затем опять повернулась в сторону кровати... И опять увидела дорогое, радостью сияющее лицо, с устремленным на меня спокойным взором, полным выражения удовлетворенности, доходящей до восторженного, священного экстаза.

Поверите ли вы, если я скажу, что и тут я все еще продолжала сомневаться: трогала свой пульс, подходила к безжизненному телу, все еще спрашивая себя — не жертва ли я собственного воображения?.. Но, куда бы я ни шла, эти глаза следовали за мной и в выражении любимого лица, столь мне знакомого, я читала: — «Вот видишь — смерть не уничтожает сознания! Я все тот же и все так же люблю тебя!»

Получив, наконец, полную уверенность, я почувствовала избыток благодарности, душевного подъема и успокоения от совершенного теперь убеждения в том, что я действительно видела «душу» моего мужа и в том, что он получил право и возможность рассеять мои сомнения. От полноты сердца уста мои заговорили, и я воскликнула: «Дорогой мой, я вижу, я узнаю тебя! Смерти нет! Спасибо тебе, что ты не без приветов оставляешь меня!.. Уходи теперь и жди меня там».

По выражению ласки, озарившей этот одухотво-

ренный лик, я видела, что он меня слышит. Но постепенно, как бы тая, облик исчез, и я вернулась к сознанию действительности и пошла делать распоряжения, объявив прислуге о кончине хозяина дома. Возвратясь в комнату, я увидела, что теперь передо мной лежал только бездыханный труп».

Такие очевидные доказательства выхода «сути» из своей земной оболочки должны служить средством отучать нас от ложного страха смерти, открывая нам совершенно иное, *правильное понимание* этого дивного превращения, совершающегося в свое время в существе каждого из нас. Не с ужасом, а с *любовью* должны мы думать о моменте перехода нашего в загробную жизнь. И в самом деле, «там» нет ни холода, ни голода, ни физических болезней, ни всякого рода разочарований, ни разлуки: все это только земле присущие достояния; там, по изображению св. ап. Павла, уготованы всем святым столь великие блаженства, что око не видело, ухо не слышало, и на сердце не приходило то, что уготовал Бог любящим Его. Чего же в сущности боимся мы? Мы боимся неизвестности, часто вовсе не веря в существование продолжения жизни после смерти бренного тела. *Нас страшит небытие*. Во всех нас вложена любовь к жизни, а поэтому смерть, в момент которой мы в большинстве случаев наглядно не можем уловить разъединение души с телом, *представляется нам концом* всего нашего существа.

Но вот являются веские факты проявлений, доказывающие, что, помимо видимого нам мира, действительно существует, и совсем рядом с нами, иная сфера бытия, неуловимая нашими органами чувств, но которая время от времени *врывается* в нашу область с целью напомнить нам о том, что жизнь наша беско-

нечна и что она, после совершившейся в существе нашем *перемены*, продолжается, но уже в более усовершенствованных условиях бытия.

Доказательства эти даются нам различными путями, но все эти пути исходят из одной и той же области, обитатели которой, время от времени и при удобных к тому условиях, стараются нам, погруженным в материальный мрак понятий о вещах, напоминать о лучшем мире, гражданами которого неминуемо станем и мы.

Один из *просветов*, дающий нам средство заглянуть «туда», это сомнамбулизм. В сущности, человек представляет собой такого же «духа», как и обитатель лучшего мира, с той только разницей, что мы еще *отягчены* своей грубо-материальной скорлупой. Те из нас, которые обладают свойством засыпать «высшим сном», т. е. сном сомнамбулическим, или трансовым (что одно и то же), в *этом* состоянии настолько, отчасти, «духом» своим находятся на рубеже следующей, *внематериальной* стадии бытия, что в это время как бы омертвения тела они получают возможность кое-что видеть и кое-что слышать в области сверхземной, о чем они иногда говорят в сонном своем состоянии. *На рубеже двух миров* сомнамбулы находятся потому, что, вследствие глубокого обморока, их тело, находясь в состоянии, близком к полусмерти, до известной степени, дает временную свободу «духу», который тогда может слышать и видеть *кое-что* в области сверхземной. Находясь в таком состоянии раздвоения, человек-сомнамбула иногда делается ясновидящим и яснослышающим. Смотря по меньшей или большей его способности впадать в состояние «абматериальное» (по терминологии д-ра Жибье), т. е. смотря по степени

временного отделения «сути» сомнамбулы от своего земного, грубо-материального тела, он находится в большем или меньшем соприкосновении с *иным* миром. Некоторые сомнамбулы видят только земные, сокрытые от большинства людей предметы, например, могут определить гнездящуюся в человеке болезнь и иногда давать средства против недугов, как бы получая высшее знание вещей. Некоторые могут «сутью» переноситься на большие расстояния и, видя, что там происходит, давать нам вести о далеких наших друзьях, письма которых вскоре *подтверждают* сказанное сомнамбулой во время оцепенения его тела. Иные говорят *от себя*, видя много больше духовными очами. Во время сомнамбулического усыпления человек становится *выше* своего нормального состояния; нередко он тогда говорит, а иногда и пишет (медиумы) о вещах, неизвестных ни ему самому, ни присутствующим людям, а потому о «внушении» ему мыслей окружающими его личностями не может быть и речи. Все экспериментаторы этой интереснейшей области «духа» человеческого непременно натываются на *двойственность человеческого существа*, на основании которой они делают свои выводы о вечности человеческого «духа» и о его существовании отдельно от земного тела после смерти сего последнего.

Разоблачения сомнамбул в главных чертах все сходятся между собой, но каждый субъект говорит своим языком, своими словами и насколько каждому доступно выразить виденное и слышанное ими в сверхземной сфере. Передать вполне точно касающееся неземных вещей им бывает трудно, что, впрочем, не должно удивлять нас, если мы понимаем, что наши слова могут выразить только земные вещи, земные

чувствования, для которых слова эти только и приспособлены.

Вот, для примера, беседа с сомнамбулой:

«Случай видения духовного мира» (перевод с немецкого). Автор статьи пастор Вернер (Werner). Разговор происходит между ним и его субъектом Р.2

Вернер. Вы говорите, что магнетический сон близок смерти или схож с нею. Можете ли объяснить мне, что общего между ними?

Р. Могу. Магнетический сон тем подобен смерти, что «душа» выходит из тела совершенно одинаковым способом. Как это совершается, я не могу сейчас точно объяснить вам. Могу только картинно представить свои ощущения. В моем *теперешнем* состоянии я отношусь к телу моему, как к *жилищу души*, в окна которого, при бодрственном, нормальном состоянии, я могу выглядывать то в одно, то в другое его окно. В сомнамбулическом состоянии чувствую, что душа моя *вышла* из «дому» и за собой притворила дверь своего обиталища; поэтому я теперь вижу вас и тело свое так, как третье лицо видит группу лиц, постороннюю от себя. Стою по вашу левую сторону и смотрю на вас и на свое собственное тело, сознавая себя отдельным существом от вас и от него.

В. Разве после смерти это так бывает?

Р. Совершенно так. Разница только в том, что тогда возвращение в тело уже невозможно: «дверь» совсем закрыта. Но так как «дух» никогда не обходится без «души», быв с нею связан наподобие души с телом, то вполне *восстать* он без нее не может... А «душа» не так легко отделяется от тела, как «дух», который по существу своему божественен; только вследствие усилий «душа» оставляет тело, имея с ним много сродственного. *Любя* тело, *тяготая* к нему, она, покидая его,

уносит за собой его свойства (не всегда возвышенного качества), потому что свойства эти сжились, сроднились, срослись с нею воедино, составляя как бы одно с нею.

В. А не можете ли вы объяснить, каким образом дух и душа связаны с телом?

Р. Постараюсь. Душа — это *внутреннее чувствилище* человека. Посредством ее дух выражает свою деятельность. Он дает ей импульс, чтобы внешним образом она выразила его проявления: но для того, чтобы душа могла наружными органами проявить действие духа, необходимо нечто, что служит проводником, приводящим в движение тело и придающим ему жизненность. Это очень тонкое вещество, составляющее часть души; оно вместе с нею пропитывает и наполняет все самые мельчайшие частицы земного тела и служит связью ее с ним.

В. Не есть ли это так называемая «нерво-психическая сила»?

Р. По мысли это верно. Это то, что телу дает жизненность и силу для действия. Но не в имени дело.

В. Куда же после смерти человека девается эта «нерво-психическая» сила?

Р. Исходя из самой сути души, сила эта, вследствие ее постоянного воздействия на тело и близкого к нему соприкосновения, более сродственна становится телу. Она служит средством для внешнего выражения побуждений «души» через органы тела. Когда душа покидает тело, это тонкое вещество следует за ней. Если бы оно оставалось в теле, это последнее сохраняло бы свою жизненность, несмотря на то что душа его оставила. Примером тому служит теперешнее состояние моего земного тела. После смерти тела «*нерво-психическая сила*» постепенно теряет свою грубость,

почерпнутую ею из материального организма, и, наконец, она совсем *изнашивается* душой, предназначением имеющая окончательно и всецело слиться с духом, достигнув одинакового с ним просветления.

В. Но зачем же силе этой оставаться при душе?.. Какую обязанность исполняет она после смерти тела?

Р. Она продолжает составлять принадлежность души и, хотя несравненно тяжелее и грубее ее, а все же она не поддается земному зрению нашему. По переходе в новое свое состояние душа ведь не сейчас же может освободиться от этой грубоватой частицы своей: каждая душа с собой захватывает долю земных своих свойств и стремлений, почему этой нерво-психической силой влечется, придерживается к покинутой земле. Души, еще очень земные, любят облекаться в нерво-психическую силу и посредством ее придают себе некоторую материальность. При помощи только вещественной субстанции они могут *сделать себя видимыми, слышимыми* для обитателей земли. Посредством этой силы они производят и звуки в земной атмосфере.

Умирая, человек уже не страдает, потому что главные пункты соединения тела с душой порваны предсмертной болезнью; подергивания в лице и членах тела происходят вследствие *стараний духа выделить*ся из своей земной скорлупы, которая при этом *машинально* содрогается, наподобие того, как вздрагивает и ежится отжившая шкурка червяка тогда, когда она *стаскивается* живою ее *содержимостью*, готовящеюся выскользнуть из этой уже омертвевшей оболочки, *дававшей ей образ червяка*, покинув которую, тот же субъект является в новой форме, в образе кокона, унесшего с собою «жизнь». С окончательным уходом из нее *жизни* шкурка червяка перестает ше-

вельтесь, так как в движение приводило ее то, что из нее вылупилось.

Превращение червяка в кокон, а затем кокона в бабочку, конечно, только *слабое подобие великой метаморфозы*, превращающей земное существо в экс-земное, а все же это *намек*, служащий нам наглядным доказательством того, что с переменной в оболочке индивидуальная жизнь не прекращается. Все живущее на земле проходит ряд превращений, из которых смерть есть высшая и последняя метаморфоза, совершающаяся в пределах земной области. Дальнейшие перемены продолжают совершаться в индивидуе уже за гранью нам доступного и служат к большей и большей одухотворяемости человека, получившего жизнь для достижения полного блаженства, но посредством собственных о том стараний на земле, при условии живой веры в Бога и Господа нашего Иисуса Христа, надежды на Него и пламенной любви к Нему и нашим ближним, а также при условии живого единения с Православной Церковью Христовою.

Итак, нормальный процесс превращения человека в экс-человека совершается безболезненно, но при насильственной смерти или при смерти от утопления, когда болезнь не подточила связи тела с душой, *разрыв* между ними, по крайней мере, в момент, предшествующий наступлению смерти, должен сопровождаться страшными муками, конечно, тела, а не души, так как душа физических болей испытывать не может.

1) События, совершающиеся в среде людей, не понимающих всего величия явления, особенно знаменательны, когда действующими орудиями являются маленькие дети, как, например, и следующий случай, происшедший в среде совсем безграмотных людей.

В 1892 году в числе нашей деревенской прислуги жила некая Анна Стузина, при которой находился ее сын Коля, которому еще не было четырех лет. На Анне, молодой и здоровой крестьянке, лежала вся черная работа в доме, и жила она в одном помещении с кухаркой Макаровной, полюбившей Колю и всегда рассказывавшей мне о том, как он «не по годам смышлен». Из этих рассказов вытекало, что большеглазый, с пухлыми розовыми щечками Колюшка был преисполнен «житейскою мудростью» и, несмотря на свой нежный возраст, умел уже хитрить, льстить, когда это ему было нужно. Чтобы выманить сладкий кусочек, он, ласкаясь, шептал кухарке: «Макавна, я маму не люблю! Я люблю тебя!» И сердце бездетной Макаровны таяло, и перед мальчиком, очень склонным, вообще, к чрезмерной еде, являлась чашка с творогом или кусочек жареного мяса. То же самое проделывал Коля и с матерью: когда хотел у нее выманить что-либо, то целовал ее, уверяя, что «Макавна не холосая, а мама холосая», и что он ее, маму, одну только и любит.

Все это я рассказываю для характеристики Коли. Любуясь, бывало, на здорового, красивого ребенка, я думала: «этот долго проживет! *Такие* дети не умирают — это комочек ходячей материи!» А на деле вышло, что Колюшка, проболев только одну неделю, в ту же осень перешел в иной, лучший мир. Сначала болезнь казалась не опасной, но Анна, не послушав моего совета, позволила сыну, скучавшему в постели, идти играть в кухню, где пол каменный и холодный, и наружная дверь беспрестанно оставалась неплотно затворенной, пропуская свежий воздух с улицы, и ребенок еще более простудился и окончательно слег, заболев горлом. За два дня до смерти своей Ко-

ля сказал своей матери: «вон *дуса*, видись, мама!» — «Где, сынок?.. Какая душа?» — спрашивает удивленная Анна. — «А вон летает!.. *Она* из насих — я ее не боюсь!» — отвечает Коля и пальцем указывает к потолку.

Услышав от Макаровны о видении маленького больного, я велела Анне еще раз спросить Колю об этой «душе», а сама встала за дверью, так что Коля меня видеть не мог, а я сквозь щель двери могла за ним наблюдать.

Анна, ставшая теперь ласковее к своему ребенку, прилегла к нему на свою большую кровать, где он лежал, и, поглаживая его, спросила: «Сыночек! душа-то все еще тут?» — «Нет, она улетела!» — отвечал Коля; но вдруг мальчик улыбнулся и, указывая пальчиком вверх, радостно воскликнул: «А вот, она опять прилетела! Она холосая!.. Видись, мама?»

Является вопрос, откуда мог Колюшка почерпнуть мысль о летающей над ним душе?!. А также и о том, что «*она из наших*», то есть что это *не чужое, а близкое к их семье существо?!* Уж, конечно, ни Анна, ни Макаровна не могли внушить ему понятия о летающей душе, так как ни та, ни другая религиозностью не отличались, и мальчик от них мог научиться только бранным словам, которыми эти женщины, обе задорного характера, друг друга частенько угощали, ссорясь из-за самых ничтожных причин... и вдруг — такое видение!.. Ребенок этот целыми часами занят был едой; мать, которая им тяготилась, была довольна, когда Коля, удобно усевшись на низенькую скамеечку у стены в кухне, всецело погружался в поглощение большой порции каши с молоком. Поэтому, когда мальчику явился *светлый посланник, получивший*, как надо думать, *поручение* присутствовать при пробужде-

нии Коли в их мире, для меня стало ясно, что ребенок непременно умрет.

2) В следующем проявлении одной недавно умершей особенно ясно видна намеченная цель — покинутому на земле мужу ее дать веское доказательство того, что она продолжает существовать и что проявилась *именно она*. В 1874 г. в Париже умерла сестра моего мужа, Екатерина Андреевна Ш-ская. В то время в нашем губернском городе Симбирске проживала одинокая старушка, г-жа Узатис, пользующаяся покровительством и некоторой помощью со стороны гг. Ш-ских, но, по слабости зрения, а главное — по плохой своей грамотности, не состоявшая с ними в переписке и потому не знавшая о недавней кончине г-жи Ш-ской.

Однажды в сумерки г-жа Узатис видит кого-то входящего к ней в комнату. — «Это ты, Ариша?» — спросила она, думая, что это пришла женщина, прислуживавшая ей, но, не получая ответа, старушка стала вглядываться в приближающуюся к ней особу и, узнав вошедшую, пошла ей навстречу, радостно воскликнув: «Голубушка моя, Екатерина Андреевна, давно ли вы приехали?!» — Но та, к которой относились эти слова, попятилась немного назад от распростертых рук старушки, почти касавшихся ее, и вдруг исчезла. Видение свое г-жа Узатис тогда же рассказала нескольким лицам, описывая, в каком костюме ей «почудилась» Е. А. Ш-ская: «...Широкий, распашной серый капот, отделанный малиновым... На голове белый чепчик...»

Некоторое время спустя муж покойной, имея поместье в нашей губернии, проездом через Симбирск, навестил г-жу Узатис. Когда она стала ему

рассказывать о том, что, не зная еще о смерти его покойной жены, видела Е. А., вошедшую в комнату, где никого, кроме самой г-жи Узатис, не было, и стала описывать одеяние покойной, Ш-ский резко остановил старушку:

— Тут, во всяком случае, не все верно! — сказал он. — Правда, покойную одели в серый шелковый капот, действительно, отделанный малиновым, который я, по ее желанию, купил ей незадолго до ее кончины, но она носила его всегда с кушаком, купленным при капоте, и умершая была им, конечно, подпоясана. Если предположить, что, действительно, это она вам явилась в том именно одеянии, в котором ее положили в гроб (чепец тюлевый, действительно, был на нее надет), то на ней непременно должен бы быть и кушак!..

— Уж не знаю, почему она явилась мне без кушака, но я видела ее в капоте, который не был подпоясан и широко развевался на ней! — стояла на своем г-жа Узатис.

Вернувшись в Петербург к своей осиротевшей семье, переехавшей туда после кончины матери, г-н Ш-ский, которого все-таки поразило то, что его покойная жена показалась в том приблизительно костюме, в который ее одели уже мертвую, обратился к горничной, бывшей при Е. А. до самой последней минуты ее жизни:

— Дуняша, капот, в который ты одела покойную, был с кушаком, и ты им, конечно, подпоясала ее, не так ли? — спросил он.

Немного оторопев, Дуняша отвечала:

— Да, кушак, действительно, был... Но... я забыла надеть его на Е. А... Я была так растеряна, что позабыла о кушаке... Пожалуйста, простите меня!

— Где же этот кушак?! — более и более удивленный, спросил г. Ш-ский.

Дуняша пошла в комнату, где хранились сундуки с вещами, и принесла именно тот малиновый шелковый шнур с кистями, составлявший принадлежность хорошо знакомого г-ну Ш-му капота, приобретенного им самим по желанию уже почти умирающей жены, вдруг пожелавшей иметь новое платье, временно почувствовав некоторое улучшение, как это бывает с чахоточными.

В то время я была в Петербурге и рассказ этот слышала от самого г. Ш., находившегося тогда под первым впечатлением этого факта, сильно поразившего его.

Подробности туалета в этом случае имеют огромное значение. Явись Е. А. Ш-ская в каком-либо знакомом г-же Узатис платье, г. Ш. мог бы подумать, что старушка заснула и во сне видела его покойную жену. Но в том-то и дело, что *о сером капоте, именно распашного фасона*, и, главное, об отсутствии кушака г-жа Узатис ничего не знала. Эти детали туалета проявившейся г-жи Ш. послужили верным доказательством (дали «test», как выражаются англичане) появления именно этой отшедшей. Кушак, как ничтожен он ни был сам по себе, *сыграл большую роль* в жизни г. Ш., взгляды которого внезапно получили другой оборот, и умер он, вполне веря, что индивидуальная жизнь не имеет предела.

Кстати, упомяну о том, что за несколько дней до своей кончины г. Ш. предсказал день и час своего перехода в иной мир, объясняя это тем, что его «Катя» обещала ему (он видел ее во сне) за ним прийти именно тогда-то; и что, по-видимому, покойная исполнила свое обещание, потому что, радостно про-

изнеся ее имя, умирающий испустил свой последний вздох.

Для тех, кто живет внешней жизнью, кто исключительно занят обыденными предметами, *все это* покажется «чепухой», на которой не стоит останавливаться ни единой секунды. Пусть они так думают до поры, до времени. Настанет и для них «час», когда мысли их примут *более духовный оборот* и они перестанут считать «вздором» все то, что не относится исключительно к вопросам о хлебе насущном и о земном благополучии.

Прочитав о явлении покойной Е. А. Ш-ской, читатели в праве возразить.

«Почему же, вместо того чтобы проявиться старушке Узатис, она не показала себя своему мужу, самому ей близкому человеку на земле?.. Почему не детям своим?..»

Всех условий своей сферы бывшие экс-человеки не открывают нам, так как *многое должно оставаться тайной для нас*, говорят они. Однако, из того, что им *дозволено* сообщать нам, мы знаем, что стать видимыми они могут только тем из нас, кто одарен способностью, которую мы называем медиумичностью, т. е. той особой чуткостью, дающей возможность улавливать, или воспринимать, проявления экс-человеков. Нет сомнения в том, что покойная Е. А. Ш-ская имела самое горячее желание показать себя своему мужу и что цель ее проявления была, так или иначе, подействовать на сознание г. Ш., но что на него, *не одаренного* способностью чувствовать присутствие неземных существ, она не имела возможности, *не в силах была прямо воздействовать*, а потому *избрала иной путь*, явившись г-же Узатис, обладающей даром воспринимать проявления «оттуда»,

и таким путем, хотя бы косвенно, заявить ему о себе и об иной жизни.

Что до того, почему Е. А. не показала себя своим детям, то ведь она не хуже нас понимала, насколько детским рассказам вообще мало придают значения, не доверяя их правдивости. Покажись она своим детям, старшие сказали бы, что «это им почудилось», и строго запретили бы им повторять «такой вздор», боясь, чтобы «воображение детей не расстроило нервы их» и вообще не подействовало бы на их здоровье.

Проявления сенситивности и связанных с нею фактов ясновидения в среде безграмотных людей, *торжественностью своих откровений*, служат лучшим подтверждением явлений, по временам врывающихся в нашу тусклую земную область, чтобы напомнить нам о существовании рядом с нами страны, где все повинуетя закону любви, в высшем ее значении.

3) Село Шишмарево, тянущееся вдоль узенькой речки на четыре версты, недавно еще принадлежало моим родственникам Б-м. В стороне от крестьянских домов, на окраине села, в келье своей, жила Матрена Ильинишна, престарелая крестьянка, с юных лет добровольно отказавшаяся от замужества, посвятив себя служению своей семье. Впоследствии, похоронив всех своих близких, она стала помогать всем, кто нуждался в заботе. Добрые дела ее стали известны, так как в деревне трудно скрыть их. Сначала к ней за советом приходили из окрестных сел и деревень, а потом стали приезжать и издалека. И не одни простые люди искали у Матрены Ильинишны нравственную поддержку, так как она была настоящий «врач души»: каждый уходил от нее утешенный, или, по крайней мере, успокоенный. Постепенно в М. И. развилась *прозорливость*, усилившаяся с годами, в ущерб ее физиче-

ским силам, в особенности зрению; ослабевшее земное тело, еще при жизни, до некоторой степени давало свободу ее душе, освобождая ее от своих пут, позволяя ей провидеть обстоятельства посещавших ее лиц и предсказывать им будущее; подтверждавшиеся предсказания ее еще более упрочивали ее репутацию — «угодной Богу». Сам помещик, а также и местный священник охотно навещали мудрую старушку, просиживая у нее часок — другой, беседуя о религии и удивляясь ее природному уму, когда она толковала не только о молитве, но и о житейских делах своих почитателей и знакомых. Матрена Ильинишна имела и видения. Она предсказала священнику этого села близкую его кончину, и он являлся к ней после смерти, беседуя с нею о своем новом состоянии. Предсказала она и смерть самого владельца этого имения. Но я хочу рассказать об одном случае ее сновидения.

В барской усадьбе села Шишмарева умирала давно уже жившая на покое старушка-экономка Еликонида Маркеловна. Три дня уже она была без языка и лежала с закрытыми глазами; только редкое дыхание доказывало, что жизнь в ней не совсем еще угасла. Вдруг приходит племянница Матрены Ильинишны, прислуживающая ей, и, подойдя к умирающей, поклонилась ей в пояс, а затем проговорила: — «Тетенька приказала поздравить вас с приходом дорогих гостей — Божьих светлых посланников!» Умирающая медленно приподняла веки, три дня уже сомкнутые, и, к удивлению присутствующих, отвечала: «Спасибо!.. Вижу!» — Затем она вновь впала в забытие и вскоре испустила дух. Присутствовавшие при этом сами мне об этом рассказывали.

Теперь являются вопросы: что же это за посланники?.. Зачем пришли они?.. Откуда могла бы выдумать

их эта крестьянка, не будь она ясновидящей, и если бы присутствие *миссионеров*, ожидавших момента перехода души этой в их область, не было наивернейшей, наивеличайшей из истин. Если б в действительности не существовали «посланники», зачем придумала бы их эта богобоязненная, набожная старушка, которая малейшую неправду считала великим проступком перед Всевышним? Откуда эта тождественность откровений, если б все было только плод воображения? Неужели это «одни бабьи бредни?» Эти повторяющиеся «проблески», по смыслу своему всегда одинаковые, разве не *служат они ярким лучом света* среди мрака, в котором мы живем, вдруг озаряющим мысль тех из нас, чей интеллект способен воспринять, уловить этот свет. Повторяю: я бы очень желала, чтобы господа материалисты на некоторое хотя бы время отложили свое высокомерие, дали себе труд поразмыслить, а затем добросовестно ответить на вопрос: почему во всех концах земли, среди самых различных общественных положений, в хрониках почти каждой семьи найдутся воспоминания о явлениях, подобных тем, что я имела возможность наблюдать?.. Конечно, собирание таких *фактов* требует немало настойчивости и любви к делу, но ведь оно стоит не меньше внимания и затраты времени, чем какой-нибудь микроб или фибр в организме насекомого, над изучением которых так усидчиво трудятся гг. ученые. Ведь речь идет о продолжении нашего бытия и за пределами земной жизни, а решение этого вопроса в положительном смысле со стороны корифеев науки совершенно изменило бы воззрения большинства, нравственный уровень которого, вследствие полнейшего неверия в будущую жизнь, вызванного односторонним объяснением законов природы этими

самыми учеными, — в настоящее время настолько невысок, что иных стремлений у них нет, кроме желаний ублажать свои физические и корыстные побуждения. Разве редко приходится слышать: «какая охота, какая необходимость ломать себя и думать о так называемом «ближнем»?! К чему ваше пресловутое самоусовершенствование?! Зачем я стану ломать себя и заботиться о духовной стороне своей, которая рано или поздно должна же погибнуть, так как со смертью все кончается!» Совершенно иначе, с удесятеренной энергией зажило бы новое поколение, если б впереди оно видело разумную цель для борьбы со своим эгоизмом!

Пусть бы отрицатели бессмертия нашего «я», напр., г. Битнер, вынужденный признавать явления, но, *не долго думая* над их глубоким смыслом, бесповоротно решивший, что они все объясняются телепатией и силой электричества, насыщающего организм человека (подумаешь, что до г. Битнера никто до этого не додумался!), — и что вскоре можно будет совсем откинуть всякое участие «духов» при этих явлениях, — пусть бы он одним электричеством, одной телепатией, т. е. *одними этими неразумными* силами, без участия мыслящих существ, орудующих ими, *только* объяснил бы нам — откуда старлица Матрена Ильинишна взяла «светлых посланников» и почему она, живя за две версты от барского дома, не за два дня и не за день, а именно почти *в момент смерти* старой экономки прислала свою племянницу поздравить ее с приходом дорогих гостей? Почему умирающая, несколько дней уже лежавшая, как живой труп, могла открыть глаза и сказать, что она «видит их»?

Гг. «Битнеры» *авторитетно* утверждают, что «со смертью все, все кончается», и полагают, что имеют

разумное право одним взмахом пера решать вопрос, *в который никогда серьезно не вникали* и не давали себе труда заглянуть «по ту сторону медали», занимаясь исключительно внешней ее стороной. Нельзя же отвергать факт только потому, что он нам не нравится, а главным образом потому, что мы еще не можем вместить его. Зачем уподоблять себя известному астроному, не хотевшему признавать падения аэролитов, так как-де «с неба падать не может ни камень, ни железозо»? (Извлеч. в сокращ. из «Ребуса», 1899 г., №№ 13—17; 19—21; 23—24; 26; 28—30; 45; 47.)

Глава 3

Рассказы о явлениях душ умерших людей, удостоверяющие в бытии загробной жизни

1. О явлениях душ по разлучении их с телом, по Священному Писанию. Так как продолжение существования души по разлучении ее с телом и ее бессмертие есть несомненная истина, так как Сам Спаситель утвердил ее против не признававших ее саддукеев, то уже по этому одному возвращение отшедших душ и явление их живущим на земле людям, по допущению или повелению Бога, вполне возможны и не представляют ничего невероятного. У иудеев, современных Спасителю, вера в это возвращение и это явление была всеобщей. Иисус Христос предполагал ее уже как несомненную и никогда не говорил ничего такого, из чего бы можно было заключать, что Он не одобрял или осуждал эту веру. Он только учил, что духи, являясь, не имеют ни плоти, ни костей, как имел их Он по Своем воскресении: *дух плоти и кости не имеют, якоже Мене видите имуща*. Если св. Фома усомнился в воскресении своего Учителя и в действительности Его явле-

ния, то усомнился он в этом единственно потому, что знал, что часто явления духов бывают только кажущиеся, мнимые, что часто люди, слишком занятые какими-нибудь мыслями, воображают, что видят и слышат то, чего на самом деле не бывает; и если бы Иисус Христос явился Своим ученикам не в теле, никакой другой образ явления не мог бы доказать им истинности Его воскресения; дух может являться и тогда, когда его тело находится в земле или уже само превратилось в землю. Апостолы не сомневались в возможности явления духов: увидев Спасителя, идущего к ним по водам озера Геннисаретского, они думали сначала, что видят дух. Евангельский богач, находясь в адских мучениях, просит Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тот предостерег его братьев от опасности подвергнуться тому ужасному состоянию, в каком он сам мучится. Следовательно, он несомненно верил, что души умерших могут возвращаться в мир, являться людям и говорить с ними.

Во время преображения Иисуса Христа на Фаворе явились Моисей и Илия, умершие несколько столетий тому назад, и вели разговор со Христом. По воскресении Спасителя восстали многие давно умершие лица и явились многим в Иерусалиме.

В Ветхом Завете царь Саул обращается к волшебнице аэндорской и просит ее вызвать дух Самуила; Самуил являлся и говорил с Саулом. Мы предвидим те бесчисленные возражения, которые представят против этого рассказа. Но являлся Самуил или нет, действительно вызывала его волшебница или же его явление было только кажущееся, мнимое, во всяком случае из этого события мы можем заключать, что иудеи верили, что души умерших могут являться людям и открывать им сокровенное и будущее.

Блаженный Августин писал Симплицию в ответ на его рассуждение об этом предмете: «Каким образом Самуил мог быть вызван посредством волшебства, понять это так же трудно, как и то, каким образом диавол может говорить, каким образом он мог искушать святого мужа Иова, или просить позволения совершить свои козни против апостолов, или каким образом он мог Самого Христа перенести на кровлю храма Иерусалимского». «Должно полагать, что дух Самуила действительно был вызван и объявил Саулу имевшее с ним случиться не вследствие силы заклинания или власти диавола, но единственно по воле и допущению Бога».

Августин прибавляет к этому: «Можно даже думать, что не Самуил, а только призрак, произведенный обманом и силою демона, являлся Саулу. Если же Св. Писание называет этот призрак именем Самуила, то в этом случае оно следует тому свойству обыкновенного человеческого языка, по которому часто именем действительных предметов называют то, что на самом деле есть только их образ или представление».

«Если же спросят, каким образом этот призрак мог открыть будущее, возвестить Саулу его близкую смерть, то да позволено будет нам отвечать на это таким вопросом: каким образом диавол мог узнать в Иисусе Христе истинного Бога или каким способом девушка, о которой рассказывается в Деяниях апостольских, узнала в апостолах посланников Бога?»

В заключение св. Августин говорит, что он не понимает надлежащим образом предмета, о котором идет речь, и потому отказывается произнести решительное суждение о том, может ли диавол посредством силы заклинания вызывать души умерших, так

чтобы они являлись в телесном образе и способны были говорить и открывать сокровенное и будущее.

Первосвященник Ония, спустя несколько лет после своей смерти, являлся Иуде Маккавейскому в образе мужа с поднятыми вверх руками, молящегося за народ Божий. Вместе с ним явился Иуде также давно уже умерший пророк Иеремия. Ония при этом сказал Иуде: «Вот святой муж, защитник и покровитель своих братьев, неусыпно ходатайствующий за народ Божий в за святой город Иерусалим». При этих словах Иеремия обратился к Иуде и, вручая ему золотой меч, сказал: «Прими этот меч как дар Божий; им ты сокрушишь врагов моего народа — Израиля».

Во второй книге Маккавейской рассказывается следующее: во время сражения Иуды Маккавея с Тимофеем, начальником войска сирийского, явились вдруг пять мужей; они были на богато убранных лошадях и стали во главе иудейского войска. Два из этих мужей неотступно сопровождали Иуду Маккавея в битве и своим оружием защищали его, а на врагов его метали стрелы и молнии и таким образом ослепляли их и устрашали.

Эти пять вооруженных всадников, которые сражались за израильтян, были, очевидно: Маттафия, отец Иуды Маккавея, и четыре его сына, все в это время уже умершие; ибо из семи сыновей Маттафии в то время оставались в живых только три: Иуда, Ионафан и Симон. Можно также принять этих мужей за ангелов, посланных на помощь Иуде Маккавею. Достоинство книги и свидетельство целого войска ручаются за подлинность этого явления.

Из всего сказанного очевидно, во-первых, то, что Иудеи не сомневались в возможности возвращения на землю душ умерших и верили, что они действительно

являются и открывают людям много такого, что превышает обыкновенное человеческое разумение; во-вторых, то, что возможность и действительность этих явлений утверждается Св. Писанием. — Моисей запрещает вопрошать мертвых²: *да не обрящется в тебе (во Израиле)... вопрошаяй мертвых.*

Души усопших, конечно, являются и могут являться на землю не по своей собственной воле, а только по повелению и допущению Божию. Бог повелевает и допускает им являться только для каких-нибудь особенных, достойных Его целей. Если бы они могли являться по своему собственному произволу, в таком случае их явления были бы, конечно, гораздо чаще, чем как есть на самом деле; в таком случае, конечно, мало нашлось бы между ними таких, которые бы не стали являться на землю по разным личным побуждениям, из побуждения, напр., родственного чувства, из желания свидания со своими близкими и пр. — Такое мнение высказывает блаженный Августин, говоря о своей матери, св. Монике, которая его так нежно любила. Евангельский богач непременно бы посетил своих братьев и родственников, чтобы известить их о той несчастной участи, которая постигла его в загробной жизни. Но Бог по Своему милосердию и всемогуществу позволяет являться душам усопших только очень редко. Поэтому ко всему тому, что говорят и пишут о явлениях усопших, должно относиться с большой осторожностью и осмотрительностью.

2. Явления отшедших душ, представляемые церковной историей. 1) Блаженный Августин признает, что часто умершие действительно являлись живым людям, указывали им места, где были зарыты их тела без должного погребения, и просили для них такого погребения. При этом он замечает, что часто во

храмах, в которых похоронены были умершие, слышен бывает шум, и что часто видали, что мертвые входили в дома, в которых они жили на земле.

2) В ту ночь, когда умер Юлиан, св. Василий имел видение, что св. мученик Меркурий получил от Бога повеление умертвить Юлиана. Вскоре по получении этого повеления св. Меркурий опять явился к Василию и сказал: Юлиан смертельно ранен. Наутро св. Василий объявил об этом народу.

3) Св. Игнатий, епископ Антиохийский, после своей мученической кончины в 107 г., являлся своим ученикам, приветствовал их и оставался с ними долгое время. Когда они начинали усердную молитву, св. Игнатий являлся им, увенчанный короною и облитый светом, как воин, вышедший победителем из опасного сражения.

4) По смерти св. Амвросия, в ночь, когда крещены были оглашенные, многие из новокрещенных детей видели св. епископа и указывали на него своим родителям, но те не могли видеть его, потому, как говорит св. Павлин, (ученик этого святителя, написавший его биографию), что глаза их не были достаточно чисты для этого. Св. Павлин прибавляет, что в день смерти св. Амвросия он явился многим св. мужам на востоке, молился вместе с ними и возлагал на них руки. Когда прислано было известие об этом с востока в Медиолан, оказалось, что день явления святого на востоке был действительно днем его смерти. Письмо это сохранилось до времени св. Павлина, который сообщает обо всем этом. Много раз видели св. епископа уже после его смерти на молитве в так называемой Амвросианской церкви, которую он обещал еще при жизни посещать. Во время осады Медиолана св. Амвросий явился одному гражданину и обещал ему на другой день по-

дать помощь осажденным. Один слепец, узнав в видении о прибытии в Медиолан тел св. мучеников Сизиния и Александра и увидев при этом видении епископа Амвросия выходящим навстречу этим св. телам, обратился к нему с молитвою о возвращении ему зрения. Амвросий отвечал: иди в Медиолан, там встретишь моих братьев, они придут туда очень скоро и даруют тебе зрение. Слепец отправился в Медиолан, в котором прежде ни разу не был, и, прикоснувшись ко гробу свв. мучеников, прозрел. Рассказ этот св. Павлин записал со слов самого исцеленного. Жития святых наполнены подобными явлениями, и много книг можно бы написать о них.

5) Эводий, епископ Упсальский, друг св. Августина, был также убежден в действительности явлений умерших и передает некоторые примеры этих явлений. Эводий говорит: «Имеет ли душа, по отделении от тела, какое-нибудь тончайшее тело, в котором она является и посредством которого может переменять места? Не имеют ли сами ангелы какой-нибудь телесной оболочки? Если они бестелесны, то как можно определить число их? Как мог Самуил явиться Саулу, если бы он не имел никакого тела? Я помню, как Профутурус, Приватус и Сервиций, которых я знал еще в монастыре, явились мне после своей смерти и говорили со мною, и все сказанное ими исполнилось. Являлись ли мне их души, или это был какой-нибудь другой дух, принявший их образ?» Эводий полагает, что души усопших не совершенно бестелесны, так как один только Бог есть чистейший дух.

Но Августин, к которому Эводий обращался с указанными вопросами, не допускает, чтобы душа, и по отделении от тела, соединена была с какой-нибудь материальной субстанцией. Впрочем, он сознается, что

очень трудно найти объяснение для многого, происходящего в нашей душе как в бодрственном, так и в сонном состоянии, когда мы видим, слышим, ощущаем и делаем то, что, очевидно, может быть вызвано в нас только влиянием действительных предметов, — трудно именно потому, что дух не заключает в себе ничего материального. И как возможно, продолжает он далее, объяснить такие вещи, как явления отшедших душ, — когда мы многого и из нашей обыкновенной, обыденной жизни не в силах объяснить?

6) Св. Сульпиций Север однажды, находясь вдали от города Тура, погрузился в легкий сон. Во сне явился ему св. Мартин в белой одежде, с сияющим лицом и глазами и пурпуровыми волосами; Сульпиций узнал его. Св. Мартин держал в руке книгу, в которой Сульпиций Север описал его жизнь. Сульпиций пал к ногам его, обнял его колени и просил его благословения, которое святой и дал ему. Когда св. Мартин поднялся на воздух, Сульпиций Север увидел, что с ним возносится на небо также и ученик его, священник Кларус. В эту минуту Сульпиций пробудился и увидел подле себя мальчика, своего слугу, который объявил ему, что из Тура пришли два монаха и принесли известие, что св. Мартин умер.

7) Церковь свято чтит день открытия мощей св. Стефана, первого христианского мученика. Оно случилось в 415 г. таким образом: в Иерусалиме одному священнику, по имени Люций, который обыкновенно спал в церковном притворе, где совершался обряд крещения, для охранения священных сосудов, во сне явился Гамалиил, учитель апостола Павла до его обращения, и сказал ему, что тело его и тело св. Стефана, первого мученика, погребены в Кафаргамале, предместьи Дилагабиса. Видение повторилось три раза. И Иоанн, па-

триарх Иерусалимский, бывший в то время на соборе в Диосполисе, отправился к указанному месту, открыл святые мощи и перенес их в Иерусалим, где при этом произошло от них много чудес.

8) Св. девица Поталина, принявшая мученическую смерть в Александрии, являлась после своей смерти очень многим и обратила многих ко Христу. В особенности она являлась одному воину, Василию, защитившему ее от насилия черни в то время, как она шла на смерть. Однажды, явившись, она возложила венец на главу Василия; по ее наставлению он принял крещение и венец мученический.

9) Явление Богоматери прп. Сергию. Однажды глубокой ночью преподобный Сергий совершал свое келейное правило и пред иконой Богоматери пел акафист, что он делал, по своему обычаю, ежедневно. Часто взирал он на святую икону и усердно молил Матерь Божию о своей обители. «Пречистая Мати Христа моего, — взывал святой старец, — ходатаица, заступница и крепкая помощница рода человеческого! Буди и нам недостойным ходатаицей — присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призрит Он милостиво на святое место сие, посвященное в похвалу и честь Его святого имени навеки! Тебя, Матерь сладчайшего моего Христа Иисуса, призываем на помощь, рабы Твои, ибо Ты имеешь великое дерзновение у Сына Твоего и Бога! Будь же всем спасительное упокоение и пристанище!»

Так молился преподобный; его чистое сердце горело благодатным пламенем, его смиренный ум весь погружен был в молитву, и он, как дитя, в простоте души беседовал с пречистой Матерью всех, возлюбивших чистым сердцем Ее Божественного Сына.

Окончив молитву, он сел для отдохновения: но вдруг его святая душа ощутила приближение небес-

ного явления, и он сказал своему келейному ученику, преподобному Михею: «Бодрствуй, чадо: мы будем в сей час иметь чудесное посещение». Едва сказал он это, как послышался голос: «Се, Пречистая грядет!..»

Тогда старец встал и поспешно вышел в сени; здесь осиял его свет паче солнечного, и он узрел преблагословенную Деву, сопровождаемую апостолами: Петром первоверховным и Иоанном девственником — Богословом... Не в силах будучи вынести этого чудного сияния и неизреченной славы Матери Света, преподобный Сергей пал ниц; но благая Мать прикоснулась к нему рукою и ободрила его словами благодати: «Не бойся, избранниче Мой, — изрекла Она, — Я пришла посетить тебя; услышана молитва твоя об учениках твоих; не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоём к Богу Я неотступна буду от места сего, и всегда буду покрывать его...» Сказала так и — стала невидима...

Вострепетал старец от страха и радости; несколько минут был как бы в восторженном состоянии, а когда пришел в себя, то увидел, что ученик его Михей лежит на полу без сознания: великий наставник мог видеть Царицу Небесную и слышал голос Ее; ученик же, пораженный ужасом, не в состоянии был видеть все и видел только свет небесный...

— Встань, чадо мое, — кротко сказал старец. Михей пришел в чувство, поднялся, но тут же упал к ногам пр. Сергия. «Скажи, отче, Господа ради, — говорил он, — что это за чудное видение? Душа моя едва не разделилась от тела...»

Но Сергей и сам еще не мог говорить от душевного волнения, только лицо его цвело небесною радостью.

«Подожди, чадо, — сказал он ученику, — и моя душа трепещет от этого видения».

Когда, наконец, старец несколько успокоился, то послал Михея пригласить двоих благоговейных мужей из братии — Исаакия молчальника и Симона еkkлeси-арха. Те поспешили на зов своего старца-игумена, и он рассказал им все, что сейчас было у него в келье. И все вместе совершили они молебное пение Богоматери, а прп. Сергей всю ночь провел без сна, внимая умом Божественному видению, которое было венцом его подвигов еще здесь, на земле. «Не гаданием, не в сонном видении, а наяву видел он Матерь Божию, как видел Ее некогда преподобный Афанасий Афонский», — замечает при сем летописец.

По древнему преданию, записанному в Никоновой летописи, это небесное посещение было в пост Рождества Христова, в ночь с пятницы на субботу, и, как думают, в 1384 году.

В благодарное воспоминание сего чудного посещения в обители прп. Сергея установлено каждую пятницу, с вечера, совершать всенощное бдение с акафистом Богоматери в юго-западном притворе Троицкого собора, на том месте, где, по преданию, стояла келья прп. Сергея и где красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествие небесной Гостьи. А каждую субботу, после ранней литургии, в церкви пр. Никона, в том же притворе, совершается молебное пение во славу Богоматери, причем поется нарочито составленный по образу пасхального канон в воспоминание сего посещения (попеременно с двумя другими канонами). (Из кн. *«Житие и подвиги прп. Сергея»*, архимандр. Никона.)

10) Св. Иоанну Златоусту по пути в ссылку, в г. Команах явился епископ Василиск, умерший сто лет тому

назад, и сказал: «Мужайся, брат Иоанн, завтра мы будем вместе». Св. Иоанн поверил этому видению, одел на себя чистые одежды, приобщился Св. Таин и, действительно, как ему было сказано, почил смертью праведника.

11) Врач Геннадий, всегда милостивый к бедным и страждущим, недоумевал и сомневался, как будет жить человек после смерти?

Господь, видя его любовь к ближним, вразумил его о продолжении загробной жизни следующим образом. Однажды во сне Геннадию явился незнакомый юноша и велел ему идти за собою. Вошли они в какой-то город. Здесь Геннадий увидел великолепные дома, украшенные золотом, слышал торжественное пение, наполнившее душу его невыразимой радостью.

— Что это за город, и кто это поет? — спросил он у юноши.

— Это город Божий, — отвечал юноша, — а поют и веселятся в нем жители этого города, святые Божии!

После этого Геннадий проснулся и скоро позабыл про свой сон, не придав ему особого значения. Но вот, в другой раз, также во сне, является ему тот же юноша и спрашивает: «Узнаешь ли ты меня?» — «Узнаю», — отвечал Геннадий. «А где ты меня видел?» — «Я был с тобою в том неизвестном городе, где еще так хорошо пели». — «Как же ты видел меня и город и как слышал пение: во сне или наяву?» — «Во сне. И теперь я сознаю, что вижу тебя и говорю с тобою также во сне». — «А где же теперь твоё тело?» — «В моей комнате». — «И ты сознаешь, что в настоящее время глаза твои закрыты в теле и ничего не видят; что слух твой и язык также не действуют? Какими же глазами смотришь на меня, как слышишь мой голос, как говоришь?.. Итак, вразумись, что и по смерти, и без телесных очей ты бу-

дешь видеть и без тела будешь жить до всеобщего воскресения. Верь этому и не сомневайся о жизни души по смерти тела». Юноша стал невидим: это был ангел Божий. (*Повесть блж. Августина в письме к Еводию, у Барония, под 411-м год.*)

12) Жила некогда богатая, знатная и благочестивая вдова. Звали ее Клеопатра.

В то же время и в том же городе проповедовал Христову веру некто Уар и после жестоких мучений был предан смерти. Тело мученика, по приказанию его мучителей, было выброшено за город хищным зверям и птицам. Благочестивая Клеопатра тайно взяла святые останки в свой дом и вскоре построила на свои деньги церковь во имя мученика Уара.

Во время первой литургии, в день освящения нового храма, Клеопатра на коленях пред мощами св. Уара усердно молилась, прося св. мученика Христова испросить у Бога для нее и ее единственного сына такую милость, которая послужила бы им обоим на пользу.

После освящения храма Клеопатра сделала угощение духовенству и народу, созвала нищих и странников и сама вместе с сыном, только что определенным на царскую службу, усердно служила гостям. Сделав доброе дело, Клеопатра радовалась и утешалась им. Но на земле нет прочной радости.

Во время пира сын ее заболел и слег в постель. С ним сделалась сильнейшая горячка, и в ту же ночь он умер.

Где искать помощи и утешения матери в таком неожиданном, таком внезапном горе!..

И вот она идет в новый храм, в церковь св. Уара, и, упав на колени пред его мощами, в слезах изливает всю свою душу и жалобно говорит: «Так ли ты, угодник Божий, воздал мне за мои труды и попечения о тебе? Та-

кой ли милости я ждала от тебя? Отнял у меня сына, мою единственную надежду! Кто теперь меня прокормит в старости? Кто положит в гроб мои кости? Лучше бы уж мне самой умереть, чем лишиться такого молодого и прекрасного сына! Угодник Божий! Или возврати мне сына, как некогда Илия вдове сарептской, или пусть и я умру! Не могу я жить без любимого сына».

Долго так рыдала мать при гробе мученика и, утомленная слезами, наконец, заснула.

Во сне ей является св. мученик Уар, держа за руку ее сына; оба они в белых блестящих одеждах, с драгоценными венцами на головах. Св. Уар сказал Клеопатре: «Усердная почитательница мучеников! Я не забыл твоих благодеяний, оказанных моему телу, и умолил Бога, чтобы твоего сына Он причислил к ангельскому лику. Ты сама молилась в день освящения храма, чтобы я испросил у Бога тебе и сыну, что вам обоим полезно и что угодно Богу. Вот я исполнил твое желание. Посмотри на славу твоего сына: он теперь один из предстоящих престолу Божию. О чем же ты так скорбишь, о чем так плачешь? Или не хочешь, чтобы твой сын наслаждался небесными благами, *которые не видел глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9)? Если так, то возьми его!» При этих словах Иоанн крепко прижался к св. Уару и сказал матери: «Если ты любишь меня, то радуйся моему блаженству и не сетуй пред Господом!» Тогда Клеопатра воскликнула: «О, блаженные души! Возьмите и меня с собою»... проснулась и возвратилась домой с радостью. (Чет.-Мин. 19 окт.)

13) Одна вдова, лишившись зрения и не найдя помощи у врачей, задумала идти в Иерусалим, поклониться св. местам и искать исцеления у угодников Божиих. Вместе с нею отправился и ее единственный

сын. Пришли в Иерусалим. Но и здесь, как везде, горе живет с людьми. Вдову поразило новое несчастье: ее сын захворал и умер. Кто не поймет отчаянного положения больной вдовы и любящей матери! Теперь она осталась в чужой земле, никого не имея знакомых, без глаз и проводника.

Во время ее скорби явился ей св. Лонгин в видении и сказал: «Не скорби, ты получишь зрение и увидишь в небесной славе своего сына, если только потрудишься выйти за город и отыщешь мою голову, отсеченную по приказанию Пилата и брошенную вне города».

Верующая вдова наняла за город проводника; остановилась на указанном месте, и, разгребая своими руками кучу мусора, нашла голову святого Лонгина и сразу прозрела.

С великой радостью возвратилась вдова в город, славя Бога и Его угодника.

В следующую ночь ей снова явился святой Лонгин, окруженный небесным светом, ведя с собою ее сына, одетого в светлую одежду.

«Посмотри на своего сына, — сказал мученик Лонгин, — в какой он чести и славе! Посмотри и утешься! Он причтен к лику св. Божиих!» (Чет.-Мин. 16 окт.)

14) Однажды отроковице Музе во сне явилась Божия Матерь, окруженная множеством отроковиц. Обрадовалась сильно Муза такому видению и подумала: «Как весело бы было жить с такими подругами под покровительством Матери Божией!»

И вот Божия Матерь спрашивает ее: «Хочешь ли жить с отроковицами, которых видишь со Мною?»

Муза отвечала, что очень желает этого и готова хоть сейчас идти за Матерью Господа. Тогда Божия Матерь обещала прийти к ней чрез 30 дней, чтобы взять ее с Собою, и заповедала ей в это время воздер-

жаться от детских забав, не смеяться и ничего не делать дурного.

После этого видения Муза проснулась. Родители заметили эту перемену в дочери и спрашивали: «Отчего ты так вдруг изменилась?» Муза рассказала им свой сон и какую она получила заповедь от Божией Матери. С верою приняли родители ее объяснение и ждали события.

Через 25 дней Муза захворала и на 30-й день, когда Божия Матерь обещала прийти за ней, больная с радостью обратилась к невидимой для других Посетительнице и, сказав тихо: *«Се гряду, Госпоже, се гряду!»* — скончалась. (Чет.-Мин. 16 мая.)

Веруя в будущую жизнь, нам бы следовало ждать смерти, как особенной милости Божией, и, по крайней мере, не плакать над умершими, как над пораженными несчастьем. Смерть, разлучая нас с телом, только разрывает узы, которые душе всегда были в тягость, — узы, которыми связывались наши добрые желания; разлучая нас с миром, выводит из места постоянной борьбы со страстями и, взамен того, нам дает вечные блага, *которые не видел глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку.*

15) Святые нередко, по изволению Божию, являлись мученикам для укрепления их в их страдальческом подвиге. Когда св. Анастасия Узорешительница (умерла около 304 г.) была брошена в мрачную темницу и там в продолжение 30 дней голодала, в это время каждую ночь являлась ей св. мученица Феодотия, наполняя веселием сердце ее и укрепляла. В беседе Анастасия однажды спросила Феодотию о том, как она может приходить к ней по смерти? Феодотия сказала ей, что душам мучеников дана от Бога та особенная благодать, что они, по разлучении от земного, приходят,

к кому пожелают, беседуют с ними и утешают их. Затем, после второго месяца, проведенного Анастасией в темнице, она осуждена была на смерть; ее вместе с другими осужденными за разные преступления должны были утопить в море. Между этими осужденными был некоторый благочестивый муж Евтихиан, который ради Христа лишен был наперед всего своего имения. Посадив осужденных на корабль, воины повезли их в море. На довольно большом расстоянии от берега воины сели в лодку, приготовленную для них, а кораблю с осужденными во многих местах пробили днище, чтобы он потонул, и сами поплыли к берегу. Когда корабль уже начал тонуть, люди, бывшие на корабле, увидели вдруг св. мученицу Феодотию, устраивавшую паруса и направлявшую корабль к берегу. Видя это чудо и осознав свое спасение, осужденные, выйдя на берег, пали к ногам двух христиан, Евтихиана и Анастасии, желая быть христианами. От тех же Евтихиана и Анастасии, научившись вере в Господа нашего Иисуса Христа, они приняли крещение; всех их, спасшихся от потопления и уверовавших, было 120 человек. Правитель области, узнав об этом, схватил их всех и погубил различным образом, а св. мученицу Анастасию повелел сжечь огнем, растянув между четырьмя столбами. (Чет.-Мин. 22 дек.)

16) *Святые являлись для исправления погрешностей, допущенных при написании их жития.* С писатель жития св. мученика Ореста, св. Димитрий, митрополит Ростовский, составив его житие, приготовил уже к изданию его. В одну ночь св. мученик явился ему и сказал: «Я больше пострадал за Христа, чем ты написал». Сказав это, он открыл свою грудь и, показав в левом боку сквозную рану до внутренностей, сказал: «Это мне железом прожгли»; далее, показав раны на правой и ле-

вой руке, сказал: «Это мне перерезали»; потом, наклонившись, открыл обе ноги до колен и, показав на них раны, сказал: «А это мне косою подсекли. Видишь, — сказал он, наконец, — я больше пострадал, чем ты написал». (Чет.-Мин. 10 ноября.)

17) *Святые являлись для обличения и наказания беззаконников и врагов церкви Христовой.* Один купец шел поклониться мощам св. Мины, неся с собою в дар в церковь его мешок золота. На пути убил его хозяин дома, в котором он остановился ночевать. Разрубив на части тело, убийца скрыл его на время во внутренней комнате своего дома и соображал, где бы найти сокровенное место, чтобы похоронить убитого. В это время явился в его дом св. Мина и спрашивал хозяина о госте. Этот говорил, что у него никого не было. Тогда Мина вошел во внутреннюю комнату и, взяв корзину с рассеченными частями тела, показал убийце и спросил: «Это что такое?» Убийца затрепетал и пал к ногам святого. Святой же Мина, составив рассеченные части, по молитве к Богу, воскресил убитого и повелел ему продолжать путь. (Чет.-Мин. 11 ноября.)

18) *Святые иногда являлись для того, чтобы предостеречь христиан от невольного принятия участия в служении идолам.* По вступлении на престол, Юлиан богоотступник в числе других враждебных против христиан действий замыслил и следующее. Зная, в какой чистоте и воздержании проводят св. čtyредесятницу христиане, богоотступник призывает градоправителя константинопольского и велит ему тайно удалить на следующие дни с торжища все обыкновенные снеди, а предложить одно то, что было уже принесено в жертву идолам и потому христианами почиталось за оскверненное. Никто не знал замысла: посему многие тысячи душ в самые святые дни осквернились бы вку-

шением того, что растворено было (так повелел Юлиан) кровию идоложертвенною. Это составило бы для них предмет сожаления на всю жизнь, а для Юлиана, или, паче сказать, сатаны, им двигавшего, это была бы радость и торжество велие. Тот же отступник, по исполнении замысла, не преминул бы разгласить по всему свету, что последователи Иисуса Назарянина (так называл он Господа) во время самого поста их употребляли в пищу идоложертвенное.

Но Тот, Кто, яко зеницу ока, хранит души простые и смиренные и всегда запинаят премудрых в коварстве их, не дал и теперь совершиться умыслу вражю. Среди ночи, но не во сне, является внезапно тогдашнему епископу Константинопольскому некий светозарный воин и говорит, чтобы он, не медля собрав духовное стадо свое, дал ему знать об угрожающей опасности, с повелением не покупать в следующие дни ничего на торжище. «Чем же пропитается в сии дни столько людей, — спросил святитель, — ибо у многих нет ничего в доме?» — «Коливом, или вареной пшеницей, — отвечивал явившийся, — которую ты, взяв у некоторых, должен раздать всем». — «Кто же ты, — спросил патриарх, все ведающий и пекущийся таким образом о братии своей?» — «Христов мученик Феодор Тирон», — отвечивал явившийся. То есть это был тот святой подвижник Христов, который, будучи воином за много лет до сего, в царствование злочестивого Максимиана, претерпел за имя Христово множество ужасных мук и тем заслужил себе в церкви Христовой имя великомученика.

Святитель, не медля, исполнил повеленное выше; и христиане константинопольские сохранились от осквернения; а злочестивый Юлиан, видя, что замысел его разрушен, велел предоставить прежнюю сво-

боду торжищам. (Из *Сочинений* Иннокентия, архиеп. Херсонского и Таврического, т. III, 1873 г. стр. 51—53.)

19) *Святые угодники Божии иногда посылались Богом на землю для устранения споров церковных и водворения мира и единодушия.* Праздник во имя трех вселенских учителей учрежден по особенному, весьма примечательному обстоятельству. Вскоре после их кончины между православными читателями их великих подвигов, заслуг и чудес нередко возникал вопрос: который из трех святителей больше и выше? Распря об их добродетелях возросла наконец до того, что через несколько веков произошло решительное разделение в обществе христиан и одни начали называться Василианами, другие Григорианами, третьи Иоаннитами. Тогда, в отклонение такого соблазна, сами святители, все трое вместе, явились Иоанну, епископу Евхаитскому, и сказали ему: «Все мы имеем у Бога равное достоинство. Объяви христианам, чтобы оставили спор относительно сего. Как при жизни более всего мы заботились о единодушии, так и по преставлении нашем более всего желаем единомыслия верующим. Установи для нас один общий праздник». Праздник установлен; спор давно прекращен, и мы ныне трех святителей, «яко апостолов единоправных» и между собою единочестных, призываем на молитвенное ходатайство, «да дарует Господь мир вселенной и душам нашим велию милость». (Из кн. «Слова» Сергия, епископа Курского, Москва. 1870 г., стр. 377—378.)

3. Несколько рассказов о явлениях душ умерших обыкновенных людей. 1) «У меня был товарищ по семинарии, с которым был я дружен и в продолжение богословского курса вместе квартировал, — рассказывает в своих посмертных записках протоие-

рей о. Соколов. — Это — сын болховского священника Николай Семенович Веселов. По окончании курса семинарии он остался учителем уездного училища, а я, окончив академию, поступил священником в Херсон. Но в одно время приснился он мне так, что я понял, что его нет в живых. Написал к отцу его и получил ответ, что сын его умер как раз в тот день и час, когда я видел его во сне. Мне снилось, что будто я нахожусь на херсонском кладбище подле одного ветхого пирамидального памятника, в котором от вывалившихся камней образовалось отверстие шириною около пяти вершков. Из любопытства я влез через отверстие внутрь памятника. Потом хочу вылезти назад, но не нахожу отверстия в темноте. Я стал ломать камень, и блеснул свет. Проломав отверстие больше, я вышел и очутился в прекрасном саду. На одной из аллей вдруг навстречу Веселов.

— Николай Семенович, какими судьбами? — воскликнул я.

— Я умер, и вот, видишь... — отвечал он.

Лицо его сияло, глаза блестели, грудь и шея были обнажены. Я бросился к нему, чтобы поцеловать его, но он отскочил назад и, отстраняя меня руками, сказал: «Я умер, не приближайся».

Я как будто поверил, что он на том свете, и испугался. Я взглянул на него и заметил, что лицо его было весело. Страх мой пропал. Веселов прошел мимо меня, я пошел с ним рядом, не дотрагиваясь до него.

— Я жив, хотя и умер, умер и жив — все равно, — сказал он.

Слова его показались мне так логичны, что я ничего не мог возразить на них. Когда мы приблизились к старому пирамидальному памятнику, Веселов сказал: «Прощай, ты пойдешь домой», — и указал мне на

отверстие. Я полез и тут же проснулся». (Прибавл. к «Херсон. Еп. Вед.» 1891 г. №11).

2) «Более сорока лет тому назад я знал двух молодых людей, — рассказывает один из военных ветеранов, — они служили в переяславском конно-егерском полку обер-офицерами: г. А., православного вероисповедания, и Ш. — лютеранского. Эти два молодых моих приятеля были друзьями между собою. Они дали друг другу обет, что тот, кто из них прежде умрет, придет к оставшемуся в живых и скажет, что бывает с человеком по исходе души и что ожидает их в будущей жизни.

Несколько лет я не видал ни того, ни другого, однако же знал, что один из них, именно Ш., умер. В 1836 году мне предстояла надобность быть в Тамбове, откуда в 25 верстах проживала в одном селе тетка моя. Я приехал к ней с намерением погостить несколько дней. В первый день моего приезда она рассказала мне об одном страннике, посвятившем себя Богу. «Он ведет самую строгую жизнь, — говорила она, — так что, почитая себя недостойным входить в храм, часто становится у порога и, несмотря на холод, стоит босиком, носит монашеское полукафтанье и опоясывается ремнем. Не хотите ли видеть его? — спросила она, — он теперь у меня». Я попросил познакомить меня с ним. Странник по приглашению моей тетки пришел, и что же? Это был А. Я вскочил с места, подбежал к нему и вскричал: «А., это вы?» — «Да, это я», — отвечал мне странник, и мы с ним обнялись.

— Какими судьбами ты сделался таким?

Он объяснил мне, что, по данному обету, его друг явился ему не в сновидении, а наяву, рассказал, что испытывает душа по исходе из тела, «а что именно, говорить мне запрещено, — прибавил А. — Но чтобы

сколько-нибудь понять, что это такое, достаточно тебе видеть на мне вот эту свитку. Вот причина, по которой я, продав свое богатое имение, употребил деньги на богоугодные дела и хожу, как бедный грешник, умоляя Господа о прощении грехов. Надеюсь, Господь меня не оставит». (*«Душеполезное чт.»*, 1861 г., ч. I.)

3) В начале нынешнего столетия в одном из губернских городов проживал некто Н., отставной чиновник довольно пожилых лет, человек добрый и истинно благочестивый. Он был очень дружен с В., сотоварищем своего детства и сослуживцем, одинаковых с ним лет и одних воззрений на вещи. Когда умер В., товарищ его усердно молился Богу об упокоении своего друга, причем время от времени раздавал милостыню за спасение его души. Часто он думал о загробной участи друга.

В сороковой день после кончины В., друг его, сидя в своей комнате, услышал скрип дверей. Приподняв глаза, видит входящего в комнату умершего своего друга В. «Благодарю тебя, друг, — сказал тихим голосом явившийся, — за твои усердные обо мне молитвы и за милостыни, которые много помогли мне. По милости Божией, я избавлен от ада: обитель моя покойна». С ужасом и изумлением слушал Н. чудного пришельца, не смея его прерывать. «Прости, друг, до свидания в вечности, — промолвил явившийся, — уповаю, что скоро мы свидимся, будем обитать вместе, а пока потрудишься еще для вечного своего спасения», — и с этими словами скрылся за дверь.

Набожный Н. усилил свои благочестивые подвиги, предоставив все житейские попечения старшим своим детям. Спустя два года после своего видения он, колена преклоненный, на молитве тихо и мирно скончался. (*«Душеполезн. чт.»* 1868 г., ч. I.)

4) В одном селе жила почтенная чета: старик, заштатный священник, отец Г., и старушка, жена его. Жили они очень долго на свете и, как говорится, душа в душу между собою. Отец Г. приобрел своей жизнью уважение у многих в окрестности. Это был человек доброго старого времени, хлебосол, приветливый и ласковый со всяким, а главное, благочестивый и добрый. Но всему бывает на свете конец: отец Г. занемог, слег в постель и, напутствованный христианскими таинствами, тихо и мирно перешел в вечность, оставив горько оплакивавшую спутницу его жизни. Вот уже минул и год после его смерти. Старушка, жена его, накануне годовичного о нем поминовения, после разных хлопот, легла немножко отдохнуть. И вот, видит во сне покойного мужа. С радостью бросилась она к нему и начала его расспрашивать: что с ним и где он теперь находится? Покойник отвечал: «Хотя я и не обязан с тобою говорить, но так как при жизни не было у меня от тебя никаких тайн, то скажу, что, по милости Божией, я не в аду; скоро и ты последуешь за мною, готовься к смерти через три недели после этого дня».

Покойник медленно удалился, как бы не желая с нею расстаться, а старушка, проснувшись, радостно стала всем рассказывать о своем свидании с покойным мужем. И, действительно, ровно через три недели она мирно скончалась. (*«Душен. чт.»* 1868 г., ч. I.)

5) «В ночь с 28 на 29 сентября снилось мне, — передает граф М. В. Толстой, — будто стою я у себя в зале и слышу — из гостиной раздаются голоса детей. Смотрю — проходят мимо меня в зал разные дети и между ними Володя, наш недавно умерший сын. Я с радостью кинулся к нему, он улыбается мне своей прежней ангельской улыбкой. Я протянул к нему руки: Володя,

это ты? Он кинулся мне на шею и крепко, крепко обнял меня.

— Где ты, моя радость, ты у Бога? — Нет, я еще не у Бога, я скоро буду у Бога. — Хорошо ли тебе? — Хорошо, лучше, чем у вас. А у вас я часто бываю, все около вас. Я все почти один, только Мария Магдалина со мною бывает. Иногда мне делается скучно. — Когда тебе скучно? — Особенно когда плачут обо мне. А меня утешает, когда обо мне молятся, когда дают бедным за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за вас, за братьев, за Пашу (сестру), за всех, кто меня любит. Милую мою мамашу обнимите за меня, вот так, крепко. — Ты с ней повидался бы, моя радость. — И повидаюсь, непременно повидаюсь. — Когда же? — Когда плакать перестанет.

Тут послышался голос моей жены из коридора, я обернулся туда к ней, потом взглянул назад — его уже нет.

Я проснулся с усиленным биением сердца, в таком волнении, что не мог удержаться от громких рыданий, которыми разбудил жену свою. В ту же минуту я набросал на бумагу виденное во сне слово в слово так, как было». (М. Погодин — «Простая речь о мудреных вещах».)

б) В «Могилевских Епархиальных Ведомостях» помещен следующий случай из жизни митрополита Платона. «В моей жизни, — говорит преосвященный, — есть один случай, при котором я видел тень другого человека, да притом так живо и отчетливо, как вас вижу теперь (обращаясь к своим слушателям). Это было в 30-х годах, когда я состоял инспектором С.-Петербургской Духовной Академии. У нас был в числе других студентов Иван Крылов, из орловской семинарии, известный мне, когда я был там наставником. Учился

он недурно, был хорошего поведения, благообразного вида. Раз он приходит ко мне и просит, чтобы я позволил ему отправиться в больницу. Я думаю себе: верно, он истощал, пусть там покормят его получше, и он поправится. А может быть, и курсовое сочинение там напишет. Проходит несколько времени, я о нем ничего не слышу, доктор ничего не говорит. Но вот однажды лежу я на диване и читаю книгу, смотрю — стоит Крылов и прямо смотрит на меня. Лицо его вижу так ясно, вот как вас, но тело его было как бы в тумане или облаке. Я взглянул на него. Он... Меня передернуло. Призрак точно понесся к окну и скрылся. Я еще раздумывал, что бы это значило, — слышу стук в дверь, входит больничный сторож и говорит мне: «Студент Крылов Богу душу отдал».

— Давно ли? — спросил я в изумлении.

— Да вот минут пять, я только собрался к вам.

«Вот извольте разгадать эту тайну», — сказал архипастырь, обращаясь ко всем присутствовавшим при рассказе. Все молчали. «Все это, — заключил владыка, — несомненно доказывает нам какую-то таинственную связь между нами и душами умерших». (*Могилев. Епарх. Вед.*, 1883 г.)

7) В 1851 году, апреля 20 дня, в Троицко-Сергиевой лавре умер иеромонах о. Симеон, которого похоронили с подобающей честью. На другой день после погребения один из духовных его детей М. рано утром, сидя у себя на кровати, занят был греховными помыслами. Но вот чувствует, что кто-то около него; подняв голову, он увидел о. Симеона, который, подойдя к нему с веселым лицом и покачав головою, сказал: «Полно тебе греховным помыслам предаваться, борись и сопротивляйся им, а обители обеими руками держись». Еще что-то назидательное он говорил, но М. так пере-

пугался, что не мог запомнить всего сказанного. (*Монастыр. письма, XXIX.*)

8) Лорд Томас Эрскин рассказывает о следующем видении.

«Когда я был молодым человеком, мне случилось на некоторое время отлучиться из Шотландии. В день моего возвращения в Эдинбург, утром, спускаясь из книжного магазина, я встретил старого дворецкого нашего семейства. Я нашел в его наружности сильную перемену: он был бледен, худ и мрачен.

— А, старина, ты зачем сюда?

— Чтобы встретить вашу милость, — отвечал он, — и просить вашего заступничества перед милордом: наш управляющий обсчитал меня при последнем расчете.

Пораженный его видом и тоном, я велел ему следовать за собою в магазин книгопродавца, куда и вошел обратно; но когда я обернулся, чтобы заговорить со стариком, его уже не было. Я вспомнил дом и квартиру, где он жил, и потому отправился к нему. Но какво же было мое удивление, когда я вошел в квартиру и увидел жену его в трауре. «Муж мой умер, — говорила она, — уже несколько месяцев тому назад. Перед смертью он сказал мне, что наш управитель обсчитал его, но вы, верно, поможете сыскать следуемые деньги». Я обещал это сделать и вскоре, по моему настоянию, недоплаченная сумма была вручена вдове. (*Спорн. обл. между двумя мирами, Р. Д. Оуэн.*)

9) Затворник Георгий (Машурин) рассказывает в собственноручной записке, найденной в его бумагах после смерти, следующий факт. «Когда все покоилось в мирной тишине в самую глухую ночь, и мать моя почивала на ложе своем, вдруг озарился весь ее покой светом. Отворилась дверь, увеличился свет; явился священник, бывший ее духовником и уже три года почи-

вавший во гробе, и принес на руках своих святую икону. Тихо он приблизился к одру ее и благословил образом стоявшую в радостном трепете и объятую страхом свою духовную дочь и возвестил ей вожделенные слова сии: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Бог даст тебе сына Георгия. Вот тебе и образ св. великомученика Георгия». Несказанно обрадованная Божиим благословением, она приложилась к св. образу и, приняв на свои руки, поставила в божницу. Тем видение окончилось. Дивный сон этот сбылся: от Анны родился сын Георгий». Историю чудного сновидения затворник Георгий оканчивает словами: «все это я имел счастье слышать от самой родительницы моей». (*Посмертные записки затворника Георгия.*)

10) В конце прошлого столетия помещик З., человек еще не старый, обремененный многочисленным семейством и имевший при этом довольно ограниченное состояние, служил для семьи своей единственной опорой.

Но вот однажды З. отчаянно заболел и, видимо, начал приближаться к смерти; врачи отказались лечить. Убитая горем жена оплакивала больного мужа, как умершего, представляя себе безвыходное положение с кучей малолетних детей. Видя все это, безнадежный больной начал мысленно просить Бога продлить ему жизнь, пока он пристроит своих старших сыновей и, таким образом, оставит на их попечение других младших своих детей. После этой молитвы он уснул и проспал довольно долго. Проснувшись, немедленно зовет к себе жену и радостно сообщает ей, что видел во сне архипастыря Белгородского Иосифа Горленко, которого помнил еще в живых. Архипастырь в сонном видении сказал ему, что по милосердию Божию, ради невинных малюток, дается ему еще двадцать лет жизни.

Но чрез 20 лет, ровно в этот день, Господь призовет его к Себе.

Рассказав свое сновидение, больной попросил жену все это со слов его записать в молитвенник, что и было исполнено, и безнадежный дотоле больной З. начал, к удивлению семьи и лечивших его врачей, быстро поправляться и вскоре совсем выздоровел.

Ровно чрез 20 лет, в назначенный день З. почил вечным сном на руках своих сыновей и дочерей, уже пристроенных и обеспеченных, с благодарной молитвой на устах.

Молитвенник его с записью доселе хранится у его потомков как фамильная реликвия. (*«Душеполезн. чт»*. 1868 г., ч. 1—3.)

11) «В одном приходе, по случаю смерти священника, место было занято другим. Вновь поступивший на место умершего чрез несколько дней помер, вместо его поступил другой, но и сей тоже чрез несколько дней помер. Таким образом, приход в самое короткое время лишился трех священников.

Эти события устрешили кандидатов священства, почему означенный приход оставался немалое время вакантным. Духовное начальство само назначило кандидата на это место. Поступивший священник, войдя в первый раз во храм и затем в алтарь, увидел здесь, в стороне от св. престола, незнакомого священника в полном священническом облачении, но окованного по рукам и ногам тяжелыми железными цепями. Новый служитель алтаря не потерял присутствия духа: он начал обычное священнодействие с проскомидии, а по прочтении 3-го и 6-го часов совершил и всю Божественную литургию, нисколько не стесняясь присутствием постороннего, загадочного лица, которое, по окончании службы, стало невидимо. Теперь новый па-

стырь понял, что виденный им скованный священник есть обитатель загробного мира. Не понимал он только причины его явления, но это скоро выяснилось. Скованный священник в продолжение всей службы не вымолвил ни слова и только время от времени приподнимал скованные цепями руки и указывал ими на одно место помоста в алтаре. То же самое повторилось и в следующую службу, во время которой, при входе в алтарь, священник обратил особенное внимание на то место, на которое, как прежде, так и теперь, указывало привидение. Всматриваясь пристально в ту сторону, священник заметил лежавший там на полу у стены ветхий небольшой мешок. Он поднял этот мешок, развязал его и нашел в нем немалое число записок с именами умерших и живых лиц, какие обыкновенно подаются служащему священнику для поминовения на проскомидии о упокоении душ отошедших в вечность и о здравии и спасении живых.

Теперь священник понял, что записки эти при жизни стоявшего тут окованного собрата его, бывшего прежде настоятелем этой церкви, вероятно, остались непрочитанными во время совершавшихся им божественных литургий. Посему, начав службу, он начал поминать на проскомидии имена живых и умерших, означенных в записках найденного им мешка, и лишь только он окончил чтение их, как тяжелые железные цепи, коими окован был загробный узник, в одно мгновение с шумом спали с рук и ног его и рухнули оземь; а сам он, сделавшись свободным от уз, подошел к служащему священнику и, не говоря ни слова, поклонился ему в ноги до земли. Затем ни его, ни железных оков не стало видно. После сего существо загробное не являлось уже более во время божественных служб. (Странник, 1867 г., март мес., стр. 125.)

12) Дочь сенатора Резанова, Анна Дмитриевна, вскоре после смерти своей матери увидела ее во сне; умершая сказала ей: «Долго ли тебе, друг мой, плакать обо мне? Утешься: 15 апреля мы соединимся навсегда». Анна Дмитриевна рассказала этот сон своим родным и друзьям, а они уверили ее, что этот сон — пустая греза, и в июле месяце она вышла замуж. Но наступило 15 число апреля 1822 г., день, когда у нее благополучно родилась дочь. Помня слово матери, А. Дм. накануне исповедалась и приобщилась, а 15-го апреля благословила новорожденную дочь свою и сказала: «Не мне тебя воспитывать», и вечером того же дня скончалась. (*«Душен. чт.»*, 1862 г., апр. кн., 463—468.)

13) В первых числах сентября 1848 г. о. протоиерей Е-в увидел во сне знакомого ему умершего священника Посельского, который сказал ему: «Напиши твоей знакомой, графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской, чтобы она приготовилась к смерти». Но протоиерей не поверил сну и не писал графине. Спустя неделю опять приснился ему тот же священник и повторил то же самое. Но протоиерей и на этот раз не решился писать. Наконец, умерший еще раз приснился, сделал ему выговор за неисполнение и прибавил: если ты пропустишь хотя одну почту и не напишешь ей, то твое известие уже не застанет ее в живых, и Бог взыщет с тебя. Протоиерей проснулся, подумал, опять заснул, и вот — новый сон: он — как будто на кладбище, в том краю, где жила графиня, а графиня в толпе народа просит у какого-то старичка денег; но тот отказал, а протоиерей дал ей столько денег, сколько было нужно, и после того увидел на том же кладбище небольшую комнату графини. Пробудившись от сна, он сразу же написал графине письмо и советовал ей каждый час быть готовою к смерти.

Она показала это письмо своему духовнику и в тот же день исповедалась, а на другой день приобщилась Св. Таин и вскоре после приобщения в тот же день внезапно скончалась, 6 октября 1848 г. («*Душен. чт.*», 1862 г., февр. кн., 242—245.)

14) В книге В. Желиховской под заглавием «*Необъяснимое или необъясненное*» мы находим следующий очень интересный рассказ.

«Весной 1867 г., я ездила в Петербург, чтобы привезти сестру Лизу, кончившую курс в институте. Разумеется, я не преминула заехать и в вечно милый мне Псков, где, несмотря на всю пережитую в разлуке жизнь, и теперь еще найдутся у меня друзья. Тогда же их было еще много!..

Самыми дорогими из всех я считала семью П-вых, состоявшую из четырех сестер. Что это были за милые, умные, образованные и приветливые женщины! Я, как и многие другие, не знала лучшего удовольствия, как бывать в их деревне Щеглицах, верстах в 25 от Пскова, при устье р. Великой. Какое прекрасное место, что за виды с широкой террасы и из сада, сбегаящего по крутизне к реке на Псковское озеро, по которому плавно идут пароходы, скользят парусные лодки!.. Их светлый, уютный, просторный дом всегда гостеприимно вмещал в себе много друзей и посетителей. Он был в этом сроден с сердцами своих владелиц, умевших вместить в себе много честных чувств и много горячих привязанностей.

Как искренне я была опечалена, узнав, что старшая сестра, Анна Петровна, недавно умерла! Как-то странно было представить себе Щеглицкий дом, Щеглицких хозяек — без нее! Казалось, они должны были, осиротев, представлять из себя нечто вроде красивого здания — без крыши, храма — без ку-

пола!.. Да оно так и было. Несмотря на радостный привет, которым меня встретили на подъезде, на веселый, оживленный говор трех сестер, я тотчас же увидала, что на всем доме еще лежит траурная печать, гнетет долу вся и всех великое горе, скорбь, не успевшая притупиться!..

Не прошло и десяти минут, как разговор сам собой обратился на вечную тему воспоминаний о дорогой, незабвенной отшедшей. Не скрывая слез, милые мои старушки пустились рассказывать мне о ее последних днях на земле. Потом перешли к ее жизни, вечно деятельной на пользу другим, чистой, как лазурь той реки Великой, на которой она вся прошла!.. Я и сама с ними искренно поплакала. И сама готова была вспоминать и расспрашивать без конца о ее последних годах. Так мы проговорили неустанно до полночи. Это был поздний час для рано встававших сестер. Мы простились.

— А мы вас и не спросили! — спохватилась одна из сестер. — Вам не будет неприятно спать в комнате Анюты? В ней все так и осталось, как было, уютно и удобно...

— О, нисколько! — отвечала я с убеждением. — Что же может в этом быть для меня неприятного? Вы знаете, какие мы были с ней друзья.

— Да... Но вы нам писали, помните, что у вас иногда бывали эти спиритические явления, — заметила другая сестра.

— А разве там бывает что-нибудь подобное? — спросила я, не совсем приятно удивленная.

— О, нет! Никогда! — поспешили меня уверить.

— Горничная покойной сестры говорила, что слышала там как-то стук... Вот такой же, как бывало у вашей сестрицы, — добросовестно прибавила Екатерина

Петровна, самая младшая. Но ведь вам это не в диковинку! Вы не испугаетесь?..

— Не испугаюсь; но лишь бы не так громко, чтоб помешать заснуть.

Сказать по правде, сестры слишком много рассчитывали на мою «привычку». Усталой еще с дороги и от слез, бессонная ночь мне совсем не улыбалась.

Впрочем, две старшие сестры дружно начали укорять Екатерину Петровну за ее доверие к болтовне прислуги и уверять меня, что ничего подобного нет и быть не может в комнате, где так свято жила и столько молилась их дорогая усопшая.

Мы простились, но Екатерина Петровна вошла со мной, и мы еще с полчаса побеседовали с нею.

— Чуть что, — сказала она мне, уходя, — пожалуйста, не церемоньтесь. Моя комната, вы знаете, рядом. Постучитесь, и мы поменяемся спальнями.

Она ушла, но вскоре затем вошла в комнату старушка-горничная, давно мне знакомая.

— Вы не спите, Аграфена? — сказала я. — Уж поздно! Идите, пожалуйста!.. Вы мне совсем не нужны.

Но, к удивлению моему, Аграфена объявила, что со времени смерти «старой барыни» она всегда спит тут, за перегородкой, на диване.

— Если вам, сударыня, не противно, так я и теперича...

Я поспешила сказать, что, напротив, очень рада. Я, в самом деле была довольна, что возле меня, за ситцевой занавеской, будет находиться живой человек.

Итак, она улеглась. Некоторое время, пока я раздевалась, мы с ней переговаривались кое о чем, вспоминая прошлое.

Пробил час.

Аграфена сладко зевнула, и я умолкла.

Вокруг меня все вещи и мебель покойной стояли точно в том же порядке, как и при ее жизни. Проведенные мною здесь с нею часы еще так были живы в моей памяти, что мне так и казалось, что вот-вот она войдет или раздастся ее добрый, веселый голос... Так думала я, умываясь, расчесывая волосы, вынимая из несессера некоторые вещи, без которых я не умела обходиться, и, между прочим, маленькое свое заветное Евангелие, которое бывало здесь и в прежние годы. Я положила его на ночной столик, на *ее* ночной столик, готовясь, прежде чем лечь на *ее* постель, помолиться у *ее* киота...

«А что? Испугалась бы я, если б увидала *ее*? — вдруг вошло мне в голову; — думаю, что *нет*...»

Вдруг, точно в ответ на мою мысль, в ночном столике Анны Петровны явственно раздались три резких, отчетливых удара, словно кто крепко простучал ногтем. Я знала, что это значит: да! да! да!.. Я не испугалась, но отступила от столика, изумленная, в недоумении.

«Неужели это... *ее* ответ?»

Нет-нет! Нет-нет!.. в ту же секунду раздались сразу, с нескольких сторон, отрицательные, двойные удары.

В ту же минуту я услышала, как за перегородкой поднялась Аграфена.

Невидимые деятели будто этого только и ждали! Стуки начали раздаваться во всей комнате и даже за ее стенами, в ставни, в оконные стекла, везде и отовсюду. Удары были не громкие, но резкие, точно кто выбивал дробь маленькими палочками, во всех углах и на все лады.

«Эге!.. Это плохо! Не дадут заснуть!..»

— Вот еще напасть какая! Что ж это такое?.. — как бы в ответ на мою мысль раздался шепот горничной.

— А что?.. Разве прежде этого не бывало? — спросила я.

— Было как-то, раз... А потом ничего не стало слышно... А это что же?.. совсем нехорошо!

Аграфена поднялась. Осмотрела все стены, ощупала окна и столы, заглянула ко мне.

— Вам, сударыня, не боязно?

— Боязно-то не боязно, положим. Да только спать нельзя!

— Вот в том-то и дело!.. Как же тут быть?.. Аль сбегать в сад, посмотреть?.. Ишь их как в ставни отколачивает... что за диво?!..

— Диво, действительно, диво; но в сад ходить незачем, ведь ничего не увидишь!.. Может, и так уговорится. Давай-ка лучше помолимся да ляжем, Аграфенушка, авось, заснем!

Но я не могла заснуть!

Тысячи мыслей наполняли мою голову. Я стояла перед образами, облитыми тихим сиянием неугасимой лампы, и думала, думала... Что это?.. Зачем это?.. Кому это нужно?.. Кто этим руководит?.. Положим, там, где призывают, где есть медиум... Наконец, ради какой-нибудь цели, со смыслом — чтоб убедить кого-нибудь или в чем предупредить... Но так, — ни с того, ни с сего, — мешая спать, пугая иных, всем досаждая!.. За чем это допускается?

И вдруг я возмутилась духом.

«Ведь это не *она*?.. Не может быть, чтобы она — такая добрая, разумная, деликатная! Чтобы она сама или с ее согласия... Нет, нет!.. Но если *не* она; если она не знает, что творится в этом месте, где она провела всю свою земную жизнь, — я *хочу*, чтоб она услышала, увидела! Чтобы *ее волей прекратился этот шум!*..»

Я встала, одушевленная необычайным приливом

воли, и начала усердно молиться. Я была уверена, что эта «недостойная кутерьма» сейчас же должна будет прекратиться!

И она, действительно, начала утихать... Удары становились все слабее, будто уходили вдаль, и наконец замерли... Я помолилась, как всегда, быть может, несколько горячей обыкновенного, и снова задумалась.

Задумалась я глубоко, устремив пристальный взгляд на озаренные колебавшимся светом иконы, совсем забыв о времени и о том, что я стою на молитве. Передать моих мыслей я не умею! Знаю лишь то, что все они сводились к одному:

«Точно ли любовь переживает все?.. Отшедшие видят ли, понимают ли, любят ли нас, живых?..»

Я так углубилась в свои мысли, что не сразу отвлек меня от них раздававшийся за мною шорох. Услыхав его, я не только не испугалась, а даже в первую минуту не обратила на него внимания...

Шорох послышался снова, явственней.

Мне показалось, что за моей спиной кто-то открывает книгу, точно шелестит листами...

Тогда только я опомнилась, повернулась назад, от киота к кровати, и увидала, что на ночном столике лежит *открытое* уже Евангелие... В изумлении, с сильно бьющимся сердцем, подошла я, взглянула в открытую страницу, и первая строка, бросившаяся мне в глаза, служила прямым ответом на мои думы.

«...Бог не есть Бог мертвых, — но живых!» — прочла я.

Я заснула поздно в эту ночь, но спала спокойно. Последней мыслью моей, на сон грядущий, было:

«Вот это ее дело! Это сделала она!»

И я до сих пор так думаю и твердо в это верю. В свое время случай этот был мною рассказан всем мо-

им близким. Сестры П-вы узнали о нем в то же утро. Раньше еще, чем я поднялась, рассказ Аграфены о непонятных ночных стуках сильно смутил богобоязненных старушек; но когда я рассказала им заключительные подробности этой замечательной ночи, они немного успокоились, вполне разделив мой взгляд на все происшествие. (*«Необъяснимое или необъясненное»*. В. Желиховская, Спб., 1885 г., стр. 62—70.)

На этом месте нашего общего с читателем пути, полагаю, не лишнее будет осмотреться и привести в ясность, чего до сих пор успели мы достигнуть. Читатель, может быть, допустит, что у нас действительно установлена теперь на достаточно твердых основаниях возможность появления в некоторых случаях (через посредство ли колокольчиков или иным путем) разных шумов, которые мы можем логически приписать только сверхмировым или спиритуальным причинам; но чего же, спросит он, достигаем мы этим доказательством? Он в праве далее заметить, что доказательства загробной жизни должны бы, по существу дела, иметь характер торжественный и внушать благоговение, а не выражаться в таких пустяках и шалостях, как звон колокольчиков или удары в стену.

Можно бы ответить на это одним общим соображением. Между явлениями окружающей нас природы, как бы низко иные из них ни ставил человек, нет ничего мелкого и ничтожного в глазах Того —

Кто с высоты Своей державной мощи,
Как Бог всего, что только есть — живого
И не живого, смотрит равным оком
На все творенье... Падает ли с ветки
Подстреленная птица, — иль герой,
Сраженный в битве, выпускает дух;

Один ли атом гибнет, или с ним
Кончается система; исчезает
С лица воды набухший пузырек,
Иль рушится внезапно в прах и пепел
Прекрасная планета... все равно!

Но, минуя эту великую истину, спрошу вас: есть ли что-нибудь торжественное или внушающее благоговение для обыкновенного ума, например, в падении яблока с дерева, его вскормившего? Ребенок видит падение и бьет в ладошки; простой крестьянин принимает его за признак, что плодовый сад начинает созревать, но Ньютона оно наводит на след закона, управляющего движением планет и действующего в большей половине всех естественных явлений, какие встречаются в мире.

На вопрос, чего достигаем мы установлением таких фактов, отвечу замечанием Соути. В своей книге «Жизнь Уэсли», говоря о подобных же беспокойствах в пасторском доме Самуэля Уэсли и о том, какую добрую цель можно предполагать в подобных явлениях, он очень основательно замечает: хорошо уже будет и то, если «констатированная истинность хоть одной такой истории, как бы мелочна и бесцельна ни была самая история в других отношениях», заставит порой задуматься кого-нибудь из этих несчастных скептиков, не видящих ничего за узким кругом своего земного существования, и приведет его к вере в бессмертную жизнь.

Мы ступим еще на шаг далее. Между миром, в котором мы теперь живем, и тем, в который переходим по смерти, нет верного, постоянного сообщения: только по временам, очень редко, обитатели одного мира замечают жителей другого. Мы представляемся бес-

смертным, вероятно, чем-нибудь вроде привидений, так же точно, как и они нам — в те минуты, когда посещают землю. Но если кто когда-нибудь истинно любил и допускает будущую жизнь, для того не может быть сомнения, что лучшие из существ, отошедших с земли и оставивших здесь своих друзей и родных, некоторое время еще ищут их близости и сочувствуют им. Мы видим множество примеров тому, даже на этих страницах, что часто они горячо желают убедить нас — убедить до полной несомненности — в своем продолжающемся бытии, в своем благополучии и в своей не умирающей любви. Примеры свидетельствуют, что они очень усиленно добиваются общения с нами, иногда по чувству любви, иногда и по другим побуждениям; но достигают этого только с большим трудом. И эти трудности поставлены между нами и ими, конечно, не без мудрой цели: потому что, если бы духовные сношения были так же просты, как мирские связи, кто же согласился бы еще жить и томиться в этом смутном и трудном мире?

К ним приходит по временам желание посетить нас. Но, являясь из своего духовного мира, в своем духовном образе, незримом для наших глаз и безмолвном для нашего слуха, как обнаружить им перед нами свое присутствие? Как привлечь им наше внимание?

Что делает путник, подходящий в глухую ночь к дверям запертого дома, если хочет войти к живущим в нем, — хочет заявить им о своем присутствии? Не достигает ли он своей цели стуком или звоном.

Почему не допустить, что слова Писания читаются и на том свете, что они и там тоже находят себе применение? И почему бы бессмертная любовь, тоскующая по земному, не могла следовать этим словам Христа: «ищите и найдете; стучите и отворится вам!»

Жители дома, в который просится путник, не видя никого во мраке, могут сначала его стук или звон оставлять без внимания — и путник на тот раз, пожалуй, и отойдет, обманувшись в ожиданиях. Так это и могло быть в случаях, подобных рассказанному выше. Во многих, пожалуй, таких случаях, какой-нибудь дух искал, быть может, общения с землею. (Роберт Дэль-Оуэн. *«Спорная область между двумя мирами»*. Спб., 1881 г., стр. 51—67.)

15) Под заглавием *«Телепатия»* журнал *«Annales des Sciences Psychiques»* дает описание замечательного случая, по-видимому, вполне удостоверенного. Он сообщен г-м Рионделем, живущим в Монтелимаре. Мы здесь приводим самую существенную часть письма, написанного Рионделем редактору *«Annales»* 23-го мая 1894 г., спустя семь или восемь недель после происшествия.

«У меня был младший брат, который умер сорока лет от роду, 2-го апреля этого года. Он служил при телеграфе в Марселе, а также был агентом *«Messageries Maritimes»*.

Мой брат страдал сильным малокровием и болотной лихорадкой, которую приобрел во время продолжительного пребывания в колониях; однако смерть его была совершенной неожиданностью; никто не мог предполагать такого быстрого рокового исхода болезни. В воскресенье, 1-го апреля я получил от него письмо, в котором он, между прочим, говорил что чувствует себя отлично.

В ночь с воскресенья на понедельник я был внезапно разбужен необычайным и сильным шумом; казалось, будто целая каменная плита с грохотом катится по паркету моей комнаты; я спал один, и двери спальни были заперты на ключ. Я посмотрел на часы и на

будильник, стоящий в спальне. Они показывали без четверти два.

Само собою разумеется, я утром тщательно, но тщетно искал по комнате предмет, который так сильно испугал меня ночью.

В восемь часов утра я получил телеграмму от близкого приятеля моего брата, который занимал соседнюю с братом квартиру в доме №35, Rue de la République, в Марселе.

Телеграмма извещала меня о серьезной болезни брата и требовала моего немедленного приезда к нему.

Когда я прибыл в Марсель, мне сказали, что брат сегодня ночью умер, без агонии, без страданий, не произнеся перед смертью ни одного слова.

Я осведомился о точном часе его смерти у друга, на руках которого он умер; оказалось, что брат скончался ровно без четверти два.

Моя старушка мать, слепая уже в течение пятнадцати лет, также слышала три ночи подряд сильный шум у дверей своей спальни, но это произошло несколько ночей спустя после смерти ее сына.

Необходимо прибавить, что я счел нужным скрыть от нее смерть брата; она сама так слаба, что это известие убило бы ее. Она и до сих пор не знает, что ее милго сына нет более в живых.

После возвращения моего с похорон мать моя, под влиянием слышанных ею шумов, сказала мне в присутствии моей жены: «В течение нескольких ночей я получала предостережения насчет здоровья твоего брата. Ты должен немедленно ехать к нему, он, наверно, очень болен, и от тебя это скрывают». Мне удалось успокоить мать и убедить ее в неосновательности ее предчувствий.

Вот факты буквально так, как они произошли. Вы можете, если найдете нужным, напечатать полностью мое имя и мой адрес».

(Подпись) А. Риондель. Адвокат. (*«Ann. des Sc. Psych.»*. 1895 г., №4, сн. «Ребус», 1895 г., №44.)

16) В Данковском уезде Рязанской губернии проживала в собственном поместье г-жа Муромцева, урожденная графиня Т-тая, живущая и по настоящее время в Данковском уезде. У графини было два родных брата, оба военные и оба участники славной Крымской кампании. На первых же порах военных действий в Севастополе один из братьев был или убит в начале кампании, или, заболев опасно, умер в госпитале; другой брат находился постоянно в Севастополе. Таинственное явление, о котором я хочу сказать, случилось в первый день Св. Пасхи и произошло при следующих обстоятельствах: г-жа Муромцева, возвратясь утром из церкви и чувствуя утомление, пожелала отдохнуть. Едва она улеглась в постель, как услышала совершенно ясно и отчетливо чьи-то шаги, которые явно направлялись к ее кровати, закрытой пологом. Вот кто-то остановился и вдруг открыл полог; она взглянула и остолбенела от ужаса: перед нею стоял умерший брат, который сказал ей: «Христос воскрес, сестра, поздравляю тебя с праздником! Я пришел сказать тебе, что наш брат сегодня убит в Севастополе!» Сказав эти слова, призрак такими же шагами вышел из спальни. Все это длилось несколько мгновений, и вот, когда призрак брата скрылся, графиня, дрожа всем телом, разразилась истерическим плачем. На крик и рыдания ее тотчас же явилась ее прислуга и постаралась успокоить барыню. Придя в себя, графиня рассказала о случившемся с нею. История эта вскоре сделалась известна всему населению города Данкова и Данковского

уезда и дошла до местных властей. Исправником тогда в Данковском уезде был полковник Никанор Петрович Белокопытов, ныне почтеннейший старец, проживающий в отставке в городе Боровске Калужской губернии. Он и его жена неоднократно рассказывали это таинственное происшествие, случившееся почти на их глазах и замечательное тем, что спустя несколько дней после описанного происшествия графиня получила известие, что в ночь под Светлое Христово Воскресение, в то самое время, когда к ней являлся призрак, второй ее брат действительно был убит во время предпринятой тогда им и другими офицерами вылазки против неприятеля. (Из «*Петерб. листка*», сн. «*Ревбус*», 1884 г., №25.)

17) В Луцке настоятельницею «шарыток» была панна Ядвига Поляновская, внучка известного Поляновского, который вместе со Станиславом Лещинским выдвигал свою кандидатуру на Польский престол... Панна Поляновская была известной опекуной несчастных вдов и сирот, и к ней со всех сторон обращались за помощью. Часто случалось, что даже среди ночи к ней прибегали, прося помощи, и когда пришедший стучал в двери, то прислуживающая маленькая девочка отворяла их, не спрашивая барыни. Панна Поляновская занимала в монастыре две комнатки на втором этаже.

За несколько дней перед описываемым случаем умер капелан шарыток, ксендз Слезнинский. И вот однажды, поздно вечером, когда настоятельница ходила по комнате, читая молитву, а прислуга стлала постель, постучали в двери; по обыкновению, служанка побежала отворять. Но в то же мгновение настоятельницею овладело какое-то удивительное чувство, которого даже впоследствии она не умела определить; поэтому она сказала служанке:

— Не отворяй! спроси, кто такой?

Служанка исполнила приказание — спросила, — тотчас же из-за дверей послышался голос:

— Ксендз Слезнинский.

Панна Поляновская, ничего не пугаясь, отвечала:

— Прошу к окну.

Она хорошо знала, что если это была простая мистификация, то она не удастся, так как окно было на втором этаже. Однако она обратила внимание на удивительный, неопределимый звук голоса. Это не был обыкновенный голос, какой слышится, когда мы с кем-нибудь разговариваем, — но такой же, какой иногда приходится слышать в мысли, голос хорошо известных, но отсутствующих лиц, однако он слышится так ясно, как если б мы видели говорящего перед собой.

Итак, она подошла к окну и подняла спущенную занавеску; в то же мгновение в окне показался ксендз Слезнинский в той одежде, в какой был похоронен.

— Что вам угодно?

— Заупокойной обедни за мою душу.

— Так идите сами к приору — он мне не поверит, если скажу ему, что вы были у меня.

Сказав это, она опустила занавеску. Осмотревшись вокруг и не увидев нигде служанки, она начала искать ее и нашла под кроватью в обмороке. Когда она ее оттуда вытащила и привела в чувство, то спросила:

— Что с тобою?

— Ай, барыня! Ксендз Слезнинский был в окне!

Панна Поляновская ничего не отвечала и стала ходить по комнате, кончая прерванную молитву. Потом она совершенно спокойно легла в постель. На другой день она пошла к ранней обедне и нашла у алтаря смертельно бледного приора, который служил заупокойную обедню. После обедни к настоятельнице подо-

шел церковнослужитель, сообщая, что приор просит ее к себе на несколько слов. Когда панна Поляновская вошла в закрытию, приор воскликнул, ломая руки:

— Г-жа настоятельница, разве это хорошо насылать на меня покойников?

— А разве вы, ксендз приор, поверили бы мне, если б я сказала, что у меня был ксендз Слезнинский и просил обедни?!

Приор ничего не отвечал и только опустил на грудь голову. Бедняга со страху заболел тифозною горячкою и едва не умер. (См. кн. В. Битнера *«Верить или не верить?»* Спб., 1899 г., стр. 94—96.)

18) В 1853 году, в г. Р., в Массачусэте, жила очень уважаемая и обеспеченная семья, имя которой, хотя оно и известно мне, я не уполномочен здесь открывать, говорит Роберт Оуэн. Пусть это будут г. и г-жа Л.

Г-жа Л., когда ей было около двенадцати лет (в 1830 г.), была очевидицей одного из таких явлений, которые не забываются никогда и оказывают сильное влияние на образ мыслей и чувства человека во всю последующую жизнь.

В то время жила в доме ее матери, уже в последнем периоде безнадежной болезни, одна дама по фамилии Маршаль, которой из побуждений милосердия дали временный приют.

Цецилия — так звали г-жу Л. — засиделась однажды вечером позднее обыкновенного и, по-детски, прилегла и заснула на диване в гостиной.

Проснувшись через некоторое время, она сообразила, что, должно быть, уже поздно, потому что огонь в камине догорал и в комнате было пусто. Сделав движение, чтобы подняться, она вдруг увидела, что фигура г-жи Маршаль, одетая в белое, наклоняется над нею. «О, г-жа Маршаль, — воскликнула она, — зачем

вы сошли сюда? Ведь вы можете простудиться!» Фигура улыбнулась, не ответила ничего, но, направляясь к двери, сделала знак Цецилии, чтобы она следовала за нею. Та повиновалась не без некоторого чувства страха и еще с большим страхом наблюдала, как этот образ, который все еще принимала она за г-жу Маршаль, поднимался обратно вверх по лестнице медленным скользящим движением к дверям своей спальни. Цецилия шла следом, и когда была уже на площадке лестницы, образ г-жи Маршаль на ее глазах, не поворачивая замка и не отворяя двери в комнату, прошел туда, как будто бы через вещество стены, и пропал таким образом у нее из виду.

Крик девочки привлек к ней мать, которая, выйдя из комнаты г-жи Маршаль, спросила ее, в чем дело. «О, мама, мама, — воскликнуло испуганное дитя, — разве это было привидение?..»

Мать побранила ее сперва за глупые фантазии; но когда Цецилия передала ей подробно то, что видела, мать содрогнулась. И было, от чего. Прошло не более получаса, как г-жа Маршаль скончалась на ее глазах!

Ей вспомнилось и то, что за несколько минут перед смертью г-жа Маршаль поминала про Цецилию, которая была ее любимицей, и выражала горячее желание с нею повидаться. Но г-жа Ф., опасаясь слишком сильного действия такой сцены на ребенка, остереглась позвать ее.

Горячее желание не созрело ли вдруг в действие, когда сброшены были земные путы? Предсмертный порыв не был ли все-таки удовлетворен, несмотря на предосторожности матери?

Вот еще какой сон или видение имела г-жа Л. однажды ночью, в начале ноября 1853 года. Ее сестра Эсфирь, незадолго перед тем вышедшая замуж, не-

сколько недель назад выехала со своим мужем в Калифорнию, и родные ожидали в скором времени известий о ее прибытии. И вот, эта сестра как будто подошла к ее постели и сказала: «Цецилия, отправимся со мною в Калифорнию». Г-жа Л. в своем сне возразила ей, что не может оставить мужа и детей для такого длинного и тяжелого путешествия.

— Мы очень скоро туда прибудем, — сказала Эсфирь, — и ты возвратишься домой к утру.

Предложенное путешествие во сне не показалось ей невозможным. Она встала с постели, взялась за руку сестры — и чувствовала, что, вот, они поднялись и быстро пронеслись через огромное пространство. Спустились они у жилища, очень простого и грубого по виду, какого в своем воображении никогда не отвела бы она сестре в этой новой стране, куда та поехала с мужем искать счастья. Сестры вошли, и Цецилия узнала своего зятя; он был грустен и одет в траур. Тогда Эсфирь ввела ее в комнату, посреди которой стоял открытый гроб, и указала на лежавшее в нем тело. Это было тело Эсфири, мертвенно-бледное на вид. Г-жа Л. взглянула в немом изумлении сперва на лежавший перед нею труп, потом на тот образ, видимо сияющий жизнью и умом, который привел ее сюда. На ее вопросительный и изумленный взгляд этот живой образ отвечал: «Да, сестра, это тело было моим; но болезнь сразила его. Я заболела холерой и перешла в другой мир. Мне хотелось показать это тебе, чтобы приготовить вас к вести, которую скоро вы обо мне получите».

Вскоре г-жа Л., как ей казалось, снова поднялась на воздух, опять перенеслась через огромное пространство и вошла в свою спальню. Проснувшись она с таким живым впечатлением виденного сна, что дол-

го не могла уяснить себе, во сне или наяву совершила она это путешествие.

— Какой я видела сон! — тотчас сказала она мужу.

Но неодобрительное: «Ах, ты вечно со своими снами!» замкнуло ей рот; и она не сказала о том ни слова больше — ни ему и никому другому в семье.

Недели четыре спустя калифорнийская почта принесла письмо от мужа Эсфири, которым тот извещал родных о внезапной смерти его жены от холеры — накануне той самой ночи, как г-жа Л. видела свой сон.

Когда, месяцев через шесть после того, возвратившийся в Массачусэт зять услышал от г-жи Л. описание грубого жилья, в котором она видела себя во сне, он подтвердил, что описание соответствует во всех подробностях тому дому, в котором жена его умерла. (Роберт Дэль-Оуеню. *«Спорная область между двумя мирами»*. Спб., 1881 г.)

19) Кающаяся служанка. Есть некто мисс В., молодая девушка, моя близкая и добрая знакомая, характера прямого, развитая и образованная, принадлежащая одной из старых нью-йоркских фамилий. Несколько лет назад она прогостила неделю или две у своей тетки, гостеприимной хозяйки обширного и прекрасного старого дворца на реке Гудсон. В этом дворце, как и в некоторых старинных замках Европы, была одна комната, которая давно уже слыла «непокойной». Говорили об этом мало, но комнатой не пользовались, кроме случаев самой настоящей надобности. В пору пребывания там мисс В. гостей собралось особенно много, и хозяйка, извиняясь, обратилась к своей племяннице с просьбой, не уступит ли она свою комнату на день или на два

вновь прибывшим гостям, рискуя выдержать в дру-гой посещение привидения. Мисс В. отвечала, что она не боится посетителей с того света, — и дело было решено.

Девушка легла спать спокойно и без всякого страха. Проснувшись около полуночи, она увидела, что по ее комнате ходит пожилая женщина в опрятном, немного старомодном платье — очевидно, из старших служанок; но лицо ее было незнакомо. Сначала мисс В. не почувствовала никакой тревоги, решив, что это одна из служанок дома, пришедшая сюда за какою-нибудь надобностью; но, подумав, она вспомнила, что, ложась спать, замкнула дверь. Это смутило ее, и ее ужас еще возрос, когда фигура подошла к постели, наклонилась и, видимо, делала усилия, хотя и напрасные, заговорить. В страшном испуге, мисс В. натянула одеяло себе на голову; а когда, немного спустя, решилась выглянуть, фигуры уже как не бывало. Она бросилась к двери, дверь оказалась по-прежнему замкнутою изнутри. — «Но разве возможны такие вещи, как привидения? — размышляла она, улегшись опять в постель, — это было нечто реальное, если только верить своим глазам». В таком убеждении, через два-три бессонных часа, она заснула. Но на утро, при ярком свете дня, этот вывод уже не казался ей таким несомненным, а через несколько месяцев он перешел — как это бывает с молодыми людьми — в чувство какой-то смутной веры.

Затем, однако ж, случилось обстоятельство, оживившее эту веру в реальность ее полуночной гостьи до степени уже непоколебимой уверенности. Приняв приглашение одной близкой своей приятельницы погостить у нее несколько дней, она открыла, что хозяйка ее предается очень спокойным образом спиритуалистическим опытам. Мисс В., заинтересованная

предметом, по части которого слышала много толков, но наблюдала сама еще очень мало, приняла участие в нескольких сеансах своей знакомой.

В одном из этих случаев объявившийся дух назвал себя Сарою Клэрк — именем, которое обеим дамам было незнакомо. Сущность сообщения состояла в том, что она, Клэрк, много лет назад служила ключницей в семействе тетке мисс В.; что пыталась, но безуспешно, войти в непосредственное сношение с мисс В., когда та в последний раз гостила в старом дворце; что целью ее тогда было повиниться в одном преступлении, ею совершенном, и испросить у своей бывшей госпожи прощение. Непобедимое желание исполнить это (прибавила она) побуждало ее посещать комнату, которую она занимала при жизни. Далее она сообщила, что, быв ключницей, соблазнилась похитить и скрыть несколько вещей семейного сервиза, в том числе серебряную сахарницу и другие предметы, которые все перечислила, и что она была бы очень благодарна мисс В., если бы та сказала обо всем этом своей тетке и выразила ей глубокое сожаление ее, Клэрк, о своем поступке и надежду получить прощение.

В первый же приезд к своей тетке мисс В. спросила ее, знала ли она когда-нибудь личность по имени Сары Клэрк.

— Еще бы, — отвечала та. — Клэрк служила ключницей у нас в семействе что-то тридцать или сорок лет тому назад.

— Что это была за личность?

— Хорошая, заботливая, аккуратная женщина.

— Не пропало ли у вас, тетушка, в то время каких-нибудь серебряных вещей?

Тетка подумала.

— Да, кажется, так: серебряная сахарница и несколь-

ко других вещей исчезли каким-то необъяснимым образом. С какой стати ты спрашиваешь?

— Подозревали вы когда-нибудь Сару в этой покраже?

— Нет. Конечно, она имела доступ к вещам, но мы считали ее слишком честной, чтобы провиниться в воровстве.

Тогда мисс В. передала известие, полученное ею и ее знакомой; и, по сличении сведений, оказалось, что перечень вещей, сообщенный Сарою обеим дамам, точно отвечал действительной пропаже, насколько тетка могла ее припомнить. Что эта дама думала насчет рассказа своей племянницы, я не знаю; она высказала только одно — что, если Сара действительно взяла те вещи, она очень охотно ее прощает.

Замечательную черту этой истории остается еще досказать. С этого времени «непокойная» комната сделалась совершенно покойной. Сара Клэрк ни разу больше не являлась никому из ее обитателей.

Зная положение и характер причастных лиц, я могу ручаться за достоверность этого рассказа. Посмотрим же, что он нам откроет относительно будущей жизни.

Там есть тревожное сокрушение по тяжелым грехам, совершенным в этой жизни.

Там есть страстное искание прощения со стороны тех, к кому дух несправедлив был на земле. Иначе сказать, естественные последствия злых дел преследуют нас и в той фазе существования.

Обращаю также внимание на сильное доказательство «личного тождества», которое представляет рассказ мисс В. Имя ключницы не было известно обеим дамам, когда объявившийся ее дух сделал свое сообщение. Решительно ничто не наводило ни на это имя, ни на сделанное признание. И между тем, и имя, и при-

знание оказались вполне отвечающими тому, что было в действительности лет тридцать или сорок назад; не говоря уже о новом факте, вполне подошедшем ко всему остальному: о прекращении посещений, как только у посетителя не стало более поводов являться людям. (См. Роберт Дэль Оуэн. *«Спорная область между двумя мирами»*, Спб., 1881 г., стр. 17—31).

20) Один наш знакомый, человек с высшим образованием, заслуживающий полного доверия, А. Н. С-ин, рассказал нам следующий случай из своей жизни.

«Несколько лет тому назад, — говорил он, — полюбил я одну девушку, с которой имел намерение вступить в законный брак, и уже был назначен день нашей свадьбы. Но за несколько дней до брака невеста моя простудилась, получила скоротечную чахотку и через три-четыре месяца умерла. Как ни велик был для меня удар, но время свое взяло — я забыл о невесте или, по крайней мере, не скорбел о ней уже так, как в первое время после ее смерти.

Случилось мне однажды по делам службы проезжать через один город нашей Я-ской губернии, где были у меня родные, у которых я и остановился на одни сутки. На ночь мне отвели отдельную комнату. При мне была собака, умная и преданная. Ночь была, как теперь помню, лунная, хоть читай. Только что я начал засыпать, как слышу, моя собака заворчала. Зная, что она никогда напрасно не ворчит, я подумал, что, вероятно, в комнате нечаянно заперли кошку или пробежала мышь. Я приподнялся с постели, но ничего не заметил, собака же сильнее и сильнее ворчала, видимо, чего-то пугалась; смотрю — а у нее шерсть дыбом стоит. Начал было успокаивать ее, но собака более и более пугалась. Вместе с собакой безотчетно я испугался чего-то, хотя от природы не был трусом, да так испу-

гался, что на голове моей волосы дыбом стали. Замечательно, испуг мой усиливался по мере испуга собаки и дошел до такой степени, что, кажется, еще одна минута, я, наверное, лишился бы чувств. Но собака стала утихать, а с нею и я стал успокаиваться и в то же время начал как бы ощущать чье-то присутствие и ожидать появления, сам не зная какого. Когда совершенно успокоился, вдруг ко мне подходит моя невеста и, целуя меня, говорит: «Здравствуй, А. Н.! Ты не веришь, что за гробом есть жизнь, вот я явилась тебе, смотри на меня, видишь — я жива, даже целую тебя. Верь же, мой друг, что со смертью не прекращается жизнь человека». При этом она указала мне, что прочитать из Священного Писания о загробной жизни и из других разных духовных сочинений. Она сообщила мне еще нечто, о чем запретила рассказывать другим. Когда я встал на другой день, то увидел, что совершенно пошел за одну ночь, так что мои родные испугались, когда увидели меня за утренним чаем. Я должен при этом сознаться, — продолжал наш знакомый, — что до сего случая я ни во что не верил — ни в Бога, ни в бессмертие души, ни в загробную жизнь; несколько лет не ходил в церковь, оставаясь без исповеди и Св. Причастия, смеялся над всем священным; посты, праздники и священные обряды православной церкви для меня не существовали. Но теперь, по милости Божией, я сделался опять христианином, человеком верующим, и не знаю, как благодарить Господа, что Он исторг меня из бездны пагубных заблуждений».

Мы прибавим от себя, что А. Н. С-ин в настоящее время, состоя мировым судьей в одном из уездных городов северо-западного края, до того набожен, что, кажется, не было случая, когда бы он пропустил службу Божию. (*«Из загробн. мира»*, свящ. Д. Булгакова.)

21) Н. Н. М., личность высокоинтеллигентная, сообщает следующий случай. «Одна моя знакомая, курсистка А. К., отравилась, и я считал себя виновником ее самоубийства. Первые дни после ее смерти меня так мучили терзания совести, что я доходил до отчаяния и впадал в беспамятство. Припадки скоро прекратились, но я стал очень нервен. При малейшем волнении у меня *вставали дыбом волосы на голове*. Пароксизмы отчаяния так отравляли мне жизнь, что я с трудом удерживался от самоубийства, которое считал нечестным и слабохарактерным поступком. Но критическая мысль во мне не слабела, я мог наблюдать за собою, и лечивший меня доктор хвалил мою объективность. Однако, несмотря на прием разных успокоительных и снотворных средства, нервность и бессонница усиливались. Только, бывало, задремлешь, как вновь проснешься, словно кто толкнет тебя.

Однажды, недели три спустя после того, как умерла А. К., я проснулся и почувствовал ее присутствие. Я приписал это сновидению. Но на другую ночь я вновь проснулся с той же мыслью о ее близости. Лампа еще горела, и товарищ мой, ночевавший у меня в эту ночь, ложился спать. «Как будто кто вошел в комнату», — сказал я.

— Взойти некому; а вот ветром откуда-то понесло, — заметил он; затем спокойно задул лампу и лег.

Всю ночь я не спал и думал. С одной стороны, во мне было чрезвычайно живо чувство присутствия А. К., с другой — я не мог допустить существования души после смерти. Вдумываясь в свое ощущение и его причины, я пришел к мысли, что слышал шорох в коридоре, и это был шорох платья и шагов А. К. На другой день после обеда, перед сумерками, я лег на кровать и задремал. Очнулся от того же шелеста и сра-

зу решил: гляди и не двигайся. Стиснув зубы, крепко впившись ногтями правой руки в левую и широко открыв глаза, я глядел на дверь. Отворилась она или нет, не помню, не заметил, но ясно увидел А. К. Она была в белом платье с синими цветочками и медленно шла ко мне от двери. Лицо привидения было бледно и грустно. Подойдя к самой постели, она протянула руку, чтобы положить мне ее на лоб. Отчетливо помню, что у меня мелькнуло неприятное представление о мертвой, холодной руке; но, когда она коснулась и довольно тяжело легла мне на лоб, я ощутил живую, теплую, слегка влажную руку. Тень сказала мне несколько слов тихим голосом с особенно убедительной интонацией. Эти слова и тон я до сих пор помню очень живо. Тогда я вообразил, что она жива, вскрикнул, вскочил, хотел схватить ее, но тень пропала. Мой крик слышал шедший ко мне друг. — «Я думал, что ты зарезался», — сказал он мне, вбежав с испуганным лицом в комнату. — «Я видел С.», — сказал я ему. — «Галлюцинация! — заметил он, но внимательно осмотрел комнату и, помолчав, добавил, — ты озон добывал, что ли? У тебя сильно пахнет озоном». Действительно, озоном пахло сильно, но он был смешан с еще каким-то запахом, определить который мы не могли. Помню, что мой друг сказал что-то о новой способности человеческого организма выделять электричество, превращающее кислород воздуха в озон, но, обняв меня, усомнился в своей гипотезе». (В. Битнер. «Верить или не верить?» Спб., 1899 г., стр. 239—240.)

22) «В 1871 году состоявший в певческом хоре А. Я., прожив не более 24 лет, — рассказывает Ярославский архиепископ Нил, — умер от эпидемической холеры. Через десять дней после смерти, именно утром 16 июля, явился он мне во сне.

На нем был знакомый мне скюртук, только удлинённый до пят. В момент явления я сидел у стола гостинной своей, а он вошел из залы довольно скорым шагом, как это и всегда бывало, выказав знаки уважения ко мне, приблизился к столу и, не сказав ни слова, начал высыпать на стол из-под жилета медные деньги с малой примесью серебра.

С изумлением спросил я: «Что это значит?» Он отвечал: «На уплату долга».

Это меня очень поразило, и я неоднократно повторил: «Нет, нет, не нужны твои деньги, сам заплачу твой долг».

При сих словах Я. с осторожностью сказал мне: «Говорите потише, чтобы не слышали другие».

На выраженную же мою готовность уплатить за него долг, он не возражал, а деньги не замедлил сгрести рукою со стола. Но куда положил он их, не удалось мне заметить, а кажется, тут же они исчезли.

Затем, встав со стула, я обратился к Я. с вопросом: «Где находишься ты, отшедши от нас?»

- Как бы в заключенном замке.
- Имеете ли вы какое-либо сближение с ангелами?
- Для ангелов мы чужды.
- А к Богу имеете ли какое отношение?
- Об этом после когда-нибудь скажу.
- Не в одном ли месте с тобою Миша?
- Не в одном.
- Кто же с тобою?
- Всякий сброд.
- Имеете ли вы какое развлечение?
- Никакого. У нас даже звуки не слышатся никогда; ибо духи не говорят между собою.
- А пища какая-либо есть у духов?
- Ни-ни... — Звуки эти произнесены были с явным

неудовольствием и, конечно, по причине неуместности вопроса.

— Ты же как чувствуешь себя?

— Я тоскую.

— Чем же этому помочь?

— Молитесь за меня, вот доныне не совершаются обо мне заупокойные литургии.

При сих словах душа моя возмутилась, и я стал перед покойником извиняться, что не заказал сорокоуста, но что непременно это сделаю. Последние слова, видимо, успокоили собеседника.

За сим он просил благословения, чтобы идти в путь свой. При этом я спросил его: «Нужно ли испрашивать у кого-либо дозволения на отлучку?» Ответ заключался только в одном слове: *да*. И слово это было произнесено протяжно, уныло и как бы по принуждению.

Тут он вторично попросил благословения, и я благословил его. Вышел он от меня дверью, обращенной к Туговой горе, на которой покоится прах его. (*«Душен. размышления»*, 1880—1881 г.)

23) «В 1851 году, в ноябре, наши певчие отправились от нас в Иерусалим, — рассказывает святогорец о. Серафим. — В драгомань дан был им монах Н., который немного ранее этого хотел оставить обитель. Бог весть, какова была жизнь его, и особенно в Иерусалиме, только впоследствии было открыто его злоупотребление именем обители: он сделал ложную подпись игумена на листе с казенной монастырской печатью и с этим листом производил сбор в Палестине. Счастливо кончался срок их странствования; протекла Пасха, наши певчие уехали из Яффы на Синай, и Н. в числе русских паломников сел на корабль, отправлявшийся из Яффы к нам на Афон.

В первую ночь, когда улеглись все по местам на

корабле, в ночной темноте, во время качки Н., одетый в русскую шубу, зачем-то пробрался на переднюю часть корабля и, Бог весть как, оборвался и полетел в море... Раза три доносился до корабля умоляющий его голос: «спасите, спасите!», но через несколько минут эти слова замерли в отдалении, и самый звук голоса слился с воем ветра и бури. Н. утонул.

Спустя неделю после этого несчастья, именно в конце ноября, один из монашествующей братии С. вдруг был поражен видением. Утопленник Н. входит в его келью и только что переступил порог, сказал: «Не пугайся меня, я не привидение, а действительно Н.» Брат С. всмотрелся в лицо покойного и с недоверчивостью спросил: «Да не бес ли ты?»

— Нет, — отвечал явившийся, — я истинно Н.

— А прочитай: «Да воскреснет Бог», — сказал ему С., — и перекрестись, тогда поверю, что ты не бес.

— Ты перекрести меня, — заметил на это явившийся, — ты и прочитай: «Да воскреснет Бог», тогда и убедишься, что я точно Н.

С. перекрестился и начал читать молитву. Когда дошло до слов: «тако да погибнут беси от лица любящих Бога», Н. перебил его и прочитал: «тако да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возселятся» — и, глубоко вздохнув, задумался. Потом он смиренно начал просить, чтобы помолились о нем.

— Разве ты нуждаешься в наших молитвах? — спросил С..

— Ах, и как еще нуждаюсь! — отвечал он со вздохом и, взяв С. за руку и крепко сжав, продолжал: — помолитесь, пожалуйста, обо мне.

— Да я и о себе-то не знаю, как молиться, — возразил С., — об этом надо просить духовника.

— И попроси, — сказал явившийся, — попроси и всю братию, чтобы помолились обо мне.

— Да садись же, — сказал ему С.

— Ах, нет, мне ведь дано немного времени, и я изда- лека, издалека летел сюда и спешил...

Тут вдруг пришло на мысль С. просить Н. о том, что- бы он примирился с братией.

Н. задумался, потом, вздохнув, с печалью произнес: «Не то уж теперь время».

Между тем, С. заметил, что у покойника пробит че- реп.

— Это что у тебя? От чего? — спросил он явившего- ся, указывая на раны.

— А когда принесло меня по волнам к берегу, голо- ва моя разбилась о камень.

Затем, еще попросив, чтобы молились о нем, Н. торопливо произнес, что ему уже время возвращать- ся, и исчез. (Соч. Святогорца — Письма к друзьям, т. III.)

24) А вот случай, бывший недавно в Париже. Од- нажды утром к священнику явилась дама и просила его отправиться вместе с нею в приготовленной ка- рете для напутствования Св. Тайнами умирающего ее сына. Взяв запасные Дары и все нужное для при- общения, священник, в сопровождении дамы, скоро прибыл в указанный дом. Но когда он поднимался в квартиру, дама незаметно скрылась. На звонок свя- щенника вышел молодой человек, офицер, цветуще- го здоровья. «Что вам угодно, батюшка?» — спросил он вошедшего пастыря.

— Меня пригласила сюда какая-то дама к уми- рающему ее сыну, чтобы исповедать и приобщить его, — ответил священник.

— Тут явное недоразумение, — возразил офи-

цер. — Я один живу в этой квартире и не посылал за вами, я вполне здоров.

Собеседники, между тем, вошли в гостиную. Висевший над диваном большой портрет пожилой женщины невольно обратил внимание священника, и он сказал:

— Да вот эта самая дама была у меня, она и указала мне на вашу квартиру.

— Помилуйте, — ответил хозяин, — это портрет моей матери, умершей 20 лет тому назад.

Пораженный таким обстоятельством, офицер выразил желание исповедаться и причаститься, и на другой день скончался от разрыва сердца. (*«Из области таинственного»* свящ. Д. Булгаковского, изд. 1895 г.)

25) Из воспоминаний В. И. Панаева. «Осенью 1796 года тяжкая болезнь родителя вызвала отца моего в Туринск. Он поспешил к нему вместе со своей супругой, нежно им любимой, и почти со всеми детьми, и имел горестное утешение лично отдать отцу последний долг; но через несколько дней (26 октября) на обратном пути из Сибири скончался от желчной горячки в Ирбите, где и погребен у соборной церкви.

Супружеский союз моих родителей был примерный; они жили, как говорится, душа в душу. Мать моя, и без того огорченная недавней потерей, лишившись теперь неожиданно нежно любимого супруга, оставшись с восемью малолетними детьми, из которых старшему было 13 лет, а младшему один только год, впала в совершенное отчаяние, слегла в постель, не принимая никакой пищи, и только изредка просила пить. Жены ирбитских чиновников, видя ее в таком положении, учредили между собою дежурство и не оставляли ее ни днем, ни ночью. Так проходило 13 уже дней, как в последний из них, около полуночи, одна из дежурных ба-

рынь, сидя на постланной для нее на полу перине за вязанием чулок (другая спала подле нее), приказала горничной запереть все двери, начиная с передней, и ложиться спать в комнате перед спальней, прямо против незатворенных дверей, для того чтобы, в случае надобности, можно было ее позвать скорее. Горничная исполнила приказание: затворила и защелкнула все двери; но только что, постлав на полу постель свою, хотела прикрыться одеялом, как звук отворившейся двери в третьей комнате остановил ее; опершись на локоть, она стала прислушиваться. Через несколько минут такой же звук раздался во второй комнате и при ночной тишине достиг до слуха барыни, сидевшей на полу в спальне; она оставила чулок и тоже стала внимательно прислушиваться. Наконец, щелкнула и последняя дверь, ведущая в комнату, где находилась горничная... И что же? Входит недавно умерший отец мой, медленно шаркая ногами, с поникшею головою и стопами, в том же халате и туфлях, в которых скончался. Дежурная барыня, услышав знакомые ей шаги и стоны, потому что находилась при отце моем в последние два дня его болезни, поспешила, не подымаясь с пола, достать и задернуть откинутый для воздуха полог кровати моей матери, которая не спала и лежала лицом к двери, — но, объятая ужасом, не успела. Между тем, он вошел с теми же болезненными стопами, с той же поникшей головой, бледный, как полотно, и, не обращая ни на кого внимания, сел на стул, стоявший подле двери, в ногах кровати. Мать моя, не заслоненная пологом, в ту же минуту его увидала, но от радости, забыв совершенно, что он скончался, воображая его только больным, с живостью спросила: «*Что тебе надо, друг мой?*» — и спустила уже ноги, чтобы идти к нему, как неожиданный ответ его: подай мне лучше

нож — ответ, совершенно противный известному образу его мыслей, его высокому религиозному чувству, остановил ее и привел в смущение. Видение встало и, по-прежнему, не взглянув ни на кого, медленными шагами удалилось тем же путем. Придя в себя от охватившего всех оцепенения, дежурившая барыня разбудила свою подругу, и вместе с нею и горничной они пошли осматривать двери: все они оказались отворенными!

Событие непостижимое, необъяснимое, а для людей, сомневающих во всем сверхъестественном, и невероятное; но ведь оно подтверждается свидетельством трех лиц! Если б видение представилось только одной матери моей, то, пожалуй, можно бы назвать его следствием расстроенного воображения женщины больной и огорченной, все помышления которой сосредоточены были на понесенной ею потере. Здесь, напротив, являются еще две сторонние женщины, не имевшие подобного настроения, находившиеся в двух разных комнатах, но видевшие и слышавшие одно и то же. Смиримся пред явлениями духовного мира, пока недоступными исследованиям ума человеческого и, по-видимому, совершенно противными законам природы, нам известным. А разве мы вполне их постигли? (*«Вестн. Европы»*. 1866 г., сент.)

26) Скупой, навещающий свое сокровище. Следующий рассказ сообщен мисс Бляк из Манвилль-гарденса в Эдинбурге, которая записала его со слов одной старинной, глубоко уважаемой ею приятельницы, очень почтенной старушки, бывшей очевидицей странного происшествия.

«В 1839 или 40 году, когда я была еще молодой женщиной, брат мой для поправления здоровья жены нанял дом на юге Шотландии. Вскоре после переезда их туда двое из детей заболели корью, и брат написал мне,

приглашая приехать помочь им в уходе за больными детьми. Он нанял дом через агента и ничего не знал о его предыдущих обитателях. В день моего приезда мы засиделись довольно поздно; было уже около полуночи, когда мы разошлись. Хотя я, очень утомленная, и поспешила лечь в постель, но, беспокоясь о детях, долго не могла уснуть. Так прошло приблизительно около часа; я лежала с открытыми глазами, когда мое внимание обратилось на мерцание света, подымавшегося как будто снизу по лестнице. Предполагая, что это, может быть, няня, идущая сказать мне что-нибудь о детях, я села на постели и стала прислушиваться. Свет остановился у моей двери, ручка которой тихо повернулась, и на пороге показалась очень странная фигура: маленький старичок, с одним плечом выше другого, с огромной головой, покрытой торчащими волосами с проседью, вошел в комнату, крадучись и хромая. В одной руке у него был подсвечник из зеленой меди, очень оригинальной формы. Не взглянув ни разу в сторону моей кровати, он прямо направился в угол комнаты, примыкавший к моему изголовью, и, сдвинув панель с места, начал считать золотые монеты, лежавшие кучками в открывшемся углублении, бормоча что-то про себя и покачивая головою. Я не особенно испугалась, была только очень поражена неожиданностью этого появления и все время наблюдала за ним, пока часы не пробили два. Тогда он задвинул панель, запахнул свой старый шлафрок и медленно захромал, направляясь к двери. Я соскочила с постели и последовала за ним, но не могла заговорить, как собиралась, так как язык мой точно прилип к гортани. Все что-то бормоча, старик пошел вниз, я за ним, и вдруг на половине лестницы он мгновенно исчез из моих глаз, а мне попалась навстречу помощница няни, бледная, видимо взволно-

ванная и спешившая наверх. «Видели вы кого-нибудь на лестнице, Джен?» — спросила я. Она ответила отрицательно. Ее послали ко мне сказать, что с одним из детей сделались конвульсии. На другой день ребенок умер, а я переменила спальню и ни разу не спала более в той комнате. Вечером после похорон я рассказала брату о странном явлении, и мы оба решили, что это был очень замечательный своею живостью сон. Я прожила у брата несколько недель. Однажды деревенский доктор, обедая у нас, рассказал, что дом, нами занимаемый, слывет в окрестности неблагополучным, что в нем будто бы ходит покойный его хозяин и стережет свое сокровище. Его все знали за большого скупца, по словам доктора, и на наши вопросы о его наружности он описал его кривобоким и очень сходным с виденной таинственной личностью.

Брат прожил в этом доме недолго, а несколько лет спустя случайно прочитал в газетах, что во время переделок в доме, начатых новым владельцем, рабочие нашли в одной комнате подвижную на шарнирах панель и в углублении кучу золота в монетах, а что еще страннее, в газете упоминалось, что вместе с золотом нашелся старинный подсвечник из зеленой меди, похожий по описанию на тот, который я видела в руках привиденья». («*Light*», сн. «*Ребус*», 1885 г., №16.)

27) Черная дама. Извлекаем из мемуаров графа Ностица, бывшего долгое время генерал-адъютантом императора Николая I, рассказы о призраке, именуемом «Черная дама», появляющемся уже более ста лет во дворцах Дармштадта и Мюнхена.

а) Великому герцогу Гессенскому Людвигу I дежурный адъютант доложил однажды, что в прошлую ночь часовые объявили начальнику дворцового караула о своем решении лучше быть расстрелянными, чем еще

раз очутиться лицом к лицу с ужасным призраком черной женщины, который в полночь прошел мимо них на маленький двор, куда выходит дворцовая капелла. Вместе с тем, адъютант доложил, что один молодой гренадер хочет просить милостивого позволения герцога стать в следующую ночь на дежурство у капеллы, чтобы отбить у призрака, так напугавшего его товарищей, охоту к дальнейшим появлениям.

Великий герцог охотно дал свое разрешение на просьбу brave солдата, приказав ему после троекратного оклика стрелять в подозрительное видение, если оно не обратит внимания на оклик; сам же герцог пригласил к себе своих приближенных и, незадолго до полуночи, вместе с ними, в сопровождении лакеев, несших факелы, отправился в капеллу. Часы не успели пробить полночь, как с соседнего двора раздались три оклика и за ними последовал выстрел. Герцог, сопровождаемый приближенными и лакеями, поспешил из капеллы и во дворе увидел распростертым молодого гренадера, не раненого, но мертвого; возле него лежало ружье с оторванным от приклада стволом.

б) Король Баварский Людвиг I имел обыкновение проводить лето со своей супругой, королевой Терезой, в замке близ Ашаффенбурга — обыкновение, которого король придерживался и после того, как стал «частным человеком». В 1854 году в Мюнхене свирепствовала холера, и, из опасения за супругу, король уехал в Ашаффенбург, где частым его гостем был великий герцог Людвиг III Гессен-Дармштадтский.

Весело разговаривая, сидели их величества за чайным столом в обществе великого герцога, их зятя, и гофмаршала барона де Ларош дю Жарис, как вдруг, почти одновременно, все трое мужчин, побледнев, остановили взоры на королеве, за стулом которой они

увидели закутанную в черное одеяние фигуру, которая медленно скрылась в дверях, ведущих в комнату дежурного гоф-фурьера.

Мучимый необъяснимым предчувствием, герцог встал из-за стола и поспешил вслед за скрывшейся фигурой в соседнюю комнату, где и набросился на бывшего там гоф-фурьера с гневным выговором:

— Как вы можете впускать к их величествам без доклада постороннюю даму?

Гоф-фурьер с изумлением отвечал:

— Ваше величество, я уже три часа на дежурстве, и за все это время ни один человек не входил и не выходил из комнаты.

— Но та дама, которая только что вошла сюда из зала? — взволнованно допытывался герцог.

— Здесь не было никакой дамы, — уверенно повторял гоф-фурьер.

Еле преодолев свое смущение, герцог вернулся к обществу.

— Отчего ты так поспешно вышел? — спросила своего зятя королева, от которой не укрылась происшедшая в его лице перемена.

Герцогу ничего не оставалось, как рассказать ей о загадочном происшествии.

Королева в ужасе вскочила со своего стула и воскликнула:

— Это касается меня!

Несколько месяцев спустя двор переехал из Ашаффенбурга в Мюнхен, где эпидемия уже прекратилась. Но королева Тереза заболела и сделалась ее жертвой — единственной из всего королевского дома.

в) В последних числах марта 1864 года дежурный офицер королевской лейб-гвардии делал ночной обход по коридорам мюнхенской резиденции. Прибли-

звившись к узкому боковому ходу, ведущему на половину придворных дам королевы Марии, в то время, как колокол старой дворцовой капеллы бил полночь, он увидел одетую в черное даму, которая, миновав главную лестницу, направилась к Белому залу, соединенному несколькими ступеньками со старой капеллой. Офицер, полагая, что дама возвращалась от графини дю Мулэн или от баронессы Редвиц и заблудилась, вежливо сказал ей, указывая на парадную лестницу:

— Вот отсюда вам ближе к выходу, сударыня.

Не обращая на эти слова ни малейшего внимания, дама продолжала идти в прежнем направлении.

Офицер, заподозрив в этом что-то неладное, ускорил шаги и увидел черную фигуру уже на маленькой лестнице по ту сторону Белого зала.

— Задержать ее! — крикнул он стоявшему у дверей капеллы караулу и сбежал с маленькой лестницы.

На его вопрос, куда направилась дама в черном, только что спустившаяся с лестницы, солдаты доложили, что мимо них никто не проходил.

Весть о явлении «черной дамы» разнеслась по Мюнхену и служила темой самых оживленных толков; никто не знал, чему приписать это вторичное появление призрака, предвещавшего несчастье королевскому дому, так как все члены королевской фамилии отличались превосходным здоровьем. Но 29 марта Мюнхен облетела страшная весть: король Максимилиан II, одеваясь для обычной прогулки верхом, опасно заболел, а на другой день государственный герольд возвещал жителям столицы о восшествии на престол Людвига II. Король скончался. («Ребус», 1894 г., №38.)

28) Видение Софии Александровны Аксаковой. «Нижеследующий рассказ относится ко времени первого замужества моей покойной жены (сообщает А. Ак-

саков) и был написан ею, по моей просьбе, в 1872 г.; воспроизвожу его здесь дословно по ее рукописи. Когда в 1873 г., будучи в Берне, мы познакомились с профессором Перти, который, как известно, специально изучал подобные явления, он очень заинтересовался этим рассказом; получив его от жены в немецком переводе, он поместил его в «*Psychische Studien*» (1874 г., стр. 122 и 166), со своим примечанием, в котором поясняет, почему это видение не могло быть чисто субъективным, тут же помещено и мое, сколь мне кажется, довольно подходящее объяснение для таинственного «пергаментного свертка». Этот рассказ появился потом и на английском языке в журнале «*Spiritualist*» 1874 г., т. I, стр. 183, и в книжке: «*Spirits before our eyes*», изданной в Лондоне в 1879 г. Гаррисоном.

“Это было в мае 1855 г. Мне было девятнадцать лет. Я не имела тогда никакого понятия о спиритизме, даже этого слова никогда не слыхала. Воспитанная в правилах греческой православной церкви, я не знала никаких предрассудков и никогда не была склонна к мистицизму или мечтательности. Мы жили тогда в городе Романове-Борисоглебске Ярославской губернии. Золовка моя, теперь вдова по второму браку, полковница Варвара Ивановна Тихонова, в то время бывшая замужем за доктором А. Ф. Зенгиреевым, жила с мужем своим в городе Раненбурге Рязанской губернии, где он служил. По случаю весеннего половодья всякая корреспонденция была сильно затруднена, и мы долгое время не получали писем от золовки моей, что, однако ж, ни мало не тревожило нас, так как было отнесено к вышеозначенной причине.

Вечером, с 12 на 13 число мая, я помолилась Богу, простилась с девочкой своей (ей было тогда около полугода, и кроватка ее стояла в моей комнате, в четы-

рехаршинном расстоянии от моей кровати, так что я и ночью могла видеть ее), легла в постель и стала читать какую-то книгу. Читая, я слышала, как стенные часы в зале пробили двенадцать часов. Я положила книгу на стоявший около меня ночной шкафчик и, опершись на левый локоть, приподнялась несколько, чтоб потушить свечу. В эту минуту я ясно услышала, как отворилась дверь из прихожей в залу и кто-то мужскими шагами вошел в нее; это было до такой степени ясно и отчетливо, что я пожалела, что успела погасить свечу, уверенная в том, что вошедший был не кто иной, как камердинер моего мужа, идущий, вероятно, доложить ему, что прислали за ним от какого-нибудь больного, как случалось весьма часто, по занимаемой им тогда должности уездного врача; меня несколько удивило только то обстоятельство, что шел именно камердинер, а не моя горничная девушка, которой это было поручено в подобных случаях. Таким образом, облокотившись, я слушала приближение шагов — не скорых, а медленных, к удивлению моему, — и когда они, наконец, уже были слышны в гостиной, находившейся рядом с моей спальней, с постоянно отворенными в нее на ночь дверями, и не останавливались, я окликнула: «Николай (имя камердинера), что нужно?» Ответа не последовало, а шаги продолжали приближаться и уже были совершенно близко от меня, вплоть за стеклянными ширмами, стоявшими за моей кроватью; тут уже, в каком-то странном смущении, я откинулась навзничь на подушки.

Перед моими глазами приходился стоявший в переднем углу комнаты образной киот с горящей перед ним лампадой всегда умышленно настолько ярко, чтобы света этого было достаточно для кормилицы, когда ей приходилось кормить и пеленать ребенка. Корми-

лица спала в моей же комнате за ширмами, к которым, лежа, я приходилась головой. При таком лампадном свете я могла ясно различить, когда входивший поравнялся с моей кроватью по левую сторону от меня, что то был именно зять мой, А. Ф. Зенгиреев, но в совершенно необычном виде — в длинной, черной, как бы монашеской рясе, с длинными по плечи волосами и с большой окладистой бородой, каких он никогда не носил, пока я знала его. Я хотела закрыть глаза, но уже не могла, чувствуя, что все тело мое совершенно оцепенело; я не властна была сделать ни малейшего движения, ни даже позвать на помощь; только слух, зрение и понимание всего, вокруг меня происходившего, сохранялись во мне вполне и сознательно, — до такой степени, что на другой день я дословно рассказывала, сколько именно раз кормилица вставала к ребенку, в какие часы, когда только кормила его, а когда и пеленала, и проч. Такое состояние мое длилось от 12 часов до 3 часов ночи, и вот что произошло в это время.

Вошедший подошел к моей кровати, стал боком, повернувшись лицом ко мне, по левую мою сторону, и, положив свою левую руку, совершенно мертвенно-холодную, плашмя на мой рот, вслух сказал: «Целуй мою руку». Не будучи в состоянии ничем физически высвободиться из-под этого влияния, я мысленно, силою воли, противилась слышанному мною велению. Как бы провидя намерение мое, он крепче нажал лежавшей рукой мне на губы и громче и повелительнее повторил: «Целуй эту руку». И я, со своей стороны, опять мысленно еще сильнее воспротивилась повторенному приказу. Тогда, в третий раз, еще с большей силой, повторились то же движение и те же слова, и я почувствовала, что задыхаюсь от тяжести и холода налегавшей на меня руки; но поддаться велению

все-таки не могла и не хотела. В это время кормилица в первый раз встала к ребенку, и я надеялась, что она почему-нибудь подойдет ко мне и увидит, что делается со мной; но ожидания мои не сбылись: она только слегка покачала девочку, не вынимая ее даже из кровати, и почти тотчас же опять легла на свое место и заснула. Таким образом, не видя помощи и думая почему-то, что умираю, — что то, что делается со мною, есть не что иное, как внезапная смерть, — я мысленно хотела прочесть молитву Господню «Отче наш». Только что мелькнула у меня эта мысль, как стоявший подле меня снял свою руку с моих губ и опять вслух сказал: «Ты не хочешь целовать мою руку, так вот что ожидает тебя» — и с этими словами положил правой рукой своей на ночной шкафчик, совершенно подле меня, длинный пергаментный сверток величиною в обыкновенный лист писчей бумаги, свернутый в трубку; и когда он отнял руку свою от положенного свертка, я ясно слышала шелест раздавшегося наполовину толстого пергаментного листа, и левым глазом даже видела сбоку часть этого листа, который, таким образом, остался в полуразвернутом или, лучше сказать, в слегка свернутом состоянии. Затем положивший его отвернулся от меня, сделал несколько шагов вперед, стал перед кивотом, заграждая собою от меня свет лампы, и громко и явственно стал произносить задуманную мною молитву, которую и прочел всю от начала до конца, кланяясь по временам медленным поясным поклоном, но не творя крестного знамения. Во время поклонов его лампада становилась мне видна каждый раз, а когда он выпрямлялся, то опять заграждал ее от меня. Окончив молитву одним из вышеописанных поклонов, он опять выпрямился и стал неподвижно, как бы чего-то выжидая; мое же состояние ни в чем

не изменилось, и когда я вторично мысленно пожелала прочесть молитву Богородице, то он тотчас так же внятно и громко стал читать и ее; то же самое повторилось и с третьей задуманной мною молитвой — «Да воскреснет Бог». Между этими двумя последними молитвами был большой промежуток времени, в который чтение останавливалось, покуда кормилица вставала на плач ребенка, кормила его, пеленала и вновь укладывала. Во все время чтения я ясно слышала каждый бой часов, не прерывавший этого чтения; слышала и каждое движение кормилицы и ребенка, которого страстно желала как-нибудь инстинктивно заставить поднести к себе, чтобы благословить его перед ожидаемой мною смертью и проститься с ним; другого никакого желания в мыслях у меня не было, но и оно осталось неисполненным.

Пробило три часа; тут, не знаю почему, мне пришло на память, что еще не прошло шести недель со дня Светлой Пасхи и что во всех церквях еще поется пасхальный стих — «Христос воскрес!» И мне захотелось услышать его... Как бы в ответ на это желание, вдруг понеслись откуда-то издалека божественные звуки знакомой великой песни, исполняемой многочисленным полным хором в недостигаемой высоте... Звуки слышались все ближе и ближе, все полнее, звучнее и лились в такой непостижимой, никогда дотоле мною не слышанной, неземной гармонии, что у меня замирал дух от восторга; боязнь смерти исчезла, и я была счастлива надеждой, что, вот, звуки эти захватят меня всю и унесут с собою в необозримое пространство... Во все время пения я ясно слышала и различала слова великого ирмоса, тщательно повторяемые за хором и стоявшим предо мною человеком. Вдруг внезапно вся комната залилась каким-то лучезарным светом, также еще

мною не виданным, до того сильным, что в нем исчезло все — и огонь лампы, и стены комнаты, и самое видение... Свет этот сиял несколько секунд при звуках, достигших высшей, оглушительной, необычайной силы, потом он начал слабеть, и я могла снова различить в нем стоявшую предо мною личность, но только не всю, а начиная с головы до пояса; она как будто сливалась со светом и мало-помалу таяла в нем, по мере того, как угасал или тускнел и самый свет; сверток, лежавший все время около меня, также был захвачен этим светом и вместе с ним исчез. С меркнувшим светом удалялись и звуки, также медленно и постепенно, как вначале приближались.

Я стала чувствовать, что начинаю терять сознание и приближаюсь к обмороку, который действительно и наступил, сопровождаемый сильнейшими корчами и судорогами всего тела, какие только когда-либо бывали со мной в жизни. Припадок этот своей силой разбудил всех окружавших меня и, несмотря на все принятые меры и поданные мне пособия, длился до девяти часов утра; тут только удалось, наконец, привести меня в сознание и остановить конвульсии. Трое последовавших затем суток я лежала совершенно недвижима от крайней слабости и крайнего истощения вследствие сильного горлового кровотечения, сопровождавшего припадок. На другой день после этого странного события было получено известие о болезни Зенгиреева, а спустя две недели и о кончине его, последовавшей, как потом оказалось, в ночь на 13-е мая, в 5 часов утра.

Замечательно при этом еще следующее: когда зловка моя, недель через шесть после смерти мужа, переехала со всей своей семьей жить к нам в Романов, то однажды, совершенно случайно, в разговоре с другим лицом, в моем присутствии, она упомянула о том заме-

чательном факте, что покойного Зенгиреева хоронили с длинными по плечи волосами и с большой окладистой бородой, успевшими отрасти во время его болезни; упомянула также и о странной фантазии распорядившихся погребением — чего она не была в силах делать сама, — не придумавших ничего приличнее, как положить покойного в гроб в длинном, черном суконном одеянии, вроде савана, нарочно заказанном ими для этого.

Характер покойного Зенгиреева был странный; он был очень скрытен, малообщителен; это был угрюмый меланхолик; иногда же, весьма редко, он оживлялся, был весел, развязен. В меланхолическом настроении своем он мог два, три, даже восемь, десять часов просидеть на одном месте, не двигаясь, не говоря ни единого слова, отказываясь от всякой пищи, покуда подобное состояние, само собою или по какому-нибудь случаю, не прекращалось. Ума не особенно выдающегося, он был по убеждениям своим, быть может, в качестве врача, совершенный материалист; ни во что сверхчувственное — духов, привидения и тому подобное — он не верил; но образ жизни его был весьма правильный. Отношения мои к нему были довольно натянуты вследствие того, что я всегда заступалась за одного из его детей, маленького сына, которого он с самого его рождения совершенно беспричинно постоянно преследовал; я же при всяком случае его защищала; это его сильно сердило и восстанавливало против меня. Когда за полгода до смерти своей он вместе со всем семейством гостил у нас в Романове, у меня вышло с ним все по тому же поводу сильное столкновение, и мы расстались весьма холодно. Эти обстоятельства не лишены, быть может, значения для понимания расска-

занного мною необыкновенного явления". (См. «Ревус», 1890 г., №13.)

29) Доказательство загробного существования. «Накануне Рождества, 24 декабря 1890 года, в 6 часов пополудни, — сообщает г. Гладкевич, — я с ныне уже покойной младшей сестрой и 10-летним братом возвратился переутомленным с похорон. Хоронили мы одну нашу хорошую знакомую, даму пожилых лет, которая, проболев весьма недолго, скончалась 22 числа от так называемой «сахарной болезни». Спустя три часа после нашего прибытия с похорон и прихода моего родственника с женою, мы сели ужинать, во время которого мой отец, любивший иногда пошутить, спросил: «А что сделали бы вы, если бы вдруг между нами появилась умершая Елена Константиновна?» — «Ну, что ж, — ответил я, — пригласил бы сесть возле себя и расспросил, как она чувствует себя после смерти и как вообще в том мире живет». Сестра же моя, бывшая на похоронах и видевшая в гробу покойницу, которая своим ростом и видом произвела на нее неприятное впечатление, запротестовала всем своим красноречием и потребовала прекратить столь неприятный для всех разговор на ночь, что, конечно, и было исполнено. Ужин, к удовольствию всех присутствовавших, прошел при веселом и единодушном настроении. После ужина, около 11 часов, отец, мать, сестры и брат разошлись по комнатам, а я с родственником остался сидеть за столом, продолжая наш разговор, который, в конце концов, принял характер упрека по моему адресу за то, что я не приобрел ему билетов в оперу, где он рассчитывал, как любитель музыки, провести приятно праздничное время и послушать лучший оперный состав. И действительно, на этот раз из-за похорон я не позаботился о билетах, а репертуар оперы

был отборный и привлекательный. Чтобы исправить свою ошибку и удовлетворить желание родственника, я углубился в размышление, как бы завтра достать необходимое количество билетов на лучшие представления, зная хорошо, что касса будет открыта в то время, когда я буду занят. В момент моих соображений, как приобрести билеты, я вздрогнул от какого-то странного треска, послышавшегося не то по соседству в кухне, где находились мать и прислуга, не то в гостиной, расположенной против нас, не то в моей комнате, где мои три сестры вели какой-то оживленный разговор, — одним словом, я не мог определить, где и как произошел этот странный треск, который вывел меня из задумчивости и который был всеми услышан, но для каждого в различных местах, как объяснилось впоследствии. Мне показалось, что в кухне служанка ломает щепки. При этом я поднял голову и взглянул в открытые двери неосвещенной гостиной, где, к ужасу своему, увидел, как по краям скатерти круглого преддиванного столика извиваются красные языки огня, а секунду спустя, на этом же столе, среди увеличивавшихся огненных языков, я увидел живой бюст покойницы, лицо которой показалось мне все в поту и красное, глаза испуганно смотрели на меня, а волосы на лбу были в беспорядке, т. е. она мне представилась в таком виде, в каком я никогда ее не видел при жизни, несмотря на то, что бывали времена, когда я посещал ее дом довольно часто. Это зрелище, совсем неожиданное, поразило меня настолько, что я не мог промолвить ни одного слова в течение 10—15 секунд и, что странно, — не ощущал никакого испуга, а только удивлялся и соображал, думая, что это такое? Наконец, я повернулся к наклонившемуся над обеденным столом родственнику, который тоже о чем-то думал, и сказал ему: «Смо-

три, что это такое происходит над столом?» А так как я не пояснил, где и над каким столом «происходит», то он стал осматривать стол, за которым мы сидели, и повторять — «ничего, ничего не вижу». Меня это возмутило, и я направил свой взгляд опять на видение, но... его уже не было, не было и огненных языков.

Понятно, я сейчас же рассказал о видении всем домашним, а спустя час или полтора лег спать. Вместо сна, который был для меня необходим, я почти всю ночь ломал себе голову — что бы это могло быть? Знаю отлично, что я не страдаю галлюцинациями, не позволил себе излишнего «возлияния Бахусу» за ужином, а в момент видения вовсе не думал о покойнице. Лишь только под утро я вспомнил, что однажды вечером я зашел к ней, — как помнится мне, это было летом, — и она пригласила меня пить чай, за которым мы наедине беседовали о непонятных явлениях в мире и т. п., а после, когда разговор коснулся и загробного бытия человечества, — она, недолго думая, протянула мне свою руку и сказала: «Я уже стара, а вы хотя и молоды, но имеете слабое здоровье; кто из нас раньше умрет, тот постарается проявиться другому и этим доказать *действительное существование загробной жизни*, если оно только существует». В свою очередь, я пожал ей руку и обещал явиться из того мира, если умру раньше, чем она. Когда я все это вспомнил, меня охватила дрожь, и я в течение нескольких дней ходил, как убитый: не знал, что думать, что делать и куда идти; хотя образ видения меня не преследовал, но мысль о загробном бытии, доказанном умершею, делала меня равнодушным ко всему окружающему. С тех пор я изменил образ жизни. («Ребус», 1897 г., №41.)

30) Гостя из иного мира. «Весною 1868 г., — сообщает м-с Августа Дуинельс из Бостона, — я провела не-

сколько недель в доме достопочтенного м-ра Кимбаля, в городе Брентуде, для поправления своего здоровья, пошатнувшегося от жестоких испытаний, мною недавно перенесенных. О их отшедших в иной мир родственниках и друзях я не имела никакого понятия.

Меня поместили в большой комнате, отдаленной от жилых покоев, напротив которой находилась другая такая же комната, соединенная с небольшой залой.

В одну ночь, когда м-с Кимбаль, жена архидиакона, поцеловав меня на прощанье, оставила одну в моей спальне, я вдруг почувствовала какой-то особенный страх. Если бы я могла сбросить с себя овладевшую мною силу, то убежала бы из комнаты; сознавая же, что это вне моей власти, я могла только запереть дверь и поспешила погасить свечу, лечь в постель, надеясь заснуть, что мне сперва и удалось. Но не прошло и десяти минут, как меня что-то разбудило, но тут я почувствовала себя как бы в нормальном состоянии: давившая меня перед сном сила точно отлетела. Но вот, к великому моему ужасу, запертая дверь тихо отворилась, и через нее медленно скорее вплыла, чем вошла, в комнату необыкновенно эфирная фигура красивой молодой девушки лет двадцати; веселое, счастливое, улыбающееся розовенькое личико смотрело на меня приветливо. На ней было светло-желтое платье с небольшой пелеринкой такого же цвета и материи, как и платье. Я опять не могла ни пошевелиться, ни сказать слово и только страстно желала, чтобы девушка скорее ушла. Но она, напротив, стала приближаться, остановилась фута за три от моей кровати и заговорила ясным, несколько грустным голосом: «Не пугайтесь, я меньшая дочь м-ра Кимбаля. Я умерла от скарлатины и горловой болезни в комнате напротив вашей. Мне было два года, но теперь, если бы я осталась жива, было бы

двадцать один. Скажите матери и отцу, что я приходила к вам, скажите еще, что смерти нет и я очень счастлива». Сказав это, она исчезла, а я почти в ту же минуту крепко заснула.

Желая проверить это странное явление, на следующее утро, после завтрака, я попросила моих хозяев разрешения задать им несколько вопросов, на которые прошу отвечать мне коротко: да или нет. Когда они обещали, я спросила: «Была ли у вас маленькая дочка, умершая от скарлатины и горловой болезни?» — «Да», — ответили мне оба. «Ей было два года?» — «Да», — опять ответили оба. «Если бы она осталась жива, было бы ей теперь двадцать один год, отличалась ли она особенно живым цветом лица?» — «Да, о, да!» — воскликнули оба. «Прекрасно, теперь скажите еще, последнее платье, бывшее на ней перед болезнью, не было ли светло-желтого цвета и с пелеринкой?»

Архидиакон отодвинулся от стола; из груди его вырвался легкий стон. «Да, да, на нашем сокровище было именно такое платье! Разве вы ее видели? Если она придет опять, скажите ей, чтобы она пришла к папе, папа так желает ее видеть!» М-с Кимбаль, вся в слезах, сказала: «Да, это было последнее платье, которое мы на ней видели. Пойдемте ко мне, я покажу вам его». И когда она показала платьице и пелеринку, я передала им поручение от их дорогой дочки из иного мира. («Facts», т. VI, №1; см. «Ребус», 1890 г., №34.)

31) Посмертное явление. Некто С-ский, ныне отставной артиллерийский поручик, пользующийся в среде своих знакомых глубоким уважением, передал мне следующий случившийся с ним в конце сентября месяца 1864 г. факт, который имел место в доме его дальних родственников, зажиточных помещиков тог-

дашнего времени, деревни Целесцев, Минской губ., Мозырского уезда. В сентябре 1864 г. он задумал совершить поездку из Житомира в Минскую губ. к своим весьма уважаемым родственникам, гг. Л-ским, у которых шесть месяцев тому назад умерла от чахотки 18-летняя дочь Камилла, красивая и образованная особа, имевшая при жизни некоторое равнодушие к личности г. С-кого. Последний, зная отлично о ее неизлечимой болезни, игнорировал это расположение и сознавал вполне, что в близком будущем она умрет.

Получив отпуск, г. С-кий отправился в путь при самых благоприятных условиях осеннего времени: дороги сухие, ночи лунные и безоблачные, а лошади, что называется, орлы. Прибыл к месту, — как он рассказывает, — в очень хорошем расположении духа и был принят весьма радушно. Несмотря даже на поздний вечерний час, заставлявший пожелать друг другу покойной ночи, радушный хозяин и его уважаемое семейство, вместе с еще одним приехавшим родственником — доктором с женою — расположились пить чай и беседовать о текущих житейских делах. Когда наговорились вдоволь и пожелали взаимной покойной ночи, все разошлись по своим спальням; мне же, за неимением свободной комнаты, приготовили постель на диване в зале, где, конечно, я остался один и, пользуясь совершенной свободой, усталый после путешествия, снял мундир, достал из чемодана табак и стал крошить его чуть ли не на весь стол, чтобы просушить. Занимаясь этим делом при зажженной свече, я вдруг услышал позади себя, около тропических цветов и возле рояля, шелест шелкового платья, что заставило меня выйти из некоторой задумчивости и обернуться. Но не успел я вполне обернуться и сообразить, отчего происходит в пустой комнате шелест шелкового платья, как

вдруг вижу реальную женскую фигуру, одетую в черное длинное шелковое платье и с красным бантиком на шее, которая не то идет, не то плывет по воздуху вдоль рояля, а потом исчезает в простенке между роялем и дверями, ведущими в комнату приехавшего доктора и его жены. Покуда я всматривался в таинственную посетительницу и не мог еще разглядеть лица, во мне присутствовали бодрость и та воинственная храбрость, которой гордится каждый военный человек, а тем более офицер; но когда я увидел профиль лица посетительницы и узнал умершую Камиллу, вся энергия и самообладание во мне исчезли: пошел мороз по всему телу, волосы приподнялись, и, схватив инстинктивно в одну руку мундир, я в панике выбежал из комнаты в коридор. Сколько по счету дверей я пробежал — не помню; кажется, перед последними я остановился и вспомнил, что нахожусь в чужом доме, где было бы неприлично бегать с мундиром в руках. Наскоро надев впотьмах мундир, я кое-как успокоил дыхание, придал себе, как мне казалось, бодрый и геройский вид, взялся за ручку двери и, отворив ее, без стука вошел в комнату. Комната эта оказалась детской, и, к моему большому счастью, в ней находились, кроме двух моих малолетних кузин, старуха-мать, жена и совершеннолетний, здоровый и рослый кузен Э., сын г. Л-ского. Они еще не спали. Последнего я вызвал в коридор и заявил ему, что один в зале не буду ночевать из-за некоторого нездоровья. «Да, — сказал он с некоторым смущением, — видно по бледному твоему лицу, что ты нездоров и, кроме того, взволнован», — причем он просил объяснить причину моего заметного волнения, и что именно случилось со мною, ударяя на «случилось». Не имея возможности дать себе отчет, было ли это действительно сверхъестественное, для меня непостижи-

мое явление или просто-напросто последствия моего пути, который неожиданно мог расстроить нервную систему, — я его успокоил тем, что завтра объясню подробно, но под большим секретом. Г. Э., как и следовало ожидать, согласился провести ночь на кушетке в зале; не успел я вполне еще улечься и погасить свет, как он уже захрапел, что меня очень ободрило. Потушив свет, я улегся, как ни в чем не бывало, но мысль еще возвращалась к случившемуся, и поневоле пришлось подыскивать объяснения такого небывалого в жизни моей случая, который мог произойти только с человеком, страдающим галлюцинациями или склонным к алкоголизму. Лежа и рассуждая подобным образом, наконец, я погрузился в приятное сонное оцепенение, которое продолжалось недолго, потому что мне пришлось обратить внимание на шум двигающегося на середину комнаты мягкого кресла, стоявшего перед тем где-то у моего изголовья, возле рояля или стены. Медленно перевел я взор свой, не вставая с постели, по направлению к движущемуся самопроизвольно креслу и, к ужасу своему, увидел, как эта самая фигура, в черном платье с красным бантиком на шее, двигает кресло ко мне; когда кресло остановилось напротив меня, фигура садится в него, кладет обе руки на спинку, а на руки опускает голову и упорно смотрит на меня своими тусклыми глазами, при белом, как мрамор, лице, освещенном луной. Я был ни жив, ни мертв; тогдашнее состояние мое трудно объяснить словами: пробую мысленно молиться — путаюсь, хочу закричать — язык омертвел и челюсти застыли; холод, дрожь по всему телу и непреодолимый страх охватили мое существо, чего никогда в жизни еще не испытывал. Однако усилием воли мне удалось преодолеть себя и произнести испуганным гробовым голосом раза три имя спавше-

го двоюродного брата: «Эдвард?! Эдвард?!» Одновременно с пробуждением Эдварда, который вскочил на ноги, как ужаленный, вышел из спальни доктор со свечой в руках, и оба они стали спрашивать, что случилось со мной? Тогда я должен был рассказать им, в чем дело, и просить Эдварда немедленно переселить меня на остальную часть ночи куда-нибудь в другую комнату. Выслушав мое заявление, доктор иронически улыбнулся и, уходя в свою комнату, сказал, что я галиматью несую, а Эдвард просил, ради всего святого, не рассказывать об этом домашним, особенно хранить в секрете от матери и бабушки. Так как рассказ сам по себе был и для меня весьма неприятным, то я дал кузену честное слово, что буду молчать, но по озабоченному и изменившемуся его лицу я подметил, что и он хорошо знаком с явлением этого призрака. Недолго думая, мы оба переселились в столовую и улеглись на одном широком диване; несмотря на проведенные мною в дороге несколько бессонных ночей, я не мог уснуть до 5 или 6 часов утра. Проснулся я в 10 часов дня, и как раз в это время вошел ко мне с вычищенными сапогами старый лакей-поляк, который с некоторой фамильярностью пристал с вопросом, почему я не спал в зале, а перешел с паничем вместе в столовую. Я не стал давать ему объяснений, но он не унимался и стал назойливо говорить, что он догадывается, в чем дело, и знает хорошо, что причиной всему этому покойная «паненка», которая часто является и которую не только «вы, панич, — продолжал он, — видели, но и мы все, точно так же пани и дети панские, видели панну то в зале, то на балконе, то в саду на террасе, и она нам ничуть не страшна». («Ребус», 1895 г., №20.)

32) Явление в минуту смерти. В 1855 г. г-жа Ш. была классной дамой в одном институте в Одессе. Ее лю-

бимый брат находился при армии в Севастополе, и они аккуратно переписывались каждую неделю. Раз — это было 25 мая — г-жа Ш. проснулась утром по первому звонку колокольчика, будившего институток. Воспитанницы, с которыми она спала в одной комнате, лениво приподнимались.

— Вставайте скорее, дети, — сказала г-жа Ш., — смотрите, какое чудесное утро.

Ее постель стояла очень близко к окну. Оно не запыралось всю ночь. Под этим окном шла крыша институтского лазарета, невысокое здание которого образовывало прямой угол со зданием самого института. Г-жа Ш., говоря о погоде, взглянула в окно и вдруг увидела странную перемену декорации: вместо лазаретной крыши перед ее глазами поднимался зеленый вал со рвом внизу. По валу бежал офицер в фуражке. Он бежал прямо к окну, и г-жа Ш. с изумлением узнала в нем брата. Молодой человек вскочил в окно, подошел к ней и, крепко взяв ее обеими руками за плечи, так же крепко поцеловал в обе щеки.

— Что ты? Как сюда попал? — воскликнула она с удивлением.

Но он в ту же минуту повернулся, выскочил опять в окно и побежал обратно по валу. Добежав до середины, молодой человек вдруг сильно покачнулся, фуражка слетела у него с головы, и вслед за нею он сам скатился в ров... И все исчезло. Под окном институтской спальни опять тянулась лазаретная крыша.

Г-жа Ш. протирала глаза, думая, не сон ли ей приснился. Но на обеих щеках горели крепкие поцелуи брата, а на плечах оставалось ощущение от прикосновения его пальцев.

Она взглянула на девочек. Они сидели молча и все глаза смотрели на нее.

— Дети, я не спала сейчас? — в смущении спросила г-жа Ш.

— Нет, — отвечали они, — вы смотрели в окно, а потом с кем-то разговаривали.

В эту неделю г-жа Ш. вместо обычного письма от брата получила известие о его смерти. Он был убит 25 мая, в тот утренний час, когда его видела сестра. («Ребус», 1884 г., №35.)

33) Ограбленная могила. Самым лучшим гульбищем в летнее время служит для жителей г. Симбирска так называемая Киндяковская роща, находящаяся в трех верстах от города по Саратовскому тракту. В этой роще, в самой глуши деревьев красуется и до ныне, хотя и крайне попорченная непогодами и годами, каменная массивная беседка в виде довольно большого (вроде языческого) храма с колоннами и с каменными урнами на четырех столбах вокруг круглого купола. С этой беседкой связано у старожилов города много легендарных рассказов, и многие кладоискатели, полагая, что под беседкой закрыт клад, нередко подрывались под фундамент или портили каменный пол. Но вот истинный рассказ, слышанный мною лично от старого владельца села Киндяковки, умершего в шестидесятих годах столетним стариком, Льва Васильевича Киндякова. Вышеупомянутая беседка, по его словам, сооружена еще в середине прошлого, XVIII-го, столетия над прахом одной родственницы семейства Киндяковых, лютеранского вероисповедания, и сам Киндяков, служивший при императоре Павле Петровиче, не помнит времени этой постройки. Вот что случилось с ним самим в 1835 году. Однажды летом собрались в доме у г. Киндякова в селе Киндяковке гости и играли в карты. Часу в первом пополудни вошел в комнату лакей и доложил Льву Васильевичу, что какая-то ста-

рая дама вошла из сада через террасу в лакейскую и неотступно требует о себе доложить по важному делу. Г. Киндяков встал из-за стола, вышел в прихожую и действительно увидал высокую, бледную старушку, одетую в старомодный костюм. На вопрос о том, что ей угодно в такое позднее время и кто она, старушка ответила: «Я Эмилия N., родственница твоя, схороненная в саду под беседкой. Сегодня в одиннадцать часов двое грабителей сняли с меня золотой крест и золотое обручальное кольцо и потревожили прах мой». С этими словами старушка быстро пошла в отворенные двери террасы и скрылась в саду. Г. Киндяков, сроду ничего не боявшийся, счел все это явление за продукт расстроенного картежной игрой воображения, велел подать себе умыться холодной воды и, как ни в чем не бывало, возвратился к гостям метать банк. Но каково же было его удивление, когда на другой день, в десять часов утра, явились к нему караульщики сада и доложили, что пол в беседке взломан и какой-то скелет выброшен из полусгнившего гроба на землю. Тут поневоле пришлось уже верить, и г. Киндяков, предварительно удостоверясь, что и лакей в прошлую ночь видел то же видение и слышал ясно (от слова до слова) все произнесенное привидением, немедленно обратился к бывшему в то время в Симбирске полицеймейстеру, полковнику Орловскому. Тот энергично принялся за розыски, и действительно обнаружено было, что два симбирских мещанина ограбили труп и заложили золотые крест и кольцо в одном из кабаков; главной же целью их было отыскание клада. Этот же рассказ слышали лично от г. Киндякова симбирский помещик Сергей Николаевич Нейков, доктор Евланов и многие другие.

Из числа подобных фактов факт этот замечателен

тем, что привидение не только явилось, но и отчетливо говорило, что редко встречается, и что, наконец, по-смертный призрак явился не ранее, чем лет через сто после смерти. К этому мы можем присовокупить, что г. Киндяков был старик, в высшей степени правдивый и не верящий ни во что сверхъестественное, и пользовался до самой смерти прекрасным здоровьем. («Ревус», 1886 г., №11.)

34) Покойный лорд М. отправился в конце прошлого столетия в Шотландию, оставив жену свою совершенно здоровой в Лондоне. Ночью, в первый же день приезда в свое шотландское поместье, он был разбужен ярким светом, озарившим его спальню. Полог кровати раздвинулся, и лорд М. увидел призрак своей жены, стоявший у кровати. Он позвонил и спросил у вошедшего слуги: «Что ты видишь?» Испуганный лакей с ужасом воскликнул, что это миледи. Леди М. скоропостижно умерла в ту же ночь в Лондоне. История эта наделала в то время много шума. Георг III послал за лордом М. и, получив от него подтверждение этого происшествия, попросил его изложить письменно все обстоятельства дела, что и было исполнено, а слуга подписью своею удостоверил правильность описания.

Около года спустя после того пятилетняя младшая дочь лорда М. опрометью вбежала в детскую с криком: «Я видела маму! Она стояла наверху на лестнице и манила меня к себе». В ту же ночь дитя это, маленькая Арабелла М., заболела и умерла.

Я могу вполне ручаться за достоверность обоих случаев, ибо получил письменное изложение этих происшествий от одного из членов семейства лорда М. (Роберт дэль Оуэн. «Замогильные отголоски».)

35) Осязаемое привидение. Винчестерский епископ Вильберфорс, один из высших сановников английской

церкви, чье имя произносится с уважением всюду, где говорят по-английски, получил однажды приглашение к обеду в один из семейных домов центрального графства. Придя несколько ранее назначенного часа, когда хозяйка еще не вышла из своих комнат, он застал в гостиной неизвестного католического священника, который, сидя на диване, внимательно читал толстую книгу.

Когда епископ зашел в гостиную, священник поднял глаза, странно и молча поклонился ему и затем снова погрузился в чтение. Это был человек стройного и крепкого сложения, серьезного вида, но лицо его носило выражение такой усталости и беспокойства, что невольно привлекло внимание епископа, возбуждая его любопытство узнать, кто это был такой и почему он в этом доме.

После того как собрались и другие приглашенные, епископ, сидя возле хозяйки, спросил ее потихоньку:

— Кстати, вы не представили мне этого священника, у которого такая замечательная наружность и которого я застал в гостиной, когда приехал. Кто это такой? Его теперь не видно между гостями.

При этом вопросе странное выражение показалось на лице хозяйки, которая быстро и тихо сказала ему:

— Как, неужели и вы его видели?

— Без сомнения, — отвечал епископ, — но простите меня, если я невольно коснулся какой-нибудь семейной тайны. Я думал, что этот священник был просто гостем, как и я, и наружность его меня так поразила, что я пожелал быть ему представленным. Но если по какой-нибудь причине вы хотите, чтобы его личность осталась неизвестной, то можете рассчитывать на мою скромность.

— Нет, нет, ваше преосвященство, — отвечала хо-

зайка все тем же тихим голосом, — вы заблуждаетесь, так как мне нечего скрывать, хотя мой муж и желал бы, чтоб это не разглашалось. Я только удивляюсь, что этот священник показался вам, тогда как до сих пор он показывался только глазам нашего семейства. Тот, кого вы видели, не был гость; но — призрак.

— Как! Призрак?

— Да, именно, — продолжала хозяйка, — призрак, в существовании которого нельзя усомниться, ибо за два года, что мы здесь живем, этот призрак являлся несколько раз мне и моему мужу при таких условиях, что всякая ошибка и подозрение чего-либо другого невозможны. Мы его видели с десятков раз и, не будучи в состоянии объяснить это явление какими-либо естественными причинами, мы решили об этом молчать. Но так как и вы были очевидцем этого привидения, то не могу ли я, ваше преосвященство, просить вашей помощи?

— Я готов помочь вам всем, чем только могу, — отвечал епископ.

— Мне часто приходило на ум, что если бы у кого-либо хватило смелости с ним заговорить, то этим, быть может, можно было бы избавиться от его посещений. Вы можете, если хотите, под каким-либо предлогом вернуться в гостиную и, если он там, попросить его оставить наш дом; одним словом, сделать заклинание.

После небольшого колебания епископ согласился. Он извинился перед гостями за то, что оставляет их, и вышел из столовой.

При входе в гостиную его охватил внезапный страх, когда он увидел того же священника, по-прежнему погруженного в чтение. Овладев собою, он решительно направился к призраку. Так же, как и в первый раз,

тот молча поклонился епископу, но вместо того, чтобы снова погрузиться в чтение, его глаза с беспокойством остановились на вошедшем.

После минутного колебания епископ медленным и торжественным голосом произнес:

— Во имя Бога, кто вы и что вы хотите? — В ответ на это заклинание священник закрыл свою книгу, приподнялся и, стоя перед епископом, отвечал глухим и медленным голосом:

— До сих пор никто не заклинал меня таким образом. Я вам скажу, кто я и чего желаю. Как видите, я священник католической церкви, и 80 лет тому назад этот дом принадлежал мне. У меня была страсть к охоте, и я пользовался всяким случаем, чтобы поохотиться. Однажды я готовился отправиться по соседству, как вдруг молодая дама, высокого происхождения, приехала просить об исповеди. Я вам не повторю того, что я услышал, но это близко касалось чести одного из самых знаменитых домов Англии. Ее признания показались мне столь важными, что я решился записать их. Это, без сомнения, была нескромность и — даже скажу — грех, так как подобные вещи строго воспрещаются нашей Церковью. Когда исповедь была окончена и кающаяся получила разрешение, я заметил, что мне оставалось очень мало времени. Уезжая из дому, я тщательно спрятал записанное в секретной нише, сделанной в стене. Я поместил эти заметки в книгу, которую читал в то время, и положил все это в нишу, заделал отверстие кирпичами, нарочно для этого вынимавшимися, чтобы, вернувшись домой, уничтожить компрометирующую запись. К несчастью... смерть помешала мне исполнить это намерение, так как в этот день я разбился, упав с лошади. С тех пор мне как бы предопределено посещать этот дом, чтобы предупреж-

дать последствия моей ошибки, препятствуя тому, чтобы эти фатальные заметки попали в чьи-нибудь руки. До сих пор никто не осмелился обратиться ко мне так смело, как вы; никто еще мне не помог и даже не подал надежды на помощь... Хотите ли вы помочь мне? Если я вам скажу, где эта книга, — поклянитесь всем святым для вас уничтожить эту бумагу, не читая и не позволяя никому прочесть ее. Даете ли вы мне слово сделать это?

— Клянусь, — отвечал торжественно епископ, — что буквально исполню вашу просьбу.

— В таком случае, следуйте за мною.

С этими словами священник пошел вперед и спустился с епископом сначала по парадной лестнице, потом по черному ходу в подвал. «Здесь», — сказал священник, опершись рукой о стену. Епископ осмотрел внимательно указанное место и, обернувшись к своему собеседнику, чтобы задать ему вопрос, увидел, что он остался один в плохо освещенном подвале. Взволнованный донельзя, он поспешно возвратился в столовую.

В заключение этой истории скажем, что в указанном призраком месте, действительно, была найдена пожелтевшая от времени книга с заметками священника, и епископ свято исполнил клятву, уничтожив в присутствии хозяев компрометирующие заметки. Излишне прибавлять, что с этих пор посещения призрака прекратились. («*Messenger*», 1889 г., №20; см. «*Ребус*», 1890 г., №12.)

36) Призрак огорченной матери. В еженедельном журнале «Женщина» (*Woman*), одном из многочисленных изданий, успех которых свидетельствует о быстром развитии женского вопроса, появилась следующая статья:

«Я слышал недавно интересный рассказ о привидении, сообщенный мне одним из моих друзей, человеком правдивым, заслуживающим полного доверия и, насколько мне известно, никогда не отличавшимся пылким воображением или особой впечатлительностью. Несколько времени тому назад он гостил в Ирландии у одного приятеля, недавно женившегося во второй раз.

Первый вечер, проведенный моим другом в этом доме, прошел очень оживленно, и он удалился в свою комнату в самом приятном расположении духа, лег в постель и вскоре заснул. Вскоре его разбудил шум отворявшейся двери, он проснулся и увидел, что на пороге появилась освещенная ярким светом фигура женщины, по-видимому, глубоко огорченной. Он заговорил с ней и, не получив ответа, поспешно зажег свечу. В ту же минуту и женщина, и свет исчезли, и мой друг убедился, что дверь была по-прежнему закрыта.

Сильно пораженный этим таинственным явлением, м-р Г. не мог более заснуть и старался убедить себя, что все виденное им было не что иное, как сон; но вот, часа два спустя, он с ужасом увидел, что дверь опять медленно и в этот раз бесшумно отворяется, и в комнату входит та же самая женщина. Теперь он мог разглядеть ее лицо, и в ту же минуту узнал в вошедшей оригинал портрета, висевшего в столовой на стене. Слезы струились по щекам женщины; она, видимо, находилась в глубоком горе; быстрыми шагами приблизилась она к окну, и в ту же минуту раздался плач ребенка, доносившийся как будто из-за окна. Не помня себя, мой друг вскочил и хотел заговорить с ней, но, как и в первый раз, видение моментально исчезло. М-р Г. не был трусом, но он сознался мне впо-

ледствии, что никогда прежде не приходилось ему испытать подобного страха, как в эту ночь.

На другой день за завтраком он рассказал хозяйину дома о своем ночном приключении, и тот объяснил его значение. Портрет, висевший на стене в столовой, изображает его первую жену. Она умерла от горя после смерти их единственного ребенка, упавшего из окна той самой комнаты, где спал гость. Несчастливая мать, пока ей позволяли силы, постоянно ходила в комнату, в которой лишилась обожаемого сына, а после ее кончины, по уверению многих лиц, эти явления и звуки повторяются почти каждую ночь.

Мой друг ночевал в этой комнате из-за оплошности недавно поступившего слуги, так как после смерти хозяйки она оставалась неприкосновенной. Таким образом, приходится заключить, что если привидения действительно существуют, то они не принадлежат исключительно ко временам давно минувшим, но и последняя половина нашего прозаического девятнадцатого века может внести новые факты в область сверхъестественных явлений». (*«Light»*, №619, сн. *«Ребус»*, 1894 г., №1.)

37) Рассказы Камилла Фламариона.

1. Из числа многих других мне припоминается рассказ, слышанный мною от одного из старых друзей моей юности, Жана Беста, основавшего в 1833 г., вместе со своим знаменитым другом Эдуардом Чартоном, *Живописный магазин* и умершего уже несколько лет тому назад. Это был вполне солидный, рассудительный и хладнокровный человек. Всем знавшим его известно, насколько крепки были его нервы и насколько он по своему темпераменту был чужд всего фантастического. Так

вот с ним-то и случилось, по его словам, следующее приключение, когда ему было всего лишь пять или шесть лет.

Местом действия была его родина Туль. В один прекрасный вечер он лег в свою постельку и прежде, чем заснул, с удивлением увидел, что в комнату вошла его мать и перешла чрез нее в соседнюю залу, двери куда были отворены и где его отец играл в карты с одним из своих приятелей. Но в этот момент его больная мать находилась далеко отсюда — в По. Он тотчас вскочил с постели и побежал за матерью в залу, стал искать ее, но, разумеется, безуспешно. Отец несколько раздраженно закричал на него и велел идти спать, говоря, что все это ему приснилось.

После этого ребенок, поверив, что это действительно было во сне, лег опять и старался заснуть. Но не прошло и нескольких минут, как он, смотря во все глаза, снова и на этот раз совершенно ясно увидел свою мать, проходившую мимо него. Он бросился к ней, стараясь ее обнять, но она тотчас же исчезла. Тогда он не захотел уже ложиться спать и остался в зале, где отец его продолжал играть.

После оказалось, что мать его умерла в По в этот день и в этот именно час.

Рассказ этот я слышал от самого Беста, бережно сохранившего его в своей памяти. Как его объяснить? Можно сказать, что ребенок, зная о болезни матери, часто о ней думал и что это вызвало галлюцинацию зрения, случайно совпавшую со смертью матери. Такое объяснение возможно; но можно также думать, что в этом случае между матерью и ребенком существовала некоторая симпатическая связь и что в печально-торжественный момент смерти душа матери находилась в действительном общении с душою сво-

его ребенка. Но каким же образом? — спросят меня. Я этого не знаю, и немудрено, потому что между тем, чего мы не знаем, и тем, что знаем, такое же отношение, как между океаном и дождевой каплей.

Галлюцинации! Это легко сказать, а сколько медицинских трактатов написано по этому вопросу? Всем известно сочинение Бриера де Буамона. Из бесчисленного множества наблюдений, собранных в нем, приведем здесь два следующих.

2. Когда король Иаков возвратился в Англию и, по случаю моровой язвы, свирепствовавшей в Лондоне, жил в имении сэра Роберта Коттона вместе со старым Камбденом, он увидал во сне своего старшего сына, остававшегося в Лондоне, с кровавым крестом на лбу, как будто бы он был ранен саблей. Испуганный этим видением, король начал молиться, а рано утром пришел в комнату Камбдена и рассказал ему о виденном сне. Сэр Камбден уверил монарха, что это всего лишь сон и что по этому поводу нечего беспокоиться. Но в тот же день король получил письмо от своей жены, извещавшей его о смерти ребенка, сделавшегося жертвой моровой язвы. Когда ребенок явился отцу, он имел рост и вид взрослого человека.

3. Девуца Р., обладавшая большой рассудительностью, религиозная, но без всякого ханжества, жила до замужества у своего дяди Д., известного медика и члена Академии наук. Ее мать проживала в провинции и в это время довольно опасно заболела. В одну ночь молодой девушке приснилось, что мать ее стояла перед ней бледная, страшная, почти испускающая дух; она горько жаловалась на то, что около нее нет теперь сыновей, из которых один жил в Париже, а другой, бывший приходским священником тоже в Париже, переселился в Испанию. Девушке слыша-

лось, что мать несколько раз назвала ее по имени, и она увидела, что окружавшие мать люди, думая, что она зовет свою внучку, носившую то же имя, пошли за ней в соседнюю комнату, но больная знаками показала им, что ее слова относились не к внучке, а к дочери, жившей в Париже, которую хотелось бы ей увидеть. Было видно, что отсутствие дочери для нее очень прискорбно. Вдруг, лицо ее покрылось смертельной бледностью, черты его изменились, и умирающая упала на постель уже без всяких признаков жизни.

Поутру Д., заметив, что племянница его очень печальна, попросил ее сообщить ему о причине горя. Она со всеми подробностями пересказала так напугавший ее сон. Тогда Д., видя, что она уже подготовлена к печальному известию, ласково обнял ее и сказал, что все это, к сожалению, совершенно верно, что мать ее действительно скончалась, но никаких подробностей при этом не сообщил.

Через несколько месяцев после того г-жа Р., воспользовавшись отсутствием своего дяди, стала приводить в порядок его бумаги, к которым он, подобно многим другим ученым, не позволял вообще касаться; случайно ей попало на глаза письмо, извещавшее дядю о смерти матери. Каково же было ее удивление, когда в этом письме она прочла все подробности своего сна!

Галлюцинация! Случайное совпадение! Но достаточно ли, удовлетворительно ли такое толкование? Во всяком случае, оно ровно ничего не объясняет.

Факт остается фактом, и его нельзя не допустить, хотя бы при настоящем состоянии наших знаний и невозможно было его объяснить.

4. Генерал Пармантье, один из наших самых выда-

ющихся ученых, сообщил мне следующий факт, происшедший в его семействе.

Несколько человек собрались к завтраку на даче в Андлау, в Эльзасе. Долго поджидали хозяина дома, отправившегося поохотиться, но в назначенный час сели за стол без него, так как хозяйка дома уверяла, что муж ее не замедлит вернуться к завтраку. Приступили к завтраку среди веселой болтовни, ожидая, что с минуты на минуту явится запоздавший, чересчур усердный любитель охоты. Однако время шло, и все стали удивляться такой долгой проволочке, как вдруг при самой ясной, тихой погоде окно в столовой, открытое настежь, захлопнулось с сильным стуком и тотчас же опять открылось. Гости были тем более удивлены и поражены, что это движение оконных рам должно было опрокинуть графин с водою, стоявший на столике перед окном, а, между тем, графин остался на месте нетронутым. Все, кто видел и слышал это движение, не могли понять, как оно произошло.

— Наверное, случилось несчастье! — воскликнула, вскочив с места, перепуганная хозяйка.

Завтрак был прерван. Три четверти часа спустя принесли на носилках тело охотника, которому попал весь заряд в грудь. Он умер почти немедленно, успев произнести только слова: «Жена моя, бедные мои дети!»

Вот совпадение, требующее объяснения. На первый взгляд, оно покажется нам пустячным и нелепым. Что значит это странное движение окна и с чем оно связано? Стоит ли терять время на серьезное обсуждение такого незначительного происшествия?

Лягушки Гальвани также казались пустяками, котел Папина — тоже. А между тем, электричество и пар далеко не пустяки. Недавно ударом молнии свалило человека в поле, он остался невредим, но с него сорвало

обувь и отбросило ее на двадцать шагов, причем из нее выскочили гвозди, все до одного. В другой раз молния сорвала платье с молодой крестьянки, раздев ее донага. Одежду ее нашли потом висящей на дереве. А вот вам еще случай. Ударом молнии убило наповал мужика в тот момент, когда он подносил ко рту кусок хлеба. Он остался недвижим. К нему подходят, трогают его, он рассыпается в прах. Платье его осталось целым. Причуды природы не должны препятствовать нам изучать ее явления. Напротив.

Без сомнения, услышав рассказ о происшествии с охотником в Андлау, мы первым делом просто-напросто усомнимся в самом факте. Конечно, нельзя предположить, чтобы история была вымышленная целиком и лжива с начала до конца; этого никак не позволяют обстоятельства, при которых она разыгралась, и почтенность самого повествователя. Но можно сказать, что было легкое движение оконной рамы, вызванное какой-нибудь посторонней пустячной причиной: порывом ветра, толчком, кошкой — мало ли еще чем. Совпадение этого движения с трагическим случаем придало ему впоследствии серьезное значение. Предположение трудно допустимое, однако, так как хозяйка дома и ее гости были им так сильно потрясены.

С большей вероятностью мы должны допустить, что причиной явления была психическая сила умирающего, того человека, которого ждали за столом в этот час, человека, который перенесся туда мысленно и направил в это место всю свою предсмертную энергию. Телеграф без проволоки...

Почему эта сила проявилась таким образом? Как могло мысленное впечатление быть коллективным? Почему?.. почему?.. Нас окружает полнейшая тайна, и мы можем только строить гипотезы. О, конечно, будь

этот случай единичным в своем роде, тогда он мог бы пройти незамеченным, но это лишь один из множества других, которые предстоит нам привести в нашем исследовании. Пока не будем останавливаться на том, каким образом объяснить явление, и пойдем дальше.

5. Андре Блок, молодой, очень талантливый музыкант, посланный на казенный счет в Рим, член Парижского астрономического общества, недавно обратился ко мне с рассказом о факте, случившемся с ним в 1896 году:

«Дело происходило в июне 1896 года. На последние два месяца пребывания моего в Италии мать моя приехала ко мне в Рим и поселилась неподалеку от французской академии в пансионе на Via Gregoriana, там же, где вы сами когда-то жили.

Так как в то время я должен был окончить одну спешную работу до возвращения во Францию, то матушка по утрам осматривала город одна, без меня, и возвращалась на виллу Медичи только в 12 часов, к завтраку. Но однажды она явилась в восемь часов утра, страшно расстроенная. На мои расспросы она отвечала, что, одеваясь утром, она вдруг увидела возле себя своего племянника, Рене Кремера; он смотрел на нее и, смеясь, говорил ей: «Ну да, я в самом деле умер!» Очень испуганная этим явлением, она поспешила ко мне. Я успокоил ее, как умел, потом перевел разговор на другие предметы. Две недели спустя мы оба вернулись в Париж, осмотрев часть Италии, и узнали о смерти моего кузена Рене, последовавшей в пятницу, 12 июня 1896 года, в квартире, занимаемой его родителями на улице Москвы, 31. Ему было 14 лет.

Благодаря одной работе, занимавшей меня тогда в Риме, я мог аккуратно проверить день и даже час, в которые происходило это явление. Оказалось, что как

раз в тот самый день мой маленький кузен, больной воспалением брюшины, впал в агонию с шести часов утра и скончался в 12 часов; перед смертью он несколько раз выражал желание повидаться с тетей Бертой, т. е. с моей матерью.

Надо заметить, что ни в одном из многочисленных писем, получаемых нами из Парижа, никто не обмолвился ни единым словом о болезни моего кузена. Все знали, что мать моя питала особенную привязанность к этому ребенку и что она непременно вернулась бы в Париж при малейшем его недомогании. Нам даже не телеграфировали о его смерти. Прибавлю еще, что когда в Париже шесть часов, то часы в Риме показывают семь из-за разницы в долготе этих местностей, и что именно в этот момент моя мать и имела это видение».

Факт, отмеченный г-жой Блок, принадлежит к тому же роду, как и предыдущий. В тот час, когда ее племянник терял сознание всего земного, он вспоминал о той, которую любил, как мать, и которая, со своей стороны, любила его не меньше сына родного. И вот, психическая сила умирающего проявилась даже в соответствии с характером четырнадцатилетнего мальчика; тот действительно мог сказать, смеясь: «Ну да, я умер!»

Можно все отрицать, отрицать с плеча. Но что докажет такое отрицание? Не лучше ли быть откровенным и сознаться, что это замечательные совпадения, хотя и не объяснимые при настоящем состоянии наших познаний? Гипотеза о беспричинной галлюцинации, право, уж чересчур не серьезна.

6. М. В. Керков писал мне в феврале, 1889 года:

«25-го августа 1874 года я находился в Техасе, в Соединенных Штатах, и после обеда курил трубку в столовой нижнего этажа с видом на море, наблюдая закат.

Направо от меня помещалась дверь, обращенная на северо-восток.

Вдруг в дверях я отчетливо вижу своего старого дедушку. Я находился в полусознательном состоянии благодушного покоя, как человек с хорошим желудком, сытно пообедавший. При виде деда я не испытал ни малейшего удивления. В сущности, я жил в этот момент чисто растительной жизнью и ни о чем не помышлял. Однако у меня промелькнуло в голове следующее соображение: «Странно, как лучи заходящего солнца окрашивают все предметы золотом и пурпуром, забираются во все складки одежды и в морщины на лице моего деда».

Действительно, солнце садилось совсем багровым и бросало сноп лучей по диагонали сквозь дверь столовой. У дедушки было добродушное выражение лица, он улыбался, казался счастливым. Вдруг он исчез вместе с солнцем, и я очнулся, как от сна, убежденный, что мне являлось видение. Шесть недель спустя мне сообщили письмом, что дедушка умер в ночь с 25-го на 26-е августа между часом и двумя полуночи. Как известно, между Бельгией, где он умер, и Техасом, моим местопребыванием, существует в долготе разница на пять с половиной часов — как раз время солнечного заката, около 7 часов».

6. 10-го ноября 1890 года мне было адресовано следующее письмо из Христиании:

«Дорогой учитель!

«Ваше сочинение «Урания» подало мне повод сообщить вам об одном происшествии, слышанном мною лично от того человека, с которым оно случилось. Это г. Фоглер, доктор, датчанин, живущий в Гудуме близ Альборга (в Ютландии). Фоглер человек вполне здоровый — телом и духом, характе-

ра прямодушного и положительного, без малейшей склонности к неврастении или фантазерству — скорее напротив. Будучи молодым студентом-медиком, он путешествовал по Германии вместе с графом Шиммельманом, очень известным среди голштинского дворянства. Они были почти ровесники. В одном из германских университетских городов они решили прожить некоторое время и наняли себе отдельный домик. Граф занимал нижний этаж, а Фоглер поселился наверху. Входные двери с улицы и лестница были у них отдельные: они одни пользовались ими. Однажды ночью Фоглер уже улегся, но еще продолжал читать в постели. Вдруг, он услышал, что входная дверь внизу открылась и опять затворилась; он не обратил на это внимания, подумав, что возвращается его друг. Однако через несколько минут он услышал чьи-то шлепающие, как будто усталые шаги по лестнице, затем кто-то останавливается у двери его комнаты. Он увидел, как дверь отворилась, но никто не вошел; шум шагов, однако, не прекращался, он ясно слышал шарканье по полу, шаги приближались к его постели. Но никого не было видно, хотя свеча ярко освещала комнату. Когда шаги остановились у самой постели, он услышал глубокий вздох и сразу узнал вздох своей бабушки, которую оставил в Дании совершенно здоровой. В то же время он узнал и ее походку: то были точь-в-точь шаркающие, старческие шаги его бабушки. Фоглер заметил в точности час этого явления, потому что у него сразу мелькнула в голове мысль, что его бабушка умерла, и все это записал. Позднее письмом из отцовского дома его известили о неожиданной кончине бабушки, которая его любила больше всех своих внучат. Смерть последовала как раз в замеченный

час. Таким образом, бабушка простилась с внуком, даже не подозревавшим о ее болезни.

Эдуард Гамбро».

(Кандидат прав, секретарь департамента общественных работ в городе Христиании.)

Итак, этот молодой человек был извещен о смерти своей бабушки впечатлением шагов и вздоха. С этим трудно не согласиться.

7. Г-жа Ферре из Жювизи, мать начальницы почтовой конторы, не так давно написала мне следующее письмо (в декабре 1898 года):

«Случай, о котором я хочу рассказать, относится к далекому прошлому, но я помню его так ясно, как будто он произошел вчера, потому что это происшествие тогда сильно поразило меня, и, проживи я хоть сто лет, я никогда не забуду его. Это было во время Крымской кампании, в 1855 году. Я жила на улице Тур, в Пасси. Однажды перед завтраком, часов в двенадцать, я спустилась в погреб. Луч солнца пробивался сквозь слуховое окно и падал на земляной пол. Это освещенное пространство представилось мне вдруг побережьем моря, а на песке лежал мертвым мой двоюродный брат, батальонный командир. Перепуганная, я не могла идти дальше и с трудом поднялась наверх. Мои родные, заметив мою бледность и расстроенный вид, стали приставать ко мне с вопросами. И когда я рассказала о своем видении, меня подняли на смех. Две недели спустя мы получили печальное известие о кончине майора Содье. Он умер, высадившись в Варне, и дата его смерти соответствовала тому дню и часу, когда он представился мне лежащим на земляном полу нашего погреба».

Займемся дальнейшим рассмотрением фактов. Теории и обобщения явятся после. Чем больше мы на-

берем фактов, тем успешнее пойдет наше расследование.

8. На днях я получил следующее письмо от депутата-поэта, хорошо известного и всеми уважаемого за искренность его убеждений и бескорыстие всей его жизни.

«Любезный учитель и друг!

Случай этот произошел со мной в 1871 году. Я был тогда в том возрасте, когда юноши любят цветы в поле, точь-в-точь как вы наблюдаете звезды в бесконечном пространстве. Но раз как-то, позабыв о цветочках, я написал статью, за которую меня упрятали на несколько лет в тюрьму св. Петра в Марселе. Там же сидел и Гастон Кремье, приговоренный к смерти. Я очень полюбил его, потому что мы оба питали одни и те же мечты и натолкнулись на одну и ту же печальную действительность. В тюрьме, на прогулке, мы с ним вели беспрестанные беседы, между прочим, о Боге и бессмертии души. Однажды несколько товарищей по заключению с особенным пафосом провозгласили себя атеистами и материалистами, а я возразил им, что неприлично щеголять своими отрицаниями перед человеком, приговоренным к смерти, притом перед человеком, верующим в Бога и в бессмертие души. Приговоренный сказал мне, улыбаясь:

— Спасибо, друг мой! Вот, погодите, когда меня будут расстреливать, я вам подам о себе весть.

30 ноября, на рассвете, я был внезапно разбужен легкими, глухими стуками о мой стол. Я обернулся, шум прекратился, и я опять заснул. Несколько минут спустя опять повторился тот же шум. Тогда я соскочил с койки и, окончательно пробудившись, встал перед столом: шум продолжался. То же самое повторялось два или три раза, все при тех же условиях.

Каждое утро, встав с постели, я имел привычку отправляться, пользуясь поблажкой доброго тюремщика, в камеру Гастона Кремье и пил с ним вместе кофе. В этот день, как и в предыдущие, я отправился на наше дружеское свидание. Увы! Дверь была запечатана. Заглянув в слуховое оконце, я убедился, что заключенного там не было. Едва успел я удостовериться в этой страшной истине, как добрый тюремщик бросился мне на шею, весь в слезах: «Ах, ведь его расстреляли нынче на рассвете; но он умер героем».

Сильное волнение охватило заключенных. В тюремном дворе, где мы обменивались нашими грустными впечатлениями, я вдруг вспомнил слышанные мною шумы. Вздорный страх встретить насмешки помешал мне рассказать моим товарищам по несчастью то, что происходило в моей камере как раз в тот момент, когда Кремье пал, сраженный двенадцатью пулями в грудь. Однако, я доверился одному из них, Франсуа Рустану; но тому представилось вдруг, что я сошел с ума от горя.

Вот рассказ, который для вас я изложил на бумаге. Воспользуйтесь им, как вам будет угодно, для своих изысканий, но не подумайте о моем состоянии духа того, что думал мой приятель Рустан; горе не могло свести меня с ума в тот момент, когда я еще даже не знал о грустном факте, который был причиной моего горя. Я находился в совершенно нормальном состоянии, я даже не подозревал о казни и ясно слышал поданный мне знак. Вот вам голая, неприкрашенная истина.

Кловис Гюг».

9. Один известный ученый, Альфонс Берже, доктор естественных наук, лаборант по физике в Сорбонне, передавал мне следующий случай:

«Мать моя была в то время молодой девушкой, невестой моего отца, тогда служившего в пехоте в чине капитана; жила она в Шлесштадте у своих родителей. У матушки была когда-то подруга детства, молодая девушка по имени Амелия М. Эта девушка, слепая, была внучкой одного старого полковника, служившего в драгунах при империи. Оставшись сиротой, она жила с дедушкой и бабушкой. Она была хорошая музыкантша и часто певала дуэты с моею матерью. Восемнадцать лет она почувствовала влечение к монашеской жизни и постриглась в одном Страсбургском монастыре. Первое время она часто переписывалась с моей матушкой; потом письма стали приходить все реже и реже, наконец, как это часто бывает в подобных случаях, она совершенно перестала писать своей бывшей подруге.

Прошло года три после ее пострижения; однажды мать моя отправилась на чердак разыскивать что-то в старом хламе. Вдруг она прибежала назад в гостиную с громкими криками и упала в обморок. К ней поспешили на помощь, подняли ее, она очнулась и воскликнула, рыдая:

— Это ужасно! Амелия умирает, она умерла — я слышала ее поющей так, как может петь только умершая!

И опять нервный припадок, такой сильный, что она лишилась чувств.

Полчаса спустя полковник М., как сумасшедший, прибежал к моему деду с депешей в руках. Она была от настоятельницы Страсбургского монастыря и содержала следующие слова: «Приезжайте, ваша внучка при смерти». Полковник бросается на первый поезд, едет в монастырь и узнает, что «сестра скончалась ровно в три часа», как раз в тот самый момент, когда с матушкой случился нервный припадок.

Этот случай часто рассказывали мне моя мать, ба-

бушка, отец, присутствовавшие при этой сцене, а также тетка и дядя, очевидцы этого происшествия».

Этот факт достоин внимания. Имя рассказчика служит порукой его достоверности. Здесь нет ничего фантастического или романического. Очевидно, подруга г-жи Берже, умирая, в самый момент кончины с большим жаром, любовью и, вероятно, с сожалением думала о своей подруге детства, и от Страсбурга до Шлештадта душевное волнение молодой девушки перенеслось моментально и поразило мозг г-жи Берже, сообщив ему впечатление небесного голоса, поющего дивную мелодию. Но как? Каким путем? Этого мы не знаем. Было бы, однако, ненаучно отрицать реальное совпадение, отношение причины к следствию, явление психического порядка, отрицать только потому, что мы не умеем его объяснить себе.

10. Г-жа де Фонвиель рассказала мне 17 января 1899 года о следующем случае, испытанном ею самой и известном всей ее родне.

Она жила в Роттердаме. Однажды вечером, часов около 11, всей семьей в сборе были вслух прочитаны вечерние молитвы, а потом все разошлись по своим спальням. Г-жа Фонвиель только что успела улечься, как вдруг увидала, что полог ее постели раздвигается и перед ней является с ясностью живого человека одна подруга ее детства, с которой она рассталась года три тому назад после какого-то неделикатного поступка с ее стороны. Она была в длинной белой одежде, черные волосы ее были распущены по плечам; она пристально уставилась на подругу своими большими черными глазами, протянула руку и проговорила на голландском языке.

— Я умираю. Неужели вы не простите меня?

Г-жа де Фонвиель приподнялась на постели и в

свою очередь протянула ей руку, но видение вдруг исчезло. Комната была освещена ночником, и все предметы были отчетливо видны. Вслед затем часы пробили двенадцать.

На другое утро г-жа Фонвиель рассказывала своей племяннице об этом странном видении, как вдруг раздался звонок у входной двери. Принесли телеграмму из Гаги, гласившую: «Мари скончалась вчера, в одиннадцать часов и сорок пять минут». Г. де Фонвиель, со своей стороны, подтвердил мне факт видения; совпадение не подлежит сомнению. Что касается объяснения, то он так же усердно доискивается его, как и мы.

11. Баронесса Стафе, автор прелестных повестей, сообщила мне следующий факт:

«Г-жа М., по замужеству сделавшаяся француженкой и принадлежавшая к многочисленной медицинской семье, была воплощенной правдивостью. Мне кажется, она скорее умерла бы, чем согласилась выговорить ложь. Вот что она передавала мне.

В отроческие годы она жила в Англии и в шестнадцать лет сделалась невестой молодого офицера из индийской армии. Однажды весной в портовом городе, где жил ее отец, она стояла на балконе и, естественно, задумалась о своем женихе. Вдруг она видит его перед собой, в саду — бледного, измученного. Тем не менее, обрадовавшись, она кричит: «Гарри! Гарри!» Сбегает, как вихрь, с лестницы и распахивает двери, ожидая на пороге увидеть своего возлюбленного. Но никого там не оказалось. Она бежит по саду, шарит по кустам, осматривает то место, где видела его. Гарри нет как нет. Домашние обступают ее, стараются успокоить, убедить, что это иллюзия, но она все повторяет: «Я видела, видела его!» — и остается опечаленной и встревоженной. Некоторое время спустя молодая девушка уз-

нает, что ее жених погиб на море от внезапной болезни как раз в тот день и в тот час, когда он привиделся ей в саду».

12. Г. Бине, типограф в Суассоне, рассказал мне о следующем видении, явившемся ему лично.

«Моя родина, Мезьер, подверглась бомбардировке в течение всего 36 часов, но при этом погибло много людей. Между прочими была опасно ранена маленькая дочь нашего домохозяина; ей было 11—12 лет, а мне всего 15. Я часто играл с Леонтиной — так звали девочку.

В начале марта я поехал гостить в Доншери. Перед отъездом я узнал, что девочка в безнадежном состоянии. Но, благодаря перемене места и безопасности, свойственной моему возрасту, я развлекся и забыл о вынесенных бедах.

Спал я один в длинной, узкой комнате, окно которой выходило в поле. Раз, улегшись спать по обыкновению в 9 часов, я никак не мог заснуть. На небе светила полная луна, бросая довольно сильный свет в комнату.

Сон не являлся, я слышал, как били часы, и время тянулось бесконечно долго. Я размышлял, глядя на окно, приходившееся как раз против моей постели. Вдруг около половины первого мне показалось, что луч луны движется на меня, потом принимает очертания длинной белой одежды и останавливается у самой моей постели. Чье-то исхудалое лицо улыбается мне... Я вскрикиваю: «Леонтина!» Но лучезарная тень, все скользя, исчезает в ногах постели. Несколько дней спустя я вернулся к родителям и, прежде чем успели со мной заговорить, я рассказал о своем видении: это была та самая ночь, тот самый час, когда девочка умерла».

13. «Вот что случилось с моим отцом, флотским ка-

питаном в отставке. Он был в плавании и около полуночи стал на вахту. Прохаживаясь по мостику, он вдруг увидел мелькнувшую у него перед глазами фигуру ребенка, одетого в белое и как будто собирающегося улечься.

— Ты ничего не видал? — спросил он у матроса, бывшего при нем.

— Ничего, — отвечал тот.

Тогда отец рассказал ему о своем видении, прибавив: «Наверное, у меня дома неблагополучно». Он тщательно записал день и час, а вернувшись домой, узнал что в тот самый день умерла его маленькая племянница. Отец мой не раз рассказывал мне об этом и еще на днях повторил, читая вашу статью.

М. Шейльян. Арзев».

14. Г. Пасса, долгое время бывший священником в Версале, передавал мне следующий случай: однажды, в бытность его студентом в Страсбурге, находясь в бодрствующем, вполне сознательном состоянии, он увидел брата своего, офицера тюркосов в Африке, лежащим на дне глубокой ямы с разбитой, окровавленной головой. Хотя это видение произвело на него сильное впечатление, однако он ни одной минуты не допускал мысли, чтобы оно предвещало действительность, и вспомнил о нем только тогда, когда получил по почте следующее роковое известие: в тот самый день, когда брат явился ему, он подвергся нападению одного из своих рядовых, который рассек ему череп и бросил труп в яму.

А. Е. Моно.

97, улица Дракона, в Марселе.

15. Несколько лет тому назад супруги В. посетили своего знакомого больного старика, некоего Сент-Обена, человека очень образованного и большого оригинала. Среди разговора старик, убежденный, что ему не

долго остается жить, обещал г. В. подать о себе весть, когда придет его последний час. В. с своей стороны дал такое же обещание.

Прошло лето, и супруги больше не виделись с больным. Раз зимним вечером, после ужина г. В. читал газету, вдруг он невольно поднял голову и сказал жене: «Сент-Обен умер». Та не поверила и спросила, от кого он об этом узнал. — «Мне никто ничего не говорил о Сент-Обене, — отвечал В., — но вот сейчас как будто что-то ударило меня в голову, и в тот же момент я невольно подумал о смерти Сент-Обена». На другое утро г-жа В. услышала в церкви весть о кончине Сент-Обена, последовавшей накануне вечером. Г. В. (мой дядя), передававший мне об этом случае, говорил, что невозможно определить свойства полученного им легкого удара, — никогда в жизни он потом не испытывал подобного ощущения. Он вовсе не суеверен — совершенно напротив.

Гусси ван дер Гаге, в Рулере.

16. «Дед мой с материнской стороны, человек серьезный, солидный, спокойный и строгий, прогуливался однажды по улицам Лондона, погруженный в размышления, как вдруг протискивается сквозь толпу и направляется к нему один из его близких друзей детства, полковник индийской армии, который, судя по сообщениям газет, был занят в то время усмирением бунта сипаев. Дед мой, вне себя от удивления, протянул руку приятелю и собирался задать ему вопрос, но тот исчез так же внезапно, как и появился. Вернувшись домой, дедушка осведомился, не приходил ли полковник, и, получив от прислуги отрицательный ответ, несколько встревоженный отправился в свой клуб. Там тоже никто не видал полковника. Прошло несколько недель: в ту пору средства сообщения были еще очень плохи.

Однажды, пробегая столбцы еженедельного журнала, выходявшего в Индии, дедушка с огорчением наткнулся в списке убитых сипаями на имя своего дорогого друга. Сравнив даты, он пришел к убеждению, что кончина этого друга совпадала с появлением его на многолюдных улицах Лондона, где в прежнее время оба приятеля особенно любили бродить, изучая характерные уличные типы столицы.

Е. Азинелли. Женева».

17. «Случилось это около 1850 года в знакомом мне семействе. Две сестры только что улеглись в постель; вдруг одна из них вскрикивает: «Боже мой! Отец!..»

Мать воображает, что это галлюцинация или сон, и старается успокоить дочь, но та отвечает: «Я уверена, что видела папу, он даже тронул меня за руку».

Надо вам знать, что отец несколько дней тому назад уехал в Тур строить балаганы для тамошней ярмарки. На другой день семья получила письмо, извещающее, что отец разбился, свалившись с постройки. Видение явилось дочери как раз в момент его смерти.

Делану, домовладелец, улица Замка, 28, в Лоше».

18. «Мой брат, надзиратель над сосланными в Кайене, находясь в отпуске в Боллене, рассказал мне следующее происшествие. Он был очень дружен с другим надзирателем, неким Ренуччи. У того была дочурка, сильно привязавшаяся к моему брату и невестке. Девочка заболела. Однажды ночью брат мой просыпается. В глубине комнаты он вдруг видит маленькую Лидию, устремившую на него пристальный взор. Затем она исчезла. В волнении мой брат разбудил жену и сказал ей: «Диди (Лидия) умерла, я только что видел ее совершенно ясно». Ни муж ни жена не могли после этого заснуть.

На следующий день мой брат поспешил к г. Ренуч-

чи. Девочка действительно умерла ночью; час явления совпадал с ее смертью.

Режина Жюллиан, начальница пансиона в Морнасе. (Вокаюз)». (См. ст. К. Фламмариона «Неведомое» в прибавл. к «Новому Времени» за 1900 г., №№8688—8722.)

Мы могли бы увеличить до бесконечности число этих достоверных рассказов. Случаи сообщений на расстоянии в момент смерти или при жизни и при нормальных условиях, подобные вышеприведенным, не настолько редки, — хотя, конечно, и не особенно часты, — чтобы каждый из наших читателей не слышал о них и даже лично не наблюдал чего-нибудь подобного, может быть, еще и не раз. С другой стороны, опыты, произведенные в области животного магнетизма, показывают точно так же, что в известных психологических случаях экспериментатор может действовать на своего субъекта на расстоянии не только нескольких сажен, но нескольких верст и даже сотен верст — смотря по чувствительности субъекта и его способности к ясновидению, а также, без сомнения, и по силе воли самого магнетизера. При всем этом нужно сказать, что расстояние или пространство вовсе не таково, каким мы его себе представляем. Для пешехода расстояние от Парижа до Лондона очень велико; до изобретения судов оно было даже непреодолимым, но для электричества оно не существует. Расстояние от Земли до Луны очень велико при наших теперешних средствах передвижения, но оно нуль для тяготения. В самом деле, с абсолютной точки зрения, расстояние, отделяющее нас от Сириуса, составляет такую же ничтожную часть бесконечности, как и расстояние между Парижем и Версалем или даже между вашим правым глазом и левым.

Мало того: промежуток, существующий, по-видимому, между Землею и Луной, между Землею и Марсом или даже между Землею и Сириусом, не что иное, как чистейшая иллюзия, происходящая от нашей недостаточной восприимчивости. Луна постоянно действует на Землю, вызывая приливы и отливы. Притяжение Марса равным образом чувствуется нашей планетой, а Земля, в свою очередь, заметно влияет на Марс и заставляет его чувствовать влияние Луны. Мы действуем даже на самое Солнце, принуждая его вздрагивать, как будто бы мы к нему прикасались. Благодаря притяжению, Луна ежемесячно заставляет Землю вращаться около их общего центра тяжести, находящегося в пространстве на расстоянии полуторы тысячи верст от поверхности земного шара; равным образом и Земля из года в год заставляет Солнце вращаться около общего центра тяжести, расположенного в 430 верстах от солнечного центра. Все миры непрестанно действуют друг на друга, так что на самом деле они вовсе не разъединены, не изолированы один от другого. Пространство не только не представляет собою бездны пустоты между мирами, а скорее является связью, посредствующим звеном между ними. Но, если, таким образом, сила тяготения устанавливает действительное, постоянное, не подлежащее никакому сомнению, доказываемое всею точностью астрономических наблюдений общение между Землей и другими родственными ей телами в пространстве, то мы вовсе не видим, по какому праву так называемые позитивисты могут утверждать, что невозможно никакое сообщение между двумя более или менее удаленными друг от друга существами — на Земле ли или в двух различных мирах.

Два мозга, вибрирующие однообразно, в один тон, на нескольких верстах взаимного расстояния, не мо-

гут разве приводиться в движение одной и той же психической силой? Возбуждение известной части мозга не может разве, подобно тяготению, перенестись чрез эфир и передаться другому мозгу, вибрирующему на каком бы то ни было расстоянии, как звук, извлеченный в одном углу комнаты, заставляет дрожать струны рояля или скрипки — в другом ее углу? Не забудем при этом, что наш мозг составлен из несоприкасающихся между собою и постоянно колеблющихся частиц.

Да и для чего говорить о мозге? Мысль, воля, вообще психическая сила одного существа, в чем бы ни состояла ее сущность, не может разве действовать чрез расстояние на другое существо, связанное с первым симпатическими и нерасторжимыми узами интеллектуального родства. И разве биение одного сердца не передается внезапно другому, бьющемуся с ним в унисон?

Что же, ужели мы должны допустить, что в приведенных выше случаях явлений дух умершего действительно принимал телесный вид и находился около наблюдателя? Для большей части случаев в таком предположении, по-видимому, нет никакой надобности. Во время сна мы бываем уверены, что видим разных людей, хотя их вовсе нет перед нашими, впрочем, закрытыми, глазами. Мы видим их столь же ясно, как и наяву, слушаем их, отвечаем им, разговариваем с ними. Очевидно, мы видим их не с помощью сетчатой оболочки, не с помощью оптического нерва, точно так же, как и слышим их вовсе не ушами, — все это дело лишь одних мозговых клеток.

Некоторые видения могут быть объективными, внешними, вещественными, другие же — чисто субъективны; в последнем случае являющееся существо может действовать чрез расстояние на существо видя-

щее, и такое влияние на мозг последнего может произвести внутреннее видение, которое, оставаясь чисто субъективным и внутренним, могло бы показаться внешним, как это бывает в сновидениях, не будучи в то же время простым обманом чувств.

Опыты, произведенные в последнее время относительно явлений внушения, гипнотизма и сомнамбулизма, указывают, кажется, путь если не к объяснению, то, по крайней мере, к рациональному взгляду на некоторые из фактов этой области. Сущность подобных явлений заключается в том, что здесь мысль одного лица действует на мысль другого. Разумеется, душа не переносится чрез расстояние и не принимает в действительности человеческого образа; перед тем, кому является видение, нет человеческого существа в одежде, сшитой портным или швеей, закутанного в плащ, в женское платье, в широкое или узкое пальто со всеми принадлежностями мужского или женского одеяния, с тросточкой или зонтиком в руках и т. п. Но, может быть, являющаяся душа действует непосредственно на душу другого лица, производя в последнем такое ощущение, что ему кажется, будто он видит, слышит, даже осязает представляющееся ему существо в том самом виде, в каком оно было известно ему раньше.

Как мысль или воспоминание вызывает в нашей душе образы, достигающие большой живости и яркости, так и человек, действующий на другого, может заставить последнего увидеть какой-нибудь субъективный образ, который на мгновение покажется ему вполне реальным. Занимающиеся гипнотизмом и внушением в настоящее время уже могут по произволу вызывать подобные явления, и хотя такого рода опыты еще только начались, но полученные результаты уже заслуживают величайшего внимания как с психоло-

гической, так и с физиологической точки зрения. Во всех таких случаях не сетчатая оболочка возбуждается внешней действительностью, а возбуждаются прямо оптические слои мозга действием психической силы. Здесь получает впечатление непосредственно само мыслящее начало, но — каким образом? — мы этого не знаем.

Таковы наиболее рациональные, как нам кажется, индуктивные выводы из только что рассмотренных явлений — явлений не объяснимых, но известных с незапамятных времен, потому что примеры их встречаются в истории всех народов с самой глубокой древности, и их трудно было бы отрицать или замалчивать.

Так неужели — возразят нам — в наш век экспериментального метода и положительного знания мы должны допустить, что умирающий или прямо мертвец может иметь с нами общение?

Но что такое мертвец?

В каждую секунду умирает по одному человеческому существу на нашем земном шаре, значит около 86400 в сутки, то есть около 31 миллиона в год или более 3 миллиардов в столетие. В течение десяти веков было зарыто в землю и пущено в общее обращение в виде воды, газов, паров и различных других веществ — более 30 миллиардов трупов. Если мы примем во внимание всю убыль человеческого населения за исторические века, то найдем, что в течение десяти тысяч лет, *по меньшей мере, двести миллиардов человеческих тел были созданы из земли и атмосферы путем дыхания и питания и вновь возвратились в землю и воздух.* Частицы кислорода, водорода, угольной кислоты, азота, составлявшие все эти тела, утучнили собою почву и поступили в воздушный кругооборот.

Да, обитаемая нами ныне земля составлена меж-

ду прочим, и из этих миллиардов некогда мысливших мозгов, из этих миллиардов некогда живших организмов. Мы попираем ногами наших предков, как и по нас будут ходить потом. Умы мыслителей, очи, созерцавшие красоту, уста, воспевавшие любовь, улыбки и плач, розовые губки и мраморные бюсты красавиц, утробы матерей, руки трудящихся или носящих меч, кровь побежденных, дети и старцы, добрые и злые, богатые и бедные — все, что жило и мыслило, все лежит теперь в этой сырой земле. Мы не можем сделать ни одного шага на нашей планете, чтобы не наступить на прах мертвых; не можем взять в рот куска, проглотить одного глотка жидкости, не вводя в себя того, что уже было съедено и выпито миллионы раз; не можемдохнуть, не принимая в себя дыхания мертвецов. Составные элементы человеческих тел, взятые из природы, возвратились в нее вновь, и каждый из нас носит в себе атомы, принадлежавшие раньше другим телам.

Что же? Ужели вы думаете, что в этом заключается все, что осталось от всего человечества? Ужели вы думаете, что от него не осталось ничего более благородного, более высокого и более духовного? Ужели каждый из нас, испуская последний вздох, возвращает природе только эти шестьдесят или восемьдесят килограммов мяса и костей, которые сейчас же разложатся и обратятся в элементы? Ужели оживляющая нас душа не может продолжать своего существования точно так же, как любая из частиц кислорода, азота или железа? Ужели жившие некогда души не могут жить всегда?

Мы не имеем никакого основания утверждать, что человек состоит из одних только материальных элементов и что мыслительная способность есть лишь свойство его организации. Напротив, очень важные причины заставляют нас допустить, что индивидуаль-

ную сущность и составляет именно душа, что она-то и управляет материальными частицами, образуя из них живое человеческое тело.

Светлая радость, как будто даже улыбка, появляющаяся на лице только что скончавшегося человека, спокойствие, разливающееся подобно сиянию счастья вслед за предсмертными страданиями, не показывает ли это нам, что в торжественный момент разлуки с телом последнее впечатление души бывает впечатлением света, сознанием освобождения?

Безусловно неоспорим следующий исторический и научный факт. Во все века, у всех народов, под самыми разнообразными религиозными формами непоколебимо оставалась в глубине сознания идея о бессмертии. Воспитание дало ей лишь тысячи разных форм, но не оно изобрело ее. Эта неискоренимая идея существует сама по себе. Всякое человеческое существо, являясь в мир, приносит с собою в более или менее смутной форме и это внутреннее ощущение, это желание, эту надежду. (См. кн. К. Фламмарiona *«В небесах»*, Спб., 1896 г., стр. 122—153.)

38) Из монастырских писем. (Наместника Троице-Сергиевой лавры архим. Антония митрополиту Моск. Филарету).

1. Монах Иона, живший прежде на гостинице, а теперь служащий на св. кладезе, имел сына Косму, жившего в послушниках в Чудове монастыре и в пост умершего в больнице московской.

В пятницу, на Лазареву субботу, около полуночи, отец встал поправить лампадку, очень нагоревшую. Хочет ложиться опять в постель и видит, что дверь отворилась и сын входит в белой рубашке, а за ним два маленьких мальчика, прекрасно одетых.

Отец, испугавшись, говорит: «Косма, зачем ты при-

шел? Не тронь меня: я боюсь тебя». — «Не бойся, батюшка, я ничего тебе не сделаю». Тогда отец поцеловался с ним, а мальчики стали у дверей. Иона, в страхе еще, говорит мальчикам: ребяташки, вы не уходите отсюда, не оставляйте его одного. Они ни слова не сказали и остались, как пришли. Сын Ионы вместе с отцом пошли в перед кельи, отец сел на стул, а сын подле него на пол. Отец говорит: «Каково тебе, Косма, там?» — Сын говорит: «Слава Богу, батюшка, мне хорошо». — Отец говорит: «Чай, муки-то там какие?» Сын говорит: «Ад разрушен. — Но, тяжело вздохнув, прибавил: — Только там река огненная, и редкий кто минует ее; а сколько в ней народу! Ужас как много!»

Отец хотел еще спросить о реке, но сын встал, поспешно говорит: «Прости, батюшка, нужно навестить старца», а не сказал, кого, и пошел с мальчиками вон из кельи. Это было просто наяву.

Старец, — думается, Аммоний, который в этот день скончался, быв на ногах, а он с ним был знаком близко, а может быть, и другой, но ни от кого не слышно, кто бы в этот день видел Косму хотя во сне.

2. Идя по скиту, зашел я к умирающему Вуколу — послушнику покойного схимонаха Моисея. Ныне его соборовали маслом; чахотка неизлечимая у него. Увидев его в таком благодушном состоянии, я спросил: «Что, о. Вукол, видно, в путь собираешься?» — «Да, батюшка, помолитесь, да пошлет мне грешному Свою милость и помощь Господь». — «Кланяйся от меня старцу своему, о. Моисею». — «Я ныне, — говорит, — виделся с ним, он был у меня и вот здесь читал акафист Богоматери: а меня, как и прежде бывало, заставил петь припевы и так все правило совершил у меня. И с радостию говорит: мы с тобою и там вместе будем жить; позволено прийти проводить ту-

да отселе тебя. — Помолились мы еще с ним, и я как бы совершенно был здоровый. Перекрестил он меня и отошел. Так я, батюшка, жду не дожусь, когда пошлет Господь перевести меня отсюда. А о. Моисей сказал, что там несказанно хорошо».

Господи! Какие получает человек утешения от веры в бессмертие.

3. Какое непонятное соединение живых с мертвыми! Где же находятся умершие, которые так удобно с живыми и вновь умирающими сносятся? Где находятся души, которые из одной губернии в другую в одну почти минуту переносят вести?

В Екатеринославле был архимандрит Симеон, который недавно (в 1843 г.) переведен в Воронеж. Он был дружен со старым отцом (С. М. Н.) одного благородного семейства. Отец этот умер прошлого 1844 года в феврале. В числе его семейства была дочь, которой участь была не по сердцу, отчего в тихом страдании получила она чахотку. 6 дня прошедшего августа все семейство было еще в трауре по отцу. Больная приобщалась в этот день, не снимая траура; мать ей это заметила, на что она отвечала: «Я 15-го наряжусь». И точно, в день Успения Божией Матери потребовала ванну, надела полное венчалное убранство, послала за священником, приобщилась Святых Таин. По принятии святыни, береглась, чтобы ничто не прикоснулось к ее устам. Со всей свежестью голоса и улыбающегося лица, просила читать отходные молитвы и во время чтения относилась как бы к невидимому лицу: «Папенька милый, папенька, подождите». С последним словом отходной улетела бессмертная ее душа. Того же дня и часа отец Симеон в Воронеже видит С. М. Н., который говорит ему: «Вам в Екатеринослав-

ле надобно утешать скорбных; а Любинька со мной, но вы и нас не забывайте».

Как это разительно! Как непонятна наша жизнь! И что значит жить на этой земле? Но где бы то ни было, только бы жить такой жизнью, какую Бог определил, как бы многотрудно ни было. (*Монастырские письма*, Москва, изд. 2. 1898 г.)

39) Исполненное обещание. «Несколько лет тому назад, — рассказывал г. М., — по окончании курса в одном из высших учебных заведений я проживал в Москве, думая в то время посвятить себя сцене, и пробовал свои силы на этом поприще, участвуя в многочисленных любительских спектаклях. Само собою разумеется, что, благодаря такому образу жизни, у меня вскоре образовался довольно многочисленный круг знакомых, из среды которых особенно дорога мне была семья г-жи Б., где я встретил самый теплый, родственный прием и участие. Однажды, проводя вечер в этой милой семье, я завел с хозяйкой дома разговор о различных таинственных явлениях, которым, к слову сказать, ни я, ни собеседница моя не верили. Полушутя, мы с г-жой Б. дали друг другу обещание, что тот из нас, кто раньше умрет, должен будет явиться оставшемуся в живых, чтобы доказать этим, что существует загробная жизнь. «Разумеется, это будете вы», — прибавила, смеясь, г-жа Б., цветущая молодая женщина, глядя на меня, в то время хилого и с виду болезненного молодого человека. Разговору этому в то время не придавали мы никакого значения, не веря в возможность каких-нибудь посмертных проявлений личности умершего и смотря на наши взаимные обещания, как на простую шутку.

Вскоре после этого мне пришлось покинуть Москву и прожить несколько месяцев в провинции. Пере-

писываясь с некоторыми московскими знакомыми, я с удивлением и грустью узнал о неожиданной смерти г-жи Б., цветущее здоровье которой обещало, по-видимому, многие годы жизни. Погоревав искренно о своей доброй знакомой, я, сколько мне помнится, в то время даже и не вспомнил о нашем взаимном обещании, до такой степени считал его вещью несбыточной. Прошло несколько месяцев, я возвратился в Москву и снова принялся за прерванную сценическую деятельность. За это время впечатление понесенной мною утраты успело окончательно во мне изгладиться, и, увлекаемый волною жизни, я редко вспоминал о своей знакомой.

Раз я вернулся домой довольно поздно вечером, и так как через несколько дней предстоял спектакль, в котором я должен был участвовать, то принялся изучать свою роль, которую я знал плохо, притом же и спать еще не хотелось. Занимал я в то время небольшую меблированную комнату, а напротив меня, через коридор, была другая такая же комната, занимаемая в то время моим хорошим знакомым г. Т., у которого в этот вечер собрался кружок, по большей части, также моих хороших знакомых, которые, усевшись за зелеными столами, усердно винтили. Так как на совести моей лежала плохо заученная роль, а спектакль был близок, то я не пошел к приятелю, несмотря на его приглашения, и принялся, как сказал, учить свою роль. В комнате моей горела висячая лампа с красным абажуром, свет которой был настолько силен, что я, не утомляя глаз, мог свободно читать свою роль. Прошел, может быть, час, я лежал на кровати и усердно штудировал роль, забыв обо всем на свете. Прямо против меня, в нескольких шагах, стояла этажерка, а на ней, на верхней полке, кабинетный фотографический портрет

г-жи Б., подаренный ею лично. Портрет этот оправлен был в рамку, состоявшую из одного толстого стекла на подставке, какие в то время только что появились. Хорошо помню, что, увлеченный своей ролью, я решительно ни о чем другом не думал, а всего менее, конечно, о покойнице, так как житейские заботы всецело поглощали меня в это время. Во время моих занятий взор мой несколько раз падал на упомянутый выше портрет. Постепенно я стал взглядывать на него чаще и чаще, сам не зная почему, хотя в портрете не замечалось ничего особенного и он стоял на обычном своем месте. Наконец, это непонятное, похожее на какую-то навязчивую идею чувство до такой степени стало меня беспокоить, что я встал с кровати и, вынув карточку из рамки, обернул ее лицевой стороной назад, вложив портрет в таком положении обратно в рамку, чтобы не отвлекаться. Но непонятное ощущение, тем не менее, продолжалось, мешая мне полностью сосредоточиться на своей роли. Вместе с тем я стал замечать на стене, близ которой стояла этажерка с портретом, какой-то блуждающий свет, который можно было сравнить с отражением от зеркала, известным под именем «зайчиков». Внимательно оглядывая комнату, я убедился, что в комнате не заключалось ничего, что могло бы служить причиной подобного светового явления. Полагая, что свет проникает из окна сквозь неаккуратно спущенную штору, я подошел к окну. Но на дворе была непроглядная темень темной и сырой осенней ночи, и ни одно окно не светило, так как было уже далеко за полночь. Возвратясь на свое место, я снова принялся читать роль, полагая, что все это мне померещилось, но явление продолжалось. Постепенно светлое фосфорическое пятно, образовавшееся на стене, стало разрастаться, принимая вид светлой женской фигуры, кото-

рая стала, наконец, отделяться от стены, и я увидел перед собою покойную Б. Помню хорошо, что как в этот момент, так и в последующие, пока длилось явление, я не чувствовал ни испуга, ни даже удивления, а скорее чувство, похожее на какое-то оцепенение, нечто вроде столбняка.

Призрак, отделившись от стены, подошел к этажерке, вынул из рамки свой фотографический портрет, обращенный мною назад, и снова вставил его в рамку в его естественном положении. Затем призрак открыл деревянную, не запертую на ключ шкатулку, вынул из нее золотой медальон г-жи Б. с ее портретом, подаренный мне на память ею самой, и раскрыл его. Затем видение стало бледнеть, постепенно расплываясь в каком-то тумане, пока не исчезло в той же стене, из которой оно появилось. Теперь только исчезло мое оцепенение, и меня охватил такой ужас, что я в испуге бросился из комнаты, впопыхах ударившись обо что-то головой довольно чувствительно. Как безумный, влетел я в комнату своего приятеля, где все еще продолжалась карточная игра, и переполошил своим видом всю компанию. Долго не мог я ничего ответить на тревожные расспросы моих знакомых и разразился, наконец, сильнейшим истерическим припадком, чего ни раньше, ни после никогда со мною не бывало, так как человек я несколько не нервозный и никогда ни нервозностью, ни, тем более, истерией не страдал. Наконец, знакомым моим удалось меня кое-как успокоить, и я рассказал все, что произошло. Разумеется, меня принялись уверять, что все это мне померещилось, что, вероятно, я заснул и мне все это приснилось. Я уверял их, что я ни минуты не спал, что ни малейшего расположения ко сну у меня не было и что я все время был занят самым старательным изучением роли. Чтобы убе-

дить меня, что все это либо сон, либо галлюцинация, всей гурьбой отправились в мою комнату, но приятели мои невольно призадумались, когда увидели, что портрет был действительно в том положении, которое было дано ему призраком, а золотой медальон вынут из шкатулки и раскрыт. Кое-как проведя ночь (один из знакомых, чтобы успокоить меня, согласился остаться у меня ночевать), я на другой день пошел посоветоваться с известным в то время специалистом по нервным болезням, доктором Х. Доктор, со своей стороны, успокаивал меня и с научной точки зрения объяснял все происшедшее со мною самопроизвольным гипнозом. По его мнению, я самопроизвольно впал в гипноз, сам внушил себе видение призрака Б., сам привел ее фотографический портрет в первоначальное положение и вынул из шкатулки и раскрыл ее медальон, воображая, что все это делает вызванный мною в моем воображении призрак. Как ни остроумно показалось мне тогда объяснение профессора, но меня и до сих пор смущает то обстоятельство, что никогда решительно, ни до этого случая, ни после него, я не страдал ни малейшими нервными расстройствами, в гипноз не впадал, а напротив, обладаю совершенно здоровыми, нормальными нервами. Если бы это был самогипноз, то, по крайней мере, хоть в самый этот день я должен был бы ощущать хоть какую-нибудь ненормальность, какое-нибудь недомогание вроде тяжести в голове, сонливости, или чего-нибудь в этом роде, а то ничего, решительно ничего не ощущал, но был в самом обычном, нормальном состоянии и духа, и телесного здоровья. Откуда же было взяться самогипнозу, ведь от чего-нибудь же он должен был развиваться, из каких-нибудь органических или психических причин? А потому, несмотря на всю научность объяснений почтен-

ного доктора, я не могу вполне удовлетвориться ими и принужден, вместе со многими другими, думать, что в природе есть многое, чего не снилось нашим мудрецам. (См. «Ребус», 1896 г.)

40) Вразумление умершей матери непочтительно-му сыну. Из Ярославля в «Рыбинский Биржевой листок» пишут, что в одной деревне, в 15 верстах от этого города, жила вдова, бедная крестьянка, мать двоих сыновей. Старший сын успел как-то разбогатеть, жил отдельно от матери и отказывал ей даже в куске хлеба; младший был беден, но честен и почтителен к матери. Вдруг старуха умирает, нужно ее похоронить, а денег нет ни копейки. Сноха покойницы, жена младшего сына, отправилась к старшей снохе за помощью, в отсутствие мужа последней, и после долгих просьб успела выпросить у нее на погребение один рубль. Когда старший сын покойницы, возвратившись домой, узнал об этом, то пришел в страшную ярость, обругал и поколотил жену, зачем она дала без него денег, и, наконец, отправился в братнину избу, где под божницей лежала его мать, готовая к выносу в церковь. Не обращая внимания на тело матери, еще не успевшее остыть, этот непочтительный и дерзкий сын, забывший страх Божий и стыд человеческий, бросился с кулаками на жену своего брата, требуя назад данный ей рубль. Бедная женщина в испуге сказала, что деньги лежат под божницей. «Возьми их, если хочешь, доставай сам, а я не буду: грешно!» — проговорила она. — «Дура ты, вот что!» — воскликнул злой сын и потянулся к божнице, чтобы взять деньги. При этом он слегка наклонился к телу умершей. В это время мертвая вдруг схватила его за руку и крепко-крепко стиснула, открыв на мгновение глаза, после чего опять заснула сном смерти. Говорят, что сын сошел с

ума от испуга и едва ли останется в живых. (Из «Воллог. Еп. Вед.»)

41) Один из сотрудников газеты «*Chicago Tribune*» приводит из старинной книги о *духовидении*, вышедшей в 1729 году, следующий рассказ о докторе богословия Шкотте, человеке известном в свое время как ученостью, так и замечательным умом, безукоризненной нравственностью и правдивостью. Свидетельство его в пользу таинственного происшествия имеет немалую цену.

Доктор, как с его слов рассказывается в старинном издании, сидел однажды в своем кабинете у камина с книгой в руках при затворенной и даже запертой двери и, стало быть, вполне уверенный, что в комнате, кроме него, никого быть не могло. Случайно подняв голову, он увидал по ту сторону камина сидящего в большом кресле старого господина в длинном черном парике, очень почтенной наружности, одетого в черный бархатный камзол, ласково на него смотрящего и как будто готовящегося заговорить.

Затем между доктором и его таинственным гостем начался разговор, который сотрудник газеты полностью не передает, а только кратко излагает его содержание, а именно просьбу, чтобы Шкотт отправился в его бывшее поместье и отыскал там духовное завещание, так хорошо запрятанное, что его никак не могли найти, ввиду чего сын его, законный наследник, рискует лишиться большей части своего имущества.

«На чердаке, в кладовой, — продолжал призрак, — находится склад разных старых ненужных вещей, как-то: ломаной мебели, столов, ящиков, комодов. В одном углу, в глубине увидишь старинный сундучок со старым, изломанным замком и торчащим в нем ключом, который напрасно пробовали повернуть или вынуть

из замочной скважины». Сундучок этот призрак описал очень подробно как снаружи, так и внутри и точно указал место, которое придется вскрыть топором, иначе не проникнуть в него.

Доктор Шкотт обещал отправиться в указанное поместье и сдержал свое слово.

Молодой хозяин не только радушно принял его, но и сообщил, что в предыдущую ночь он видел во сне, что к нему приехал незнакомый гость и нашел пропавшее завещание.

«Быть может, вы и есть тот гость», — заключил он свою речь. Доктор улыбнулся и попросил, чтобы его отвели в кладовую на чердаке, где сложен старый хлам. Придя туда, он прямо указал на старинный сундучок и спросил: искали ли в нем? Ему ответили, что искали, но безуспешно. Он потребовал, чтобы искали еще раз. Опять ничего не нашли, тогда доктор спросил долото, молоток и начал стучать в дно сундучка, оно оказалось двойным, и когда было вскрыто, то там в пыли и грязи нашлось завещание, необходимое для утверждения в правах наследства молодого хозяина.

42) Есть верное предание, что живший в конце XI века парижский доктор Раймунд Диокр, человек ученый, но самообольщенный, возмечтал о себе до богохульства. В этом состоянии застигнутый смертью, Раймунд, среди своих собратий, которые уже готовились нести его тело в могилу, внезапно встал и произнес: (*Justo Dei judicio accusatus sum*): «Я предстою уже пред судом Божиим», — и снова умер. Через некоторое время он снова пробудился от смертного сна и, встав, сказал: (*Justo Dei judicio judicatus sum*): «На праведном суде Божиим я истязан», — и опять пал мертвый на свой одр. Наконец, встал и в последний раз произнес: (*Justo Dei judicio damnatus sum*): «Праведным су-

дом Божиим я уже осужден», — и более не пробуждался к жизни.

Такие поразительные явления расположили Брюна, епископа Гербиполенского, ученика Раймундова, и некоторых из его товарищей удалиться в Шартрскую уединенную, дикую пустыню и поставить самые строгие правила для своего общества, известного под именем Картезианского ордена.

Не знаем, как бы отозвалось такое событие в людях рационалистического направления? По крайней мере, нельзя думать, чтобы они были к нему равнодушны; много бы, конечно, оно наделало шума, много толков, но все это свели бы к тому, «что покойник был крепкой натуры, что эти необычайные вспышки догоравшей жизни, трикратно энергически повторившиеся, с значительными расстановками времени, были следствием избытка внутренних его сил».

И все остались бы этим довольны и покойны. И многие, чтоб не показаться отсталыми от прогрессистов, выразили бы им свое сочувствие!.. Надо признаться, что от мусора и копоты суемудрого просвещения загробная жизнь так стала для многих темна, как вода во облацех воздушных. (*«Прибавл. к твор. св. отцов», 1855 г.*)

Приложение

Опровержение мнения, будто явления душ умерших невозможны

Некоторые ученые богословы отвергают возможность явления душ умерших людям, еще живущим на

земле. Таков, напр., Штребель. По его мнению, явление отшедших душ невозможно, ни одна душа не может выйти из ада, не разрушив в то же время затворов смерти; а ключи ада и смерти в руках Воскресшего (Апок. 1, 18). Делич, оспаривая это положение, говорит, что хотя ни одна душа не может освободиться от ада и оков смерти без этого ключа, но отсюда вовсе не следует, что все явления умерших поэтому должны непременно быть явлениями воскресших. Святые, упоминаемые у Матфея (27—52, 53), были воскресшие, но Самуил, явившийся Саулу, не был воскресшим; не был воскресшим и Моисей, беседовавший с Иисусом Христом на Фаворе. Что Самуил и Моисей воскресли только затем, чтобы явиться и снова умереть (Штребель называет их *bis mortui*), это, как справедливо замечает Делич, чудовищный вымысел. Далее Штребель, отрицая возможность явления душ умерших, высказывает недоумение относительно того, как могут быть видимы души умерших, когда они не имеют тела?

«Точно так же, — отвечает ему Делич, — как могут быть видимы ангелы, хотя они также не имеют тела».

«Но Богу не угодно это», — возражает Штребель, ссылаясь на притчу о богатом и Лазаре.

«Из этой притчи, — говорит Делич, — видно только, что наставление относительно воли Божией, какое мы имеем в слове Божиим, не нуждается в том, чтобы исполнять его проповедью людей воскрешенных для этой цели из мертвых и посланных к живым людям. Но можем ли мы отсюда заключить, что вообще умершие не возвращаются к жизни, чтобы провести еще некоторое время между живыми в качестве свидетелей Божественной чудотворной силы и, сле-

довательно, Божественного откровения? Мертвые, воскрешенные Иисусом Христом, свидетельствуют противное. Но не должны ли мы именно отсюда заключить, что души умерших не могут являться прежде воскресения мертвых без воскресения и их тел? Явления Самуила и Моисея доказывают противное».

Так Делич опровергает мнение о невозможности явления душ после смерти. Для нас не важно то, что он для объяснения явления душ после смерти принимает произвольно составленное им понятие о «нематериальной телесности» души в переходном ее состоянии; для нас важно то, что этот глубокий знаток Писания выступает в данном случае прямым противником мысли Лютера, который говорил, что «с тех пор, как мир стоит, еще никогда в действительности не являлась душа умершего», и в «шмалькальденских членах» утверждал (II. 2. 26), что «под видом человеческих душ являются демоны».

Есть другие богословы, которые более осторожно высказываются о возможности явления душ умерших людей. Таковы Шплиттгербер, Мартенсен и др. Шплиттгербер хотя и говорит, что «души отшедших движутся в совершенно замкнутой, потусторонней сфере, которая может приходить в соприкосновение с нашей земной жизнью только в высшей степени редко, в качестве исключения, — хотя и говорит, что новейшая теология вообще держится, и не без основания, того положения, что Писание нигде не дает положительного основания для признаний действительности явлений умерших», — однако ж припоминает тем из своих читателей, которые склонны признавать явления душ умерших за призраки, создаваемые возбужденною фантазией, известные слова Гамлета: есть много на земле и на небе такого, что не сни-

лось вашим мудрецам. Мартенсен говорит: «Всякое догматическое утверждение или отрицание в данном случае значило бы только учить, *яже не уведет* (Кол. 2, 18)». Таким образом, Мартенсен прямо уклоняется от категорического решения вопроса.

Что касается православной церкви, то она, строго держась учения Писания, признает явления умерших. И, действительно, Писание не только ясно говорит о явлениях ангелов (Быт. 18, 2—22, 28, 12; Ис. Нав. 5, 13—14; Лк. 1, 11, 26, 28; Мф. 2, 13, Деян. 5, 19; 10, 3; 12, 7) и умерших праведников (1 Цар. 28, 8—20; Лк. 9, 30—32), но ясно дает разуместь, что и души грешников, по воле Бога духов и всякия плоти (Чис. 16, 22), являются иногда своим ближним, и притом как во сне, так и в бодрственном состоянии, «хотя, — говорит один из православных писателей, — эти явления душ из ада случаются очень редко, но, тем не менее, верно, действительно бывают, ибо отвергать или считать явление их совершенно невозможным — значит ограничивать неизреченное человеколюбие и силу Того, Кто имеет ключи ада (Апок. 1, 18), т. е. имеет власть отверзать и заключать врата ада — имеет власть изводить из ада и низводить в оный (1 Цар. 2, 6)», — значит быть упорным скептиком или иметь психологические познания самые ограниченные (Странник, 1873 г.).

Объяснение фактов явления умерших

Передавая рассказы о видениях и явлениях, доказывающих бытие загробного мира и «жизнь души после смерти тела», Григорий Великий приводит со-

общаемые в них видимые, осязательные «примеры» как свидетельства и факты, которые для людей «мятущихся духом» бывают более «убедительны», нежели отвлеченные рассуждения, доказательства или доводы разума (Диал. IV, 7), хотя предварительно рассматривает и некоторые из этих последних.

Так, между прочим, собеседник св. Григория Великого (в «Диалогах»), диакон Петр, представляя в своем лице неутвержденных в вере и выходя из той мысли, что обыкновенным людям, как он сам испытал это, не случается видеть чувственными глазами исход души из тела при смерти человека, — выражает сомнение — «как поверить бытию существа, которого никто не *может видеть* (гл. 5)?» — Вопрос, таким образом, ставился относительно бытия души и продолжения жизни за гробом в связи с одним из самых существенных ее свойств — *невидимостью*, или *нематериальностью*. «Положим, — рассуждает собеседник св. Григория, — о бытии души в теле мы можем заключать из движений, совершаемых им, — «потому что, если б не было в теле души, члены тела не могли бы двигаться» (гл. VI), — но возможно ли вывести отсюда бессмертие души, как выводят путем философских умозаключений — «возможно ли от видимых предметов (присутствие души в телесных движениях) заключать к бытию того, чего я не могу видеть» (жизнь души по смерти тела)?»

Отвечая на вопрос, Григорий Великий не входит в подробное рассмотрение его с философской стороны, но, тем не менее, излагает путем умозаключений. А именно — Григорий Великий указывает на бытие Божие как на факт, не подлежащий сомнению, и от него делает заключение и к бытию бессмертной души человека. Как душа животворное начало в теле, так и

сила, или присутствие Божие в мире — сила, все создающая, животворящая и всеми управляющая, — «и так как, — говорит он, — ты не сомневаешься, что есть Бог, творящий и правящий, все наполняющий и объемлющий, все превышающий и поддерживающий, неопиcуемый и невидимый, то не должен также сомневаться и в том, что Он имеет невидимо служащих Ему. Служащим же подобает уподобляться тому, кому служат, так что и сомнения не может быть, что существуют невидимо служащие невидимому. Но кто это невидимые слуги, в бытие которых веруем, как не святые ангелы и души праведных?.. И как, видя движение тела, ты допускаешь жизнь души, пребывающей в теле, так от малого и высокое мыслить должен о жизни души, исходящей из тела, что может жить невидимо душа, долженствующая пребывать в служении невидимому Творцу» (гл. V).

Это первое из доказательств против возражения относительно жизни души, невидимо исходящей из тела и невидимо продолжающей жить за гробом. Некоторая своеобразность в его построении невольно обращает на себя внимание: *если Бог существует и невидимо управляет всем в мире, то должны быть и служащие Ему и быть, по подобию Его — также невидимы*. Казалось бы, аргументация, выставляемая Кассиодором (а также и многими другими отцами церкви относительно бессмертия души) ближе и прямее отвечала мысли: «Бог создал человека по образу и подобию Своему, а Он дух невидимый и вечно живой, следовательно, и душа человеческая, как подобие Его, также может быть невидимой и жить вечно — иначе в чем бы состояло уподобление ее природы Творцу?» Обращаясь к блж. Августину и, при этом, не к специальным его исследованиям о душе и бессмертии, а к

его творению «О граде Божиим», мы находим, как нам думается, объяснение указанной своеобразности, так как едва ли можно сомневаться, что Григорий Великий имел в виду следующее места из блж. Августина. Указывая на чудеса, совершаемые телами мучеников, как на свидетельство бессмертия и, в частности, будущего воскресения тел, блж. Августин (в XXII кн., гл. 9) пишет, что все промысление Божие о мире служит живым свидетельством бессмертия и вечной жизни. «Сам ли Бог, чудесным образом, будучи вечным, временные вещи творит, чрез Своих ли слуг делает, и то самое, что творит чрез слуг, делает ли также что чрез души мучеников как и чрез людей, живущих еще в теле, или все это творит чрез ангелов, которыми невидимо, неизменно и невестественно повелевает, так что чудеса, о которых говорят, что они совершаются мучениками, бывают только по их посредничеству и молитвам, а не через их действие, — или же, наконец, в иных случаях одним, в других другим непонятным человеку способом действует и проявляется сила Божия в мире, но все совершаемое ею, служит свидетельством той веры, в которой проповедуется воскресение плоти для вечной жизни». У Григория Великого в вышеприведенном доказательстве проходят те же мысли, только взятые с некоторым ограничением соответственно особой постановки вопроса. Кроме того, в подтверждение своего доказательства и он ссылается, как блж. Августин в указанной главе, — на свидетельство мучеников, запечатлевших веру в загробную жизнь мученичеством, и на чудеса, бываемые при их мощах: «неужели св. апостолы и мученики Христовы, — говорит он, — стали бы презирать настоящую жизнь и предавать себя на смерть, если бы не были твердо уверены, что за ней последует жизнь

души?.. К умершим телам их приходят живые больные и получают исцеление; приходят клятвопреступники, и овладевают ими демоны; приходят бесноватые и освобождаются» (от демонов) и пр. А блж. Августин, рассказав (в гл. 2) о целом ряде чудесных исцелений при мощах мучеников, пишет (в 9 гл. 22 кн.): «Сии чудеса какую веру свидетельствуют, если не ту, в которой Христос проповедуется воскресшим во плоти и на небеса вознесшимся? Ибо и самые мученики этой веры *мучениками*, т. е. свидетелями были, этой веры свидетельство подавая, вражду и жестокость мира претерпели, и мир победили, не оружие против него употребляя, но победили умирая...»

И второе из доказательств, приводимых Григорием Великим против поставленного возражения, также находим у блж. Августина, притом в той же 22 кн. «*О граде Божиим*» (гл. 29), хотя и в особой несколько постановке.

Определив веру словами апостола, как — «уповаемых извещение, вещей обличение невидимых», Григорий Великий говорит, что «должно верить тому, чего нельзя видеть». Мало того, — «чтобы уничтожить сомнение, — продолжает он, — скажу, что ничего видимого нельзя видеть без невидимого», равно как «ничто в этом видимом мире не может устроиться без посредства невидимого», т. е. без участия души — духа, невидимо проявляющегося во внешних действиях человека, — приводит пример, подтверждающий эту мысль, и говорит в заключении: «как всемогущий Бог Своим дыханием и проникновением оживотворяет и движет невидимые существа, так и невидимые существа проникновением движут и животворят видимые тела». Очевидно, однако, что из этого обобщения еще не следует, чтобы «невидимое, или душа, обитающая

в теле, необходимо существовала и по смерти тела»: по крайней мере, для «несовершенных», «колеблющихся» или «неутвержденных» в вере, точнее — для людей просто не верующих в бытие души за гробом, от лица которых ставился вопрос (см. конец гл. IV и VI), — для них вопрос оставался далеко не разрешенным. В одной из бесед на Евангелие (бесед. II) Григорий Великий, по-видимому, яснее излагает возражение и ответ на него, хотя в тех же почти словах, как и в «Собеседованиях»: «каким образом, — спрашивает он от лица неверующих («людей мира и плоти»), — могу я искать, желать или стремиться к духовному свету (к будущей блаженной жизни, к которой прямой путь — вера), которого мы *не можем видеть*? Откуда мне известно, что есть такой свет, который не сияет для очей телесных? — Такому помыслу каждый может отвечать кратко: и все то, что он чувствует телом, не телом чувствует, а душою. Никто ведь не видит души своей, однако, не сомневается, что имеет душу, которой не видит. Невидимо душа управляет видимым телом. Если же это невидимое (душа) отделяется, тотчас же падает в прах и видимое разрушается, которое видимо стояло...» Но значит ли отсюда, что «невидимое» продолжает существовать и после такого акта: «оно заключено в теле, в нем и чрез него живет и действует, хотя и невидимо для нас, рушится тело — и оно прекращает жизнь?» Так могли сказать ставившие возражение материалисты-скептики. Однако Григорий Великий тем не менее находит возможным взятую им аналогию (от настоящего к загробной жизни, от видимого к невидимому) считать достаточной для заключительного вывода: «Итак, — заключает он, — если в сей видимой жизни существо человека оживляется (живет) невидимым,

то возможно ли сомневаться в бытии жизни невидимой?..» Для людей, идущих в жизни *путем веры*, конечно, тут не может быть сомнения, но от таковых не может последовать и возражения против бытия души в невидимом, духовном мире. Следовательно, как в этих словах, так и в вышеприведенных из «Собеседований», взятая аналогия для доказательства бессмертия души не достаточно ясно и убедительно поставлена и проведена до заключительного вывода.

Блж. Августин в указанном месте (*De civit. Dei*, lib. XXII cap. 29) пользуется для доказательства такой же аналогией, как и Григорий Великий, но у него вопрос берется шире, и аналогия прямее вытекает из его постановки. Он спрашивает: «Что имеют делать святые в телах бессмертных и духовных, когда будут жить не только духовно, как еще теперь живут (после смерти), но и телесно» (по воскресении)? — И отвечает: «Об их действиях, или, лучше — каков будет их мир и покой, по справедливости говоря, я не знаю, потому что никогда не видел этого чувственными очами, а умом или мысленно также не могу достаточно уразуметь всего, потому что тот мир — *мир Божий*, по слову апостола, *превосходит всякий разум* (Флп. 4, 7), не человеческий только, но и ангельский...» Поэтому, если и возможно говорить о нем, то — по вере: *веровах, тем же возглаголах* (Пс. 115, 10). И вот, с одной стороны, руководясь учением слова Божия и на основании некоторых чудесных явлений, засвидетельствованных также словом Божиим, а с другой стороны — из существенных свойств настоящей, земной природы человека и взаимоотношений в ней между душою и телом, — блж. Августин пробует, по сравнению и аналогии, насколько это возможно, показать и разъяснить не только бытие души в мире Божием, наслаждаю-

щейся блаженным лицезрением Бога, бытие (по воскресении) телом и духом, но и свойства этого бытия; аналогия с земными свойствами человеческой природы являлась при этом неизбежно, потому что иначе мысль не в состоянии даже представить — чем может быть существо человека в том новом и просветленном бытии. Да и учение слова Божия дает основание для такой аналогии, когда научает нас, что и *теперь мы отчасти разумеем, отчасти пророчествуем* (1 Кор. 13, 9—10), — что *видим и ныне яко зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12), — и этим показывает, что между познанием нашим, в его основных свойствах (а следовательно, и природой человека вообще), допускается связь между «ныне» и «тогда», в будущей жизни, когда уже не «отчасти», а «лицом к лицу» наступит жизнь во свете познаваемого. Отсюда разъяснение по аналогии столько же естественно и неизбежно, сколько и оправдывается верою, которой единственно доступно проникновение в тайны того мира. Но существовало и особого рода философское умствование, которым отвергалась самая возможность видеть (познавать) чувственное, телесное духовно или умом, и наоборот — духовное при посредстве чувственных или внешних органов, умствование, противоречащее, по словам блж. Августина, и здравому смыслу, и слову пророческому. Поэтому, указывая на пророка Елисея, который, будучи в этом тленном и немощем теле нашего земного бытия, мог духовными очами, а не телом видеть, как его слуга принимал дары от исцеленного им (пророком) Неемана сириянина, хотя и находился вдали от него, — как на пример, показывающий, какую силу духовного видения могут иметь святые даже и теперь, в земной жизни, что не телом только, но и духом можно познавать

и *видеть* телесное, — блж. Августин обращается к нашему теперешнему познанию и проводит аналогию между ним и будущим обновленным состоянием духа и тела: «Итак, если доказано, что телесное бывает видимо духом, то отчего не допустить, что сила духовной жизни (по воскресении тела) будет так велика, что и телом можно будет увидеть дух? Ибо Бог есть дух. Да и *собственную жизнь, которой каждый живет в сем теле и которая животворит наши духовные члены, мы познаем только внутренним чувством, а не телесными очами, между тем как жизнь других*, хотя она и невидима, видим чрез тело. И можем ли мы иначе отличать живые тела от неживых, если не будем вместе с телами видеть и их жизнь, которую не иначе можно видеть, как только телом? Жизни же без тел мы не видим телесными очами...» Так, на основании этих данных, мы можем до некоторой степени судить и о состоянии или о свойствах человеческого тела и духа, когда наступит, после всеобщего воскресения, Царство Славы, что блж. Августин и показывает затем в дальнейшем рассуждении, настоятельно предупреждая, что рассуждать об этом теперь крайне трудно и можно умозаключать лишь гадательно, так как «никакими примерами и свидетельствами Св. Писания свои рассуждения он подтвердить не может»; между тем, и св. апостол внушает: «Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит сокрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1 Кор. 4, 5).

Григорий Великий, таким образом, в вышеприведенных доказательствах больше доказывает, что загробный, невидимый мир души *может и должен* существовать, нежели то, что он доступен внутренне-

му или внешнему видению или познанию, что такое познание возможно и с точки зрения рациональной. Относительно «доступности» его познанию человека он указывает главным образом на необходимость веры — условие, при котором возражения со стороны «неверовавших» несомненно уже падали сами собою. (См.: А. Пономарев. *«Собеседов. св. Григория Великого о загробной жизни».*)

В каких телах являлись души умерших?

Что касается того вопроса, в каких телах являлись отшедшие души, то об этом, равно как и вообще о свойстве тел, в каких являлись чисто духовные существа, нам не дают никаких определенных указаний ни слово Божие, ни опыт, ни тем более разум наш, который сам по себе, независимо от слова Божия и истории, ничего не может сказать. Некоторые учителя церкви имели то мнение, что души и по разлучении с телом имеют некоторую материальную оболочку. Так св. Ириней верил, что душа и по разлучении с телом удерживает его образ. Тертуллиан приписывает душе протяженность и утверждает, что она есть нечто телесное. Ориген считает душу за нечто материальное и имеющее образ; он сходится в этом мнении с Платоном и, вероятно, у него заимствовал его. Подобного же мнения были Лактанций, св. Иларий и многие другие учителя церкви.

Св. Ириней считал за несомненную истину, что душа по смерти тела принимает некоторое другое тело, которое имеет образ прежнего и тем напоминает ей все дела и поступки, которые соделала она в сей жиз-

ни. Но с этим мнением, будто наша душа и по разлучении с телом не чужда некоторой материальности, нельзя согласиться, потому что оно не имеет никакого основания в Св. Писании и противоречит самой природе нашей души, как чисто духовной. Мы верим, что, по допущению Божию, отшедшие души могут являться, но что за тела, в которых они являются, об этом по недостатку оснований и данных мы не можем иметь никакого решительного суждения.

Главная цель, для которой являются на землю отшедшие души, — это, как говорит св. Григорий Великий, то, чтобы просить совершения за них, для их успокоения, бескровной жертвы и молитв. Опыт показывает, что христианские души всегда являются именно затем, чтобы просить за себя молитв, или раздачи милостыни, или путешествий ко св. местам, или уплаты их неуплаченных долгов, или же затем, чтобы побудить живых к добродетели, к исправлению жизни и вообще к богоугодной жизни. Часто они при своем явлении сообщают о состоянии, в каком находятся умершие в другой жизни, и при этом они просят о помощи и предостерегают живущих на земле от тех несчастий, какие ожидают грешников в загробной жизни. Они рассказывают об аде, о добрых и злых ангелах, о строгости суда Божия к грешникам и о Божием милосердии к праведникам.

Нельзя не заметить, впрочем, что явление душ отшедших живым бывает преимущественно во время сна. Сообщаясь с живыми людьми, по изволению Божию, они преимущественно являются их духовному оку, без посредства телесного образа.

К фактам явления умерших принадлежат также, конечно, факты воскресения умерших. А фактов этого последнего рода представляет довольно и Св. Писа-

ние, и история церкви. Несомненным, важнейшим и разительнейшим фактом этого рода служит воскресение Спасителя нашего. Действительность воскресения Его выше всяких сомнений. Что Он действительно умирал, что смерть Его была действительная, а не мнимая, это засвидетельствовали не только Его ученики, но и сами враги Его и их. Воины, пришедшие к распятому Иисусу, затем чтобы перебить Ему голени, нашли Его уже и без того мертвым и потому не стали перебивать их; а один из воинов, для большего удостоверения в Его смерти, пронзил копием Его ребро, причем в Нем не обнаружилось уже никаких признаков жизни, а только из прободенного ребра потекли кровь и вода. От одного этого столь сильного удара прервалась бы, без сомнения, слабая жизнь Божественного Страдальца, если бы Он был еще в это время жив. Сами враги Христа как во время Его смерти, так и после никогда не сомневались в ее действительности, между тем как они всеми силами и средствами старались о том, чтобы возбудить в народе неверие в действительность воскресения Христова. Следовательно, для них возбудить сомнение в действительности самой смерти Спасителя было бы очень важно, а потому, если бы были какие-нибудь обстоятельства, на которых бы можно было основать это последнее сомнение, — они, конечно, не преминули бы разгласить эти обстоятельства, но они не указывают ни на одно; и это уже доказывает, что таких обстоятельств совершенно не было. Действительность смерти Спасителя была слишком несомненна для того, чтобы можно было подвергнуть ее сомнению. Следовательно, если Спаситель действительно восстал после Своей смерти, то Его воскресение было настоящее воскресение, воскресение действительно умершего, и са-

мая Его смерть была реальная, а не мнимая какая-нибудь. Но что Он действительно воскрес после смерти, это засвидетельствовано очевидцами в таком числе и с такой ясностью, как больше и желать нельзя для того, чтобы признать Его воскресение несомненным фактом. Спаситель воскресил Лазаря. Это тоже несомненный факт действительного воскресения из мертвых; Лазарь воскрешен Иисусом Христом через четыре дня после своей смерти, когда уже начало тлеть его тело, следовательно, воскрешен после реальной смерти. Так же несомненны и все другие передаваемые книгами Ветхого и Нового Завета факты воскресения из мертвых; таковы, например, совершенное пророком Елисеем воскрешение сына вдовы самонитянки, воскресение мертвого чрез прикосновение к костям этого же пророка и пр.

История христианской церкви представляет также немало фактов воскресения мертвых. Вот какое, например, событие известно из жизни прп. Макария Египетского: в одном селении случилось убийство, в котором, по ложным подозрениям, обвинили совершенно невиновного. Случилось так, что обвиненный, убегая от преследований, был схвачен близ кельи прп. Макария. Несчастный начал клясться в своей невиновности, но сбежавшийся народ единогласно признал его убийцею. Услышав сильный шум, Макарий вышел к народу, узнал, в чем дело, спросил, где погребен убитый, и вместе с народом отправился на его могилу; здесь, став на колени и вознеся пламенную молитву к Богу, праведник сказал окружающим: «Ныне явит Господь, сей ли человек совершил убийство». Потом он громким голосом назвал убитого по имени и сказал ему: «Верую Иисус Христовою пове-
леваю тебе, открой нам, сей ли, которого народ обви-

нил, умертвил тебя?» Мертвец громогласно ответил из-под земли: «Не он убийца мой». Народ в изумлении и ужасе пал на землю. Потом все, повергшись к стопам праведника, стали умолять его, чтобы он повелел мертвецу открыть своего убийцу, но св. Макарий отвечал: «Сего принять на себя не могу; для меня довольно — избавить от наказания невинного, а передать суду виновного не мое дело».

Опровержение возражений против фактов явления умерших

Так как чистый дух по самой своей природе и по своим законам существенно отличен от природы и законов мира земного и так как отшедшие души суть существа чисто духовные, то понятно, что как вообще жизнь и деятельность этих существ, так и, в частности, их явления в мире земном должны представлять много непонятного и необъяснимого по законам этого мира. Отсюда люди, которые признают непреложность такого положения, что возможным и действительным может быть и должно быть признаваемо только то и настолько, что и насколько может быть понято и объяснено по законам этого мира, отвергают возможность и действительность этих явлений.

1. Указание на необъяснимость этих явлений по законам земного мира и составляет главное возражение против возможности и действительности первых.

Если вникнуть в дело повнимательнее, то это возражение оказывается в высшей степени несостоятельным, ложным и даже положительно нелепым. Во-первых, в этом возражении высказывается со-

вершенное непонимание законов здоровой исторической критики. Действительность известных фактов и способ и законы их совершения суть две совершенно разные вещи. Для того, чтобы известные явления были признаны несомненно действительными, нет никакой необходимости понимать самый способ и законы их совершения. Для этого вполне достаточно иметь реальные доказательства их действительности; способ совершения их при этом может быть и не понят, это, кажется, слишком ясно. Вполне возможная и самая обыкновенная вещь — иметь несомненные доказательства в пользу действительного существования известных предметов и в то же время совершенно не понимать, как, от каких причин и по каким законам существуют эти предметы. Большинство людей, например, и по настоящее время не имеет понятия о том, что такое небесные тела, солнце, месяц, звезды, о их действительном виде и устройстве, о их законах; и однако ж существование небесных тел для всех составляет несомненный факт, и это совершенно законно, каждый имеет право и необходимо должен признавать эти тела несомненно существующими, потому что они подлежат непосредственному наблюдению каждого. Можно даже в области предметов, самых близких к нам, указать много таких вещей, реальность которых не подлежит никакому сомнению, но образа и законов существования которых мы не понимаем. Во всяком случае, отвергать действительность фактов на том одном основании, что для нас непонятны законы их происхождения, совершенно нельзя, совершенно незаконно. Первое необходимое и достаточное условие для того, чтобы мы могли и должны были признать действительным известный факт, это — или наше собственное непосредственное

наблюдение его, или же верно переданное нам непосредственное наблюдение его другими людьми. Если это условие выполнено, если известный предмет или доступен нашему собственному наблюдению, или мы имеем несомненные свидетельства о непосредственном наблюдении его другими, в таком случае мы не только имеем полнейшее право, но и необходимо должны, обязаны признать этот предмет несомненно действительным, независимо от того, понимаем, мы при этом законы существования этого предмета или не понимаем их; по крайней мере, непонимание этих законов никак не должно препятствовать этому признанию. Таким образом, и для того, чтобы мы имели право и обязаны были признать действительными передаваемые нам Св. Писанием и Церковью явления духов, необходимо и достаточно уже того одного, чтобы были несомненно верны свидетельства об этих явлениях. Если эти свидетельства несомненно верны, то мы уже по этому одному необходимо должны признать и эти явления несомненно действительными, хотя бы мы и не понимали образа и законов их совершения. Непонимание этих явлений не должно быть препятствием для этого признания. И, следовательно, отвергать действительность этих явлений на основании одной их непонятности, одной необъяснимости их по каким-нибудь законам, значит отвергать их действительность без всяких удовлетворительных оснований. И значит, возражение против их действительности, основанное исключительно на одной их непонятности, не есть собственно возражение, потому что всякое заслуживающее внимания возражение против этой действительности должно состоять в указании какого-нибудь действительного препятствия к признанию ее, а это возражение указывает на то, что

вовсе и не составляет такого препятствия. А что свидетельства об этой действительности несомненно истинны, это выше всякого сомнения; но разбираемое возражение вовсе и не касается этих свидетельств, а потому для опровержения его нет и надобности доказывать их истинность; оно вполне опровергается и независимо от их истинности.

Далее, указанное возражение основывают на той действительно несомненной истине, что все реально существующее обязательно должно подчиняться законам бытия и что, следовательно, только то может быть признано возможным и действительным, что им подчиняется; но основывают совершенно незаконно. Если судить и с точки зрения этой истины, то опять-таки это возражение оказывается совершенно несостоятельным и даже положительно нелепым. Истина эта не только не включает в себе никакого основания и оправдания для этого возражения, а напротив, служит опровержением его. Все реально существующее существует по известным законам. Это так. Но не все существующее подчиняется одним и тем же законам; а все существующее в этом отношении разделяется на несколько отдельных областей, из которых в каждой, кроме законов, общих всем им, есть много законов, свойственных только ей одной и совершенно чуждых всем другим. Есть мир физический и мир нравственный. Есть законы, общие этим обоим мирам; таков, например, закон причинности, тот закон, что каждое явление необходимо имеет свою причину. Но в то же время есть много таких законов, которые свойственны только какому-нибудь одному из этих миров и совершенно несвойственны другому. Так, например, духовному миру свойственны: закон свободы, законы мышления, но эти законы совершенно несвойствен-

ны чисто физическим явлениям; с другой стороны, и эти последние явления в свою очередь имеют, очевидно, много таких законов, которым вовсе не подчиняется свободная деятельность духа; таковы, например, механические и химические законы. Каждый из этих миров, в свою очередь, разделяется на несколько отдельных областей, которые опять, при законах, общих всем им, имеют и каждая свои особые законы, принадлежащие только ей одной и совершенно чуждые всем другим. Есть законы, которые свойственны мысли, но которые совершенно чужды чувству; есть законы, которым подчиняется чувство, но не подчиняется мысль. Есть законы, которым подчиняется органическая жизнь, например, растительная, и которым вовсе не подчиняются механические явления. Есть законы, по которым живет растение и которым вовсе не подчиняется камень. Значит, все существует по законам, но не все существует по одним и тем же законам. Следовательно, та истина, что все реально существующее необходимо подчиняется законам бытия, — обязательно должна иметь такое ограничение, что всякий действительно существующий предмет подчиняется не всем подряд законам бытия и не каким бы то ни было из них, а только некоторым определенным законам, именно тем только законам, которым подчиняется та область бытия, та область предметов, к которым он сам принадлежит. Растение, например, подчиняется не всем существующим законам и не каким-нибудь, а именно законам растительной жизни. Камень в своем падении подчиняется законам именно механического движения, а не каким-нибудь другим законам, например, химическим или физиологическим. И, следовательно, если судить о возможности и действительности на основании согласия

с законами, то для того, чтобы известные предметы мы могли и должны были признать возможными и действительными, нужно, чтобы эти предметы были согласны не со всеми вообще законами, это вовсе не нужно и совершенно невозможно, и не с какими попало, а именно с теми законами, какие управляют той областью бытия, к какой принадлежат эти предметы по своей природе. Так, например, при таком основании, в области растительной жизни может и должно быть признаваемо возможным и действительным все то, и только то, что согласно с законами именно растительной жизни, а не с какими-нибудь другими законами, не с законами, например, одних чисто механических и математических отношений вещей или с законами духовной жизни. Для того чтобы мы имели право признать возможными и действительными в этой области известные явления, нет никакой надобности в том, чтобы эти явления подчинялись законам жизни чисто духовной, и несогласие их с этими законами, конечно, не дает никакого права отвергать их возможность и действительность в области растительной жизни. Из того, что камень не подчиняется законам растительной жизни, не следует, что он не существует и невозможен. Из того, что жизнь нравственная не подчиняется законам математическим, не следует, что она невозможна и не существует. Всякие величины нужно измерять только однородными, а не разнородными с ними единицами или мерами. Тяжести нужно измерять пудами, фунтами, а не аршинами, и пространства нужно измерять верстами и аршинами, а не фунтами и пудами. Так точно и о действительности и возможности известных предметов нужно судить по тем законам, которые свойственны именно этим предметам, а не по таким законам, кото-

рые совершенно чужды им, которые принадлежат ка-ким-нибудь другим, совершенно разнородным с ними явлениям.

По-видимому, все это такая простая и ясная истина, что даже странно и говорить о ней; а между тем, может быть, по тому самому, что она слишком проста и ясна, как часто она не понимается и нарушается на самом деле! Вот иные вообразят себе, что возможно и действительно только то, что подчиняется одним законам материального мира, что все, чего нельзя объяснить по одним этим законам, невозможно и не существует, и потому отвергают существование духа, так как он непонятен и необъясним по одним материальным законам. Поступать таким образом не значит ли то же самое, что мерить тяжести аршинами или отвергать существование камней на том основании, что они не подчиняются законам растительной жизни? Совершенно то же самое. Дух по самой своей природе существенно отличается от материи; следовательно, судить о возможности и действительности духовного нужно по законам, свойственным духу, а не по совершенно чуждым ему законам чисто материальным. Если законно отвергать бытие духа на том одном основании, что его существование и деятельность необъяснимы по одним законам материальных явлений, то с совершенно одинаковым правом нужно уже отвергнуть возможность и действительность всего существующего; потому что так же точно, как дух не согласуется с законами материального мира, так же точно и всякий другой предмет не согласуется с законами каких-нибудь других предметов, камень, например, не согласуется с законами растений и пр.

Существа чисто духовные, отшедшие души, конечно, тоже подчиняются известного рода законам;

но так как они по самой своей природе, чисто духовной, существенно отличаются от предметов мира земного, то они необходимо и существенно отличаются от этих предметов и по своим законам. Есть законы, общие этим существам со всеми этими предметами, таков, например, закон причинности. Но в то же время должно быть много таких законов, которые были бы свойственны этим предметам, но совершенно несвойственны этим существам, равно как и таких, которые принадлежали бы исключительно только этим существам и совершенно чужды были этим предметам. Так, действительно, и есть на самом деле, и потому эти существа в своей природе, в своей жизни и деятельности и в своих явлениях необходимо должны представлять много такого, чего нельзя объяснить по одним законам земного мира, так же точно, как и всякие другие предметы непременно представляют что-нибудь такое, чего нельзя объяснить по законам каких-нибудь других предметов. Следовательно, если принять основанием для признания возможности и действительности явлений согласие их с законами бытия, то мерой для определения возможного и действительного в области существ духовных и их явлений и действий должно быть не согласие их с чуждыми этой области законами мира земного, а согласие их с законами, свойственными именно их области. Признавать здесь мерой согласие с одними законами земного мира так же незаконно, как вообще незаконно судить о предметах по совершенно чуждым им законам, как незаконно мерить пространства мерами тяжестей. И отвергать возможность и действительность явлений и действий духов на том одном основании, что они необъяснимы по законам земного мира, так же со-

вершенно незаконно, как незаконно было бы отвергать возможность и действительность всяких других предметов на том основании, что они представляют много необъяснимого по законам каких-нибудь других предметов, как незаконно, например, было бы отвергать возможность и действительность явлений физиологических на том основании, что они необъяснимы по законам механики. Таким образом, разбираемое возражение против действительности явлений духов в той самой истине, на которой оно основывает себя, т. е. в той истине, что все возможное и действительно существующее необходимо должно быть согласно с законами бытия, на самом деле имеет для себя не основание, а опровержение. Потому что, как видели мы, эта истина может и должна быть признана истиною не иначе, как с тем ограничением, что каждый действительный предмет необходимо должен быть согласен не со всякими законами, а только с законами той области предметов, к которой он сам принадлежит по своей природе. А в таком виде этой истиной, как мы видели, вполне опровергается это возражение.

Итак, первое и главное возражение против возможности и действительности представляемых нам Св. Писанием и Церковью фактов явления духов совершенно несостоятельно. Неудобопонятность этих явлений вовсе не служит и не может служить основанием для отвержения их возможности и действительности. Так же точно не служит и не может служить основанием для этого и несогласие этих явлений с законами мира земного. Можно сказать, что эта непонятность и это несогласие составляют главное из всего того, на чем основаны сомнения в реальности этих явлений; в них уже заключается если не основа-

ние, так по крайней мере побуждение и для всех других возражений против этой действительности.

2. Из других возражений более известны следующие: во-первых, говорят, передаваемые нам Св. Писанием и Церковью явления духов могли быть чисто субъективным действием собственного воображения тех людей, которые будто бы видели эти явления. На чем основано это мнение? В самых сообщениях об этих явлениях не заключается для него никаких оснований, потому что в них ясно и определенно говорится, что это были действительные явления духовных существ, а не что-нибудь только мнимое, воображаемое. Притом самый характер этих явлений не допускает мысли об их призрачности. Они имеют такую ясность и определенность, представляют такие подробности и обстоятельства, которые возможны только в действительных происшествиях и совершенно невозможны при одних призрачных видениях. Возьмем, например, хоть явление ангелов Аврааму; находясь совершенно в здравом, трезвом состоянии духа, свободный от всякой болезненной возбужденности воображения, он принимает ангелов в виде странников, угощает их, ведет с ними разговор, все это продолжается довольно долгое время и имеет ясность и определенность, свойственные только действительности; и как в продолжение всего этого, так и после Аврааму никогда и в голову не приходило, что все это было только действием его собственного воображения. Допустить, чтобы подобные явления могли быть плодом одного воображения, по крайней мере, со стороны совершенно здравых людей, невозможно. Очевидно, это мнение основано главным образом на том уже опровергнутом нами взгляде, что будто эти явления невозможны. Оно есть только необходимое логи-

ческое следствие этого взгляда. Если бы эти явления, как действительные явления духов, были бы невозможны, в таком случае, конечно, оставалось бы смотреть на них не иначе, как на субъективные произведения человеческого воображения. И люди, разделяющие этот взгляд, поневоле уже должны смотреть на них только так. Отвергнув возможность и действительность этих явлений как действительных явлений духовных существ, нужно же дать и какой-нибудь положительный взгляд на них; а при таком отвержении взгляд на них возможен лишь тот, что они субъективные произведения человеческой фантазии. А так как это отвержение совершенно безосновательно, совершенно неверно, как мы уже видели, то, значит, этот взгляд остается без всякого основания, потому что другого основания, кроме самого себя, у него нет. Так как эти явления вполне возможны и так как мы имеем несомненные исторические свидетельства о том, что они были действительно, то, очевидно, при этом нет никакого права, никаких оснований признавать их одними субъективными произведениями человеческого духа.

3. Говорят, наконец, в опровержение защищаемой нами истины так: известно, что существует бесчисленное множество таких рассказов о явлениях духов, равно как и о других чудесных происшествиях, относительно которых уже с несомненностью доказано, что они суть чистые выдумки, порожденные народным невежеством, суеверием и предрассудками; это дает основание думать, что к этой же категории рассказов относятся и те рассказы о явлениях духов, которые передаются Св. Писанием и Церковью. Умозаключение совершенно произвольное. Что существует бесчисленное множество рассказов о явлениях ду-

хов вымышленных, ложных, к сожалению, правда. Но этот факт сам по себе дает ли какое-нибудь право признавать вымышленными и рассказы, сообщаемые нам Св. Писанием и Церковью? Конечно, нет. Из того, что об известных предметах могут быть и есть рассказы ложные, вовсе нельзя заключать, что и все вообще сведения об этих предметах были ложны. Это, кажется, слишком ясно и не требует доказательств. Едва ли найдутся такие предметы в целом мире, о которых бы когда-нибудь и где-нибудь не существовало каких-нибудь ложных понятий, вымысла, лжи; значит, если судить по той логике, по которой делается указанное умозаключение, то нужно бы отвергнуть верность всяких сведений и о всех предметах.

Что касается вопроса о телах, в которых являлись отшедшие души, были ли это действительные тела или только призрачные, мнимые, то, как мы уже сказали, мы не имеем достаточных оснований для окончательного вывода. Но сложность этого вопроса, очевидно, не дает никакого основания сомневаться в реальности явлений этих существ так же точно, как вообще непонятность образа совершения факта не дает никакого права отвергать самую его действительность. Этот вопрос касается не действительности этих явлений, а только способа их совершения, следовательно, и неудоборазрешимость его ничего не говорит против их действительности.

Итак, действительность передаваемых нам Св. Писанием и Церковью фактов явлений отшедших душ так же несомненна, как несомненно истинны сами сообщаемые их источники. И, следовательно, в одних уже этих фактах мы имеем неопровержимое доказательство действительного бытия мира духовного и полнейшее опровержение так распространенного в

настоящее время отрицания этого бытия. (См. кн.: «О явлении духов». «Тайны загробного мира». А. Калмет, пер. с нем., 1877 г.)

Призраки и наука

Под вышеприведенным заглавием в майской 1888 г. книжке всемирно распространенного журнала *Revue des deux Mondes*, в котором, как известно, сотрудничают лучшие передовые умы Франции, появилась статья об известном уже нашим читателям труде гг. Майерса, Гернея и Подмора о «Призраках» (*Phantasmes*). Давно ли было то время, когда не только для ученого, но и для всякого сколько-нибудь образованного человека считалось совершенно непозволительным и немыслимым серьезно говорить о таких предметах, как симпатия, пророческие сны, действие мысли на расстоянии, а тем более «призраки». А между тем мы видим, как относится теперь к тем же предметам солиднейший европейский журнал.

«К счастью, — говорит автор статьи, — находятся отважные исследователи, которые не боятся ни противоречий, ни сарказма и которые осмеливаются выходить из избитой колеи, что и составляет, по мнению Шарля Рише, существенный признак истинного ученого. В этом отношении авторы «*Phantasmes*» действительно настоящие ученые. Они не побоялись показаться смешными, не отступили перед трудностями вопроса, и их любознательность привела их к одной из величайших тайн человеческой жизни.

Существуют ли вокруг нас высшие, или, лучше сказать, отличающиеся от нас существа? С самого нашего детства мы так хорошо освоились со значением та-

ких слов, как призрак, привидение, выходец с того света, что всякое дальнейшее разъяснение этих слов излишне. Привидение, или призрак, есть образ, не имеющий тела и который, однако, говорит, движется и действует, как живой человек. Подобными историями нас убаюкивали еще в колыбели. Если старые няньки и верят в выходцев с того света, то ученые давно в них перестали верить, и нельзя не сознаться, что на первый взгляд очень странно звучит сопоставление слов: «призрак» и «наука», и подчинение призрака научному исследованию. Но однако ж, почему бы и не подвергнуть научному исследованию явления призраков? Кто же может ограничить пути для истины и на основании узкого, так называемого «здорового смысла» решить, что такая-то вещь возможна, а такая невозможна? Что касается нас, то мы очень признательны гг. Майерсу, Гёрнею и Подмору за их бесстрашие».

Желая ближе познакомить читателей со смыслом, придаваемым авторами слову *призрак*, «*Revue des deux Mondes*» приводит на выдержку несколько фактов, заимствованных из книги авторов «*Phantasmes*».

«25 марта 1880 г., — говорит некто г. Вингфильд, — я собирался ложиться спать, почитав довольно долго книгу, лежа на диване. Я еще не встал с дивана и оканчивал свое чтение, как вдруг я очень явственно увидел своего брата Ричарда, сидящего на стуле против меня. Мне казалось, что я ему говорил что-то и он отвечал наклонением головы. Наконец он встал и вышел из комнаты. Когда я вполне пришел в себя, то увидел, что полулежу на диване, спустив одну ногу на пол, и бессознательно повторяю имя своего брата. Впечатление было так сильно и так живо, что я вышел из спальни и стал искать брата в зале. Я осмот-

рел стул, на котором он сидел, и, ничего не обнаружив, лег спать, но до самого утра не мог заснуть. Когда я, наконец, проснулся, то впечатление от моего видения оставалось еще очень сильно. Я записал в своей записной книжке об этом случае. Три дня спустя я получил известие, что мой брат Ричард скончался в восемь часов вечера 25 марта после падения с лошади на охоте».

«Г. С. и Л., служащие в администрации, в продолжение последних восьми лет были связаны самыми тесными узами дружбы. В понедельник, 19 марта 1883 г., г. Л., отправляясь на службу, почувствовал себя нехорошо; зашел в аптеку, где ему дали лекарство, объяснив, что у него болезнь печени. В среду он все еще чувствовал себя нездоровым. В субботу он не пришел на службу. Г. С. узнал от доктора, что его друг не совсем здоров, причем доктор объяснил, что ничего серьезного нет. Вечером в субботу г. С., страдая головною болью, сказал жене, что чувствует небольшой жар. После этого он лег и минутой спустя увидел своего друга Л., стоящего перед ним, одетого в свой обычный костюм. Он заметил даже такие мелкие подробности, как черный креп на его шляпе, цвет жилета и трость в руке. Л. пристально посмотрел на С. и вышел. Последний позвал жену и спросил: «Который час?» Та отвечала: «Без десяти минут девять». — «Я спрашиваю об этом потому, что Л. умер, я его сейчас видел». Жена пыталась разуверить его, объясняя все галлюцинацией, но С. объявил, что никакие рассуждения не заставят его переменить свое мнение».

Таков рассказ самого г. С., который узнал о смерти своего друга только на другой день, в три часа пополудни. Л. действительно умер в субботу около 9 ча-

сов без 10 минут, потому что его брат сидел у него до восьми часов сорока минут, и когда в девять часов его жена вошла в комнату, то застала его уже мертвым от разрыва аорты, по свидетельству врача. Прибавим к этому, что правдивость г. С. известна хорошо всем его знакомым и что он никогда в жизни не испытывал никаких галлюцинаций.

Пропустим то, что говорится автором относительно приложения научной критики и теории вероятностей к подобным, хорошо засвидетельствованным фактам, которые исчисляются сотнями. Скажем только, что теория вероятностей, приложенная в этом случае, дает бесконечно малую величину, почти равную нулю, для объяснения подобных фактов одной случайностью. Приведем только окончательное заключение автора статьи в «Revue des deux Mondes».

«Итак, оставим объяснение случайностью. Не может быть случайности при подобных условиях. Если бы кто желал настаивать на этой случайности, мы могли бы ему в виде возражения привести старинный пример шрифта, брошенного на воздух. Никто не решится предположить, чтобы подброшенные на воздух буквы, упав на землю, могли случайно уложиться таким образом, чтобы составить целую Илиаду. Итак, ни недобросовестностью рассказчиков, ни случайным совпадением нельзя объяснить эти факты. Как ни невероятны и удивительны эти факты, но они существуют. Они стали твердою ногою на почве науки и останутся на ней, как бы это ни казалось неудобным для кого-либо».

«Что еще более убеждает нас в том, что гг. Майерс, Герней и Подмор установили действительно новый научный факт, так это то, что если хорошенько оглянуться вокруг себя, то всякий без труда найдет

несколько фактов, схожих с теми, о которых говорят английские ученые, случившихся если не лично с ним, то с кем-нибудь из лиц ему близких или знакомых. Часто не осмеливаются рассказывать о них во всеуслышание из боязни показаться смешным. Но будем откровенны хоть с самими собой. Кто из нас не знает или не слышал о подобных фактах? Я, по крайней мере, убежден, что большинство читателей согласится со мною. Итак, я с полным убеждением могу сказать читателям «Revue»: попробуйте сделать ряд исследований вокруг себя, и вы будете удивлены количеством фактов одного и того же рода: правдивых галлюцинаций, симпатий, проявляющихся на расстоянии, оправдавшихся сновидений, касающихся чьей-нибудь смерти, пожаров, падений и т. п. важных случаев.

Если бы все это было произведением одного воображения, то, без сомнения, не существовало бы столько совершенно сходных рассказов о подобных фактах у всех народов, несмотря на различие стран, времени, нравственного и умственного их склада».

Заклучим наши извлечения следующим обращением автора статьи к науке:

«Что касается нашего мнения, то мы полагаем, что новый путь, проложенный авторами «Phantasmes», для науки в высшей степени плодотворен, хотя и опасен, так как мы здесь входим в область глубоко таинственную и загадочную.

Но кому же и вступать в эту область, как не науке? Горе той науке, которая совершенно удовлетворяется тем, что уже приобретено ею, которая заключилась в определенные рамки, из которых не может и не хочет выйти, и полагает, что природа сказала уже ей свое последнее слово. Горе науке, которая не возрождается

постоянно, иначе она вскоре впадает в бессилие. Если наша наука откажется углубиться в новую область, до сих пор бывшую ей недоступной, она рискует через сотню-другую лет сделаться столь же бесплодной, как схоластика Абеяра и мистика Парацельса».

Вполне присоединяясь к этому последнему заключению автора, мы не можем при этом случае не вспомнить о нашем покойном ученом Бутлере, так красноречиво призывавшем науку к исследованию загадочных явлений человеческой природы, который как бы заранее предначертал тот путь, те этапы на пути науки, которыми она должна будет подойти к полному признанию реальности явлений из области медиумизма. Предвидение его шаг за шагом оправдывается на наших глазах в эти последние годы. Давно ли было то время, когда учеными подвергались сомнению такие несомненные в настоящее время вещи, как гипнотизм и его явления! Самые невероятные факты гипнотического внушения теперь окончательно признаны и деятельно исследуются наукой, сделавшись модным вопросом ее. За гипнотизмом и его явлениями настала очередь для явлений, доказывающих действие и влияние человеческой мысли на расстоянии. Недавние исследования таких ученых, как Ш. Рише, Охорович, П. Жане, Герикур и многих других, открыто признающих реальность этого глубоко таинственного по своей сущности действия мысли на расстоянии и защищающих свои взгляды на страницах такого серьезного научного и философского органа, как *«Revue Philosophique»* (изд. Рибо), — все это доказывает, что факт действия мысли на расстоянии стал почти признанным фактом. Теперь настала очередь для таких еще более на первый взгляд таинственных и загадочных явлений, как

призраки умирающих людей, явления симпатии, пророческие сны и т. п. Благодаря упорному труду гг. Майерса, Гернея и Подмора, собравших и критически проверивших громадную массу фактов этого рода, факты эти становятся уже достоянием науки. Она уже не чувствует себя в силах сопротивляться напору такой массы свидетельств людей самых почтенных и заслуживающих полного уважения и доверия к своему свидетельству.

Между собранными и проверенными свидетельствами о явлениях призраков умирающих людей попадаются такие, где явление этих призраков имело место уже много времени спустя после смерти этих лиц. Если явление призраков умирающих объясняется телепатией, т. е. духовным взаимодействием между умирающим человеком и тем лицом, которому является его призрак, то в случаях явлений посмертных призраков мы логически приходим к великому вопросу о существовании в другом мире. Таким образом, на наших глазах совершается великий переворот в науке, расширение ее сферы, и она вступает на тот путь, на который так красноречиво и убедительно призывали ее люди, подобные Бутлерову, Круксу, Уоллесу и другим поборникам истины. (См. «Ребус», 1888 г., №23).

Наука и загробная жизнь

(Речь, произнесенная Гербертом Бюррозом)

Высшая и лучшая часть современной науки выказывает сильное тяготение к «оккультизму» в широком смысле этого слова: не только к спиритизму, но и ко всем психическим силам природы, которые в по-

следнее время понемногу начинают все настойчивее и настойчивее врываться в современную жизнь.

«Какие бы скудные понятия ни имел я о спиритуализме, но общее определение ему дал бы такое: спиритуализм есть вера в индивидуальное и сознательное существование «духов» умерших людей в иной сфере бытия, причем «духи» эти могут — может быть, и очень нередко — общаться с живущими в физической сфере. То, что подразумевается под словом «наука», определить несколько труднее. Можно выразить это понятие так: строгое исследование путем опыта, индукцией, дедукцией, проверкой факта теорией и теории фактом, одной какой-либо отрасли или всех отраслей того, что подразумевается под словом «природа»; и вот, когда подобное исследование производилось достаточно долгое время, то выводы его и принимаются мыслящими и разумными людьми как выводы «науки». Теперь я постараюсь рассмотреть, какое отношение существует к так называемому спиритуализму с его основным положением со стороны людей науки в Англии и прочих цивилизованных странах. Сильно поражающий и бросающийся в глаза факт заключается в том, что, несмотря на усилия таких умов, как Крукс и Уоллес, несмотря на все их работы, так называемая наука и так называемый спиритуализм (или оккультизм) в общем вполне антагонистичны одно другому. Мне думается, что тут виновны одинаково обе стороны».

В продолжение 30 лет м-р Бюрроз тщательно работал в той области, которую охватывает термин спиритуализма; он много читал, много изучал «психическую силу» и пришел к такому выводу: пора бы спиритуализму, наконец, перестать довольствоваться «Джонами Кингами», «Львами» и тому подобными

увеселениями столоверчения, которые, между прочим, много уронили спиритуализм в глазах научных и серьезных людей. 30 лет лектор следил за литературой спиритуализма, 30 лет читал он сообщения, полученные через медиумов, слышал много соображений на тему, какова должна быть жизнь «духов», и — положительно, прогресса не видал! Много невежественных, необразованных людей, по своей нервной организации одаренных медиумическими способностями, встречал он в спиритических кружках, знал их годы и годы в этой роли и не заметил ни малейшего прогресса в умственном или нравственном отношениях. «Не пора ли, — думает он, — выработать что-нибудь определенное, законченное, какую-нибудь спиритуалистическую философию? Ведь всякая жизнь — индивидуальная, социальная, национальная — окажется несостоятельной, раз она не будет иметь основанием какую-нибудь определенную идею: научную, философскую или религиозную — нечто гармоничное, способное заявить себя миру. И чем определеннее та или иная форма, в которую эта идея выльется, тем полнее и законченнее она явится.

С другой стороны, человек науки (прошу заметить, что здесь я не говорю об ученых позднейшего времени, посвящающих очень много времени оккультизму, — я говорю о тех материалистах, которых принято называть людьми науки) с высоты своих точных наук тотчас же сошлется на цельность и гармоничность своих воззрений, вовсе не нуждающихся для этой своей гармонии в каких-либо спиритуалистических данных. Он поэтому их тотчас же отвергнет. Следует заметить, что, как ни велики были ошибки со стороны спиритов, они ничтожны в сравнении с ошибками материалистов. Спириты неоднократно

но стремились подвергнуть свои наблюдения строгой критике научного исследования и получали неизменно в ответ, что раз они приглашают исследователя, то этот последний имеет полное право выбора способов исследования. Спириты, зная природу наблюдаемых ими явлений, отказывали в этом, и материалисты признавали исследование невозможным на том основании, что для этой цели ими не были пущены в ход те самые пробирки и инструменты — тот материал, одним словом, которым они привыкли исследовать материю.

Принимая в соображение, с одной стороны, это обстоятельство, а с другой — очень большую группу спиритических явлений, исследование которых подобным способом невозможно, приходишь, разумеется, к убеждению, что между научным материализмом и спиритуализмом лежит огромная бездна. Общей почвы нет — это очевидно, однако, можно бы было подать друг другу руку в исследовании хотя бы ничтожной части явлений, допускающих применение обычных способов и инструментов. Научные материалисты ссылаются на изречение Ньютона, что чем реже происходит какое-либо явление, тем более доказательств оно требует для признания, — и они правы, но, конечно, это доброе правило до крайних пределов не должно быть доводимо, и не следовало бы, как это мы видим сплошь и рядом, оглушать, как молотом по голове, какого-либо скромного и робкого исследователя с первых же его шагов восклицанием: «Это нелепость! Это вырождение, глупость, безумие!» — только потому, что этот факт не вяжется с их предвзятым представлением об этом предмете. Представьте себе, что Гальвани, когда жена пришла ему сообщить, что ноги лягушки двигаются, вместо того что-

бы пойти и посмотреть, ограничился бы восклицанием: «Это нелепость!» Или Франклин и многие другие изобретатели поступили бы подобным же образом и вместо того, чтобы тщательно разобраться в неожиданном встретившемся им незнакомом факте, отделялись бы лишь пренебрежением и криком? Нет сомнения, что при таких условиях многие полезные открытия были бы отсрочены на много лет, а некоторые и никогда бы не увидели света. Очень неблагоприятно утверждать что-либо бездоказательно, но не менее неблагоприятно и отвергать все лишь по незнанию, лишь за неимением опыта. Вот это соображение и должно бы стать тезисом научности, ибо один факт, утвержденный на опыте, стоит более, чем миллион теорий и гипотез, утвержденных на вере или на доверии, что одно и то же.

Как уже сказано, наука давно приняла чисто материалистическое направление, и думаю я, что интересно будет проследить причину такого течения. Для этого необходимо сопоставить науку времен до реформации с наукой современной. Как известно, наука того времени была, собственно, теология плюс наука и сосредоточивалась в руках католической церкви, причем далеко не безопасно было касаться ее космологии, иначе можно было подвергнуться преследованию и даже сгореть на костре. И вот физические научные изыскания сослужили великую службу: они освободили человечество из-под гнета средневековых предрассудков и, как всегда бывает, впали в другую крайность. Наука дореформационного времени смотрела на человека, как на центр всей вселенной: солнце, луна, звезды были созданы лишь для его пользования, и все тогдашнее научное мировоззрение зиждилось на благородном

человечестве. Но астрология дала новые знания, расширила это мирозерцание, и тогда произошло курьезное превращение: не только исчезло понятие о человеке, как о центре вселенной, но и сам человек со всеми его высшими, благороднейшими свойствами был выключен из пределов схемы природы — он был поставлен ниже, чем микрокосм в макрокосме. Мало-помалу у человека отняли все прирожденные ему высшие качества, он был низведен на степень груды протоплазмы, на степень игрушки слепых сил природы с перспективой, наконец, полного уничтожения — смерти.

В настоящее время преобладающий взгляд на человека со стороны материалистической науки заключается в том, что жизнь его и сознание находятся в полной зависимости от электрической, химической и молекулярной деятельности мозга, и с разрушением этого органа прекращаются и жизнь, и сознание, и мышление. Во все исторические времена были две школы мыслителей: школа натуралистическая, или материалистическая, и школа умозрительная, или спиритуалистическая, утверждавшая, что человек — существо духовное, находящееся в тесной связи с духовной стороной природы. Очень ошибочно предполагать (как многие предполагают), что только ничтожная горсточка людей разделяет воззрения школы спиритуалистической. Наоборот, вопреки всем доводам материалистической школы, огромное большинство людей склоняется в сторону признания духа, доказательством чего служит живучесть христианства, буддизма и, вообще, место, какое занимает религия в истории и культуре народов. По-видимому, борьба этих двух школ учения в скором времени сведется на решение трех или четырех вопросов и главным

из них будет: признавать или не признавать доктрину сознательного существования после смерти?»

Научный материалист основывается на гипотезе отрицательной, которая вполне законна, если допустить предварительно то положение, что жизнь, мыслительные способности и сознание вполне зависят от химических, электрических и молекулярных изменений, происходящих в мозгу. Конечно, если это все допустить, то с разрушением мозга неизбежно должны исчезнуть и жизнь, и мысль, и сознание. Нельзя отвергать, что множество фактов повседневной жизни как бы подтверждает законность именно этой гипотезы. Представьте себе, если бы сейчас, сию минуту, кто-нибудь из присутствующих здесь умер: материалист имел бы многое сказать в защиту своей гипотезы. Он мог бы сказать: «Смотрите, минуту тому назад это был человек, полный жизни и мысли, а теперь это труп безжизненный, бесчувственный, без мысли и сознания! Если вы, оккультист, спиритуалист или теософ, утверждаете, что эта жизнь, это сознание продолжают существовать, то на вас лежит обязанность доказать это». — Положение получится довольно затруднительное. Для того, чтобы ответить и противопоставить отрицательной гипотезе гипотезу положительную, не менее научно обоснованную, я постараюсь на время отрешиться от всякой идеи о психических явлениях. Не все люди науки, однако, согласны с приведенной выше материалистической гипотезой; например, профессор Джон Фiske в своем сочинении «Экскурсии эволюциониста», рассматривая положение о «мыслительной материи» профессора Клифорда, говорит:

«Этим прекрасным методом представления сразу осветились многие философские истины, и гру-

бые материалистические понятия стали невозможны; напр., положение, сделавшееся ходячим, вошедшее в обиходный язык, — именно, что изменения сознания *зависят* от физиологических изменений в организме. Материалисты утверждают, что мысли порождаются мозгом, и публика обыкновенно настолько проникается этим представлением, что, когда вы пробуете объяснять замечательно обоснованное соотношение психических явлений и мозговой деятельности, открытое современными психологами, она сейчас же испуганно прячется и начинает думать, не упразднили ли вы ум окончательно? Публика воображает, что для низложения материализма необходимо отвергнуть тот факт, что идеи появляются одновременно с прохождением молекулярного движения по клеточкам серого мозгового вещества. Волна молекулярного движения в мозгу не может произвести чувство или состояние сознания: эта волна не может ничего произвести, кроме возбуждения других молекулярных волн в сером веществе ганглии или же в белом веществе нервов. Во всяком случае, всякая физическая сила в организме может выразиться только физической же силой, и всякая фаза, и всякое проявление, в котором эта сила себя проявит, неизбежно должна выразиться в границах физической силы, иначе закон сохранения энергии будет нарушен. Вводить сознание или чувство куда-нибудь в цикл производящих или непроеизводимых действий в мозгу или нервах — это значит, как сказал бы Клиффорд, «не только утверждать неправду, но даже просто болтать вздор».

Затем, в другой своей книге: «Назначение человека с точки зрения его природы», тот же автор говорит:

«Ничто не может быть более грубо, не научно, как

знаменитое заключение Кабаниса, будто бы мозг выделяет мысль так же, как печень — желчь. Неправильно будет даже такое положение, будто мысль проходит через мозг. В мозгу проходит лишь поразительный комплекс целых серий молекулярного движения, с которым мысль и чувство известным образом находятся в соотношении, но не как результат (*effet*) этого движения или причина его, а лишь как ему сосуществующие. Вот все, что нам известно; но церебральная физиология об иной жизни ничего не говорит. Да ведь ее это и не касается. Разумеется, я никогда бы не обратился за справками о положении вещей, при котором бы могли существовать мысль и чувство при отсутствии мозга, — к церебральной физиологии, ибо это совсем не ее дело. Но материалистическое убеждение, что такого положения вещей быть не может и что жизнь духа прекращается вместе с жизнью тела, есть, пожалуй, наиколоссальнейший пример ни на чем не основанного убеждения во всей до сего времени известной истории философии. Никакого доказательства к поддержанию этого убеждения нет, кроме лишь того факта, что нам известен дух *только* в его соединении с телом, а констатировать существование духа вне тела нам до сего времени не удавалось. Нельзя, в самом деле, придти к отрицательному выводу только потому, что доказательства противного мы не можем получить путем опыта».

«Конечно, я не согласен с профессором Фиске относительно недостатка положительных данных в области спиритуализма, но я оставляю эту сторону дела и постараюсь, не затрагивая области психологической и оккультической, построить мост через пропасть, разделяющую материализм и спиритуализм.

В прежнее дореформационное время понятие о

каждой известной тогда людям силе природы — тепле, свете, движении, магнетизме — было как о чем-то самостоятельном и друг от друга не зависящем. Современная наука своими открытиями доказала единство этих сил, а стало быть, и единство всей вселенной. Было признано, что все эти силы суть проявления одной общей силы, было найдено, что эти силы способны переходить одна в другую: тепло в движение и наоборот, электричество в свет, свет в движение и т. д. Потом возникла великая идея сохранения энергии: ничто не пропадает, никакая сила не растрачивается без возбуждения соответствующей реакции. Таким образом, явились три великих принципа: единство вселенной, единство сил, сохранение энергии.

Затем было доказано, что в основании физической науки лежит гипотеза об эфире. В прежнее время материя была известна лишь в одной или двух формах, теперь же начинают признавать, что материя есть нечто сложное: она может быть твердой, жидкой, газообразной и парообразной. Исследовать эфир тем путем, каким изучались другие субстанции, оказалось невозможным — столь тонкого инструмента изобрести до сих пор еще не удалось. А между тем, без эфира все сооружение физической науки окажется несостоятельным, не будет иметь никакого основания. И, таким образом, всякий оккультист, обвиняемый материалистом в том, что вера его основана только на гипотезе, имеет полное право ответить: — «Ваше учение основано тоже на гипотезе — на гипотезе эфира». Но почему принята эта гипотеза материализмом? Потому, что она одна дает достаточное объяснение всем явлениям, с которыми он имеет дело; при отсутствии этой гипотезы очень многие задачи, касающиеся физической жизни, окажутся абсолютно неразре-

шимыми. Точно так же и оккультизм только при помощи своей гипотезы объясняет явления, с которыми имеет дело, и они получают при этом естественное и гармоничное объяснение. Оккультизм также проверяет теории опытом и наоборот — опыт объясняет теории. Возьмем три принципа: единство мироздания, единство сил и сохранение энергии — три базиса, на которых зиждется современная наука. «Нелепость!» — сказал бы древний ученый, если бы услышал, что солнце и звезды состоят из одинаковых с землею элементов, а между тем, истина этого положения доказана, как и истина существования и остальных двух начал — между прочим, и сохранения энергии. Теперь возьмем жизнь, мысль, сознание в их наипростейшей форме, как силу, заключенную в индивидуумы; как силы — неизбежно должны продолжать свое существование так или иначе и после разрушения организма, их заключающего. Профессор Клиффорд признал это, но принять представление о продолжении индивидуального существования никак не мог и нашел более для себя удобным идею об умственной материи — тончайшем силовом материале, рассеивающемся в пространстве после смерти заключавшего его в себе индивидуума.

Современная наука стремится теперь доказать существование таких сил в природе, которые недоступны исследованию невооруженных пяти чувств. Всякий ученый в наше время знает, что, кроме мира, доступного восприятию этих чувств, есть мир совершенно еще нам не известный, но, может быть, более обширный и прекрасный. Профессор Гексли в своем сочинении, между прочим, говорит о растительных клеточках: если бы ухо наше могло воспринимать шум от движения этих живых клеточек, то вели-

чественная тишина тропического леса превратилась бы в шум более сильный, чем шум большого города. Ухо наше способно воспринимать только известное число колебаний в секунду; глаз воспринимает тоже только известное число колебаний. Профессор Стокэй открыл ультрафиолетовые лучи в спектре и доказал ученому миру качество цвета, известное как флуоресценция. Почему эти ультрафиолетовые лучи были невидимы для глаза? Потому что колебания света свыше 789 миллиардов вибраций в секунду недоступны ему. Эти факты вполне доказывают нам, какой мир сил, форм, красоты, света и гармонии существует, хотя он и неизвестен нам.

Вот каковы положения ученого материалиста: вселенная едина, подлечит одному общему закону. Сила тоже едина, постоянна, неизменна в общем составе своем, хотя и может изменять направление. Пятичувственный мир есть лишь часть великого целого, материя лишь причина известного состояния сознания, сознание после смерти индивидуума индивидуально. А далее — пропасть отрицания. Перекинуть мост через эту пропасть и дать определенный и решительный ответ по этому вопросу должен спиритуализм.

Когда покойный Тиндаль доказывал, что материя заключает в себе всю земную жизнь в потенции, то он очень избегал выражения «мертвая материя». Человеку науки хорошо известно, что подобной вещи не существует; в действительности основа всей вселенной есть *жизнь*, и каждый атом материи — есть проявление этой жизни в той или иной форме. Но что такое жизнь? — никто не знает, и в разные исторические времена ей давали различные наименования. Таким образом, возможно уничтожить пропасть: можно принимать все выводы физической науки, прони-

кающей понемногу, шаг за шагом, в невидимый мир, и путем строго научным создать положительную гипотезу вместе с отрицательной. Представьте себе человека в состоянии, настолько подобном состоянию смерти, что физиолог не в силах различить их: тело этого человека не чувствительно, холодно, неподвижно, кровообращение как бы совсем прекратилось, и электрическая и химическая деятельность изменена соответствующим образом. И вопреки всему этому жизнь, мысль, сознание не только могут быть настолько же деятельны, как и во всяком живом человеке, но даже еще деятельнее, усиленнее, так как при этом человек может видеть и воспринимать происходящее за сотни верст от него. Если подобный факт может быть доказан, то им будет нанесен решительный удар материалистическому учению, утверждающему, будто бы мозговая деятельность есть и сознание, и мысль, и жизнь. А между тем, именно вышеописанным образом выражается состояние «высокого ясновидения». Вероятно, большинству известно существование такого факта, многие, может быть, сами даже убедились в существовании его на опыте. Следовательно, этим фактом вполне доказывается, что жизнь, мысль, сознание не зависят всецело от деятельности мозга и, следовательно, хотя дальнейшее, после разложения мозга, существование мысли и сознания и не доказано, но вполне допустимо. Кроме того, спиритуализм имеет немало фактов и явлений, способных быть базисом положительной гипотезы, материализм же не имеет абсолютно ни одного факта, утверждающего гипотезу отрицательную. Во всяком случае, материалист должен доводить до конца выводы физической науки; было бы очень непоследовательно брать лишь одну сторону в соображение

и упускать из виду другую — относительно конечной судьбы человечества. По этому вопросу есть две научные теории: согласно одной, наша планета должна охладеть и, наконец, замерзнуть, согласно другой — она будет втянута и сожжена Солнцем. Нет сомнения, что Земля приближается к Солнцу, хотя настолько медленно, что очень возможно, что сперва земля замерзнет, потом вновь населится людьми, и будет целая эра еще до того времени, когда ее поглотит Солнце. Что бы там ни было, но эти обе теории, хотя и совершенно разные, по существу, тождественны; уничтожение и гибель человечества неизбежны. Другого исхода нет — таков логический вывод физической философии. Вывод этот очень пессимистический и не из особенно приятных для воображения человека, а потому люди науки с мужеством, достойным лучшего применения, принимая этот вывод, с презрением смотрят на спиритуалиста или оккультиста и обвиняют его в том, что он верит в бессмертие потому только, что желает бессмертия, а подобное желание есть верный признак умственной слабости, даже просто идиотизма. Но мне странно, очень странно, что жажда жить, воззрение на жизнь, как на нечто желательное, признается учеными за недостойное воззрение и желание. Если возможно в этом случае обвинение в слабоумии и идиотизме, то оно несомненно падает на головы тех, кто не видит и не понимает всей прелести жизни с ее привязанностями, бесконечной красотой, бесконечным, безграничным прогрессом и совершенствованием. Действительно, надо быть очень умственно ограниченным, чтобы не понимать жизни, а следовательно, и не тяготеть к ней. Я лично не представляю себе ничего возвышеннее, благороднее, чем это присущее человеку стремление вперед, к вечно-

му прогрессу, и за пределами физического бытия, наоборот, мне думается, что признаком великой души служит это стремление развивать лучшие способности человека и других при помощи убеждения в существовании иных форм сознания, убеждения в совершенствовании не только тела, но и души. В сущности, спиритуалисты и оккультисты борются за возвращение человеку утраченного наследства. Человек совмещает в себе все силы, все свойства вселенной, она вся отразилась в нем, как в фокусе; если существует закон вселенной, если она едина, то человек есть часть этого закона и этого единства. Философия бытия, признающая человека лишь физическим существом, унижает его умственно, морально и духовно, и истинное назначение физической науки должно заключаться в созидании лестницы, при помощи которой человек достигнет самых окон вселенной и через них уловит свет, *свет истинный, иже во тьме светит и тьма его не объят!* (См. «Ребус», 1898 г., №№51—52.)

Глава 4

Мытарства (частный суд по смерти)

1. Загробная стезя. О посмертном состоянии наших душ открыто нам в слове Божием и учении церкви столько, сколько нужно для нас; а неоткрытое потому не открыто, что и не нужно, что излишне для нас в настоящей нашей жизни, и потому, что осталось бы для нас непонятным, невместимым. Св. апостол Павел, при земной еще жизни удостоившийся проникнуть в тайны будущей, когда восхищен был в рай, сказал, что слышал там неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2 Кор. 12, 4).

Православная Церковь учит, что душа человека, по разлучении с телом, приводится к Богу на суд, который, в отличие от всеобщего, последнего Суда, называется *частным*, потому что совершается не торжественно пред лицом всего мира и имеет целью определить участь души не на целую вечность, как Суд последний, а только до всеобщего воскресения. А что этот суд действительно будет происходить, мы уверяемся из Священного Писания.

Ап. Павел сказал: *людям положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9, 27). Из притчи Спасителя о богатом и Лазаре также ясно открывается, что по смерти тотчас следует известное решение участи (Лк. 16, 23), смотря по делам умершего, следовательно, происходит суд. Несомненная действительность такого суда вытекает еще как из понятия о земной жизни, поприще испытания, так и из понятия о Боге, Творце, Судии и Мздовоздаятеле нашем; потому и говорит сын Сирахов, приводя верование церкви ветхозаветной: *яко удобно есть пред Богом в день смерти воздати человеку по делом его* (Сир. 11, 26).

Частный суд Божий над душами, по учению Церкви, предваряется истязанием, или испытанием, их в так называемых мытарствах, чрез кои они в сопровождении ангелов проходят в области воздушной и где злые духи, находясь в своей области (Еф. 6, 12), задерживают их и обличают все грехи, содеянные ими в жизни. Ученику преподобного Василия Нового (жившего в первой половине 10-го века), Григорию, были открыты в видении обстоятельства смертного часа и хождения по мытарствам блаженной Феодоры. Вот что блаженная Феодора говорила ему:

«Когда я приблизилась к концу своей жизни и настал для меня час разлучения с телом, то увидела я множество эфиопов, стоявших около моей постели; лица их были черны, как сажа и смола, очи — как раскаленные угли, а взгляд страшный до того, что и сказать нельзя. Они, яростно смотря на меня, скрежетали зубами, как будто хотели пожрать меня. Тут же они приготовляли бумаги, как бы ожидая какого судию, и развертывали свитки, в которых были записаны все мои злые дела. Бедная душа моя была в несказанном страхе и трепете. Страшный вид эфиопов был для меня лютее са-

мой смерти. Я отворачивалась туда и сюда, но не могла не видеть эфиопов и не слышать голосов их. Изнемогши до конца, я увидела, наконец, двух светлых ангелов Божиих, которые подошли ко мне в виде красивых юношей. Одежды их сияли светом, и они препоясаны были крестообразно на груди золотыми поясами. Приблизившись к моей постели, они стали с правой стороны, тихо беседуя между собою, а я обрадовалась и весело смотрела на них. При виде их эфиопы содрогнулись и отступили. Тогда один из светоносных юношей строго сказал им: «О, бесстыдные, проклятые и злобные враги рода человеческого! Зачем всегда спешите приходить к умирающим и своим криком смущаете душу, разлучающуюся с телом? Не радуйтесь; тут вы ничего для себя не найдете: Бог помиловал эту душу, и вам нет ничего общего с нею!» Эфиопы неистово закричали и начали показывать записки о злых делах, от юности мною соделанных, говоря: «Мы не имеем дела до нее? А это чьи грехи? Не она ли творила их?» — Крича таким образом, они выжидали смерти моей. И вот, пришла смерть, и из уст моих излетел последний вздох, а светоносные ангелы взяли мою душу на руки свои. Я оглянулась назад и увидела, что мое тело лежит без чувства и движения. Подобно тому, как если бы кто, сбросив с себя одежду, смотрел на нее, так и я смотрела на свое тело, будто на одежду, и очень удивлялась этому. Между тем как святые ангелы держали меня, бесы, в виде эфиопов, окружили нас и кричали: «Эта душа имеет много грехов, пусть отвечает за них!» И начали показывать мои грехи, а святые ангелы начали искать добрых моих дел и обретали благодатию Божиею все, что при помощи ее сделано мною. Они собирали все, что я сделала когда-либо доброе: дала ли милостыню убогим, или накормила алчущего, или напо-

ила жаждущего, или одела наготующего, или странно-го ввела в дом и упокоила, или послужила рабам Божиим, или посетила больного и в темнице сидевшего и утешила его; приходила ли с усердием в храм Божий и молилась с умилением и слезами, или внимательно слушала чтение и пение церковное, или приносила в храм ладан и свечи, или наполняла маслом церковные лампы на освещение святых икон и лобызала иконы с благоговением; или постилась и воздерживалась в среды, пятки и во все святые посты, или клала поклоны и ночь проводила в бдении, или воздыхала к Богу и плакала о грехах своих, или исповедовала грехи свои пред отцом духовным с сердечным сожалением о них, и старалась делать за них удовлетворение; или оказывала что-нибудь доброе ближним, не гневалась на врагов, не памятозлобствовала и кротко переносила досаждения и укоризны, за зло воздавала добром, смирялась, жалела о чужой беде и сострадала страждущим, утешала плачущего и подавала ему руку помощи, споспешествовала кому в добром деле, а от худого отвращала; или сама отвращала очи мои от суеты и удерживала язык от клятвы, лжи, клеветы и суесловия, — и все иные, самые малейшие добрые мои дела, одно за другим, святые ангелы собирали и готовили положить на весы против злых моих дел. Эфиопы, смотря на это, скрежетали на меня зубами своими, потому что хотели тотчас вырвать меня из рук ангельских и низвести на дно ада. В это самое время нечаянно явился там преподобный отец Василий и сказал святым ангелам: «Святые ангелы! Эта душа много послужила к упокоению старости моей, а потому я молился об ней к Богу, и Бог даровал ее мне». Сказав это, он вынул из-за пазухи как бы мешочек с золотом и отдал его ангелам, со словами: «Вот сокровище молитв пред Господом об этой ду-

ше! Когда будете проходить воздушные мытарства, и лукавые духи начнут истязывать ее, то вы искупляйте ее этим от долгов ее». После сего ушел, лукавые же духи, увидев дар преподобного Василия, сперва стояли в недоумении, потом подняли плачевные крики и сделались невидимы. Тогда снова явился угодник Божий Василий, неся с собою много сосудов чистого елея и драгоценного мира, которые все, один за другим, вылил на меня, отчего я исполнилась благоухания духовного и почувствовала, что я переменялась и сделалась очень светлою. И опять сказал ангелам преподобный: «Когда вы, святые ангелы, сделаете все, необходимое для этой души, тогда введите ее в приготовленную мне от Господа обитель, пусть там и остается». После сего стал невидим; а святые ангелы взяли меня, и мы по воздуху пошли на восток.

Мытарство 1. Когда мы шли от земли к высоте небесной, то вначале сретили нас воздушные духи *первого мытарства*, на котором истязуются грехи *празднословия*, то есть бесед безрассудных, скверных, бесчинных. Мы остановились, и пред нами вынесены были многие свитки, где записаны были все слова, произнесенные мною от юности моей непотребно и безрассудно, а особенно если они выражали что-нибудь срамное или кощунственное, как нередко бывает на языке людей молодых. Я видела записанными там все свои бусловия, сквернословия, все мирские бесстыдные песни, бесчинные крики, смех и хохот. Всем этим злые духи обличали меня, указывая на время и место, когда, где и с кем занималась я суетною беседою и прогневала Бога своими непристойными словами, не считая этого грехом, а потому не исповедовалась в них духовному отцу и не раскаивалась. Я молчала, как безгласная, не будучи в состоянии отвечать, потому что лука-

вые духи правильно обличали меня. Когда я молчала, стыдилась и от страха трепетала, святые ангелы положили нечто из моих добрых дел, а недостающее восполнили из сокровища, подаренного преподобным отцом Василием, и этим выкупили меня.

Мытарство 2. Оттуда пошли мы выше и приблизились к *мытарству лжи*, на котором истязуется всякое слово ложное, то есть клятвопреступление, напрасное призывание имени Божия, лжесвидетельство, неисполнение данных Богу обетов, неискреннее и неистинное исповедание грехов и тому подобное. Духи этого мытарства злы и свирепы; они остановили нас и начали подробно испытывать. Но я обличена была только в двух: первое, что случалось мне иногда солгать в неважных вещах, и я даже не считала того за грех; второе, что из ложного стыда я, бывало, неискренно исповедовалась пред отцом моим духовным. А клятвопреступления, лжесвидетельства и тому подобных беззаконий не нашли во мне, по милости Христовой. Святые ангелы на этом мытарстве против моих грехов положили нечто из моих добрых дел, а более молитвы духовного отца моего выкупали меня, — и мы пошли выше.

Мытарство 3. Достигли мы мытарства, истязующего *осуждение и клевету*. Тут остановили нас, и я уразумела, как тяжек грех осуждения ближнего и как велико зло клеветать на кого-либо, осуждать, бесславить, хулить, браниться и смеяться над чужими недостатками. Таких грешников лютые истязатели истязуют, как антихристов, предвосхитивших себе право суда над другими. Но во мне, по благодати Христа, немного нашли этих грехов, потому что я во все дни жизни моей прилежно старалась никого не осуждать, ни на кого не клеветать, ни над кем не смеяться и не бранить никого.

Только иногда, слушая иных, как они осуждают, клеветуют или смеются над кем-нибудь, случалось и мне немного соглашаться с ними мыслю или по неосторожности прибавлять свое слово, и тотчас зазирала себя и останавливалась; но и самое поползновение истязатели вменяли мне в осуждение и клевету. И тут ангелы, выкупив меня дарованием молитв преподобного Василия, пошли со мною выше.

Мытарство 4. Дошли мы до мытарства *чревоугодия*, и тотчас выбежали навстречу злые духи в надежде найти добычу себе. Лица их были скаредные, похожие на лица сластолюбивых обжор и мерзких пьяниц. Обойдя нас, как псы, они тотчас показали счет всех случаев обжорства, когда я тайно ела или сверх нужды, или с утра, не помолившись и не оградив себя крестным знамением, принималась за пищу, или во святые посты ела до совершения церковного богослужения. Представили и все случаи моего пьянства, даже показывали те самые чаши, рюмки и прочие сосуды, из коих я упивалась в такое-то время, на таком-то пиру, с такими-то собеседниками. И всякое мое чревоугодие до подробности поставили на вид и радовались, как бы уже получив меня в свои руки. Я трепетала, видя такое обличение, и не знала, что отвечать вопреки. Но святые ангелы, вынув довольно из дарования преподобного Василия, положили то против моих грехов и выкупили меня. Увидев выкуп, злые духи вскричали: горе нам! пропали наши труды и надежды! И бросили на воздух свои записи о моем чревоугодии, а я радовалась, — и мы пошли далее.

Когда мы шли, святые ангелы беседовали между собою так: «Истинно, великую помощь эта душа имеет от угодника Божия Василия, и если бы не его молитвы, то много нужды претерпела бы она в воздушных мы-

тарствах». А я, приняв смелость, сказала им: «Мне кажется, святые ангелы, что никто из живущих на земле не знает, что здесь происходит и что ожидает душу по смерти». Но ангелы отвечали мне: «А разве не свидетельствует обо всем этом Божественное Писание, читаемое в храмах и проповедуемое священнослужителями? Только люди, пристрастившиеся к земной суете, небрегут о том и, считая величайшим удовольствием ежедневное объядение и пьянство, всегда едят без меры и упиваются, забыв страх Божий. Имея чрево свое вместо Бога, они не помышляют о будущей жизни и не припоминают себе сказанного в Писании: *горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете* (Лк. 6, 25), *и упивающиеся, потому что возжаждете* (Ис. 5, 12—13). Впрочем, кто из них милостив и милосерд к нищим и убогим и помогает требующим помощи, тот легко получает от Бога прощение грехов своих и ради милосердия своего к ближним проходит мытарства без остановки. Сказано в Писании: *милостыня от смерти избавляет, и тая очищает всяк грех; творящие милостыни и правды исполнятся жизни* (Тов. 12, 9). А кто не старается милостынями очищать грехи свои, тому невозможно избежать темных мытарей, которые низводят их в ад и держат в узах до Страшного Суда Христова. И тебе не избежать бы здесь лютой участи, если бы не получила ты сокровища молитв преподобного Василия».

Мытарство 5. В такой беседе мы достигли мытарства *лености*, где истязуются грешники за все дни и часы, проведенные в праздности. Тут же задерживаются тунеядцы, жившие чужими трудами, а сами не хотевшие трудиться, и наемники, бравшие плату, но не исполнявшие своих обязанностей, принятых на себя. Там же истязуются и те, кои нерадят о прославлении Бога, ленятся в праздничные и воскресные дни ходить

в храм на утреннее богослужение, на Божественную литургию и другие священные службы. Там же испытывается вообще уныние и небрежение как мирских, так и духовных людей и разбирается нерадение каждого о душе своей, и многие оттуда низводятся в пропасть. И я была там много испытываема, и нельзя бы мне было освободиться от долгов, если бы святые ангелы не восполнили моих недостатков дарами преподобного Василия.

Мытарство 6. Оттуда пришли мы к мытарству *воровства*, где хоть и были остановлены на некоторое время, но, дав немного выкупа, пошли далее: потому что не обрелось на мне воровства, кроме весьма мало-важных случаев в моем детстве, происшедших от неразумия.

Мытарство 7. Мытарство *сребролюбия и скупости* прошли мы без задержания, потому что я, по милости Божией, никогда в жизни моей не заботилась о многом приобретении и не была сребролюбива, довольствовалась тем, что Бог давал, и не была скупой, но, что имела, усердно раздавала нуждающимся.

Мытарство 8. Поднявшись выше, мы встретили мытарство *лихоимства*, где истязуют дающих деньги за противозаконные проценты и всех других, наживающихся на счет своих ближних, взяточников и присвоителей чужого. Истязатели, не сыскав на мне лихоимства, скрежетали зубами от досады, а мы, благодаря Бога, пошли выше.

Мытарство 9. Пред нами открылось мытарство *неправды*, где истязуются несправедливые судьи, из корысти оправдывающие виновных и осуждающие невинных, — также люди, не дающие наемникам условленной платы, или в торговле употребляющие неправильный вес или меру, и вообще все, делающие какую-

нибудь несправедливость. Но мы, по милости Божией, прошли это мытарство безбедно и очень мало дали для искупления моих грехов.

Мытарство 10. Мытарство *зависти* мы прошли ничего не заплатив, потому что я никогда не завидовала. Тут же истязуют за нелюбовь, братоненавидение, недружелюбие и ненависть; но, по милосердию Христа Бога нашего, я оказалась невинною в этих грехах, и хотя видела ярость скрежетавших против меня бесов, но уже не боялась их, и мы, радуясь, пошли выше.

Мытарство 11. Прошли мы и мытарство *гордости*, где надменные духи истязуют за тщеславие, самонадеянность, презрение к другим и величание; тут истязуются души людей и за невоздавание должной чести родителям, правительству и начальству, поставленным от Бога, и неповиновение им. Мы тут очень мало положили для моего искупления, и я была свободна.

Мытарство 12. Потом достигли мытарства *гнева и ярости*, и хотя там воздушные истязатели очень свирепы, но мало что от нас получили, и мы пошли далее, радуясь о Господе, под покровом молитв преподобного отца моего Василия.

Мытарство 13. За сим открылось пред нами мытарство *злопомнения*, где без милосердия испытуются те, которые в сердцах своих питают злобу на ближнего и воздают злом за зло. Милосердие Господне и здесь спасло меня, потому что ни против кого не злобствовала и не помнила нанесенных мне обид, а, напротив, всегда, по силе, оказывала любовь и незлобие к обижавшим меня, побеждая зло добром. Мы здесь ничего не заплатили и, радуясь о Господе, пошли далее.

Тогда я осмелилась спросить ведших меня ангелов: скажите мне, откуда эти страшные властители воздушные знают так подробно все злые дела людей, и не толь-

ко явные, но и тайные? Ангелы отвечали мне так: «Всякий христианин, после святого крещения, получает от Бога приставленного к нему ангела-хранителя, который, невидимо храня человека, наставляет его днем и ночью на всякое доброе дело и записывает все добрые дела его, за которые человек мог бы получить от Господа милость и вечное воздаяние в Царстве Небесном. И князь тьмы, желающий привлечь к своей гибели весь род человеческий, также назначает одного из лукавых духов, чтобы он, ходя вслед за человеком, замечал все злые дела его и, поощряя его своими кознями к таким делам, записывал все худое, что человек сделает. Такой лукавый дух разносит по мытарствам все грехи человека, и оттого они известны воздушным князьям. Когда же душа разлучится и хочет идти к Создателю своему на небо, то лукавые духи возбраняют это, показывая ей содеянные ею грехи, и если душа имеет более добрых дел, чем грехов, то они не могут удержать ее; а грехов если найдется больше, сравнительно с делами добрыми, то они удерживают душу на некоторое время, затворяют ее в темнице невидения Бога и мучат, сколько сила Божия позволит им мучить ее, пока та душа, посредством молитв Церкви и милостыни ближних, не получит прощения. Если же какая душа окажется так грешною и нечистою пред Богом, что не будет для нее никакой надежды спасения, то злые духи тотчас низводят ее в бездну, где и для них самих уготовано место вечного мучения. Там погибшие души содержатся до второго пришествия Господня, и потом, по соединении с своими телами, будут с диаволами мучиться в геенне огненной. И то еще заметь, — сказали ангелы, — что этим путем восходят и подвергаются испытанию в мытарствах только те, которые просвещены верою и святым крещением, а неверующие сюда не

приходят, потому что еще до разлучения от тела души своими принадлежат аду, и когда умирают, то бесы без всякого испытания берут их души, как свою надлежащую добычу, низводят в пропасть».

Мытарство 14. Беседуя так, мы достигли мытарства *убийства*, на котором истязуют не только за разбой, но и за всякую рану, за всякий удар, нанесенный ближнему, за пхание со гневом и толчки. Мало нечто дав тут, мы пошли далее.

Мытарство 15. Прошли мимо мытарства *чародейства, обаяния, отравления, призывания бесов*. Здешние духи видом похожи на гадин, змей и жаб, страшны и отвратительны. По милости Божией, во мне не нашли они ничего, и мы пошли далее, провожаемые криком демонов: вот, придешь в мытарство блуда, увидим, как освободишься оттуда!

Когда мы поднимались выше, я осмелилась спросить святых ангелов: все ли христиане проходят чрез эти мытарства и нет ли возможности пройти тут без истязания и испытания на мытарствах? Ангелы отвечали: «Нет иного пути для душ, восходящих на небо, все идут этою дорогою, но не все бывают так истязуемы, как ты, а только подобные тебе грешники, которые творили не полное исповедание грехов своих, из ложного стыда утаивая пред отцом духовным срамные дела свои. Ибо кто чистосердечно рассказывает на исповеди все свои худые дела и жалеет и кается о сделанном, того грехи невидимо заглаждаются Божиим милосердием. И когда такая покаявшаяся душа приходит сюда, воздушные истязатели, разогнув свои книги, не находят в них ничего записанного, и такая душа, радуясь, восходит к престолу Божию. Если б и ты сотворила совершенную исповедь о твоих грехах и получила в них разрешение, стараясь потом сделать возмож-

ное за них удовлетворение добрыми делами, то не подверглась бы этим грозным истязаниям в мытарствах. Впрочем, тебе много помогло то, что ты давно уже перестала грешить смертно и прочие лета жизни своей проводила добродетельно, а особенно помогли тебе молитвы преподобного Василия, которому ты много и усердно послужила».

Мытарство 16. Беседа таким образом, мы подошли к мытарству *блуда*, на котором истязуется не только всякое любодеяние, но и блудные мечты, мысленное услаждение в том, блудные воззрения, порочные осязания и страстные прикосновения. Князь этого мытарства был облечен в нечистую и смрадную одежду, запачканную кровавой пеной, и множество бесов стояло около него. Увидевши меня, они удивились, что я успела уже пройти столько мытарств, и, вынеся записки о всех моих блудных делах, обличали меня, указывая на лица, на места, на время — с кем, когда и где я грешила в юности моей. Я молчала и трепетала от стыда и страха; но святые ангелы сказали бесам: «Она давно уже оставила блудные дела и последнее время жизни своей провела в чистоте, воздержании и посте». А бесы отвечали: «И мы знаем, что она давно уже перестала грешить, но не искренно исповедовалась пред своим духовным отцом и не получила от него надлежащей заповеди об удовлетворении за грехи, потому она наша! Или оставьте ее нам, или выкупите добрыми делами». Ангелы положили много из моих добрых дел, а еще больше от дарования Василия преподобного, и едва я избавилась от лютой беды.

Мытарство 17. Дошли мы до мытарства *прелюбодеяния*, где истязуются грехи людей, живущих в супружестве, но не хранящих супружеской верности друг другу и не соблюдающих ложа своего нескверным, также

блудные похищения и насилия. Здесь же строго истязуются блудные грехопадения лиц, посвятивших себя Богу и обещавших жить для Христа, но не соблюдавших чистоты. И я много должна была на этом мытарстве; лукавые духи уже обличили меня и хотели вырвать из рук ангелов, но ангелы долго спорили с ними, представляя все мои последующие труды и подвиги, и едва искупили меня — не столько моими добрыми делами, которые положили тут все до последнего, сколько сокровищем отца моего Василия, которого также очень много положили на весы против моих беззаконий, — и, взяв меня, пошли далее.

Мытарство 18. Приблизились мы к мытарству *содомских грехов*, на котором истязуются всякие противоестественные грехи, кровосмешения и другие скверные дела, совершаемые тайно, о коих даже и вспоминать стыдно и страшно. Князь этого мытарства был мерзостнее всех бесов, опачкан гноем и смрадом, таковы же и слуги его, смрад от них был нестерпим, злообразие невообразимо, ярость и лютость невыразима. Они окружили нас, но, по милости Божией, ничего не найдя во мне, побежали от нас со стыдом, а мы прошли дальше.

И сказали мне святые ангелы: «Ты видела, Феодора, страшные и мерзкие мытарства блудные! Знай же, что мало какая душа проходит их без остановки и выкупа, потому что весь мир лежит во зле соблазнов и скверны и все люди сластолюбивы. Мало кто бережет себя от нечистот блудных и умерщвляет в себе похоть плотскую. Потому и мало кто проходит тут свободно; весьма многие, достигнув блудных мытарств, здесь погибают. Начальники блудных мытарств хвалятся, что они более всех здешних истязателей наполняют душами людей огненную пропасть ада. А ты, Феодора, бла-

годари Бога, что вот уже прошла блудные истязания, по молитвам преподобного Василия, отца твоего, и более не увидишь страха».

Мытарство 19. После сего мы подошли к мытарству *ересей*, где истязуются неправые мудрования о вере, отступничество от православного исповедания веры, неверие, сомнения о вере, порицание святыни и прочее тому подобное. Я прошла это мытарство без испытания, и вот мы уже были недалеко от врат небесных.

Мытарство 20. Но нас встретили злобные духи последнего мытарства — *немилосердия и жестокосердия*. Жестоки тут истязатели, и князь их лют, с виду сухой и унылый. Тут без милости истязуются души немилосердых. Если бы кто совершал и самые великие подвиги, изнурял себя постами, непрестанно молился и сохранял чистоту телесную, но был немилостив: таковой из этого мытарства низвергается в адскую бездну и не получает милости вовеки. Но мы, благодатию Христовою, прошли безбедно чрез это место при помощи молитв преподобного Василия.

Таким образом, избавившись от страшных мытарств, мы с радостью приблизились, наконец, к самым вратам небесным. Небесные врата были как будто из светлого кристалла и дивно сияли. В них стояли светлые, как солнце, юноши, которые, увидев меня с ангелами, радовались, что я милосердием Божиим избавилась от воздушных мытарств, и, приветливо сретив нас, ввели меня внутрь. Но что я там видела и что слышала, чадо Григорий, того нельзя и высказать. Я видела то, чего никогда не видело око человеческое, и слышала, чего ухо никогда не слышало и чего никому из живущих на земле не представляло желание или воображение.

И приведена я была к престолу Божию славы не-

приступной, окруженному херувимами, серафимами и множеством воинов небесных, всегда славящих Бога неизреченными песнями. Пав, я поклонилась невидимому и непостижимому Богу, а небесные силы воспе-ли сладкую песнь, прославляя Божие милосердие, не побеждаемое грехами человеческими. И пришел глас от велеlepной славы, повелевавший привести меня ангелам показать мне все обители святых и потом все муки грешников, после чего водворили бы меня в обители преподобного Василия. И так, водили меня всюду, и я видела прекрасные обители апостольские, пророческие, мученические, святительские и проч. Все они были красоты неизреченной и пространны, и везде я слышала глас духовной радости и веселия, везде видела торжество святых. Все они, увидев меня, радовались о моем спасении и прославляли Бога, избавившего меня от сетей вражиих.

По обхождении светлых обителей низведена я была в преисподнюю и видела там страшные и нестерпимые муки грешников. Показывая их мне, ангелы сказали: смотри, Феодора, от каких мук избавил тебя Господь, по молитвам угодника Своего Василия! Я слышала там вопли, плач и рыдание мучившихся. Иные из них страшно кричали и проклинали день рождения своего, но никто не оказывал им милосердия. Оттуда провели меня ангелы в эту видимую тобою обитель и водворили меня тут, сказав: сегодня преподобный Василий творит о тебе память. И поняла я, что тогда был сороковой день по разлучении моем от тела, и в этот день я пришла в это место успокоения». (Четьи-Минеи, 26 марта, в житии прп. Василия Нового.)

О состоянии праведных душ до всеобщего суда так говорит Священное Писание: во-первых, они вслед за исходом из сей жизни награждаются за подвиги жиз-

ни земной блаженством; так, праведный Лазарь тотчас по смерти отнесен был на лоно Авраама (Лк. 16, 22), и на кресте покаявшемуся разбойнику сказал Господь: *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43). Во-вторых, они будут наслаждаться покоем (Лк. 14, 25; 2 Кор. 5, 8), или свободой от скорбей и страданий (Апок. 7, 16—17), находиться в общении с праведниками и ангелами (Мф. 8, 11; Лк. 16, 22) и служить Богу (Апок. 5, 8—9; 7, 9—10) хвалебным славословием и молитвенным ходатайством о живущих на земле. Но это состояние еще не есть состояние окончательное. Полная слава и блаженство каждого, по его заслугам (1 Кор. 3, 8), последуют только после всеобщего воскресения и всеобщего суда, когда приидет Господь в назначенный день (Деян. 17, 31) и объявит суд решительный, которого приговоры никогда не переменятся (Мф. 25, 46).

О состоянии душ грешных открыто, что они удалены от лица Божия (Мф. 7, 21; 8, 12), заключены в темницу падших духов (1 Пет. 3, 18), или в ад — место темное и мучительное (Лк. 16, 22), сознают и чувствуют потерю блаженства (Лк. 16, 24, 23), чувствуют упреки совести и напрасно стараются сами улучшить свое бедственное положение (Лк. 16, 24—25). Но не одинаково будет состояние их, а соответственное нравственному состоянию каждой отдельной души (Мф. 5, 22). И опять, это состояние их не есть решенное навсегда и окончательное, а переходное — для одних в ожесточение и вечную нераскаянность во зле, а для других — в упование на помилование от Бога и жизнь вечную (Флп. 2, 10—11; 1 Пет. 3, 18—19). Последние — это те грешники, которые на земле не принесли плодов, достойных покаяния, но умерли с семенами веры и благочестия, потому они и не терпят страданий, какие терпят грешники нераскаянные, и остаются с возможностью получить по-

мощь от церкви. Ибо так учит апостол: *если кто видит брата своего, согрешающего грехом не к смерти, пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти, не о том говорю, чтобы он молился* (1 Ин. 5, 16).

Значит, кто не отторгся окончательно от церкви, тела Христова (Еф. 1, 23), тот, как член тела, может надеяться на помощь со стороны других членов и сам способен принять эту помощь. *Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор. 12, 26). По такой тесной связи христиан между собою они имеют возможность помогать своим ближним, отдаленным от них огромными пространствами, находящимся в плену или темнице, удручаемым болезнями, молитвами о них к Богу (Флп. 1, 4, 19; Кол. 1, 9; 2 Тим. 1, 3). Молитва, по учению Писания, может оказывать влияние и на мир отшедших от нас душ, простирает свою силу и на область ада. Мы привели выше слова апостольские о грехе смертном; и Спаситель сказал, что есть грех, который не прощается ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12, 32). Следовательно, как есть грех смертный, о котором бесполезно и молиться, который не простится ни в настоящей, ни в будущей жизни, так есть грехи не смертные, о которых молитва может быть вполне благоплодна, не тщетна. «Каждый человек, имевший в себе малую закваску добродетелей, но не успевший превратить оную в хлеб, поелику, несмотря на свое желание, не мог сего сделать или по лености, или по беспечности, или потому что отлагал это со дня на день, но сверх чаяния постигнут и пожат смертью, — не будет забыт праведным Судиею и Владыкой. Господь, по смерти его, возбудит его родных, ближних и друзей, направит их мысли, привлечет сердца и преклонит души к ока-

занию пособия и помощи ему. И когда Бог подвигнет их, и Владыка коснется сердца их, они поспешат вознаградить опущение умершего» (Св. Иоанна Дамаскина слово «об усопших в православной вере»). Таким образом, в жизни загробной узники ада получают помилование не за собственное покаяние, а за благодеяния людей, находящихся в живых, за молитвы, воссылаемые о них Церковью во имя Господа Иисуса Христа, взявшего на Себя грехи мира и давшего нам неложное обещание: *если о чем попросите во имя Мое, Я то соделаю* (Ин. 14, 14). (См. «Афонск. лист.», №32.)

2. Рассказы о частном суде вслед за смертью человека. В житиях святых содержатся подробные сведения о мытарствах. И хотя сведения эти представляются часто в очень ярких и образных картинах, но они не могут отвергать той главной мысли, что злые духи принимают свое злое участие в судьбе души человека тотчас по разлучении ее с телом.

1) Св. Иосиф Песнописец, приготавливаясь к исходу из сей жизни, молился: Господи Боже мой! соблюди до конца дух мой и даруй мне невинно избежать князя тьмы и воздушных страшилищ.

2) Человек, воскрешенный св. ап. Филиппом, припал к ногам его и сказал: благодарю тебя, слуга Божий, что ты от многих зол избавил меня в час сей: два черные эфиопа влекли меня, и если бы ты не предварил, то ввергли бы меня в тартар лютый.

3) Св. Андрей Юродивый видел душу одного мертвеца, окруженную бесами, которые плясали и смеялись, провожая ее.

4) Воин Таксиот совершил в жизни своей грех прелюбодеяния и в нем умер. Ожив чрез несколько дней, он рассказал тут бывшим, что на этом мытарстве у него не оказалось соответственных греху добрых дел, и

лукавые духи повели душу его в темницы адовы, где души грешных находились в вечной тьме, где плач неутешный, где плачут они — и никто их не жалеет и не утешает, где взывают о помощи, и никто их не слушает.

5) Преподобный Агафон целых три дня перед смертью пробыл с открытыми глазами. Братья решились тронуть его и спросили: «Где ты?» Он ответил: «Я стою пред судилищем Божиим».

6) Св. Иоанн Лествичник рассказывает об одном подвижнике, который целых сорок лет подвизался, так что и звери ему повиновались. Стефан (было имя подвижника) также еще живым подвергался суду: это было за день до его смерти. Глаза его оставались открытыми. Он осматривался то в ту, то в другую сторону и, как бы оговариваемый кем, отвечал или так: «Признаюсь, это правда; но я постился за настоящий грех столько-то лет»; или «Нет, я не делал этого, вы лжете»; или наконец: «Так, истинно так, но я плакал и служил братьям». По-видимому, оговариваемый и уступал: «Поистине так, и не знаю, что сказать на это; но у Бога есть милость». Все эти ответы умирающего ясно слышали братья, которые окружали его постель. Св. Лествичник, окончив настоящий рассказ, делает отсюда прямое заключение о суде после смерти каждого человека.

7) О важности истинного покаяния по отношению к мытарствам св. Григорий Двоеслов рассказывает следующий замечательный пример: к одному пресвитеру пришли просить его к больному, находящемуся при смерти, чтобы исповедать и причастить его. Пресвитер, занявшись обрезыванием винограда, замедлил, и когда пошел к больному, то попавшиеся ему навстречу сказали, что больной помер. Тяжко и скорбно было

пресвитеру, что больной помер без напутствия вследствие его промедления. Придя в дом умершего, он повергся пред ним и плакал, считая себя виновным в том. В это время умерший ожил. В страхе и вместе в радости стали спрашивать: что с ним было, как душа снова возвратилась в тело? Оживший отвечал: «Пришли ко мне некоторые страшные эфиопы, из ноздрей коих исходил пламень, и взяли меня силою и повлекли меня в какие-то темные и страшные места... Но вдруг явился пресветлый юноша с другим таковым же и сказал ведущим меня: возвратите его, — священник плачет о нем, и ради его слез Господь возвращает ему жизнь». Воскресший мертвец после сего исповедался, причастился Св. Таин, семь дней пребыл в непрестанной молитве и в 8-ой день скончался. (См. кн. прот. А. Свирелина *«Правосл. исповед. христ. веры в Чет.-Мин. св. Димитрия Ростовск.»*.)

3. Как происходит частный суд? Суд этот бывает одновременно с тем, как душа проходит от земли в духовный мир. Душа же должна совершить свой путь чрез воздух, или, точнее сказать, тем пространством, которое находится между землей и небом. Здесь-то, по учению св. отцов, и нужно видеть место для частного суда. А как знаем из слова Божия, в воздушном пространстве вращаются злые духи. Следовательно, душа, стремящаяся в небесное отечество, встречается со злыми духами. Святой Афанасий Великий и говорит о воздушном пространстве в этом именно смысле, равно как приводит здесь слова апостола Павла о служителях князя власти воздушной. Бесы препятствуют душе достигнуть того места (т. е. неба), которого сами лишились и в котором сами не надеются быть более. Какое право они имеют останавливать душу? То же самое, в силу которого являлись к грешнику при разлучении

души его от тела, т. е. что грешник совершал одинаковые с ними дела, следовательно, должен пойти в одно с ними место, подвергнуться одинаковой с ними участи. Они готовы сказать в это время на душу все (как и слышали их святые Божии говорящими в минуты своих особенных видений), например, «это душа наша; до самой смерти она грешила, осквернялась не только естественными, но и чрезуестественными грехами; к тому же она осуждала ближнего, а что всего хуже — умерла без покаяния». По крайней мере, «свободный ли доступ бесы дают душам праведным?» Нельзя сказать и этого; потому что одни из праведников вначале также были тяжкими грешниками, а другие с добрыми своими делами соединяли также дела грешные. А злые духи радуются только о неправде, радоваться же о истине не способны. Им был бы только повод, к чему сделать притязание, в чем бы обвинить душу. Антоний Великий говорит о собственной душе, которую видел отделившеюся от тела и возносимую на небо. Бесы усиливались выставить грехи, которые он допустил от самого рождения. Но напрасно было их усилие, потому что грехи юных лет преподобный давно очистил покаянием и строгим подвижничеством. После этого они прямо слагали на него небывалые грехи. И святой Кирилл Иерусалимский учит: «особенным неким образом (диавол) истязует душу, представляя и исчисляя все грехи и беззакония, сделанные нами делом, словом, в ведении и неведении, от юности до дня кончины, когда душа вземлется на суд Божий». Все эти нападения бесов на душу согласны с учением слова Божия, потому что «день лют», которого мы должны опасаться со стороны их (приимите вся оружия Божия, да можете противитися в день лют), по мнению толковников, относится также и к частному суду. Брань хри-

стианской души с духами злыми бывает в это время, так сказать, лицом к лицу, и душа может защитить себя только лишь запасным всеоружием, т. е. обилием добрых дел.

«Одни ли злые духи встречаются в воздушном пространстве, как бы в своей области, души мертвецов, стараясь затем обвинить эти души, или же нет?» Нет, в свою очередь, и св. ангелы сходят с неба к этим душам, чтоб сопутствовать им и защитить их от клевет бесовских. О нищем Лазаре сказано прямо, что, когда он умер, — ангелы понесли его душу в рай. И если ангелы (как известно) являются к праведным душам в минуты разлучения их от тел: не тем ли более надо ожидать, что они окажут свою помощь этим душам во время тайного суда над ними? Церковь выражает свое верование на сей раз во множестве своих молитв: «ко ангелом очи возводящи бездельно молится, к человеком руце простирающи, не имать помогающаго». Так и св. угодники, молясь перед смертью своей против напастей со стороны духов злых, которые предвидели для себя на суде тотчас после смерти, просили Бога, чтоб Он не оставил их в это время Своею защитою чрез ангелов. Св. Златоуст учит: «Тогда нужны нам... многие помощники..., великое заступление от ангелов при шествии чрез воздушное пространство». Тот же вселенский учитель говорит от лица умерших младенцев: «Мы имели благонадежных руководителей; руководившие нас ангелы возрадовались». Св. Кирилл Александрийский еще учит: «Небесные силы стоят против нечистых духов и приносят добрые деяния души...; между добрыми и злыми ангелами стоит душа в страхе и трепете...: смотря (на духов злых) она смущается, приходит в волнение, мечется, старается укрыться, чтоб не видеть их, прибегая к ангелам Божиим».

Сколько известно в Четиях-Минеях откровений, которыми ясно доказывается сопребывание душам на суде св. ангелов. Так, в жизни того же Антония Великого говорится, что, когда бесы клеветали на его душу вслед за смертью, ангелы останавливали клеветников. Св. Нифонт поставляет на вид прение ангелов с духами злыми из-за душ судимых. Именно: злые души, обвиняя одного мертвеца, говорили, что этот мертвец тяжко грешил на земле, да и умер без покаяния. Ангелы же ответили: «Не поверим ни вам, ни отцу вашему — сатане, доколе не спросим ангела-хранителя этой души». Ангел-хранитель и сказал: «Точно, много согрешил этот человек, но, только что сделался болен, начал плакать и исповедовать свои грехи».

«Долго ли продолжается над душою послесмертный суд?» Сорок дней, как верует Православная Церковь. Особо этот суд начинается для каждой души, особо же и следует до самого конца, потому что каждый человек умирает в свое определенное время. Некрещенные же люди прямо (без суда) поступают во власть дьявола.

Наконец, «чем оканчивается этот суд?» Ту душу, которая устоит на нем, встречает множество св. ангелов. Так, св. Нифонт видел, что ангелы выходили из врат небесных навстречу к одной праведной душе и, приветствуя эту душу, прославляли Бога, Который не предал ее в руки врагов. Богоносные отцы открывают нам: «Если душа окажется по благочестивой жизни достойною.., то принимают ее ангелы Божии, и уже без печали совершает она свое шествие, имея спутниками святые силы...; если победят ее дела, ангелы воспевают ей песнь хвалы и ведут ее с веселием пред лицо Божие: в тот час она забывает все, принадлежащее к земной жизни, и все понесенные ею труды»; и еще: «когда это совершилось (т. е. когда душа достигла до не-

ба), руководившие нас ангелы возрадовались: они начали лобызать нас». Что же до душ грешных, то и эти души вначале сопровождаются ангелами. Но в последующем пути своем они решительно задерживаются и затем по насилию от бесов бывают низводимы во ад. Так, тот же преподобный Нифонт видел низведенным во ад человека, который был и блудником, и волшебником, и грабителем, наконец, — и умер без покаяния. «Если какая душа окажется жившей в небрежении и распутстве (говорит св. Кирилл Александрийский), св. ангелы оставляют ее, и она подвергается власти мрачных демонов». Когда же обе стороны для судимой души будут в равновесии, т. е. когда и ангелы представят добрые дела ее к оправданию, и злые духи припомнят столько же грехов ее к осуждению: тогда побеждает человеколюбие Божие. Тем же милосердием Божиим восполняется недостаток добрых дел против преобладающего количества злых. (См. брош. прот. Е. Попова *«Суд Божий над человеком вслед за смертью его»*.)

Глава 5

Загробная жизнь вообще

1. Вопрос о телесности души в первый период загробной жизни. Душа и тело человека, хотя связаны в органическое единство, тем не менее представляют отдельные, самостоятельные сущности. Смерть разделяет их друг с другом, после чего тело обращается в мировую материю, а душа продолжает жить самостоятельно. Отсюда можно бы было признать не требующей дальнейших доказательств мысль, что душа после смерти бестелесна. Тем не менее, еще в отеческой литературе мы встречаемся с мнением, что душа после смерти не только сохраняет форму земного тела, которым она была облечена, но имеет и некоторого рода телесность.

Священное Писание не представляет никаких данных для принятия «нематериальной телесности», тем не менее, оно не утверждает и абсолютной духовности души. Уже на основании соображений разума мы должны признать, что абсолютным духом может быть только Бог, все же прочие сотворенные духи представляют низшую степень духовности и стоят по

своему существу ближе к материальному миру. Как мы должны представлять эту материальность и насколько она оправдывает учение о «нематериальной телесности» души, решение этого вопроса едва ли может быть удовлетворительным. Слова Иисуса Христа *дух плоти и костей не имеет* (Лк. 24, 39) говорят о теле, которым облечен человек во время земной жизни, но не могут быть приводимы против материальности или, вернее, против неабсолютной духовности души человека. Ученики сочли явление Иисуса Христа за призрак, который, как нереальность, не имеет никакой плоти. Но из невещественности призраков еще нельзя делать никаких выводов относительно абсолютной духовности души. Наконец, если ученики и приняли явившегося Христа за действительное явление Его духа, то и при этом предположении неосязаемость являющегося духа, о которой говорит Господь, не может служить основанием отрицать относительную материальность души, потому что и в природе не всякого рода материя доступна осязанию и вообще чувствительному восприятию. (См. кн. свящ. Апол. Темномерова «Учен. Св. Писания о загробн. жизни», Спб., 1899 г., стр. 134, 139—140.)

2. Место пребывания душ умерших после сошествия Иисуса Христа во ад. После сошествия Иисуса Христа во ад Новый Завет определенно различает места пребывания душ умерших праведников и грешников. Относительно первых мы слышим слова Господа в Его молитве к Богу Отцу: *Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне* (Ин. 17, 24). Эти и подобные им слова: *где Я, там и слуга Мой будет* (12, 26) — имеют отношение ко всему загробному существованию праведников, обнима-

ют собою не только жизнь по воскресении, но и первый период загробной жизни, что несомненно свидетельствуется обетованием благоразумному разбойнику: *ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43). Согласно с этим, и ап. Павел рассматривает жизнь души по смерти тела, как пребывание со Христом (Флп. 1, 23). Но если Христос и души праведников находятся у Бога Отца (Ин. 14, 12, 18; 16, 16, 28), в Его небесных обителях (14, 2—3), то мы не можем думать что и души грешников, отринутых от блаженного единения со Христом находятся там же. Пребывание в небесных обителях обещается только избранным, о грешниках же говорится, что они должны отойти от Спасителя (Мф. 7, 23), что они будут изгнаны из Небесного Царства (Мф. 8, 12; Лк. 13, 28; Мф. 25, 30 и пр.). Что здесь разумеется не только лишение нравственного единения с Богом, но вместе и пространственное удаление от места блаженного пребывания праведников, можно видеть из слов кн. Деяний об удавившемся Иуде предателе, что он пошел в свое место

Место пребывания душ грешников носит в Новом Завете наименование ада. Это греческое слово выражает понятие темноты, что совершенно соответствует ветхозаветному представлению о шеоле как царстве тьмы. Место пребывания душ нечестивых называется в Новом Завете также преисподними местами земли (Еф. 4, 9), преисподней (Флп. 2, 10).

В основе метафорического значения употребляемого в Писании названия ада преисподними местами земли, находящимися где-то значительно ниже последней, может лежать общее всем народам представление находящегося над головою человека неба сферою света, более чистою и совершенною, чем земля. Отсюда вполне естественно метафорическое пред-

ставление хорошего и худого, совершенного, славного и уничиженного под образом высокого и низкого. Такого рода метафору несомненно представляют слова. Самое наименование Бога Всевышним уже метафора, указывающая не на высоту Его жилища, так как Бог везде, а скорее на Его бесконечные совершенства сравнительно с человеком.

Местопребыванию душ праведников до всеобщего воскресения обычно усваивается наименование рая. В Новом Завете слово это встречается только два раза в обетовании Господа благоразумному разбойнику: *ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 48), и у ап. Павла, который *был восхищен в рай и слышал неизреченныя слова, которых человеку нельзя пересказать* (2 Кор. 12, 4). В других местах Писания местопребывание душ праведников называется Царством Небесным (Мф. 8, 11; срав. 5, 3, 10), Царством Божиим (Лк. 13, 28—29; 1 Кор. 15, 50), домом Отца Небесного (Ин. 14, 2), горою Сионом, градом Бога живаго, Иерусалимом Небесным (Евр. 12, 22), Иерусалимом вышним (Гал. 4, 26), небесами (Лк. 12, 33—34; Евр. 10, 34). Во всех этих местах ясна одна идея близости душ праведников к Богу, и только наименованиями «небо», «небесный» дается представление, что души умерших праведников пребывают на небесах (См. кн. свящ. Апол. Темномерова *«Учен. Св. Писания о загробн. жизни»*, Спб., 1899 г., стр. 125—131).

3. Достоверность загробной жизни. Во все времена и у всех народов, наряду с верой в Божество, всегда существовала вера и в будущую загробную жизнь. Древние греки и римляне, персы и арабы, дикари Полинезии, Меланезии, центральной и южной Африки, американские алеуты и проч. — все так или иначе верили и верят, что жизнь человека не кончается вместе

с его смертью, а продолжается в той или другой форме и по ту сторону гроба. Эта всеобщность веры в существование загробного мира имеет глубоко знаменательное и поучительное значение: она красноречиво говорит о том, что будущая жизнь действительно существует, так как вера в нее непосредственно заложена в самой природе человека и есть существенный элемент религиозного сознания. То же, что всеобще и составляет неотъемлемое, необходимое достояние человека, вместе с тем всегда бывает и достоверно.

Показания здравого разума также с несомненностью удостоверяют нас в том, что земным существованием не оканчивается бытие человека и что кроме настоящей жизни есть жизнь будущая, загробная. Обратим внимание на видимую, внешнюю природу. «В целом мире нельзя, — говорит почивший знаменитый русский иерарх Филарет, — найти никакого примера, никакого признака, никакого доказательства уничтожения какой бы то ни было ничтожной вещи; нет прошедшего, которое бы не приготавлило к будущему; нет конца, который бы не вел к началу; всякая особенная жизнь, когда сходит в свойственный ей гроб, оставляет в ней только прежнюю, обветшавшую одежду телесности, а сама восходит в великую, невидимую область жизни, чтобы паки явиться в новой, иногда лучшей и совершеннейшей одежде. Солнце заходит, чтобы взойти опять; звезды утром умирают для земного зрителя, а вечером воскресают; времена оканчиваются и начинаются; умирающие звуки воскресают в отголосках; реки погребаются в море и воскресают в источниках; целый мир земных прозябаний умирает осенью, а весною оживает; умирает в земле семя, воскресает трава или дерево; умирает пресмыкающийся червь, воскресает крылатая бабочка;

жизнь птицы погребается в бездушном яйце и опять из него воскресает. Если твари низших степеней разрушаются для воссоздания, умирают для новой жизни: человек ли, венец земли и зеркало неба, падает в гроб для того только, чтобы рассыпаться в прах, безнадежнее червя, хуже зерна горчицы?!» (Сочин. Филарета, митр. Моск., т. II, изд. 1879 г., стр. 210.)

Но для верующего человека гораздо важнее, нежели доказательства разума человеческого, свидетельства Священного Писания о загробной жизни. Слово Божие, как истина, и есть и должно быть источником всех наших познаний и такой великой тайны, как будущая жизнь человека. В ветхозаветных священных книгах мы находим довольно ясное указание на то, что душа продолжает свое существование и по отделении ее от тела. *И возвратится персть в землю, якоже бе*, говорит Екклезиаст, *и дух возвратится к Богу, Иже даде его* (Еккл. 12, 7). Это учение о нашей жизни по смерти, которое люди первых времен так часто забывали и поэтому проводили земную жизнь весьма грубым, гнусным и постыдным образом, Господь весьма часто возобновлял в Ветхом Завете посредством Своих избранных людей — пророков, чтобы еврейский народ и все другие, соприкасавшиеся с ним, не теряли веры в жизнь будущую.

Сам Сын Божий, Которого Бог Отец благоволил послать на нашу землю, между прочим, для того, чтобы научить нас истине (Ин. 18, 37), многообразно уверял нас в бессмертии нашей души и в будущей жизни, например, ясно говоря: *грядет час, егда мертвии услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут* (Ин. 5, 25). *Грядет час, в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотворшие благая в воскрешение живота, а сотворшие злая в воскреше-*

ние суда (— ст. 28). *Аз есмь воскрешение и живот: веруй в Мя, аще и умрет, живет; и всяк живой и веруй в Мя, не умрет во веки* (Ин. 11, 25—26) и т. п.

То же говорили и святые апостолы. Св. ап. Павел писал к солунянам: *да не скорбите, якоже и прочии немощи упования*, т. е. язычники (1 Сол. 4, 13). На вере в жизнь будущую святые апостолы основывали в своих посланиях все свои увещания, угрозы, утешения и ободрения для тех, к кому писали; так, убежденный в истине будущей жизни, св. ап. Павел сказал о себе: *мне еже жити, Христос; и еже умерети, приобретение есть* (Флп. 1, 21); *желание имый разрешитися и со Христом быти* (— ст. 23). Исходным пунктом своего учения о загробной жизни святые апостолы брали величайший из всемирно-исторических фактов — воскресение из мертвых Христа Спасителя. Это чудо из чудес составляет основу всего христианства, стоящего и падающего вместе с ним; на нем же основываются все наши надежды на вечную жизнь после всеобщего воскресения и истребления последнего врага нашего — смерти.

«Если о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, — говорит ап. Павел в послании к коринфянам, — то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. При этом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают. Ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в

сей только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение из мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все живут... Как мы носили образ перстного (Адама), так будем носить и образ небесного (Христа)» (1 Кор. 15, 12—22, 49).

Воскресение Иисуса Христа есть не только предмет нашей живейшей веры: оно есть вместе с тем достовернейшее, удовлетворительнейшим образом засвидетельствованное историческое событие.

«Как Христос воистину воскрес, — говорит тот же знаменитый первосвятитель Московский Филарет, — так воистину воскреснем и мы».

Христианство есть религия Воскресшего, Умертвившего смерть. Настоящая смерть есть только неизбежный переход к бессмертию: «то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (1 Кор. 15, 36). В этих словах великого апостола заключается прекрасная, полная глубокого смысла аналогия бессмертия человека, взятая из естественной жизни. Посеянные зерна, сгнивая в земле, сохраняют нетленным свой росток — зародыш будущего растения, совершенно сходного с тем, которое произвело его. Здесь не простая передача жизни от одного растения другому, но полное сохранение зародышем своей жизни и проявление ее в новой форме. Зерно — это человек в нынешнем его состоянии, существо единичное, особое, отличающееся известными качествами, имеющее свою личную жизнь. Но вот это существо умирает, идет в землю, сеется, как зерно. Погибает ли оно бесследно, сгнив, разложившись на составные части? Нет! Как зерно явится прекрасным растением, которое не отлично от брошенного в землю зерна, но есть то са-

мое зерно, которое сгнило в земле: так и человек, истлевший в земле, превратится в прекрасное существо, с новым духовным телом, но не отличное от того человека, который умер, — это будет тот же самый человек, только ставший нетленным.

Наконец, есть и опытное доказательство действительности существования загробного мира — явление душ умерших людей. Эти примеры в достаточной степени должны уже быть известны читателям.

Глава 6

Загробная участь праведников

1. Особенности откровения Божии о вечном блаженстве праведников. Святые Божии любили размышлять о блаженстве праведников, а некоторые из них и удостоились особенных откровений о райской жизни. Итак, мы, для подкрепления духа шествующих путем скорбным и узким в рай, извлечем из житий их Божии откровения о Царстве Небесном.

1) Кто же между святыми, живя на земле, ближе всех находился к вечному блаженству, как не Божия Матерь? И — вот, когда Она, умирая, прощалась с каждым из св. апостолов, которые чудесным образом собрались на погребение Ее, когда, значит, имела уже лицом к лицу блаженную вечность, уготованную праведникам, — в самых трогательных словах выразила апостолам, что желает им вечного блаженства, а о Себе Самой произнесла: «Помяни Мя, Господи, в бесконечном Царстве Твоем!»

Взирая на пресветлое лицо дражайшего Сына Своего и Господа, *явившегося во славе приять душу* Матери Своей, Пресвятая Дева Богородица, без всякого те-

лесного страдания, *как бы засыпая*, предала в руке Его пречистую Свою душу. Лицо Богоматери, освященное «добротою Божества», сияло славою Божественного девства (Служба 14 авг., канон, п. 8, троп. 2), а от тела разливалось дивное благоухание.

В день погребения, вечером, св. апостолы были удивлены явлением им Царицы Небесной, Которую узрели стоящей на воздухе, окруженной ангельскими силами и сияющей неизреченной славой. Она сказала им: «Радуйтесь! Я с вами есмь во вся дни!» Это явление так обрадовало св. апостолов и бывших с ними, что они все воскликнули: «Пресвятая Богородица, помогай нам!» После этого не оставалось никакого сомнения, что гроб Пресвятой Девы сделался лестницей к небеси (Служб. 15 авг., веч. стих «на Господи воззвах»; Четьи-Мин. под 15 августа).

2) Преподобный Марк, подвижник IV и начала V в., говорит о двух откровениях одному святому, которые, без сомнения, предызображали вечную участь праведников. В первый раз святой видел, что к нему были принесены во время его молитвы три хлеба; «чем более он вкушал (эти хлебы), тем более они увеличивались». (Не предзнаменование ли это неистощимых наслаждений на том свете, которых удостоятся праведники?) В другой раз святой увидел самого себя в светлом одеянии по примеру одежд Иисуса Христа на Фаворе и — ужаснулся от радости. (В «слове девятом о трезвении» по р. п.)

3) Преподобный Ефрем, размышляя о суете нынешней жизни, однажды душевным взором своим усмотрел Господа, сидящего в славе небесной, и Господь сказал его душе: «Для чего ты, душа, возгнушалась небесным своим чертогом.., благами, какие Я уготовал тебе?» (По свидетельству Григория Нисского.)

4) самого же продолжительного по времени и, сле-

довательно, самого отчетливого видения блаженной участи в том свете праведников удостоился св. Андрей, Христа ради юродивый, — тот самый, который видел в храме влахернском «покров Божией Матери», празднуемый Церковью. Андрей жил в Константинополе в середине V века. Жизнь его (кстати сказать) описал самый близкий к нему человек — духовник его, священник Никифор. Жизнеописатель слышал о нем еще и то, чего сам лично не знал, от другого близкого к нему лица — Епифания. (А это был ученик Андрея, видевший вместе с ним чудное откровение в храме, впоследствии же патриарх Цареграда.) Епифаний в иночестве принял имя Полиевкта (пам. его в греч. мин. 5 февраля).

Вот рассказ о том, что видел и слышал в своем восхищении в рай блаженный Андрей. «Что со мною было, — говорит блаженный, — не понимаю. По воле Божией, я пребывал в сладком видении две недели так же, как бы кто всю ночь спал сладко, а утром встал. Я видел себя в раю весьма красивом и дивном и, восхищаясь духом, размышлял: что это значит? Мне известно, что мое обиталище в Константинополе; но какой силой перенесен сюда, не знаю, да и не понимал себя, с телом ли был я или вне тела? Богу это известно. Но видел себя облеченным в пресветлую одежду, вытканную как бы из молнии, опоясан был царским поясом, и венец, сплетенный из чудно-прекрасного цвета, был сверху главы моей. Чрезмерно удивляясь неизглаголанной этой красоте, я восхищался умом и сердцем от невыразимой красоты Божиего рая и, пребывая в нем, исполнялся веселия. Я видел там много садов с высокими деревьями, их ветви колебались, чрезвычайно услаждая зрение, и великое благоухание разливалось от их ветвей. Одни из деревьев непрестанно цвели, а другие были украшены злато-видными листьями, иные были обременены различны-

ми плодами неизреченной красоты. Нельзя уподобить дерев райских ни одному дереву земному, самому красивому: ибо Божия рука насадила их, а не человеческая. В этих садах было бесчисленное множество птиц, одни из них имели крылья золотые, другие подобно снегу белые, иные были испещрены различными цветами. Сидя на ветвях райских деревьев, эти птицы пели так прекрасно и улаждительно, что от приятного пения их я доходил до самозабвения, и мне казалось, что голос пения их был слышен на самой небесной высоте. Так улаждалось сердце мое!

А те прекрасные сады стояли в удивительном порядке, подобно полку, стоявшему против полка. Когда же с веселием сердца ходил я в этих райских садах, то увидел там великую реку, протекавшую среди садов и орошавшую их. По обеим сторонам реки росли виноградные лозы, которые украшены были золотыми листьями и златовидными плодами. С четырех сторон дул тихий и благоухающий ветер, дуновением коего колебались сады, а сотрясением листьев они производили дивный шелест.

Потом напал на меня некоторый ужас; представилось мне, что я стою выше тверди небесной, а какой-то юноша, одетый в багряницу, с лицом солнцеобразным, ходил окрест меня. Следуя за ним, я увидел великий и красивый крест, который видом был подобен радуге небесной. Окрест его стояли огнезрачные певцы и, пламенея любовью ко кресту, пели дивную и пресладкую песнь, коею прославляли Господа, распятого на кресте. Пламеннообразный юноша, сопутствовавший мне, приступив ко кресту, лобызал его; потом он сделал знак мне, чтобы и я лобызал крест. Мгновенно припав к св. кресту, я облобызал его с трепетом и великою радостью. Как скоро я прикоснулся к нему устами, то пресытился

потоком неизреченной сладости духовной и обонял гораздо большее благоухание, нежели в райских садах.

Оставя крест и посмотрев вниз, я увидел под собою как бы бездну морскую; мне же казалось, что я ходил по воздуху, и, убоявшись бездны, возгласил к руководителю моему: «Ужас объемлет меня при мысли упасть в эту бездну». — Спутник мой, обратясь ко мне, сказал: «Не бойся! нам должно взойти еще выше». Он подал мне руку — и мы явились выше второй тверди. Я видел там дивных мужей, их покой, всегдашнюю радость празднования их — предметы, невыразимые для языка человеческого. Потом мы взошли в удивительный пламень, который не опалял нас, только просвещал: я поражен был страхом, но путеводитель мой, обратясь ко мне, подал мне руку и сказал: «Еще выше нам должно взойти»; и с этим словом мы очутились выше третьего неба, где я видел и слышал бесчисленное множество небесных сил, поющих и славящих Бога. Приближаясь к некоторой завесе, блиставшей подобно молнии, пред которою стояли великие, страшные пламеннообразные юноши, коих лица блистали светлее солнца, с огненными оружиями в руках, я узрел необъятное множество небесного воинства, предстоявшего со страхом. Сопутствовавший мне (небесный) юноша сказал: «Когда откроется таинственная завеса, тогда ты увидишь Владыку Христа и преклонишься престолу славы Его». Услышав это, я трепетал и радовался: ужас и неизреченная радость наполняли сердце мое, я с благоговением смотрел дотоле, пока отъята была завеса. Когда же какая-то пламенная рука отдернула завесу, тогда я, подобно пророку Исаии, узрел Господа моего, сидящего на высоком и превознесенном престоле; серафимы стояли окрест Его; Он был облечен в багряную ризу, лицо Его было пресветло, Он взирал на меня милостиво. Узрев Господа, я в невыра-

зимом волнении духа пал пред Ним ниц и поклонился пресветлому и страшному престолу славы Его. О! Здесь уста немеют, язык отказывается выражать духовные предметы, духовную радость в чувственных видах. Какая радость и восторг объяли сердце мое от видения лица Его, изъяснить нельзя, так что и ныне, вспоминая об этом видении, исполняюсь неизреченной радости! В великом ужасе пав пред Владыкою моим, я удивлялся столь великому милосердию Его, по которому Он допустил мне, — человеку грешному и нечистому, предстать пред Собой и видеть Божественную красоту Его. Проникнутый чувством умиления и размышляя о непостижимом величестве и благодати Владыки моего и о собственном недостойнстве, я произнес в себе слова пророка Исаии: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами... и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис. 6, 5). Небесное воинство, взирая на такое человеколюбие и снисхождение к падшему человечеству, воспело песнь предивную и неизреченную».

Насладившись созерцанием горних красот духовного мира, блаженный Андрей находился в тревожной думе о том, что среди необъятного сонма ангелов и святых не сподобился видеть Пречистой Богородицы. Мгновенно святой узрел некоторого, подобно облаку, пресветлого мужа, носящего крест. Чудный муж сей, поняв мою мысль, сказал мне: «Ты хочешь видеть пресветлую Царицу небесных сил; но теперь Ее здесь нет: Она отошла в многобедственный мир помогать страждущему человечеству и утешать скорбных. Я бы показал тебе Ее святую обитель, но нет ныне времени: ты должен опять возвратиться туда, откуда восхищен был. Так повелевает тебе Владыка всех!» После этого чудное видение райской жизни кончилось, и св. Андрей опять увидел себя на земле. (Извлеч. из Чет.-Мин. октября 2 дня.)

5) Упомянем здесь об откровении небесного рая святителю Тихону Задонскому. Св. Тихон в награду за свое богомыслие и благочестие даже дважды удостоился видеть Царство Небесное, каждый раз в часы ночи.

Первое видение ему было еще до иноческого звания его. Однажды он вышел на крыльцо, чтоб насладиться тихой и светлой ночью. От красот майской ночи он перешел к размышлению о вечном блаженстве. И — вот, вдруг открылось пред ним небо: он увидел на небе необыкновенные сияние и светлость! Через минуту небо уже приняло свой прежний, обыкновенный вид. Несмотря, однако, на кратковременность видения, он — когда только вспоминал об этом видении — приходил в великий восторг.

В другой раз, состоя уже в сане архиерейском и прогуливаясь по обычаю своему в ночное время вокруг монастырской церкви, он остановился у алтаря. Здесь-то, после нескольких пламенных молитвенных слов к Господу Богу о том, чтоб ему было показано вечное блаженство праведников, он снова увидел свет с неба, простиравшийся на весь монастырь. Последовал к нему и глас с неба: «Виждь уготованное любящим Бога!» После настоящего видения праведник уже повергся на землю и едва-едва мог дойти до своей кельи. (*«Записки Иоанна келейн.»*)

6) Один благочестивый муж-воин умирал и видел зеленеющий луг, украшенный цветами пахучих трав, на котором виднелись собрания людей, одетых в белые одежды. Такой был приятный запах в этом месте, что самая приятность запаха насыщала живущих и гуляющих там. Там же строился удивительной красоты дом, по-видимому, из золотых кирпичей. Золотые кирпичи для строения дома несли старцы и юноши, девы и отроки.

А другой муж имел видение такое, что дом для него строился, но работающие его являлись строить его только по субботам. После имевшему видение было откровение для уяснения видения, что дом этот строился только по субботам потому, что этот муж имел обычай относить в субботний день в церковь блаженного Петра и раздавать нищим то, что из выработанного в прочие дни оставалось от пищи и одежды. (Св. Григор. Двоесл. Изд. 1858 г., стр. 328 и 331.)

7) Было видение св. Мавре: предстал ей чудный муж, лицо его сияло, как солнце; он, взяв ее за руку, возвел на небо, показал ей престол устланный и на нем лежащую белую одежду и прекрасный венец. Она, удивляясь красоте, спросила водившего мужа: «Чье это, господин?» — Он ответил ей: «Это воздаяние тебе за твои подвиги, тебе приготовлен престол, одежда на нем и венец». Он возвел ее еще выше, показал ей другой престол, так же устлан, одежду и венец; опять она спросила его, чье это. — «Твоего мужа Тимофея», — ответил проводник. «А зачем они отстоят один от другого?» — «Великая разница между тобою и твоим мужем: ты от мужа получила увещание на подвиг мученичества, и он виновник твоего венца». (Мая 3 дн.)

8) Однажды праведная Марфа, мать св. Симеона Дивногорца, прибыв к сыну на Дивную гору для прощания с ним, остановилась у него переночевать. В сонном видении она (т. е. душа ее) восхищена была на высоту небесную и видела пресветлую и чудную палату, которую описать невозможно. Когда она ходила по палате сей, увидела там Пресвятую Деву Богородицу с двумя светлыми ангелами. Богоматерь сказала ей: «Что удивляешься?» Она со страхом, с радостью и благоговением поклонилась Ей и сказала: «О, Владычице! — я удивляюсь красоте палаты, ибо во всю свою жизнь не видыва-

ла таких палат». Богородица спросила ее: «Кому, думаешь, она готовится?» — Она: «Не знаю, о, Госпоже!» Богоматерь: «Не знаешь ли, что сей покой тебе уготован, в котором отныне будешь вовеки пребывать: сын твой приобрел его тебе». Богоматерь велела ангелам поставить посреди дивный престол и сказала ей: «Сия слава дарствуется тебе, потому что богоугодно пожила в страхе Господнем»; потом присовокупила: «Хочешь ли видеть еще лучше?» И велела ей за Собою следовать. Они взошли на высочайшие небесные места, где Богоматерь показала ей чуднейшую и пресветлейшую, лучше первой палату, преисполненную небесной славы, которую ум человеческий не может постигнуть и язык — высказать. Богоматерь сказала: «Сию палату создал сын твой для себя и начал строить третью». Богоматерь опять повела ее выше к востоку солнечному и показала ей с высоты райские селения, в которых ликовало множество веселящихся мужей и жен, и сказала: «Сии места сын твой даровал тем, которые живут в соблюдении заповедей Господних, целомудренно и праведно, с усердием творят милостыни, за то от Господа сами сподобятся милости: блажени милостивии» (4 июля, житие Марфы.)

9) В житии прп. Евпраксии девы говорится: «Мать игуменья поведала видение так: я, взяв Евпраксию, приведена была светлыми мужами к некоторым пречудным вратам, они сами отворились; мы вошли внутрь, увидели палату нерукотворенную неописанной красоты и высокий престол; на нем сидел светлый Царь: я не могла войти на средину, а Евпраксию ангелы взяли и привели к Царю, они поклонились Ему и поцеловали Его ноги; я видела там тьмы тем ангелов и бесчисленное множество святых; все стояли и смотрели на Евпраксию; я видела Матерь Божию, Которая взяла Евпраксию за ру-

ку и показала ей чертог прекрасный и уготованный венец, сияющий славою и чистотою, и слышала глас: «Евпраксия! — вот воздаяние твое и покой, ныне возвратись и чрез 10 дней насытишься всех сих бесконечных благ» (июля 25).

10) По смерти Филарета Милостивого один благочестивый муж удостоился видеть нерукотворенную обитель его. Он так рассказывал: «В восхищении я узрел себя в пресветлом месте, где увидел пресветлого и благообразного мужа, который показал мне реку огненную, текущую с таким шумом и страхом, что человек стерпеть не может. По ту сторону реки виден был прекрасный рай, исполненный неизреченной радости и веселия, все то место было наполнено благоухания; прекрасные большие, многоплодные деревья колебало тихим ветром, и было там прекрасно все, что Бог приготовил любящим Его. Там, среди людей в белых одеждах, радующихся и веселящихся и плодами наслаждающихся, я увидел и Филарета Милостивого, но не узнал его; он был в светлой одежде и сидел на золотом престоле посреди садов; с одной стороны предстояли ему дети, державшие свечи в руках, а с другой — теснились нищие и убогие. Явился тут один юноша, светлый лицом, с золотым жезлом в руке, и я осмелился спросить его: «Господин, — кто это сидит на пресветлом престоле среди тех светлообразных мужей, не Авраам ли?» Юноша ответил: «Филарет Амниатский, любитель нищих, честным своим житием подобный Аврааму». Св. Филарет посмотрел на меня и начал тихо звать меня, говоря: «Чадо! прииди и ты сюда, да насладишься сих благ». Я ему сказал: не могу, огненная река возбраняет и устрашает меня, чрез нее путь узок и мост неудобен, боюсь, чтобы и мне туда не попасть. Филарет сказал: «Иди безбоязненно, все этим путем

пришли сюда, и нет иного пути; я помогу тебе», — и простер руку. Я начал было проходить огненную реку без вреда, и, когда подошел к его руке, видение кончилось, и я проснулся, (Ч.-М. 1 дек.)

11) О. Панкратий, инок Афонский, в миру Парамон, был господский человек. В детстве его жестокая госпожа заставляла ходить босиком в глубокую осень, когда уж снег и лед покрывали землю, отчего ноги его стали сильно болеть. Бедный отрок не вытерпел; он тайно убежал от своей барыни и, во что бы то ни стало, решился выбраться за границу и ушел за Дунай, где некоторое время оставался в услужении у русских, тоже переебавших за границу.

Случай прихода Панкратия на Св. гору странен: он был задушевным другом одного из малороссов, который почему-то покончил с собою самоубийством: несчастный удавился. Чувствительный Панкратий был сильно тронут и поражен вечной потерей сердечного друга; он пламенно молился Богу о помиловании несчастного и, видя, как суетна мирская жизнь, бросил ее и удалился на Св. гору. Здесь, в Русике, нашел он желаемое спокойствие духа, несмотря на то, что нога его уж сгнивала от ран, которые были следствием жестокой простуды в детстве. Впрочем, как ни ужасны страдания о. Панкратия, он ликует себе и часто даже говорит мне: «Поверь, что я согласен сгнить всем телом, только молюсь Богу, чтоб избавил меня от сердечных страданий, потому что они невыносимы. Я на тебя иногда смотрю и жалею тебя: ты бываешь временем сам не свой от внутренних волнений. Ох! если сердце заболит — бедовое дело! это адское мучение; а мои раны, будь их в десятеро более — пустяки: я не нарадуюсь своей болезнью, потому что, по мере страданий, утешает меня Бог. Чем тяжелее моей ноге, чем значительнее боль, тем я веселее,

оттого что надежда райского блаженства покоит меня, надежда царствовать в небесах — всегда со мною. А в небесах ведь очень хорошо!» — с улыбкою иногда восклицает Панкратий.

— Как же ты знаешь это? — спросил я его однажды.

— Прости меня, — отвечал он, — на подобный вопрос я бы не должен тебе отвечать откровенно; но мне жаль тебя в твоих сердечных страданиях, и я хочу доставить тебе хоть малое утешение моим рассказом. Ты видал, как я временем мучусь; ох, недаром я вьюсь змеей на моей койке; мне бывает больно, больно тяжело — невыносимо! Зато что бывает со мною после, это знает вот оно только, — таинственно заметил Панкратий, приложив руку к сердцу, — ты помнишь, как я однажды, не вынося боли, метался на моей постельке, и даже что-то похожее на ропот вырвалось из моих поганных уст. Но боль притихла, я успокоился, вы разошлись от меня по своим кельям, и я, уложив мою ногу, сладко задремал. Не помню, долго ли я спал или дремал, только мне виделось, и Бог весть к чему... Я и теперь, как только вспомню про то видение, чувствую на сердце неизъяснимое, райское удовольствие и рад бы вечно болеть, только бы повторилось еще хоть раз в моей жизни незабвенное для меня видение. Так мне было хорошо тогда!

— Что ж ты видел? — спросил я о. Панкратия.

— Помню, — отвечал он, — когда я задремал, подходит ко мне удивительной, ангельской красоты отрок и спрашивает: «Тебе больно, о. Панкратий?» — Теперь ничего, — отвечал я, — слава Богу!

— Терпи, — продолжал отрок, — ты скоро будешь свободен, потому что тебя купил господин, и очень, очень дорого...

— Как, я опять куплен? — возразил я.

— Да, куплен, — отвечал с улыбкою отрок, — за тебя дорого заплачено, и господин твой требует тебя к себе. Не хочешь ли пойти со мной? — спросил он.

Я согласился. Мы шли по каким-то слишком опасным местам; дикие, огромные псы готовы были растерзать меня, злобно кидаясь на меня, но одно слово отрока — и они вихрем неслись прочь. Наконец, мы вышли на просторное, чистое и светлое поле, которому не было, кажется, и конца.

— Теперь ты безопасен, — сказал мне отрок, — иди к господину, который вон, видишь, сидит вдали. — Я посмотрел и, действительно, увидел трех человек, рядом сидевших. Удивляясь красоте места, радостно пошел я вперед; неизвестные мне люди в чудном одеянии встречали и обнимали меня; даже множество прекрасных девиц в белом, царственном убранстве видел я: они скромно приветствовали меня и молча указывали на даль, где сидели три незнакомца. Когда я приблизился к сидевшим, двое из них встали и отошли в сторону; третий, казалось, ожидал меня. В тихой радости и в каком-то умирительном трепете я приблизился к незнакомцу.

— Нравится ли тебе здесь? — кротко спросил меня незнакомец. — Я взглянул на лицо Его: оно было светло; царственное величие отличало моего нового Господина от людей обыкновенных. Молча упал я в ноги к Нему и с чувством поцеловал их; на ногах Его были насквозь пробиты раны. После того я почтительно сложил на груди моей руки, прося позволения прижать к моим грешным устам и десницу Его. Не говоря ни слова, Он подал ее мне. И на руках Его были также глубокие раны. Несколько раз облобызал я десницу незнакомца, и в тихой, невыразимой радости смотрел на Него. Черты моего нового Господина были удивительно хороши; они дышали кротостью и состраданием; улыбка любви

и привета была на устах Его; взор выражал невозмутимое спокойствие сердца Его.

— Я откупил тебя у госпожи твоей, и ты теперь навсегда уже Мой, — начал говорить мне незнакомец. — Мне жаль было видеть твои страдания; твой детский вопль доходил до Меня, когда ты жаловался Мне на госпожу твою, томившую тебя холодом и голодом; и вот ты теперь свободен навсегда. За твои страдания Я вот что готовлю тебе.

Дивный незнакомец указал мне на отдаление: там было очень светло; красивые сады, в полном своем расцвете, виднелись там, и великолепный дом блестел под их эдемской сенью. — Это твое, — продолжал незнакомец, — только не совсем еще готово, потерпи. Когда наступит пора твоего вечного покоя, Я возьму тебя к Себе; пока побудь здесь, посмотри на красоты места твоего и терпи до времени: претерпевый до конца, той спасен будет!

— Господи! — воскликнул я вне себя от радости, — я не стою такой милости! — При этих словах я бросился Ему в ноги, облобызал их; но, когда поднялся, предо мною никого и ничего не было. Я пробудился. Стук в доску на утреню раздался по нашей обители, и я встал тихонько с постели на молитву. Мне было очень легко, а что я чувствовал, что было у меня на сердце — это моя тайна. Тысячи лет страданий отдал бы я за повторение подобного видения. Так оно было хорошо! (Из «Писем Святогорца».)

2. Новый Иерусалим (Апок. 21). Св. Иоанн Богослов изображает рай, или жилище праведных, под видом нового Иерусалима.

1) «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. 2. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, схо-

дящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. 3. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними: они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. 4. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. 5. И сказал сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. 6. И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой. 7. Побеждающий наследует все, и буду его Богом, и он будет Мне сыном. 8. Боязливых же и неверных, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая. 9. И пришел ко мне один из семи ангелов, у которых было семь чаш, наполненных седмью последними язвами, и сказал мне: пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца. 10. И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. 11. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. 12. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов израилевых. 13. С востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. 14. Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати апостолов Агнца. 15. Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. 16. Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий. Длина и широта и высота

его равны. 17. И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и ангела. 18. Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. 19. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями. Основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд. 20. Пятое сардоникс, шестое сардолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хрисопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. 21. А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин. Каждые ворота были из одной жемчужины; улица города чистое золото, как прозрачное стекло. 22. Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель храм его и Агнец. 23. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его Агнец. 24. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. 25. Ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет. 26. И принесут в него славу и честь народов. 27. И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни».

3. Описание святыми отцами блаженства праведников. Самое картинное описание такого рода встречается у Ефрема Сирина, Златоуста и Василия Великого из отцов восточной церкви; у Лактанция и Амвросия Медиоланского из древних отцов и учителей запада. Особенно замечательно по живости и яркости красок описание Ефрема Сирина: оно находится в его знаменитых «гимнах о рае», проникнутых глубоким восторженным чувством его святой души и отмеченных величавой прелестью оригинального высокопоэтического дарования. Рай он называет «Эдемом», «садом», «местом света и блеска», «местом радостей»,

«пристанищем победителей» и т. п. и помещает его «по ту сторону океана, омывающего землю». В раю четыре реки, воды которых подземными каналами проходят на землю и образуют здесь водные потоки. По форме он представляет высокую гору — «превыше всех гор земных» и так обширен по величине, что может вместить всех праведных, — гора разделяется на три отделения: нижнее — от подошвы до середины, средняя часть и вершина горы, над которой обитает сам Бог, — праведные же, переходящие в рай по смерти, размещаются по степеням их заслуг по трем различным отделениям райской горы. Рай имеет врата, которые для вступающих в него служат местом испытания, так как только люди вполне достойные могут проходить через них, а недостойные остаются вне врат, и в этом смысле, по словам Ефрема Сирина, каждый человек обладает ключами рая. В раю среди множества райских деревьев возвышаются — «древо познания добра и зла» и «древо жизни» — последнее Ефрем Сирийский называет «солнцем рая» — его листья всюду распространяют свет, «все деревья райского сада преклоняются пред ним, как пред своим царем», его красота и блеск выше всякого описания. И древо жизни также отличается необыкновенными достоинствами и красотой — под ним и вокруг него цветы, «образующие цельный цветочный ковер», на его ветвях «роскошные плоды», составляющие как бы его прикрытие, «его небо...» Кроме этих деревьев, в раю множество других, множество растений и трав, обладающих необыкновенными свойствами: «число их и блеск превосходит число и блеск небесных звезд», их благоухание подобно целительному бальзаму... Райские сады омываются кристальной водой из роскошных ручейков и источников, протекающих по разным направлениям. Воздух рая Ефрем Сирийский называет «источни-

ком сладости» и говорит, что «все прекрасное в раю соединено в нем — соединено все находящееся вне его»; «он оживляет и услаждает, дает духовную пищу и питье блаженным душам, в нем движутся духи, купаются в нем, для них он — море радостей...» Под нежным дуновением воздуха в раю все цветет и растет: здесь царствует вечная весна. Такова внешняя природа, среди которой пребывают обитатели рая — «сыны света». Их жилища «сотканы из облаков», распространяют вокруг себя необыкновенно приятное благоухание, «окружены цветами и обвешаны драгоценными плодами». По наружному виду эти жилища не все одинаковы: одни выше, другие ниже, одни отличаются большим блеском, другие меньшим, смотря по степеням достоинств и заслуг их обитателей. Все святые и праведные, по отшествии из земной жизни, переходят в рай, и так как, по словам Ефрема Сирина, «Иисус Христос и Его учение — ключ и врата рая», то в числе их первое место занимают апостолы, распространившие на земле слово Божие: «с того дня, когда Святой Дух сошел на апостолов, они уже вступили в рай», — за ними следуют пророки и мученики, потом девственники и девственницы и т. д. В описании блаженной жизни праведных, как в описании райской природы, Ефрем Сирин употребляет также самые яркие краски, хотя в том и другом случае он дает понять, что картинность, или, если можно так выразиться, поэтичность его восточной живописи не следует принимать в прямом, буквальном смысле, отдельно от того высокого духовного содержания, для которого она служит только средством конкретно передать мысль и облечь в живые образы вдохновенное чувство любви к предмету почти недостижимого духовного созерцания — к отечеству всех радостей, надежд и стремлений святых душ. Пребывая в раю, среди роскошной, неопишуемой

природы, праведные наслаждаются обетованным наследием — блаженством райской жизни: «облеченные в одеяние света», они свободны от всяких позывов, страстей и потребностей, неизбежных в земном и телесном существовании, им чужды прежнее горе и страдания земли, как и земные радости: «их блаженство, их пища — хвала Бога, их одеяние — свет, их вид — величие и высота», все в них духовно или одухотворено высшей духовной силой, поставляющей их в ближайшее общение с Богом и с ангелами. Вся их жизнь — беспрестанная хвала и прославление Бога, беспрестанное пение — «свят, свят, свят Господь», почему и самое место их пребывания Ефрем Сирин называет «местом Осанны, или Аллилуия»; они прославляют благодать Божию, и в их устах — реки премудрости, в их сердце — мир, в познании — истина, в испытании — благоговение, в их хвалебном пении — любовь.

Приведенное описание рая у Ефрема Сирина, несмотря на яркий восточный колорит, в существенных чертах безусловно гармонирует с тем общим мнением о местопребывании и о жизни отшедших праведных душ, которое существует с первых веков христианства на западе и на востоке и которое у отцов церкви, у христианских ораторов и поэтов выражалось, как и у Ефрема Сирина, в целом ряде живописных образов и картин, восторгающих чувство и вводящих мысль христианина в горние обители загробной жизни. На западе, кроме Лактанция, Амвросия Медиоланского и других, почти такое же, как у Ефрема Сирина, и притом также высоко-поэтическое описание рая встречается в гимнах его знаменитого современника, Клим. Аврелия Пруденция. Вот, например, какими чертами в одном из своих гимнов он описывает блаженное местопребывание праведных: «Там (в раю), — говорит он, — земля, усеянная ро-

зами и разноцветною травой, разливает благоухание и, орошаемая журчащими ручейками, производит пахучие фиалки и нежные кроки, — там струится бальзам, истекающий из нежных веток, там распространяют благоухание драгоценный киннамон (коричное дерево) и другие редкие растения... Там блаженные души, ступая непорочными стопами по лилиям, оглашают зеленющие поля согласным пением сладостных гимнов».

Сравним эти поэтические изображения с одним из видений в мученических актах свв. Фелицитаты и Перпетуи, древность которых засвидетельствована Тертуллианом. «Четыре ангела, — рассказывает св. мученик (Сатур), — вывели нас из темницы, и вместе с ними направились мы к востоку. Мы поднимались вверх, но не прямо перпендикулярно, а как бы по склону прекрасного и незаметно возвышавшегося холма. Лишь только мы удалились немного от земли, как нас окружило блистание света. Я сказал тогда Перпетуе, бывшей подле меня: «Сестра моя, обетование Господне исполняется: вот то, что Господь обещал нам!» Пройдя еще немного, мы вступили в сад, в котором было множество разного рода цветов: тут были кусты роз, высокие как кипарис, белые и красные цветы которых, движимые дуновением нежного зефира, сыпались и представляли из себя как бы падавший густым слоем пахучий, разноцветный снег... Четыре ангела, еще более блестящие, чем те, которые были с нами, вышли навстречу и приветствовали нас... Мы пошли по этим обширным и прекрасным садам и встретили здесь Секунда, Сатурнина и Артакса, которые пострадали за веру — были сожжены живыми, и Квинта, который умер в темнице также за веру. И когда мы спросили, где находятся другие мученики, пострадавшие за веру, — ангелы сказали нам: войдите и приветствуйте домовладыку этого прекрасного сада... Пред

нами был великолепный чертог, стены которого, казалось, были сделаны из чистых алмазов, — мы вошли в него, и в одной из комнат, которая была несравненно прекраснее и богаче всех других, чрез которые мы проходили, ангелы каждому из нас подали белые одежды, — раздавались голоса, сливавшиеся в единоголосном пении и беспрестанно повторявшие: «святой, святой, святой!» Сатур рассказывает далее, что они были представлены пред престолом Господа Иисуса, «около Которого по правую и по левую сторону, на золотых сидалищах восседали двадцать четыре старца», — Господь принял их в Свои объятия и дозволил остаться «в этих прекрасных местах», пользуясь всем, что находилось в них. «Мы остались, — говорит мученик, — и нашей пищей служило благоухание райских цветов и растений». (См. кн. проф. А. Пономарева *«Собесед. св. Григория Великого о загроб. жизни»*.)

Приложение

Высокие приготовительные условия к блаженству святых.

Суд и прославление святых

1) Люди всех возрастов, положений и наций, от начала сотворения мира до известного одному лишь Богу дня должны будут явиться на суд и услышать свой приговор. Страшный день! Счастливый день! Страшный для тех, которые забыли о пришествии Спасителя своего, — счастливый для тех, которые надеялись и ожидали Его.

Тогда каждый должен будет дать отчет о своей жизни, именно, как он пользовался дарами, полученными

ми от Бога: временем, здоровьем, разумом, благодарностью, скорбями, помощью и внушениями. Грехи юности, забытые грешниками, со всеми частными падениями, откроются пред людьми и ангелами. Они оскорбляли Спасителя Иисуса Христа, не слушая Его слов, оскорбляли Его служителей, преследовали Его последователей; они увидят Его тогда сидящим, как Судию своего. Их совести будут обвинять их и напоминать им об их преступлениях. Куда скроется несчастный грешник? Кто поймет смущающие его сердце мысли? Ни мир, ни его прежние друзья не в силах помочь ему. Было время, грешник, когда Иисус Христос желал спасти тебя, а ты не хотел этого; теперь ты желал бы этого, но Он уже не хочет. Ты напрасно будешь теперь восклицать: *горы, падите на меня и закройте меня от лица Сидящего на престоле и гнева Агнца!* Итак, я требую от тебя, пред Богом и Спасителем Иисусом Христом, Который должен судить живых и мертвых, когда явится в Царстве Своем, серьезно поразмыслить обо всем этом.

Но зачем смущаться тебе, душа смиренная и благочестивая? Спасший Ноя от потопа и Лота при разрушении Содома, забудет ли Он тебя в этот день? *Сумеет Господь избавить благочестивых от напастей и соблюсти грешников для наказания в день суда* (2 Пет. 2, 9). В тот день Он поразит ужасом Своих врагов и покажет Своему народу неизглаголанное счастье. *Тут нет осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, а по духу. Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдает их. Кто осудит, если судия не осуждает* (Рим. 8, 1, 33, 34)? *Исповедующих Меня пред людьми Я исповедую пред Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 32).

Невыразимая радость! Спаситель наш, любящий нас и любимый нами, будет нашим Судией. Христианин! Иисус Христос будет судить тебя, Тот, Который

сошел на землю, терпел, плакал, проливал Свою кровь и умер за тебя, — Тот, Который был судим, осужден и принесен в умиловительную жертву за тебя. И после того, как Он исполнил самую большую часть Своего служения в искуплении, возрождении, освящении и спасении тебя, разрушит ли Он все Свое дело? Торжественность и величие этого дня так представлены апостолом: *Праведно пред Богом оскорбляющим вас воздать скорбию, а вам оскорбляемым — отрадою вместе с нами в явление Господа Иисуса с неба с ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего мщение непознавшим Бога и непокоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа, которые подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его, когда Он придет прославиться во святых Своих, и явится дивным в день оный во всех веровавших, так как вы поверили нашему свидетельству* (2 Фес. 1, 6—10).

2) Другие приготовительные меры к блаженству святых состоят в их торжественном прославлении и участии в Царстве Божием; потому что, как Христос, их глава, был Царем и Первосвященником, так и избранные Его сделаются *царями и священниками Бога* (Апок. 5, 10), чтобы царствовать и всегда петь хвалу Ему. *Венец правды, сохраненный для них, дан будет им в тот день Господом, праведным Судией* (2 Тим. 4, 8). Они были верными до смерти, и за это Он даст им *венец жизни* (Апок. 2, 10). Делая их участниками, Он обратится к ним со следующими словами: *«Хорошо, верный и добрый раб, в малом ты был верен, над многим поставлю тебя; войди в радость Господина своего»* (Мф. 25, 23). Он скажет им следующие утешительные слова: *придите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царство от создания мира* (Мф. 25, 34), — слова, исполненные

жизни и радости. (См. кн. *«Вечное блаженство святых»* Ричарда Бакстра, пер. с франц. Изд. 1882 г.)

Преимущества блаженства святых

Посмотрим далее, какие преимущества соединяются с блаженством святых. Преимущества этого блаженства: это наследие приобретенное, — дар, данный не по заслугам, — дар, преимущественный для святых, — общение со святыми и ангелами, — непосредственное происхождение всех радостей от Бога, наконец, совершенный и вечный покой.

1) Почеть, в высшей степени замечательная по отношению к блаженству святых, — это наследство приобретенное (Еф. 1, 14), т. е. ценою крови Сына Божия. Это самое величайшее выражение любви — отдать жизнь свою за любимых. И какой непрерывной радости мы будем исполнены, когда будем иметь пред глазами непрерывно Иисуса Христа, нашего Икупителя, и в своих сердцах глубокое сознание любви, потерпевшей смерть за нас! С каким восторгом святые будут вечно созерцать своего милосердного Икупителя! Созерцание Его ран любви не откроет наших ран скорби. Тот, Который тотчас после Своего воскресения обратился к бедной грешнице с сими утешительными словами: «Жена, зачем плачешь ты?» — может пробуждать радость и любовь без малейшего признака скорби.

2) Другое преимущество блаженства святых — это то, что оно есть дар Божий. Оно дорого стоит для Христа, но туне даровано нам. Мы получаем и наследуем его даром, без серебра и всякой цены. Каким высоким вечным благоговением должны проникаться святые при мысли об этом даре! Что такого во мне, что Спаситель

удостоил меня такой участи, что облек меня, бедного, жалкого, такой высокой славой, — возвел меня, персть земную, на такую высоту, — что наполнил сердце мне радостью? Кто может измерить эту бесконечную любовь?

Пусть это блаженство было бы даровое и независимое от нашей заслуги, — это уже предмет достойный изумления; но оно дано нам вопреки нашим делам, наперекор тем усилиям, которые мы предпринимали для нашего собственного падения. Каким изумлением будем мы объаты при одной мысли о безмерном расстоянии между нашими делами и даром получаемым! Какую любовь пробудит в нас следующая мысль: «Вот место, куда грех вел меня, и место, куда привел меня Христос! Там смерть, возмездие за мой грех, — здесь жизнь вечная, дар Божий чрез Иисуса Христа, нашего Спасителя».

3) Это блаженство, особенное для святых, принадлежит только им из всех сынов человеческих и обще всем святым. Оно состоит в общении блаженных духов, святых и ангелов, под главенством Иисуса Христа; оно состоит в общении святых во всей своей полноте. Если надежда быть вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Божием пробуждает в нас радость законную, то в большей мере пользование и обладание этим благом будут исполнять нас радостным чувством. Единение с Моисеем, Давидом и всеми искупленными, вечно поющими песнь Агнцу, — видение Еноха, ходящего пред Богом, Ноя, получившего награду за свое благочестие, — Иосифа за свое целомудрие, Иова — за свое терпение, и всех святых, — все это составляет награду за веру их. Мы там не только узнаем наших предков, но и всех святых всех времен, которых мы никогда не знали во плоти; мы узнаем их и будем наслаждаться их при-

существованием. Да и ангелы, подобно святым, будут друзьями нашими. *Радуйся на небе* (Лк. 15, 7—10) о нашем обращении, они возрадуются вместе с нами о нашем прославлении.

4) Еще преимущество блаженства святых состоит в том, что они будут принимать все виды радостей непосредственно от Бога. Теперь христианин знает по опыту, что самые высокие наслаждения суть вместе и самые дорогие, особенно происходящие непосредственно от Духа. Христиане чем более предаются молитве и созерцанию, тем более проникаются жизнью и радостным чувством, потому что они получают все непосредственно от Самого Бога. Это не то значит, что нам можно было бы поэтому пренебрегать проповедью, чтением или всяким другим благодатным средством, установленным от Бога, но, пользуясь этими средствами, христианин должен поставить себя выше их. Есть радость и в этих несовершенных общениях, но полнота ее состоит в непосредственном присутствии Бога. Тогда мы будем наслаждаться светом без светильника и непрерывным днем без солнца. *Город этот не имеет нужды ни в солнце, ни в луне, для освещения своего; слава Божия — свет его, и Агнец — светильник. Не будет там ночи и не будет нужды в свете от светильника и солнца, потому что Господь Бог будет освещать их, и будут царствовать во веки веков* (Апок. 21, 23; 22, 5).

5) Блаженство это будет совершенно. Радость наша будет без всякой примеси печали. В этой пристани мы будем под защитой от волн, обуревающих нас здесь. Мы будем свободны от всего злого, как от греха, так и от скорби. На небе не будет совершенно греха. *Не войдет туда ничто скверное; не будет там предающегося мерзости и лжи* (Апок. 21, 27). Зачем бы Христу умирать, если бы небо могло быть обителью душ несовершенных.

Сын Божий пришел для того, чтобы разрушить дела диавола (1 Ин. 3, 8). Его кровь и Его Дух не должны оставлять нас с нашими сквернами. Христианин! Ты на небе не будешь более грешить; не благая ли это весть для тебя, так долго молившегося и трудившегося, чтобы обезопасить себя от греха? Твои желания будут исполнены; ты освободишься навсегда от этого грубого сердца, этих дурных мыслей, которые преследовали тебя при исполнении почти всех твоих обязанностей.

Там мы будем защищены против всех искушений сатаны. Как горько для христианина, хотя бы он не поддавался искушениям, быть непрестанно возбуждаемым к отрицанию своего Господа! Как прискорбно смотреть на себя, подверженного таким страшным возмущениям, осаждаемого такими нечистыми помыслами, — сомневаться иногда в благодати Божией, унижать жертву Иисуса Христа, сомневаться в истинности писаний, возмущаться против Провидения! Как горько быть возбуждаемым к тому, чтобы обращаться к предметам мира, увлекаться греховными стремлениями, предаваться плотским удовольствиям и иногда даже отрицаться Бога! Как скорбно предаваться этим искушениям, особенно, когда мы сознаем ложное направление своих сердец, знаем, как они легко воспламеняются от прикосновения к одной из этих искр! Сатана может увлекать нас здесь, но для него недоступен святой град.

Так, не будет там места никаким искушениям мира и плоти. О, какими опасностями мы окружены здесь постоянно! Все наши чувства, все члены, все творения являются для нас соблазном. Мы едва можем открывать глаза, чтобы не быть в опасности завидовать высшим нас и презирать низших, желать богатств и почестей каких-нибудь, с гордостью смотреть на отрепья и бедность других. Красота пробуждает в нас зависть, безо-

бразие — отвращение и презрение. Какой постоянной и активной деятельности требуют наши желания! Обладаем ли приятностью и красотой — сколько пищи для гордости! Одарены ли мы рассудком и дарами знаний — сколько поводов к гордости, к искательству похвал и к презрению братьев! Возвысились ли в почете? Сколько искушения к злоупотреблению нашим значением, к признанию законом нашей воли! Оказались ли мы в униженном положении? Как мы начинаем завидовать возвышению других, подвергать их действия собственному осуждению! Богаты ли мы? Сколько гордости! Бедны ли? — какой повод для недовольства! Не Бог служит причиной затруднений для нас в этом, но наша собственная поврежденная природа, и мы сами делаемся для себя вредными. Главное наше утешение в том, что мы будем защищены от всех этих искушений. На небе все соединится, чтобы мы возносили хвалы нашему великому Избавителю.

Будем также покойны от всех наших бедствий. Малозначащим это кажется тем, которые живут в радости и довольстве; но для души, всегда скорбной, это ожидание делает утешительной самую мысль о небе. О, душа моя! Перенеси немощи своей земной храмины: они лишь недолго будут продолжаться; грядущий Искупитель поможет тебе достигнуть цели.

6) Последнюю ступень нашего прославления составляет вечное продолжение этого блаженства, без чего прочее ничего бы не значило. Одна мысль о прерывности его отравила бы все наши радости. Но, о, блаженная вечность, где такие мысли не будут омрачать нашей жизни, такие опасения не будут нарушать наших радостей! О, душа моя! Оставь все прелести настоящего счастья, расстанься с землей, отрешись от плоти, чаще думай и рассуждай об одном слове *вечность*. Почему же?

Жить и никогда не умирать, радоваться и радоваться непрестанно! Счастливыми почитали бы себя осужденные на геенские мучения, если бы они могли надеяться освободиться от них после миллионов веков! Несчастливы были бы святые на небе, если бы они были лишены этого после продолжительности миллиона миров!

Вечный! — пусть грешник вспоминает это слово, и да пробудит оно его от смертного сна; пусть душа благочестивая думает о нем и воодушевляется им среди самой глубокой агонии.

Таким образом я старался открыть пред тобой славу будущего; но как недостаточно мое слово к выражению ее превосходства! Читатель! Если ты смиренный и кроткий верующий, если ты стремишься к этому блаженству всеми желаниями и усилиями, то скоро почувствуешь истину всего этого, скоро убедишься, что все, сказанное мною, выше реальности. А виденное тобою пусть воспламеняет твои желания и пробуждает усилия. Встань и отдайся труду: стремлению, борьбе непрестанной, усилию; пред тобой награда верная и славная. Не предавайся колебаниям, и все будет твое. Сколько людей сделалось бы христианами в жизни и исполнении обязанностей, если бы они всегда помнили об этой славе, представляющейся их мысли! В каком расположении были бы они, если бы их надежды небесные были живы и полны веры! Были ли бы их сердца так невосприимчивы? Искали ли бы они себе утешений на земле? Исцели, Господи, наши плотяные сердца, а то как бы наша неверность не лишила нас этого божественного блаженства. (См. кн. *«Вечное блаженство святых»* Ричарда Бакстра, перев. с франц., 1882 г.)

Глава 7

Загробная участь грешников

1. Видения мук грешников. 1) Один благочестивый воин был при смерти и, возвратившись к жизни, рассказывал: «Я видел темную и мрачную реку, чрез которую был мост; по этому мосту был творим искус, или испытание: кто грешен, тот падал в эту темную и зловонную реку, а кто праведен, тот проходил по нему свободно и беспечно. По ту сторону реки виден был зеленеющий луг, благоухающие травы и цветы, и видны были обители с живущими в них в белых одеждах мужами. Одни обители стояли ближе к реке и мосту, а другие дальше, до одних обителей доходил смрадный запах реки этой, а до других нет. Еще строилась одна светлая обитель, чудная и благодатная, из одних золотых камней, а для кого — неизвестно. Такое было благоухание в том месте, что переходившие чрез то место и жившие тут от одного обоняния и благоухания его насыщались. Близ той страшной реки я видел умершего 4 года уже назад некоего мужа, именем Петра, висящего в страшных тех местах, связанного великими, тяжелыми оковами. Я спросил его: «За что ты так страдаешь?» —

Он ответил: «За то, что, когда мне велено было кого наказывать за преступления, я наказывал не столько из-за послушания, сколько по жестокости и бесчеловечию характера». (Прол. мая 23 дня.)

2) Один расслабленный, изнемогая в духе терпения, с воплем просил Господа прекратить его страдальческую жизнь.

— Хорошо, — сказал явившийся больному ангел, — Господь, будучи неизреченно благ, соизволяет на твою молитву — Он прекращает твою временную жизнь, только с условием: вместо одного года страданий на земле, которыми каждый человек очищается, как золото в огне, согласен ли ты пробыть три часа в адских мучениях? Твои грехи требуют очищения в страданиях собственной твоей плоти, ты должен бы быть в расслаблении еще год, потому что как для тебя, так и для всех верующих нет другого пути к небу, кроме крестного, проложенного безгрешным Богочеловеком. Этот путь тебе наскучил на земле — испытай эти муки только в течение трех часов, а после, молитвами Св. Церкви, ты будешь спасен.

Страдалец задумался: год страданий на земле — это ужасное продолжение времени! лучше же я вытерплю три часа в этих бесконечных муках, — сказал он себе, — чем год на земле.

— Согласен в ад! — сказал он ангелу.

Ангел тихо принял его страдальческую душу и, заключив ее в преисподних ада, удалился от страдальца с словами утешения: «Через три часа явлюсь я за тобой!»

Господствующий повсюду мрак, теснота, долетающие отовсюду звуки отчаянных воплей грешников, видение духов злобы в их адском безобразии — все это слилось для несчастного страдальца в невыразимый страх

и томление. Он всюду видел и слышал только страдание и вопли и ни ползвухи радости в необъятной бездне ада; одни лишь огненные глаза демонов сверкали в преисподней тьме, и носились пред ним их исполинские тени, готовые сдвинуть его и сжечь своим геенским дыханием. Бедный страдалец затрепетал и закричал; но на его крик и вопли отвечала только адская бездна своим замирающим вдали эхом и клокотанием геенского пламени, которое клубилось вокруг трепетавшего заключенника. Ему казалось, что протекли уже целые века страданий; с минуты на минуту ждал он к себе светящегося ангела — но ангела не было. Наконец, страдалец отчаялся в его появлении и, скрежеща зубами, застонал; но никто не внимал его воплям. Все грешники, томившиеся в бездне геенской, были заняты собою, своим собственным мучением, и ужасные демоны в адской радости издевались над мучениями грешников.

Наконец тихий свет ангельской славы разлился над бездною. С райской улыбкой приступил ангел к добровольному страдальцу и спросил о его состоянии.

— Не думал я, чтобы в устах ангельских могла быть ложь, — прошептал едва слышным, прерывающимся голосом страдалец. — Ты обещал взять меня отсюда чрез три часа, а между тем целые годы, целые века протекли в моих невыразимых страданиях.

— Что за годы, что за века? — кротко отвечал ангел. — Час, один только час прошел со времени моего отсутствия, и два часа еще быть тебе здесь.

— Два часа? — в испуге спросил страдалец, — два часа? а это час только протек? Ох, не могу более терпеть, нет силы! Если только можно, если только есть воля Господня, — умоляю тебя: возьми меня отсюда! Лучше на земле буду я страдать годы и века, даже до последнего дня, до самого пришествия Христова на суд — толь-

ко выведи меня отсюда. Невыносимо! Пожалей меня! — со стоном воскликнул страдалец, простирая руки к светлomu ангелу.

— Бог, как отец щедрот и утехи, — отвечал ангел, — являет на тебе благодать Свою, исполняя прошение твое. Но ты должен знать и помнить, сколь жестоки и невыносимы адские мучения. (Извлеч. из «Писем Святогорца», стр. 224, письмо 15.)

2. В чем будут состоять муки грешников? (По учению св. отцов.) Мучения, на которые будут осуждены грешники праведным судом Божиим, слово Божие изображает разными чертами и с разных сторон. Оно упоминает:

1) *Об удалении грешников от Бога и их проклятии.* «Идите от Меня проклятии (Мф. 25, 41), скажет им грозный Судия, — *не вем вас..., отступите от Мене вси делатели неправды*» (Лк. 13, 27; снес. Мф. 7, 21). И это удаление от Бога и проклятие будет для несчастных само по себе величайшим наказанием. «Для имеющего чувство и разум, — замечает св. Иоанн Златоуст, — быть отверженным от Бога значит вытерпеть уже геенну». (На Римл. бесед. 5, стр. 95 по русс. пер.) «Нестерпима геенна и мучение в ней, впрочем, если представить и тысячи геенн, то все это ничего не будет значить в сравнении с несчастьем лишиться оной блаженной славы, возненавиденным быть от Христа и слышать от Него: не вем вас, и обвинение, что мы, видя Его алчущего, не напители! Ибо лучше подвергнуться бесчисленным ударам молнии, нежели видеть кроткое лицо Господа, от нас отворачивающееся, и ясное око Его, не могущее взирать на нас». (На Ев. Мф. бесед. 23, т. 1, стр. 495.)

2) О том, что *грешники будут лишены всех благ Царствия Небесного*, которых удостоятся праведники. Сам Спаситель засвидетельствовал, что, тогда как мнози от

восток и запад приидут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом в Царствии Небесном, недостойные сынове Царствия изгнаны будут во тьму кромешнюю (Мф. 8, 11—12; снес. 22, 13); и, находясь в муках, будут зреть Авраама издалеча и праведников на лоне его (Лк. 16, 23). «Это лишение благ, — рассуждает св. Златоуст, — причинит такую муку, такую скорбь и тесноту, что если бы и никакая казнь не ожидала согрешающих здесь, то оно само по себе сильнее геенских мук может растерзать и возмутить наши души...» И далее: «Многие безрассудные желают только избавиться геенны, но я считаю мучительнее геенны наказание не быть в оной славе; и тому, кто лишился ее, думаю, плакать должно не столько о геенских мучениях, сколько о лишении небесных благ; ибо это одно есть жесточайшее из всех наказание». (Слов. 1 к Феодору папш., в Хр. чт. 1844, 1, 370, 375.)

3) *О месте, куда удалены будут грешники, и об их сообществе.* Место это называется то бездною, страшною и для самих демонов (Лк. 8, 31), то адом (Лк. 16, 22), или землею тьмы вечная, идеже несть света (Иов. 10, 22), то геенною огненною (Мф. 5, 22—28), пещию огненною (— 13, — 50), озером огненным и жупельным (Апок. 19, 20; 20, 14; 21, 8). И в таком-то месте грешники, в продолжение целой вечности, не будут видеть вокруг себя никого, кроме отверженных духов злобы, бывших главной причиной их гибели (Мф. 25, 41). «Кто на земле грешил, — говорит св. Ефрем Сирин, — и оскорблял Бога, и скрывал дела свои, тот будет ввержен во тьму кромешнюю, где нет ни луча света; кто таил в сердце своем лукавство, и в уме своем зависть, того скроет страшная глубина, полная огня и жупела; кто предавался гневу и не допускал в сердце свое любви, даже до ненависти к ближнему, тот предан будет на же-

стокое мучение аггелам». (*«О страхе Бож. и о последн. суде»*, в тв. св. отц. 15, 308.)

4) *О внутренних мучениях грешников во аде.* Тогда исполнится на них во всей обширности слово апостола: скорбь и теснота на всяку душу человека, творящего злое (Рим. 2, 9). Воспоминание протекшей жизни, которую так безрассудно погубили они на порочные дела, непрестанные укоры совести за все когда-либо соделанные беззакония, позднее сожаление о том, что не воспользовались благодарованными средствами ко спасению, тягостнейшее сознание, что уже нет возможности покаяться, исправиться и спастись, — все это будет терзать несчастных непрестанно. «Те, — пишет св. Василий Великий, — которые делали зло, воскреснут на поругание и стыд, чтобы увидеть в самих себе мерзость и впечатление соделанных ими грехов. И может быть, страшнее тьмы и вечного огня тот стыд, с которым увековечены будут грешники, непрестанно имея пред глазами следы греха, сделанного во плоти, подобно какой-то невыводимой краске, навсегда остающейся в памяти душ их». (*«Бесед. на пс. 33, 6, в тв. св. отц.»* 5, 293.)

5) *О внешних мучениях грешников во аде.* Эти мучения представляются в Св. Писании под образами червя неумирающего и гораздо чаще огня неугасающего. Христос Спаситель, предохраняя нас от соблазнов, сказал, между прочим: «Аще нога твоя соблазняет тя, отсецы ю: добрее ти есть внити в живот хрому, неже две нозе имущу ввержену быти в геенну, во огонь неугасающий, идеже червь их не умирает, и огонь не угасает» (Мк. 9, 45—46); в притче о богатом и Лазаре заметил, что богатч, находящийся по смерти своей во аде, страждет во пламени (Лк. 16, 24), и на всеобщем суде произнесет грешникам: «Идите от Мене проклятии во огонь вечный» (Мф. 25, 41).

Св. Иоанн Дамаскин говорит об этом адском огне так: «Грешники преданы будут огню вечному, не такому вещественному, какой у нас, но такому, какой известен одному Богу». (*«Точ. изл. прав. веры»*, кн. 4, гл. 27.)

«Услышав об огне, — говорит св. Иоанн Златоуст, — не думай, будто тамошний огонь похож на здешний: этот, что захватит, сожжет и изменит на другое, а тот, кого однажды обымет, будет жечь всегда и никогда не перестанет, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бессмертием — не в честь, но чтобы быть всегдашним напутием тамошнего мучения: а сколько это ужасно, того и представить ум никогда не может; разве из опытного познания маловажных бедствий можно получать малое понятие о тех великих мучениях». (Св. Иоанн Златоуст. *«Слово 1-е к Феодору папашему»*.)

«О, коль страшен тот огонь, которого и сам сатана трепещет! — восклицает св. Димитрий, митрополит Ростовский. — Если для бесов бездна геенская страшна, кольми паче для людей должна быть ужасна и трепетна. Если и здесь огненная казнь, на которую когда человек бывает осужден, страшна, то несравненно страшнее то наказание, которое последует в геенне огненной. Бесы не боятся здешнего огня так же, как и мы не боимся огня, изображенного на доске, (на картине), — а геенского огня трепещут. Этот огонь сожигает только телесное вещество, а тот жжет и мучит и бесплотных духов. Этот огонь, при недостатке горючего вещества, угасает; а геенский никогда не угаснет, по свидетельству Самого Господа: «червь их (грешников) не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9, 45). Здешний огонь, когда горит, светит, а пламя того огня, когда горит, только жжет, но нисколько не освещает тьмы внешней; а если бы сколько-нибудь и осветило, то для

большого страха и трепета осужденных — для того, чтобы видеть мучимые лица грешников, с которыми в жизни сей грехами своими вместе прогневали Господа. Здешний огонь, объяв человека, вверженного в него, тотчас умерщвляет и в один час сожигает и обращает в пепел; а тот, геенский огонь, жжет, но не умерщвляет: грешники, вверженные в геенский огонь, не умрут, будучи жегомы и мучимы вечно. И если один час быть в огне мучение великое и нестерпимое, — помыслим, сколь ужасно будет мучение тех, которые будут гореть и не сгорать в бесконечные веки!» («Летопись», об огне геенском, стр. 122—123.)

6) *О следствиях всех этих мучений, внутренних и внешних*, каковы: плач и скрежет зубов, отчаяние, гибель вечная. Там будет плач и скрежет зубом, не раз повторял Спаситель о геенне (Мф. 8, 12; 13, 42, 50; 25, 30). «Когда отойдем туда, — рассуждает св. Златоуст, — то, если покажем и самое сильное раскаяние, никакой уж не получим от того пользы; но, сколько ни будем скрежетать зубами, сколько ни будем рыдать и молить тысячекратно, никто и с конца перста не капнет на нас, объятых огнем: напротив, мы услышим то же, что и евангельский богач, — что пропасть велика между нами и вами утвердися (Лк. 16, 28). Будем скрежетать зубами от страданий и мук нестерпимых, но никто не поможет. Будем крепко стенать, когда пламень сильнее станет охватывать нас, но не увидим никого, кроме мучимых вместе с нами и кроме великой пустоты. Что сказать о тех ужасах, которые мрак будет наводить на наши души?» (Сл. к Феод. папш. 1, в «Хр. чт.» 1844, 1, 361. 366—367.)

Св. Антоний Великий говорит: «Что означают плач и рыдание, как не величайшее сожаление о грехах? Тогда начнем негодовать на самих себя, раскаиваться, скре-

жеща зубами... когда покаяние не будет иметь места» (*Отечн. еп. Игн.*, стр. 2).

Сделаем и здесь сравнение. Вот у нас разрывается сердце, когда мы слышим громкий плач только лишь нескольких несчастных лиц (например, когда мать и дети плачут на могиле своего мужа, отца): что же сказать о плаче, столах и скрежете зубовном, которые будут исходить от множества людей? Каждый из мучимых грешников и сам будет испускать плачевные стоны, и кругом себя будет слышать тот же плач.

Приведем здесь пример из современной жизни, который сделался известен по особенному Божию откровению. Одна благочестивая женщина девять дней была в загробном мире, а потом чудесно ожила. Ей были показаны рай и ад. Когда после рая она была низведена во ад, то «услышала здесь такой вопль, та́кой стон, что описать невозможно». Поэтому она крепко стала молить Бога, чтоб милосердный Господь возвратил ее к жизни для покаяния. (*«Церк. вест.»* 1884 г. №21.)

3. Огонь неугасающий. Что такое огонь неугасающий? — Прямого ответа на этот вопрос мы не находим ни в Св. Писании, ни в учении церкви. Поэтому св. Иоанн Дамаскин об огне адском выражается так: «Грешники преданы будут огню вечному, не такому вещественному, какой у нас, но такому, какой известен одному Богу». И блаженный Августин: «Каков огонь, какого рода и в каком месте вселенной, того, думаю, никто из людей не может знать, кроме разве того, кому откроет Дух Божий».

Как ни трудно уразумение этого предмета, но мысль человеческая, ищущая разгадки всего таинственного, не оставила совсем не затронутым решение занимающего нас вопроса. Решение его двояко: одни думали и думают, что огонь неугасающий и червь неумираю-

щий могут быть понимаемы в смысле переносном, как символы жесточайших адских мучений, что червь выражает преимущественно внутренние угрызения совести, а огонь — страшные мучения внешние. Так думали: Ориген, Амвросий, Иероним и Августин; так думали и думают и прежде и теперь многие, пытавшиеся определить таинственный предмет. Другие, напротив, понимают слова Писания совершенно буквально, иллюстрацией чего могут служить картины Страшного Суда, на которых мучающиеся в аде представляются горящими в пламенеющих кострах, зацепленные железными крюками — кто за язык, кто за бок, кто за ноги, или сидящими в котлах с кипящею смолою, или стоящими на раскаленном железе. Большинство христиан, особенно из низшего, необразованного или малообразованного класса, смотрит, кажется, на адские мучения именно так, а не иначе.

Из этих двух взглядов на адские мучения Церковь не приняла первого, хотя он высказывался и высказывается лицами высокого образования, оставляя его в ряду частных мнений. Да и не могла Церковь принять его, так как крайности не свойственны точному учению православной веры; а таковое, без ущерба истине, не может принимать слов Христовых об адских мучениях за метафору: Христос много раз с точностью и определенностью говорит, что мучениями грешников во аде будут — огонь и червь. Апостолы говорят то же. Общий голос церкви таков же. Этот голос преосвященнейший Антоний в своем Догматическом богословии сокращенно выражает так: «Множество свидетельств Священного Писания, очевидно, не оставляет никакого сомнения в том, что огонь геенский должно понимать не в каком-нибудь переносном смысле, или иносказательном, а в смысле собственном».

Не придавая значения точного учения первому взгляду на адские мучения, оставляя его в ряду частных мнений, Церковь тем более не может принять последнего, как переводящего на будущую обновленную жизнь грубые понятия теперешней жизни, скрывающие от наших очей высокий образ любвеобильного Бога христианского. Грубые понятия об адских мучениях могут быть приличны религиям, составляющим произведение человеческого ума, и людям, мыслящим в духе таких религий. Такие понятия ничем не выше магометанского учения об аде, которое, по Корану, таково: «Какое страшное жилище (геенна)! Когда грешники будут ввержены (туда), то услышат ее рыкающею, а огонь загорится с силой. Ад чуть не треснет от ярости». — «Кожа мучающихся истребится огнем, но мы оденем их другою, чтобы заставить их испытать наказание». — «Мы заставим его (грешника) жариться на огне сакара (адского огня). Он ожигает тело человека. Он не оставляет ничего, не истребив, не оставляет ничего целым, ничему не дает скрыться». — «Осуждаемый на жилище в огне, имея тело сверху покрытым слоями огня, будет напоен кипящей смолой, которая изорвет ему внутренности; он покроется вонючей водой». «Нечестивые еще будут накормлены деревом Цаккум. Это дерево растет из глубины ада; его вершины как будто демонские головы. Отверженные будут им питаться и наполнять желудок». «Сверх того увидим их обремененными по рукам и ногам цепями. Их туники будут из смолы, огонь покроет их лица, потому что Бог распределяет каждую душу по делам ее». Эти буквальные выдержки из Корана не оставляют никакого сомнения в том, что магометанство понимает адские мучения в грубо-чувственном смысле.

Если же ни один из двух приведенных взглядов на

адские мучения не может быть принят за точное учение веры православной, а Церковь сочла за лучшее оставить вопрос об адском огне без определенного ответа, который, по выражению блаженного Августина, ведом только Духу Божию и тому, кому благоволит открыть этот Дух, то не следует ли, ввиду молчания Церкви и замечания блаженного учителя оной, отказаться от уяснения довольно нелегкого для понимания предмета? Следовало бы, если бы Дух Божий Сам не поднимал завесы, прикрывающей будущее от наших глаз. Заглянем же за эту завесу, насколько она приподнята Духом Божиим верующим во Христа и принимающим с благоговением к Его Божественному слову, к учению Церкви и к книге природы. Что же читаем в этих органах вещаний Духа Божия?

Слово Божие, говоря об огне геенском, усваивает ему странные, по-видимому, свойства. Оно, во-первых, называет его огнем неугасимым; во-вторых — огнем, опаляющим свои несчастные жертвы и никогда не сожигающим их; в третьих — огнем, в котором не будет ни луча света, который будет непроглядною тьмой. На этих чудных свойствах адского огня, как свойствах, заслуживающих особенного внимания размышляющих о нем, останавливались многие отцы и учителя Церкви, например: Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Августин, Тертуллиан, Минуций Феликс, Лактанций, Василий Великий и др. Последний, например, говорит: «Тамошний огонь будет огонь несветлый, который во тьме содержит попадающую силу, но лишен светозарности», в котором, по Ефрему Сирину, «нет ни луча света», который совсем не похож на настоящий: этот, что захватит, сожжет и изменит на другое, а тот, кого однажды обмет, будет жечь всегда и никогда не перестанет, почему и называется неугасимым», — говорит святой Злато-

уст. Лактанций пишет: «Этот (адский) огонь будет весьма отличен от употребляемого нами огня. Наш огонь потухает, как скоро не достает топлива для поддержки его; но огонь, который Бог возжжет для казни нечестивых, будет огнем, не имеющим надобности ни в каком топливе; он будет без дыма, будет чист и жидок, как вода, не будет подниматься вверх, как наш огонь, которого земляные части и грубые испарения принуждают подниматься к небу неровными и нестройными волнами. Этот огонь будет иметь силу вместе и жечь нечестивых, и сохранять их; ибо, служа сам для себя пищею, он будет уподобляться баснословному коршуну, которой гложет Тития, не умерщвляя его, как то поэты повествуют. Он будет жечь и мучить тела, не истребляя их. — Те, которых добродетель будет совершенна, нисколько не коснутся этого огня, потому что будут иметь в себе силу, от него их устраниющую. Огню этому Бог дарует власть мучить преступных, но щадить непорочных». И нельзя мыслящей душе не остановиться вниманием на свойствах адского огня! В природе, нам известной, мы знаем огонь угасающий, огонь истребляющий вещи, подвергающиеся его действию, огонь, в обыкновенном виде сопровождающийся пламенем. Разница, очевидно, громадная. Как же понимать чудные свойства адского огня и какое составить понятие о нем?

Ключ к разрешению этого вопроса мы думаем найти в словах Самого Иисуса Христа, заимствуемых из Его притчи «о богатом и Лазаре». В этой притче, известной всякому христианину, внимательному к слову Божию, — говорится, что богатый, находясь в аде, в муках, увидел вдаль от себя Авраама и Лазаря на лоне его и, возгласив, рече: *отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой: яко стражду в пламени сем. Рече же*

Авраам: чадо, помяни, яко восприял еси благая в животе твоем, и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страждеши. Из этих слов притчи прежде всего видно, что мучение богача в геенском огне состоит в теснейшей, внутренней связи с земной его жизнью: *помяни, яко восприял еси благая в животе твоем*, — говорит ему Авраам; в замен чего — *ныне страждеши*. — Что же это за *благая*, *яже* богатый *восприял в животе Твоем*? Во время земной своей жизни, — как сказано в начале притчи, богатый каждый день пиршествовал блистательно: *по вся дни веселяся светло*. После такого рода земной жизни какой род мучения выпал на долю богача? У него опалается нестерпимо жгучим огнем гортань; для нее просит прохлаждения у Авраама несчастный страдалец. Чем грешил он во время земной своей жизни, то и опалается адским огнем; страдалец был сластолюбец, и страдает у него орган сластолюбия, язык; страдалец любил на земле искусственный, изысканный способ удовлетворения своего вкуса, — в аде видит единственное средство к прохлаждению этого органа чувств в самом естественном предмете утоления жажды, в воде; он говорит: *отче Аврааме, послѣ Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой: яко страдаю во пламени сем*. Чтобы геенский огонь опалил все тело страдальца, этого из притчи не видно.

Какое же понятие об адском огне, имеющем опалять нераскаянных грешников, следует из притчи Христа Спасителя? — Приточный страдалец горит в огне своей земной страсти; огонь получает свою пищу в искусственности, изысканности, ненормальности употребления грешившего органа; источник прохлаждения для него усматривается в самом простом, естественном предмете, назначенном для удовлетво-

рения опаляемой части тела; словом — *ими же* страдалец *согрешал, сими и мучится*.

Отсюда так естественно следует, что всякий нераскаянный грешник будет опаляться в геенне огнем своей страсти, опаляться настолько, насколько органы страсти уклонялись от естественного употребления их к неестественному, от простого к искусственному, от нормального к ненормальному, от законного к незаконному; эта ненормальность, эта незаконность и будут очагом адского огня, который мог бы быть погашен только тем, что составляло простой, безыскусственный, нормальный, законный способ удовлетворения грешивших органов, но поздно. Каждый из отходящих в геенну будет вопиять подобно приточному страдальцу: *стражду в пламени сем*, в пламени моей земной страстной наклонности. В этом источнике будет заключаться и разнообразие адского огня для разного рода грешников, о чем святой Ефрем Сирин говорит так: «иначе мучится прелюбодей, иначе убийца, иначе вор и пьяница» и т. д..

Чтобы вывод, извлеченный нами из притчи Спасителя, получил основательность и понятие об адском огне — большую определенность и ясность, обратимся за разъяснением занимающего нас предмета к книге природы и прочитаем в ней необходимое для нас при помощи науки. Это необходимое будет относиться к обстоятельнейшему рассмотрению устройства нашего тела, насколько оно имеет значение в нашей нравственной жизни. Что же мы черпаем из этого источника?

а) «По всему нашему телу, везде, где только есть признаки ощущения и движения, распространяется сеть нервов, получающих свое начало в центрах нервной системы — головном и спинном мозгу, находящихся в костяных хранилищах».

б) «Нервные нити сами по себе не обладают ни силою возбуждаться и действовать, ни способностью чувствовать, мыслить и хотеть, но посредством их, и не иначе, душа управляет всеми жизненными отправлениями, они не что иное, как бессознательные проводники возбуждений, которые производятся душою или получаются ею от внешнего мира. Когда порыв какой-нибудь страсти волнует душу человека, тогда возбужденное состояние ее сообщается нервной системой, как телеграфными проволоками, всем членам человеческого тела».

в) «Нерв, возбуждаемый душою к известной деятельности, от частого повторения одних и тех же действий, не только легче выполняет эти действия, но может получить и нередко получает к ним физическую наклонность, дает чувствовать эту наклонность душе, которая ощущает нервный организм с его особенностями и теми физическими наклонностями, которые в нем установились от частого повторения той или другой деятельности. Таким образом, сначала нам нужно употреблять значительное напряжение сознания и воли, чтобы дать то или другое направление той или другой деятельности наших нервов, а потом мы принуждены бываем употреблять такое же усилие сознания и воли, чтобы противодействовать наклонности нервов, которую мы сами же в них укоренили: сначала мы ведем свои нервы, куда хотим, а потом они ведут нас, куда, быть может, мы совсем не хотим идти». «Правда, сознание и воля всегда остаются при нас и, как бы сильно ни было влечение нервного организма в каком-нибудь направлении, мы всегда можем противодействовать ему, но дело в том, что, тогда как сознание наше и воля действуют почти моментально, урывками, нервный организм, со своими наклонностями и привычками, влияет на нас

постоянно. Как только воля наша ослабнет на мгновение или сознание займется другим предметом, так нервы и начинают подталкивать нас на тот образ действия, к которому они привыкли, и «мы, по выражению Рида, увлекаемся привычкою, как потоком, когда плывем, не сопротивляясь течению». Только напряженное внимание к самому себе и время могут изменить настроение нервного организма».

г) Опыты показывают, что один и тот же нерв может порождать только одного рода ощущения, хотя и в различной степени. Мы, например, заметно устаем живо представлять себе, т. е. выражать в нервных движениях какую-нибудь одну картину, так что картина эта, несмотря на все усилия нашей воли, начинает бледнеть все более и более, тогда как в то же самое время мы можем представить себе живо другую картину. Но пройдет немного времени, и мы можем представить себе прежнюю с прежней живостью».

д) Из этого пояснения о способности известного рода нервов производить только известную работу поясняется новое положение: «нервы от деятельности устают, но, отдохнув, снова продолжают свою работу». Об этом свойстве нервов заметим себе следующее: «правильная смена утомления отдыхом составляет нормальную деятельность нервов и дает себя чувствовать всему существу человека хорошо. Но когда нервы выведены из своей нормальной деятельности, то как бы перестают уставать, продолжают работать с необыкновенной энергией и часто мучат нас своею непрощеной деятельностью. Ненормальная деятельность раздраженных нервов, повторяясь часто и продолжаясь долго, истощает силы тела — это общеизвестный факт».

е) Если же ненормальная деятельность нервной системы и всегда сказывается болезненно, то не можем из

опыта не видеть, что такая болезненность с большею силою заявляет себя в ненормальном раздражении нервов противозаконными, безнравственными поступками людей. Возьмем для примера распутство: до чего доводит оно предающихся ему? — При продолжающемся удовлетворении страсти, т. е. при гашении пожара маслом, жертвы распутства не всегда замечают опасность своего положения. Впрочем, и при этом дело доходит иногда до такого неестественного настроения нервного организма, при котором жертвы страсти являются фуриями, выходящими из границ всякого приличия. А что, если бы они вздумали остановиться от своих страстных подвигов? О, тогда они испытали бы то, что испытала Мария Египетская, со всею добросовестностью исповедавшая греховные деяния своей жизни, незадолго до своей смерти. Она говорит: «седьмнадцать лет пребых в пустыни сей, яко со зверьми лютыми, с моими безумными похотьми борющихся: егда бо пици вкушати начинах, желах мяс и рыб, яже ми бяху во Египте. Желах же и пития вина, вожделенного мне: много бо вина пях в мире сущи: бываше же ми и желание блудных песней, зело смущающее и понуждающее мя пети песни бесовские, имже навыхох». При этом «огнь внутрь сердца моего страстного возгарашеся и всю отвсюду опаляше мя, и к желанию смещения понуждаше... И тако скончах седьмнадцать лет, бесчисленные беды пострадавши». Из этих слов преподобной Марии для нас важно ее признание в том, что ее нестерпимо опалял огонь привычных страстей с прекращением удовлетворения их. Эти слова признания дают нам возможность понять, что и все фурии сладострастия потому и являются фуриями, что горят в огне своей страсти, возжженном ими самими и поддерживаемом непрекращающимся удовлетворением страстных требований. Да едва ли не испыты-

вал внутреннего горения и всякий, кто состоял когда-нибудь под влиянием сильно возбужденной плотской страсти. — Прислушаемся также к заявлению горьких пьяниц, когда им отказывают в рюмке водки на похмеле. По собственному признанию этих несчастных, они сгорают внутренне опаляющим их огнем. Это признание пьяниц св. Василий Великий выражает так: «в утробах безмерно пьющих вино горит пламень, который погасить они не в состоянии. О таких людях пророк Исаия проливает слезы, говоря: *горе восстающим завтра, и сикер гонящим, ждущим вечера: вино бо сожжет я*».

Что сказано об одних страстях, то же бывает и при всех с наступлением невозможности удовлетворять им; что на высшей степени ненормального раздражения нервов сказывается так наглядно, то же совершается и на низших степенях, только в меньшей мере. Св. Василий Великий говорит: «Живущие страстно имеют собственный огонь страстей, как и богач имел внутри себя причину, которая палила его жаждою». Или: «Сами себя приуготавливаем к тому, чтобы стать годными к сожжению, и, как искры огненные, возгнетаем в себе душевные страсти для возгорания геенского пламени, как и палимый жаждою в пламени богатый». Или еще: «Сладостное для тебя в настоящем будет иметь горький конец; это, ныне от удовольствия происходящее в нашем теле, щеготание породит ядовитого червя, который будет бесконечно мучить нас в геенне, и это раздражение плоти будет матерью вечного огня».

ж) Что же сказать об этом огне, жгущем людей, приводящих свой нервный организм в ненормальное страстное раздражение: есть ли этот огонь метафорическое выражение болезненного, мучительного состояния организма под влиянием страсти или это действительный огонь? Приходится, отстранив всякую мысль о ме-

тафоричности, сказать: да, это действительный огонь, а не огонь, в переносном смысле понимаемый. — Объяснимся. — Мы сказали, что уставшие нервы, отдохнув, опять являются способными к деятельности. Что же делается с ними во время отдыха? В чем сущность отдыха? — Во время его в нервы поступают новые материалы из питательного процесса вместо израсходованных, материалы, пополняющие убыль и, — вследствие того, возобновляющие крепость и силу уставшего организма. — Что же это за расходуемый материал, восполняемый из питательного процесса? — Это электричество, присутствие токов которого в нервах положительно доказано Дюбуа — Раймоном и принято наукою как факт, уже не подлежащий сомнению. При нормальной деятельности нервов во время отдыха в них поступает нового материала столько, сколько нужно для продолжения таковой деятельности. Но если известный отдел нервов раздражен ненормально, если, потому, количество электричества, притекающего из питательного процесса, не может соответствовать силе и напряженности возбужденных нервов, то этот недостаток восполняется из наличных средств организма таким образом: наука, на основании опыта, говорит о взаимосвязи между всеми физическими силами, по которой одна из них может переходить в другую: движение в тепло, тепло в движение, то и другое в электричество, электричество в магнетизм и т. д. Отсюда становится понятным, что чрезмерно, ненормально раздраженные нервы могут превращать в необходимое для них электричество другие силы, потребные для других отправлений организма, вследствие чего, как сказано выше, и бывает истощение тела при ненормальной деятельности нервов того или другого отдела.

Сопоставив все сказанное о нервном организме и

зная, что люди воскреснут в том же самом теле, в каком теперь живут на земле, в том же, хотя оно явится по воскресении в обновленном виде, теле, с той же нормальностью или ненормальностью отправления, какая выработана в нем душой на земле и которая, потому, окажется сродною ей и по воскресении, — сопоставив все это, мы полагаем, что будущий адский огонь будет огонь не метафорически понимаемый, но огонь действительный, материальный, только огонь, не совне опаляющий грешника, но жгущий его изнутри, тот самый, который составляет основу жизнедеятельности нервного организма, огонь электрический. При чрезмерной, ненормально раздраженной деятельности нервов, служивших той или другой греховной наклонности, количество этого огня явится в них несравненно больше того, чем сколько следует для нормального состояния организма, явится на основании перехода сил одной в другую, вследствие их взаимодействия. Увеличение количества огня в греховно настроенных нервах и сделает то, что человек будет гореть именно в огне своей страсти, гореть тем сильнее, чем значительнее ненормальное раздражение нервов, чем обильнее, потому, будет переход сил страдающего организма в электричество ненормально раздраженных нервов. Этот огонь будет жечь человека — грешника, но не сожжет, потому что он (огонь) есть самая основа жизнедеятельности нервного организма, будет гореть и никогда не угаснет по той же причине, подробнее разъясняемой немного ниже, будет гореть, но не светить, даже скорее отуманивать сознание человека, вследствие своей невыразимо мучительной жгучести. Чтобы гореть человеку в этом огне, не нужно ни пламенеющих костров, ни прислуги, возжигающей костры и поддерживающей силу пламени новым горючим материалом вместо израсходован-

ного, ни кипящих котлов со смолою, ни других каких-либо орудий казни грешников. С этим огнем, куда бы ни был помещен нераскаянный грешник на жительство, везде будет мучиться, хотя бы даже поместили его в рай, по прекрасному выражению покойного высокопреосвященнейшего Иннокентия.

В настоящее время излишнее количество огня в ненормально возбужденных нервах уменьшается чрез разного рода органические выделения, следствием чего бывает усталость нервов, а не жжение их привлеченным в излишестве огнем, — хотя и теперь, как сказано выше, как бы в показание будущего огня, бывают случаи горения в огне страсти. Теперешние выделения ненормально возбужденного огня, носящие на себе печать нравственного повреждения, образуют нравственно растленную атмосферу, растлевающую мир и подготовляющую материал для огня, имеющего преобразовать и обновить вселенную, о чем будет речь ниже. Но когда мир преобразится и обновится, когда в пределы его, по Писанию, не может уже войти ничто скверное и нечистое, не может, иначе снова нарушилась бы гармония природы и явилась бы не соответствующей блаженному состоянию праведников, тогда выделения ненормально возбужденного и излишне накопленного внутреннего огня грешников не будет, следовательно, не будет и усталости нервов, тогда внутренний огонь останется безысходно в своем внутреннем очаге и составит для собравшего его мучение неослабевающее, непрекращающееся, вечное, всегда равное самому себе.

Этот огонь, как плод нарушенного равновесия сил, привлеченных в излишестве к ненормально настроенным нервам, в ущерб другим, естественным образом и необходимо произведет физическое безобразие в организме, которое увеличится еще из-за болезненных по-

трясений внутренно горящего страдальца. Пояснение на это можем привести из явлений теперешней жизни, со слов св. Василия Великого. Этот святой отец, изображая состояние гневающегося человека на высшей степени раздражения, говорит: «У тех, кои желают мщения, в сердце кровь кипит, как от огня, волнуясь и шума; выйдя же наружу, в ином образе гневающегося показывает: очи гневающихся свойственные и обыкновенные не познаются; взор свиреп и огневиден; они зубы остряют, как свинии во время ярости; лицо синее и кровавое, голос жесток и паче меры напряжен, слова не ясно, безрассудно, не подробно, ниже благочинно и благознаменито произносимые. Когда же неисцельно, как пламень от многого подгнета, разжжется человек, тогда можно видеть позорище еще большее, кое ни словом объяснить, ни делом показать нельзя». Если же человек так сильно обезображивается от внутренне действующего огня страсти теперь, когда равновесие сил может снова восстановиться, то что будет с прекращением этой возможности? Естественно заключать, что степень безобразия обнаружится тогда в несравненно большей мере.

Пояснение на то, что адский огонь останется безвыходно внутри страдальца, а вследствие своей безвыходности — без возможности прохлаждения адского жжения, можно находить в следующем церковном повествовании. Из этого повествования усматриваем, что язвы, мучающие грешника во аде, сокрыты от всего окружающего, — что выражается покрывающей их одеждой, — и, если делаются заметными для принимавшего откровение тайны о загробной жизни, то только по особому устройству Божию, для вразумления нерадящих о своем спасении. Повесть эта передается так: «Двое друзей вошли в храм Божий, и как раз попали на трогатель-

ное, сильное истинами и сладостию речи слово проповедника, который доказывал спасительность самоотвержения и всю опасность мирской суетности. Один из них так тронут был силою этого слова, что его сердце не выносило упреков потрясенной совести и теплоты умилившихся чувств: он горько плакал о своем положении и в этих горючих слезах души кающейся дал обещание Господу — разлюбить все и пойти в монахи; напротив, другой был совершенно в ином расположении. Вместо того, чтобы убедиться справедливостью слова Божия и, при искренности покаяния, решиться исправить свое развращенное сердце, он ожесточился и жестоко издевался над евангельскими истинами. Эти друзья в церкви еще расстались между собою духом, а по выходе из нее — и телом: один, действительно, раздал все имение свое нищей братии и сделался монахом, а другой жил роскошно и в точном исполнении сердечных прихотей, как евангельский богач, *веселяся по вся дни светло*. Случилось, что монах пережил мирянина, и когда этот последний скончался, друг его пожелал узнать положение загробной судьбы его, и в этом желании искренно и с верою молился Господу Богу, предоставляя Его святой воле исполнение своей детской молитвы. Бог услышал его, и чрез несколько дней в тонком сне ему является умерший друг его. — «Что, братец, каково тебе, хорошо ли?» — спросил обрадованный видением монах. — «Ты хочешь знать это? — со стоном отвечал мертвец. — Горе мне, бедному! Червь неусыпающий точит меня и не дает покою целую вечность». — «Что ж это за мучение?» — продолжал вопрошать монах. — «Это мучение невыносимо, но делать нечего: нет возможности избежать гнева Божия. Мне теперь дана свобода ради твоих молитв и, если хочешь, я тебе покажу мое мучение, только совершенно ли хочешь ты видеть и чувствовать то, или

отчасти? Вполне моего мучения ты не можешь вынести, итак, некоторую часть испытай и виждь...» — При этих словах он приподнял подол своего платья по колено, и — ужас и невыносимый смрад так поразили все чувства спящего, что он в то же мгновение проснулся... Вся нога, которую открыл ему друг его, была покрыта страшным червем, и от ран его выходил такой зловонный смрад, что нет слова и пера для выражения того... И этот адский смрад так охватил келью и монаха того, что он едва мог выскочить из нее, не успев даже захлопнуть дверь за собою, отчего смрад не переставал распространяться на весь монастырь; все кельи переполнились им, и переполошенные иноки не понимали, что это значит... В течение долгого времени этот адский воздух не исчезал, и братия поневоле должны были оставить монастырь и в другом месте искать себе приюта, а друг покойного не мог ничем и никак избавиться от раз испытанного зловония, ни омыть, ни заглушить ароматическими эссенциями этого запаха».

О замкнутости внутри страдальца адского огня и невозможности ослабления адского жжения говорит и Св. Писание в приведенной нами притче Христа Спасителя «о богатом и Лазаре». Несчастный страдалец опалается огнем своей страсти, действующим внутри его, и ни в чем не находит облегчения своему мучению. В этой невозможности и заключается вечная отделенность ада от рая, или, по евангельскому выражению, *пропасть велика*, которой никому нельзя перейти.

Слабое подобие состояния страдающих в адском огне можно видеть на земле в людях, страдающих горячкой. Все мы по опыту знаем, что правильное распределение теплоты в организме, соединенное с правильным и своевременным выделением всего излишнего, производит приятное ощущение, составляет удовольствие

для организма. Но лишь только организм станет в ненормальное положение, лишь только поры его, вследствие какой-нибудь причины, закроются для испарения, что тогда происходит в человеке? Внутренний огонь, благодетельно согревавший его, начинает мучительно жечь; жжение этого огня заметно и для окружающих больного. При этом горении пламени однако нет; тьма огня увеличивается помрачением самого ума, при котором страждущий мечется во все стороны, готов бы броситься и в огонь и в воду, если бы его не удерживали, не замечая даже опасности для себя.

Этим сравнением пользуется св. Иоанн Златоуст при рассуждении об адском огне, который понимал он, кажется, одинаково с нами. Он говорит: «Услышав об огне вечном, не думай, будто тамошний огонь похож на здешний: этот, что захватит, сожжет и изменит на другое, а тот, кого однажды обымет, будет жечь всегда и никогда не перестанет, почему и называется неугасимым... Если ты будешь когда в сильной горячке, то перенесись умом к оному (геенскому) пламени. Ибо если горячка мучит и беспокоит нас, то что мы будем чувствовать, когда попадем в огненную реку, которая будет течь пред страшным судилищем!»

4. Червь неумирающий. Что это за червь? — И на этот вопрос, как на вопрос об огне геенском, не находим прямого ответа ни в Писании, ни в учении церкви. Отстраняя мысль об исключительно духовном понимании этого рода адского мучения, имеющего, по словам некоторых богословов, символический смысл и обозначающего терзания совести при воспоминании о гнусных делах, совершенных в этой жизни, богомудрые отцы и учителя церкви признают буквальный смысл учения о неумирающем черве, хотя и не объясняют, что это за червь. Так, например, св. Василий Великий в слове «о

будущем суде» говорит: «Вообрази себе червей род некий ядовитый и плоти снедающий, который всегда яст и никогда насыщен быть не может, нестерпимые болезни угрызениями своими причиняя».

Имея за собою авторитет отцов и учителей Церкви, и мы признаем евангельское учение о неумирающем черве не символическим выражением угрызений совести, но учением буквально понимаемым. Желая придать своему убеждению возможную основательность, обратимся опять к данным, добытым наукою и дающим материал для уяснения евангельского учения, предлагаемого в форме положительной истины. Чем же наука дарит нас для разъяснения рассматриваемого предмета?

У Катрфажа, например, читаем: «Большое число пузырчатых червей живут в кишечном канале; тремалоты встречаются почти во всех внутренностях, пузырчатые глисты, кажется, предпочитают самые ткани, почему и встречаются в мышцах, центре мозга» и т. д.

«Мы видим, что все эти и подобные им животные питаются и даже дышат за счет животного, в котором обитают. Всякое животное, имеющее свойственное ему питание, свою температуру, свои собственные жидкости, представляет вместе с тем совокупность различных условий, а потому и особенный мир для гельминитов. Поэтому эти чужеядные существа должны распределяться сообразно их натуре и не могут без различия жить во всех животных. Наблюдение подтверждает эти теоретические соображения. Всякий род животного питает ему лишь свойственного гельминита. Чтобы перечесать всех без исключения чужеядных, надо было бы рассмотреть все творения и перебрать всех животных».

Эти странные животные иногда мириадами наполняют внутренности и ткани, проникают в самую черепную часть и в полость глазного яблока».

В книге «Бог в природе, по Камиллу Фламмариону» читаем: «Жизнь разлита во всей природе, материк для нее слишком тесен; она рвется во все стороны, она населяет воды и неорганическое царство... Таким образом, эта сложная, непостижимая, разнообразная жизнь населяет животными каждую породу существ и всякого рода вещества... Знаем ли мы, сколько различных родов животных и растений есть в нашем теле?»

«Со времени изобретения микроскопа увидели, что паразиты живут в нашей крови, в нашем мясе, в груди, в зубах, в ушах, под яблоком глаза, даже под сосочками носовых нервов. Мы питаем и плотоядных и травоядных животных, в наших венах плавают пресноводные рыбы, а в артериях находятся такие, которые живут только в соленой воде... Незаметные насекомые проникают в наши легкие и разводятся там целыми поколениями. Вообще, сколько пород животных находится в живых органических существах, так что они этого не замечают! Один философ сказал, что каждая часть животного существа живет сама по себе, самостоятельной жизнью, теперь уже не считается большой смелостью сказать, что высшие животные похожи на здания, разделенные на множество комнат, наполненных множеством элементарных животных. Если это так, то в природе все живет. Не только воздух, но вода, летающие пылинки, органические и неорганические элементы, все населено невидимою жизнью, существами, подвергающимися трем метаморфозам; везде мы видим их в той или другой форме, сообразно с условиями температуры, окружающей их, сообразно теплоте и влажности».

Что говорится в этих выписках, не есть частное мнение поименованных авторов, они передают результаты опытной науки, не перестающей все более и

более постигать и уяснять миру тайны созданной Богом природы.

Какой же вывод сделаем из предложенных вниманию читателей данных, приобретенных наукою?

Если человеческое тело, в своих больших и малых частях, в тканях и мускулах, в костях и жидкостях, есть совокупность неисчислимого мира живых существ, то оно живет совокупной жизнью всех этих живых существ. Но как живые, микроскопически малые существа населяют не безразлично всякий живой организм высшего живого существа, но микроскопические существа одних родов и видов живут в одних высших организмах, другие — в других, то и человеческое тело есть агрегат известных только родов и видов микроскопического мира существ. Эти живые существа населяют человеческое тело потому, что природа их находится во внутреннейшем согласии с условиями, представляемыми жизнью человеческого организма. Но человек, управляясь свободной волей, может правильные, нормальные условия своей органической жизни изменить, исказить и коснеть в измененных условиях жизни, делаясь в конце концов рабом своей несчастной привычки. Например: правильно развивающаяся природа призывает человека к целомудрию, воздержанию, честности, уважению прав других людей, человек может исказить себя, сделавшись неудержимым развратником, всегдашним сластолюбцем и кутилою, примерным плутом и негодяем, бешеным презрителем всякого человеческого права и достоинства. Если же человек, управляясь свободной волей, может радикально изменить условия нормальной человеческой жизни, делаясь в конце концов рабом новых, хотя и ненормальных условий, то необходимо следует заключить, что и мир микроскопических существ, населяющих его организм, приноровляет-

ся к измененным условиям жизни и, приноровившись, до того свыкается с ними, что прекращение этих условий необходимо должно произвести в них болезненное раздражение, сопровождающееся болезненным томлением всего организма. Только повторение ненормальностей, вошедших в привычку, заглушает немой, но неудержимый вопль микроскопических обитателей уклонившегося от правильных условий жизни организма — заглушает, чтобы этот вопль впоследствии усилился еще более. Нужно ли ходить за примерами в пояснение этого? Желая иметь таковые пусть оглянется окрест себя и увидит желаемое во всяком месте. Даже, быть может, достаточно будет внимания к самому себе, к явлениям собственной жизни: всякая, даже мелочная привычка, в случае неудовлетворения ее требований, отзывается более или менее значительным томлением в организме.

Представим теперь положение человека, приучившего мир микроскопических существ своего организма к измененным, ненормальным условиям жизни, — положение в будущей загробной жизни. Мир-то микроскопических существ останется в нем тот же самый, какой был на земле, потому что есть основа организма, но, приученный к измененным, ненормальным условиям жизни, которых не будет в обновленном мире, он с силою заговорит против своего владыки. Заглушить этот вопль внутренних обитателей организма так, как мы заглушаем его здесь повторением ненормальностей, невозможно будет, потому что обновленный мир не даст материала для повторения ненормальностей, иначе опять произошло бы расстройство в мире такое же, какое существует ныне, те же несчастья и бедствия, которые давят человечество ныне, иначе все дело нашего спасения обратилось бы в ничто. Остается страдать

от выработанной свободно ненормальности, страдать без надежды видеть когда-либо конец страданию, потому что конец его был бы равнозначен прекращению бытия, страдать тем жесточе, чем больше были искажены нормальные условия органической жизни здесь, на земле, — страдать, имея необходимым спутником страдания этого рода скрежет зубов. Что скрежет зубов будет необходимо сопутствовать воплю микроскопического внутреннего мира, это можно несколько понять из примера страдающих теперь глистами, у которых скрежет зубов состоит в теснейшей связи с болезнью.

На эту тему покойный преосвященнейший Иннокентий предлагает такие соображения: «Еще вид мучения, — говорит он, — это терзание неусыпающих червей: все почитают это за метафору; но, пристально смотря на натуру, едва ли не следует утверждать, что эти черви действительно там будут. Физиологи заметили, что основание, или же первые элементы всех тел, состоят из червяков (инфузорий); так как это составные части всех тел, то они никогда не истребятся. Теперь они находятся в нашем теле в нормальном сочетании с ним и между собою и потому не мучат нас; у нечестивых же, подвергшихся вечной муке, они составят дисгармонические группы и будут терзать их. Это весьма естественно, и Писание, говоря об этом, кажется, употребило не подобие, а самую вещь; иначе оно выразилось бы лучше, нашло бы выражение более благородное».

О, человек! приинки твоим умом и сердцем к мысли о таинственной посмертной судьбе твоей, к мысли об указанных адских мучениях, которая, конечно, смущает дух твой при воспоминании о той страшной поре бытия нераскаянных грешников. А приинкнув, ты, конечно, отбросишь неосновательную боязнь ада — отбросишь, зная, что ад не есть что-либо внешнее для нечестивого,

но его внутреннее, благоприобретенное достояние, составляющее одно целое с самым его организмом, а потому не могущее оставить его нигде, ни на одну минуту, пойдет ли он на небо, или в преисподнюю, или еще куда. Дела человека, по Писанию, идут во след его. Вместо напрасной боязни ада ты должен всеми силами стараться возбудить в себе страх и ненависть к греху и всем делам, запечатленным его печатию. Должен, говорим, потому что после сказанного нами тебе должен быть основательно понятен смысл нравственных требований слова Божия вроде таких: *или не весте, яко неправедницы Царствия Божия не наследят? Не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернители, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы Царствия Божия не наследят. Или: дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследят.* Теперь тебе понятно, о человек, что эти божественные наставления — не требования своевольного господина, но насущная потребность твоей природы; в ней заключается неотразимое побуждение для тебя отвращаться от скверных дел и прилепиться к Господу. Противный образ действий возжжет в тебе адский неугасающий огонь, пробудит и воспитает неусыпающего червя. *Ими же будешь согрешать* в этой жизни, данной тебе для приготовления к жизни будущей, *сими будешь и мучиться.*

Приложение

Доказательства вечности мучений

Еще в книгах Ветхозаветного Писания нередко упоминается о вечной муке... Злой не без мучений будет, сказано в притчах Соломоновых. По словам пророка Исаии, огонь грешников не угаснет, т. е. вечно будет пылающим. Пророк Даниил говорит о стыдении вечном для одних людей и противоположным состоянием других полагает вечную жизнь: то и другое он предвещает после воскресения мертвых.

В Новом Завете впервые проповедал о вечной муке Предтеча Христов. Он рисует пред нами на этот раз такую картину. Когда жатва хлеба окончится, пшеница будет сложена в житницу и гумно очистится: тогда решают дело и с плевелами, или с мякиной. Мякину собирают в кучу и, как ни к чему не годный материал, сожигают огнем. Мякина — это и есть нераскаянные грешники, которых Судия сожжет огнем неугасающим. Сам милосердый пастырь Христос неоднократно говорил об аде, о геенне огненной, о печи огненной и о тьме кромешной. По Его учению, будущая казнь грешникам решительно не имеет себе предела. Так, когда Он внушает нам предусматривать и преодолевать опасные соблазны, то в одной этой речи много раз повторяет слова: идеже червь их (грешников) не умирает и огонь не угасает. Не особенная ли это настойчивость Его проповеди? Всего же яснее Он проповедал о вечной муке за несколько дней до страданий Своих, когда пророчески описал последние события мира. Изображая Страшный Суд, Он сначала назвал вечным адский огонь: отыдите от Мене, проклятии, во огонь вечный. А потом и го-

рение в этом огне признал вечным: идут сии в муку вечную. Идут, без сомнения, означает такое действие, которое как бы уже совершается. Но хоть страшные шаги к геенне грешников еще далеки от нас, может быть, последуют еще через тысячу лет после этого: однако ж пред Иисусом Христом и тысяча лет, яко день вчерашний. Как Богочеловек, Он и видел ясно то время, когда грешники с места судилища двинутся во ад. Таким образом, речь Его в настоящем случае особенно положительна: тут нет никакого условия. А поэтому, кто бы и как бы ни толковал изречения Его об огне вечном и муке вечной, остается несомненною та истина, что будут вечный огонь и вечная мука, что не одни духи злые будут гореть в том огне, но и некоторые из людей. Не существует вечная мука для всех людей, это совершенная правда. Но непременно она должна быть для некоторых, потому что Божие решение о ней уже состоялось и не изменится, хоть ни один из тех, к кому это решение относится, не пострадает как-либо случайно, по злосчастью, по неизбежной судьбе, но сам один будет причиной своей гибели. Кто эти несчастные люди, теперь мы не можем указать, кроме немногих, например, будущего антихриста, Нерона, гонителя христиан, и других.

Апостолы Христовы также проповедовали вечную муку. Погибель вечную грешникам предсказывают и строгий Петр³, и терпеливейший Павел, и полный любви к ближнему Иоанн Богослов. Из писаний их приведем хоть слова последнего в Апокалипсисе: дым мучения их во веки веков восходит. Так говорит апостол-богослов о грешниках, и именно из числа людей. Казалось бы, довольно было привести в ужас душу и одним этим словом: *во веки*. Но он прибавляет: *веков*. Что же остается сказать против этой точности? Понимать: во веки веков не в смысле вечного и бесконечного времени, а в

значении только нескольких столетий, как ныне слово «век» означает сто лет, — нельзя и потому, что в той же своей богодухновенной книге апостол и еще употребляет те же слова. Но везде он выражает ими несомненную бесконечность времени, например, что Бог вечно существует, что вечно будет продолжаться Царство Христова. Святые толкователи Писания, отцы и учителя Церкви, все не иначе принимали учение слова Божия об участи нераскаянных грешников на том свете, как в смысле бесконечной муки их. Один из древних церковных писателей, весьма знаменитый своею ученостью и трудами на пользу Церкви, некто Ориген, допустил было такую мысль, что после некоторого времени мучения грешников и окончатся. Но Святая Церковь признала его учение ложным и на Вселенском соборе (Пятом) осудила его. Много размышлял и беседовал о вечном осуждении грешников особенно Ефрем Сирий.

Затем о муке вечной говорили святые мученики на местах своей казни. Значит, высказывали свое убеждение в ней в такие часы, когда говорить ложь и не им только, но и другому кому, было бы страшно и когда с ними пребывала особенная благодать Божия, которая сколько укрепляла их дух и тело в муках, столько же и просвещала их ум истиною. Так священномученик Поликарп на угрозу мучителя — сжечь его на костре — отвечал проповедью о вечном огне, в котором будут гореть подобные мучителю злодеи. Пусть и после этих доказательств еще иные будут отвергать вечную муку. Пусть делают те и другие, умные и неразумные, возражения против настоящего догмата веры. Пусть с насмешкой говорят: «разве кто возвращался с того света?» Пусть шутят над адом и огнем адским, называя все это верованием одних простолюдинов и сами хвалясь какою-то неустрашимостью. Но истина, которая столько

раз и в столь ясных словах проповедана в слове Божиим и изъяснена св. отцами, останется непреложной истиной: она ничего не потеряет от неправильных толкований, разных смягчений, от острот и шуток. За это-то самое, т. е. что некоторые не верят ей и таким образом без всякого страха Божия проводят здешнюю жизнь, и постигнет неверующих вечный огонь. — Другие нарочито отдаляют от себя мысль об аде, чтоб совсем не беспокоить себя. Но это значит повторять ропот нечистых духов, которые говорили к Иисусу Христу в бесноватом: пришел еси семо прежде времени мучити нас. Это значит тем скорее дойти до вечного беспокойства, потому что тот только менее грешит каждый день, кто предполагает о каждом своем дне, что это может быть последний день в его жизни, что затем настанут для него суд и вечность. — Третьи хоть и не уклоняются от размышления о будущей участи грешника, но таят в душе своей сожаление, что Бог слишком правосуден. Так и жена Лотова хоть боялась содомского пламени, но еще не всем сердцем отверглась Содомы, еще сердце ее стремилось к Содому, и — за это самое превратилась в соляной столп. Нет, дорогой читатель, мы должны здесь обратить свое сожаление только на то, что нераскаянностью-то своею навлекаем на себя вечный гнев Божий.

Изображение ада и будущих мучений в нем грешника

Представьте себе самую широкую, обрывистую пропасть, представьте ее с таким глубоким дном, что и ничего не может быть глубже, что и немыслимо выйти из нее. Или представьте себе самой огромной величины горящую печь, у которой вместо стен кругом были бы

высочайшие горы. Еще ближе сказать, вообразите себе целое озеро, только наполненное не водой, а огнем: из этого огненного озера пламень со страшным ревом взвивается клубами в воздух. Таков и будет ад! Таково будет помещение для грешников после нынешних палат или, положим, и бедных хижин, но таких, где также каждый почти день шумно веселились, проводили жизнь в разврате, Бога не боялись и человек не срамлялись.

На это место Бог пошлет, как бы капли дождя, вечный огонь. Огонь тот надо понимать в буквальном смысле. Толкование, будто это будет мука для одной совести, называемая по причине невыносимой боли огнем, — ни на чем не основано и противно слову Божию. Адский огонь будет тонкий и не светлый, впрочем, дым от него не будет настолько затемнять пропасти, чтоб грешники не могли видеть друг друга. Что же до его силы и действия, то он будет еще сильнее нынешнего. Но, сожигая до костей, он не отнимет у человека сознания и чувств, чего с радостью пожелали бы грешники, утопающие в бездне его. Когда ныне с кем бывает страшный жар (например, во время сильной горячки), тогда человек в бреду еще не ясно ощущает свою боль. Если даже кто попадет и в самый огонь (как во время пожара), то несчастный бьется, кричит и стонет только вначале, или же при медленном действии на него огня, а затем ничего уже не помнит. Грешник же, мучимый в огне адском, сохранит все свои чувства, телесные и душевные. Оттого страдания его будут ужасны; каждым своим чувством как бы особо он будет страдать.

Так, глазами своими он будет видеть и других подобных себе грешников, у которых в лице отчаяние, на глазах слезы.

Ушами будет непрестанно слышать и собственные

стоны, и зубной скрежет других: «Какой поднимут плач (говорит св. Кирилл Александрийский), какой вопль и рыдание ведомые на горькие вечные мучения! Как будут стонать, биться и терзаться!»

Обонянием своим грешник будет чувствовать зловоние от составных частей адского огня, например, жупела, или горючей серы.

Осязанием будет он ощущать только жгучую силу огня. Тело его со всех сторон будет объято и, так сказать, облито огнем: яко стражду в пламени сем, сказано о богаче. И что еще? Огонь будет проникать до самых внутренних частей его. Как человека, утонувшего в реке, окружает и теснит отовсюду вода: вода давит его снаружи, вода же наполняет его внутренность, так и во аде грешник весь будет проникнут противоположной стихией, огнем. Разница будет здесь только та, что совсем утонувший в воде не чувствует давления на него воды, а грешник будет вполне чувствовать опаляющий его огонь. От силы огня все члены у него как бы будут трещать, жилы подвергнутся стягиванию. Мучителен для осязания грешника будет и червь неусыпающий. Это опять будет не угрызение только совести, но действительный червь, который будет постоянно укалывать грешника. Среди огненного пламени червь будет чернеться на огромном пространстве, будет волноваться, как вода во время бури; наружный вид его тоже будет отвратителен: «гниюна площадь зрелища..; жар невыносимый..; червь смраден и зловонен», скажу опять словами одного из св. отцов.

Наконец, и чувство вкуса у грешника не останется без мучительной боли. Вкусом своим он будет испытывать отвратительную горечь от адского огня, и вместе с тем нестерпимую жажду, так как огонь, опаляющий его снаружи, будет и для внутренности его как бы пищей: пошли Лазаря, да омочит конец перста своего и устудит

язык мой, слезно просил из преисподней Авраама богач. Будет грешник чувствовать вкусом своим и яд аспидов под устнами своими, — может быть, за то, что недостойно причащался Тела и Крови Христовой.

Что грешник сохранит чувства души, видно из слов Спасителя: убойтесь же паче могущего и душу и тело погубити в геенне. Если погубляется в геенне не только тело, но и душа, значит, душа там останется живою и сознательною; значит, будет припоминать, мыслить и чувствовать. Да, в одном и том же вечном времени соединится для грешника действительная жизнь с прошедшим, настоящим и будущим временем. Чтоб приблизительно представить себе, что он будет чувствовать там душевными способностями, допустим его разговор во аде с самим собой или предположим будущие его воспоминания, будто произносимые вслух.

Обратим прежде внимание на прошедшее его время. Так, например, безбожник, вспомнив свою жизнь, скажет себе: «Еще и намеренно я подавлял в себе религиозные убеждения. Истины веры сами о себе говорили моей душе, но я искал таких книг и таких людей, которые бы убедили меня в противном, т. е. что будто нет Бога и будущей жизни. Теперь же я вижу, что есть Бог. Не хотел я знать Его добровольно: теперь познаю Его невольно. Теперь самым делом я убеждаюсь в безумии прежних моих рассуждений, например, будто «душа ничего не значит, будто человек только материя, или состав плоти и крови, которые навсегда разрушаются с его смертию». Еще: «Как многих я заразил своим вольномыслием и неверием! Как бесстрашно входил в церковь, в которую между тем другие входили с благоговением! Как презирал священников, смеялся над всякой святыней и таким образом безумно лишал сам себя спасительной благодати!» — Упорный раскольник припом-

нит себе: «Сколькими увещаниями пренебрег я! Не хотел верить и самым очевидным доказательствам православной истины! отверг и пред самую смерть исповедь и св. причащение, которые предлагали мне принять мои близкие, но от которых отклоняли меня «наставники» по расколу. Был я призываем в церковь, как в ковчег Ноев: но вместо законных священников захотел лучше слушать таких же невежд или по крайней мере мирских людей, как и я сам. И — вот, теперь я очутился за спасительным ковчегом, утопаю в потоке огненном!»

Идолопоклонник вспомнит о бездушных истуканах, которым поклонялся вместо Бога... — Вспомнит и сребролюбец о своих деньгах и имуществе, которые теперь также полагает себе вместо Бога, почему и называется идолопоклонником. — Сластолюбец, который в этой жизни веселится на вся дни светло, смотрит на эту жизнь, как только на срок для того, чтоб наслаждаться всевозможным образом, там почувствует на самом деле силу священ. текста: плоть и кровь Царствия Божия наследить не могут. Он спросит сам себя: «Где эти пирры с музыкой? Где повседневные вечера для ненужного отдыха, с игрою в карты, с бегством от своей семьи? Где те, которые гостили у меня в столь великом довольстве, что и обливались вином? Где женская красота?» — Упорный гордец вспомнит, сколько от его гордости, которую теперь он проявляет различно и властолюбием, и недоступностью, и раздражительностью, и честолюбием, и презрительным обхождением с другими, — вспомнит, сколько же от его сатанинской гордости пострадали другие. В настоящее время он и минуты не хочет послушать, когда кто думает пробудить в нем совесть, начнет высказывать ему правду прямо или только в скромных выражениях: он бежит от правдивой речи и затворяет за собой дверь, так что и нет возможности когда-

либо передать ему истину, вывести его из заблуждения. Но там он будет связан по рукам и ногам, там уже поневоле выслушает все обличения от своей совести.

Богохульник вспомнит, как он небрежно и дерзко употреблял имя Божие в разговорах, письме и напрасной божбе, как даже сквернословил имя Божие, оставшись по долготерпению Божию не пораженным в ту же минуту; как называл своим «ангелом» женское лицо, к которому имел нечистую любовь и с которым даже жил развратно. — Клятвопреступнику придут на память его многие присяги, которые он без всякого страха принимал и с сознанием нарушал, еще его обеты пред Богом и уверения других в чем именем Божиим, которых и не думал исполнить. — Кошунник вспомнит все случаи, когда обращал в шутку и смех церковные службы, святые иконы и священнослужителей.

Непочитающие воскресных дней и праздников приводят себе на память, как в то время, когда добрые христиане спешили в церковь, они, напротив, отправлялись на полевые работы или — еще хуже — собирались в дома пира и разврата, как под праздничные дни, будто нарочито, составляли у себя пение и лики, а то собирались все в одном доме (клуб) для веселья; как и все праздничное время проводили только в разгуле. Эти же люди вспомнят, как кроме двух-трех дней говенья, которое выполняли только по обычаю, ни разу в продолжение всего года не бывали в церкви, как, встав утром и отходя ко сну вечером, каждый раз и не подумали помолиться Господу Богу. — Нарушители постов припомнят себе мяса и вина, которыми пресыщали свое чрево, между тем как другие (даже и слабее их силами) оставались на сухоядении или совсем не помышляли о пище (например, в Великий Пяток). — Хулители Духа Святаго, выражавшие свою хулу, например, тем, что не признавали

святых мощей и чудес, которые, может быть, совершались пред их глазами, уверятся, что хула на Духа Святого не отпускается и в будущем веке.

Непокорные дети припомнят, как своими грубыми словами, своим противлением и развратной жизнью заставляли родителей своих скорбеть и плакать о них. Но тяжело будет и самим родителям вспомнить, как они явно соблазняли своих детей беззаконною жизнью, как не старались воспитать детей в страхе Божиим, а таким образом и их привели вместе с собой на место сие мучения. — Вспомнит на том свете священник о своей благодати и скажет: «Сколько раз я отпускал другим грехи, а себе не заслужил прощения! Чем высшее блаженство в раю должен бы я получить, тем теперь ниже мое падение во глубины ада». — Тяжелы будут воспоминания для начальников, которые ни в чем не соблюдали справедливости, действуя по-видимому на законном основании, на самом же деле они не полагали для себя никаких законов, кроме собственного взгляда и произвола, требуя себе от других только беспрекословного послушания и ничего не предоставляя свободе и правам ближнего, сами же нисколько не покорялись ни Евангелию, ни правилам Св. Церкви. Горько им будет вспомнить, как они людям достойным, состоящим под их властью и влиянием, завидовали и по зависти не давали даже вздохнуть свободно, а недостойных и льстецов награждали и возвышали. Так как они были сильными, то за свои злоупотребления и сильнее истязаны будут.

Сколь ужасны будут воспоминания самоубийц, которые вольны были погубить свои души, легко и самовластно распорядились своей жизнью, но не в силах будут прекратить свои мучения во аде новым самоубийством! С каким ужасом припомнят свои преступления и прочие убийцы, особенно те, которые подняли убийствен-

ные свои руки на самих родителей, или пролили кровь священника, или же мучили собственных жен и детей, как некогда гонители за Христа, или еще лишали жизни беременных и младенцев! — Страшны будут воспоминания ненавистников, досадителей, жестоких богачей, соблазнительей, вообще всех тех, которые убивали ближнего медленно, телесной или душевно-нравственной смертью! Сознанию этих людей предстанут все слезы, которые от их жестокостей пролили невинные. И они тем сильнее будут плакать, чем более слез от них самих пролили в этой жизни другие.

Блудники и прелюбодеи вспомнят на том свете, как они смеялись над целомудрием других, как с ранних лет оскверняли себя блудом, как соблазнили к тому же многих невинных; как расторгали законные супружества своими преступными связями, как обольщали вдов; как имели наложниц или наложников до самой старости и даже умирая не хотели прекратить постыдной связи; как доходили до таких грехов плотской страсти, что срамно есть и глаголати; — вспомнят, что они не удерживались от своей страсти даже в великие светлые праздники, в строжайшие посты и постные дни. При этом им придут на память скверные слова и столь же скверные песни их, музыка и театральные представления, от которых изнеживалась их душа и воспламенялось воображение. Смрад от адского огня тем более будут чувствовать эти-то люди.

Грабителям и вору припомнятся их грабежи и кражи, равно как самые вещи, которые они приобрели и которыми пользовались несправедливо. Страшно будет вспомнить поджигателям об их поджогах, потому что эти злодеи оставили без крова и богатых и бедных, престарелых и младенцев; из-за их злобы добрые христиане лишились храмов Божиих, и может быть некоторые по-

гибли в огне! Страшным образом будет опалять их-то самих огонь адский. Ленивые припомнят свои таланты, которые зарыли в земле; огненный пламень, как бич какой, будет уязвлять их за леность.

Клеветнику придут на память его напрасные подозрения на других, его пересуды, его злой язык, от которого погибли многие, его лживые доносы и показания, самая уклончивость от защиты человека правого и невинного, вообще всегдашнее благоволение его только к неправде и лжи.

Завистник вспомнит, как он злорадовался неудачам ближнего, сколько раз останавливал по своей зависти добрые начинания других, а сам между тем ничего полезного не предпринимал; как желал один бы обладать всем; как распыхался своим сердцем, когда видел ум, достоинства и успехи другого, и как после этого мстил этому человеку, сам не зная за что; сколько своими кознями и завистливым преследованием отнял он у других спокойных ночей, здоровья и лет жизни. За это самое и будет он на том свете сильно снестаться от своей совести и как бы выть, подобно тому, как воет одуревший пес.

Вот вам примеры, как грешники в будущей жизни будут вспоминать свое прошедшее!. «Но ужели, скажете, и за один какой-либо грех человек подвергнется вечной муке? Например, ужели досадители вечно будут мучиться?»

В том-то и беда, что одна страсть в человеке (когда достигнет развития в высшей степени) редко бывает без других страстей и грехов. Скажем, например, о тех же досадителях. Под именем их разумеются люди злоречивые и ругатели, а также должны быть понимаемы те, которые делают в чем-либо препятствие другим и вообще нарушают доброе спокойствие ближнего. Но не следует ли и еще предположить в этих людях какие-

либо тяжкие грехи, по связи с которыми они досаждают другим? Да, в них, например, много гордости: сокрушу досаждение гордыни ваша, сказано. Сердце у них злое: они не щадят ближнего иной раз и в болезни его. В них нет страха Божия, потому что они часто не уважают и священного места, где делают досаду другим. Вот сколько эти люди соединяют с главным своим пороком иных пороков!

Еще замечу о будущих воспоминаниях грешника. Приводя себе на память здешнюю нечестивую жизнь, он увидит, что и греховные удовольствия не всегда ему доставались легко, но часто были соединяемы с суетой, болезнями, трудностями и даже страданиями своего рода.

Что же будет последствием всех этих воспоминаний? Что от них останется грешникам? Раскаяние самое мучительное. Грешники сознают свою вину, не будут обвинять кого-либо другого в своей гибели: увидят, что ключи от Царства Небесного находились в их собственных руках. Особенно же горько им будет сознание, что они давно-давно слышали об аде и вечных мучениях, но не верили ничему или оставались беспечными. Однако ж глубокого и смиренного раскаяния в них не будет: во аде же кто исповестся Тебе, сказано. Раскаяние их будет подобно раскаянию закоснелого убийцы, который взят на самом преступлении или совершил преступление на глазах других: этот преступник, положим, и не запирается в своем преступлении, но нисколько же не смягчается своим сердцем и не просит себе прощения. Раскаяние грешников на том свете будет еще подобно раскаянию отчаянного Иуды-предателя.

Припоминая вообще свое прошедшее время, грешники обратят внимание и на те годы, которые со времени Страшного Суда провели уже во аде. Но приятно

вспомнить о тяжелом времени, когда прожито это время и настали дни спокойные. А для грешников в том свете и после тысячи горьких дней не настанет ни одного отрадного. Для них ничего не будет значить начало адской муки в сравнении с продолжением ее, с одной стороны — потому, что и последующие дни их жизни во аде будут подобны первым, а с другой — ад до того будет мучителен, что к нему нисколько нельзя будет привыкнуть.

Итак, страшно, ужасно страшно будет во всех отношениях прошедшее время для тех, кого постигнет вечная мука! Бедная душа грешника! Сколько и она будет страдать вместе с телом! Это-то самое, братья мои, и значит погубить свою душу в той жизни!

О последующем времени в жизни грешников на том свете

Если взять в пример нынешнюю жизнь, то в своем будущем некоторую отраду находят себе иногда и самые злосчастные люди.

Пусть, например, иному на земле назначено пробыть в каторге тысячу дней. Если он проведет только первый день, то наверное знает, что остается ему жить в каторге уже не тысячу дней, а 999, он и говорит про себя, что «сделал шаг вперед». Другой осужден на 10—15 лет каторжной работы. Вяло, тоскливо проходят его годы. Но со временем он скрепляется духом и отдает себя ожиданию, начиная отсчитывать в остальных годах своего срока по одному месяцу. Пусть кто ссылается в работы и бессрочным или до конца своей жизни. И такой человек (кроме того, что смерть когда-либо избавит его от тяжелого состояния) нередко еще питает себя надеждою

освободиться. Бывают между бессрочно-ссылными и просто мечтатели. Им нет нужды, что их мечты несбыточны. Но они знали в судьбе своих товарищей случаи неожиданного освобождения от работ и — вот мечтают о собственной свободе и мечтою-то улаживают себя.

Но для вечно-осужденного грешника не останется никаких надежд. Не надеются иже во аде, сказано. Выхода из ада ни для кого не будет: это будет как море без пристани. «Непроходима дебрь и неизмерима пропасть..; не будет выхода заключеннику, непроходима темничная стена..; оковы не снимаемы». Пусть бы кто сказал безбожнику, горящему в огне: «ты будешь мучиться еще тысячу лет»; или пусть бы было объявлено зажигателю: «тебе остается мучиться еще пять тысяч лет». Они и стали бы ожидать окончания этих сроков. Но только, к сожалению, ни другой кто не пообещает им ничего, ни они сами не могут предаться какой-либо отрадной мечте или безотчетному ожиданию лучшего времени. Напротив, их сознанию ясно будет представляться одна мучительная вечность. Они сто раз пожелают умереть, но не дождутся смерти. В нынешней жизни иногда говорят о человеке, для которого со смертью прекратились долговременная его болезнь или иные долговременные страдания: «помучился свой век; не будет более, несчастный, мучиться!» Но в будущем свете глаза грешника, полные слез, никогда не закроются; стоны его никогда не затихнут там, и могила более не ждет его. В этом отношении он будет подобен человеку, которого постигла бессонница, который, сколько ни старается заснуть — далек от сна и оттого весь расстроен. Наконец, состояние грешника будет не жизнь, но и не смерть, понимаемая в смысле отделения души от тела. Это будет вечное умирание, или, как говорится в Апокалипсисе, смерть вторая.

Итак, в прошедшем времени отверженные грешники найдут одно мучительное сожаление, в настоящем — одно мучительное страдание, а в представлении себе будущего времени — одни ужасы. Оттого они будут проклинать день своего рождения и самих себя. Отчаяние, страшная болезнь души и в этой жизни будут болезнью их нескончаемою. Одни в отчаянии будут скрежезгать зубами, а другие непрерывно плакать. Ниоткуда не будет им сострадания. Не помогут им диавол и прочие злые духи, которых волю они выполняли здесь и с которыми иные, например, волшебники находились в самом близком общении. Злые духи и сами будут крепко связаны, сами будут гораздо в большем унынии и отчаянии сравнительно с настоящим временем. Даже нельзя допустить и того, чтоб диавол стал выражать такое же злорадование в отношении к грешникам, какое выражает он теперь, когда видит чье-либо страдание или чью-либо гибель по душе. Злая радость есть частью усладительное чувство, как и всякий грех в этой жизни доставляет грешнику сладость, хоть и временную, хоть иногда на одну минуту. Но в будущей жизни грешники будут пить не сладкую чашу, а одну только горечь от своих грехов.

О степенях мучений

Христос Спаситель угрожал некоторым городам и селениям еврейским страшной участью в будущем веке. Это были те города и селения, которые слышали Его проповедь и видели Его необычайные чудеса, но ничему не поверили и ничем не тронулись. Он противопоставлял этим городам других упорных грешников, которые жили раньше, или если и одновремен-

но с ними, то за пределами Палестины. И вот, в сравнении с последними Он ясно выразил высшую степень наказания для них: отраднее будет земли содомстей и гоморрстей..., неже граду тому; Тиру и Сидону отраднее будет..., неже вам. И указал Он при этом именно на казнь после суда последнего (в день судный!..) В другое время Он прямо вел речь о втором пришествии Своем, после которого одним будут награды, а другим казни. И что же Он проповедал? Раб ведевый волю господина своего... и не сотворив... биен будет много, неведевый же биен будет мало. Хотя ни для кого не извинительно неведение воли Божией, изложенной в откровении, но кто имеет полное знание этой воли и между тем не прилагает своих знаний к делу, тот заслужит большую казнь.

Св. отцы о разности мучений для грешников рассуждают: «есть разные роды мучений... И сказанное в притчах: во дне ада дает разуметь, что некоторые, хотя в аде, но не во дне ада, терпят легчайшее наказание; иначе мучится прелюбодей, иначе блудник, иначе убийца, иначе вор и пьяница; не должно сомневаться в том, что самые наказания, которым подвергнутся грешники, по различию преступлений будут различны».

В слове Божиим (кроме учения о рабе ведевшем и неведевшем), а также и у св. отцов и еще находим указания на то, кто более и кто менее будет мучиться на том свете. Апостол Павел, предлагая учение о воздаянии людям в день... откровения праведного суда Божия (следовательно, в будущем веке), говорит: скорбь и теснота, на всяку душу человека творящего злое, иудея же прежде и еллина. Иудею было дано полное понятие о Боге и заповедях Божиих, а язычник лишен был этого понятия. Итак, он будет наказан строже в

сравнении с последним. Только в отношении к тому и другому имя «творящего злое» по переводу с греческого означает «злодея нераскаянного». Св. Златоуст учит: «кто большее получил наставление, тот должен вытерпеть большую казнь за преступление; чем мы сведущее..., тем тяжелей будем наказаны». Посему-то к книжникам иудейским и фарисеям, которые почивали на законе, а между тем не хотели сделать движения и перстом, чтоб исполнить его, было сказано: лишнее примете осуждение. Большим мучениям подвергнутся также те, которые обладают тем большей силой противодействовать злу в себе самих и в других (иногда одно слово их или одна черта письма их могли бы поддержать правду, воодушевить невинность, дать ход добрым предприятиям), но которые всегда только покровительствовали пороку и сами угнетали правду: ему же дано... много, много взыщется от него.

«Чем же будут различаться самые мучения?» Разность их (в смысле большей или меньшей лютости) можем выводить из некоторых евангельских изречений. Так, св. Златоуст от мучений богача, который просил послать к нему Лазаря, обращается к каждому подобному грешнику: «Но какою мерою мерите, такую возмерится вам; ты не давал крупиц, не получишь и капли». Св. Ефрем Сирийский применяет мучения к качеству тех грехов и страстей, которыми кто согрешал здесь: «Кто таил в сердце своем лукавство и в уме своем зависть, того сокроет страшная глубина». По учению того же отца «тьма крошечная в особой стране...; скрежет зубом особое место; тартар также особое место». А священномученик Патрикий говорит: «Тартар глубже всех прочих бездн, находящихся под землею». Против того же тартара молился св. Кирилл

Александрийский: «Ужасаюсь тартара, где нет и малой теплоты». Св. Иосиф Персидский сказал своему судье-мучителю: «Гонители христиан будут осуждены на вечный плач и скрежет зубов».

Души, верующие и благоговеющие пред грозным правосудием Божиим! Это верно, что подвергнуться и самой легкой муке на том свете будет великой бедой. В нынешних темницах иные против своих соотарищей пользуются же лучшим помещением и более снисходительным обращением с ними стражи темничной: но не тягостно ли для них и одно лишение свободы? Итак, будем избегать не только чрезмерных преступлений, прямо приближающих нас ко аду, но и таких грехов, которые считаются нами как бы повседневными, но которыми однако оскверняются наша душа и тело и за которые, наконец, (как, например, за ругательство в злобе ближнему) Евангелие также угрожает геенной.

Глава 8

О ходатайстве живых за умерших

1. Основания учения церкви о ходатайстве живых за умерших в Священном Писании. Как праведники, вслед по смерти тела и частном суде над ними, восходят душами своими на небо и удостаиваются блаженства, точно так же грешники отходят душами своими во ад — место печали и скорби, хотя как первые не чувствуют еще совершенного блаженства, так и последние до всеобщего Суда не терпят совершенного мучения. Впрочем, преподавая учение, что все грешники, после смерти своей и частного суда над ними, равно отходят во ад, Православная Церковь в то же время исповедует, что для тех из них, которые до разлучения с настоящей жизнью покаялись, только не успели принести плодов, достойных покаяния (каковы: молитва, сокрушение, утешение бедных и выражение в поступках любви к Богу и ближним), остается еще возможность получить облегчение в страданиях и даже вовсе освободиться от уз ада. Такое облегчение и освобождение грешники могут получать не по собственным каким-либо заслугам или чрез раскаяние (ибо после смерти и ча-

стного суда нет места ни для покаяния, ни для заслуг), но только по бесконечной благодати Божией, чрез молитвы церкви и благотворения, совершаемые живыми за умерших, а особенно силою бескровной жертвы, которую, в частности, приносит священнослужитель для каждого христианина о его присных, вообще же за всех повседневно приносит Кафолическая и Апостольская Церковь.

Утешительное учение Православной Церкви о возможности для грешников, умерших с покаянием, получать облегчение и даже совершенное освобождение от мучений ада, по молитвам еще живущих братьев и их благотворениям (цель этих благотворений есть также возбуждение в других молитвы о преставшихся) или, что то же, по молитвам церкви, силою бескровной жертвы, — это учение имеет основание в Священном Писании.

Св. апостол Иаков заповедует нам *молиться друг за друга* (Иак. 5, 16); и св. апостол Павел просит *совершать молитвы за всех человеков* (1 Тим. 2, 1; см. Еф. 6, 18—19). И тот и другой апостол заповедует молиться друг за друга и за всех без ограничительного обозначения места, времени и других обстоятельств. Мы должны, следовательно, молиться за ближних наших и тогда, когда они находятся вместе с нами, и тогда, когда они бывают в отсутствии, и тогда, когда они живут еще на земле, и тогда, когда они чрез смерть переселяются в другой мир, потому что живем ли мы или умираем, мы всегда Господни (Рим. 14, 8), и умершие, как и живые, для Бога все равно живы (Лк. 20, 38).

Предостерегая нас от молитвы за ближних, неудобной Богу и бесплодной для них, св. апостол Иоанн Богослов дает нам другую заповедь: *если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть мо-*

лится, и Бог даст ему жизнь, то есть, согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти; не о том говорю, чтобы он молился (1 Ин. 5, 16). Но все умершие с истинным раскаянием свободны от смертного греха уже по тому одному, что они раскаялись: «ибо грех к смерти есть (говорят отцы 7 Вселенского собора), когда некие, согрешая, в неисправлении пребывают и жестокоугодно (упорно) восстают на благочестие и истину... В таковых несть Господа Бога, аще не смирятся и не истрезвятся от своего грехопадения» (правило 5). Следовательно, все умершие с истинным покаянием, хотя бы прежде и находились в смертных грехах, а тем более, если не находились, — принадлежат к числу тех ближних наших, за которых нам заповедано молиться без всякого сомнения и колебания. По этой заповеди апостольской, одни умершие в смертных грехах, в нераскаянности и вне общения с Церковью, не устаиваются ее молитв.

По учению апостольскому, молитвы наши за ближних могут быть для них вообще благотворны даже в нравственном отношении (2 Сол. 1, 11—12; Еф. 6, 18—19), в особенности, *много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5, 16), и в частности, наши молитвы за братьев, не находящихся в смертном грехе, могут подавать им жизнь (1 Ин. 5, 16). Следовательно, хотя мы не понимаем, каким образом действуют наши молитвы на ближних наших, пока они находятся еще в настоящей жизни, тем не менее молитвы наши действительны и спасительны для них. Точно так же, не постигая и того, как могут действовать наши молитвы на братьев наших, скончавшихся с истинным покаянием, мы не вправе сомневаться в действительности и спасительности для них этих молитв.

Если чего попросите во имя Мое, говорит Христос Спаситель, *то Я сделаю* (Ин. 14, 14). Итак, всякая наша

молитва к Богу, а следовательно и молитва за ближних, как живых, так и умерших, может быть сильна и действенна только тогда, когда возносится во имя Господа Иисуса, Который есть единый Посредник между Богом и людьми (1 Тим. 2, 5). Иисус Христос примирил нас с Богом и искупил от всякого греха, когда принес Ему на кресте в умилоостивительную жертву Самого Себя — собственное тело и собственную кровь (Евр. 9, 14—26; 10, 10); и в таинстве Евхаристии доселе приносится Богу та же самая умилоостивительная жертва, преломляется то же самое честное тело нашего Искупителя за жизнь мира (Ин. 6, 51) и проливается та же самая честная кровь Его во оставление грехов (Мф. 26, 26—28; Лк. 22, 19—20). Следовательно, если когда наша молитва как за живых, так равно и за умерших братьев наших, может быть угодна Богу и благотворна для них, то, преимущественно, в то время, когда она бывает соединена с приношением за них бескровной умилоостивительной жертвы.

Господь Иисус Христос говорит: *если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему, если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 32). Отсюда прямой вывод, что отпущение грехов грешникам возможно и по смерти их.

В Апокалипсисе говорится, что Господь Иисус Христос *имеет ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18), следовательно, Он может отверзать ими затворы адовы и освобождать оттуда грешников.

Но так как по смерти для самих грешников не остается места ни для покаяния, ни для заслуг, то объяснить возможность отпущения грехов грешникам и освобождения их от уз ада нет другого способа, кроме того, что Господь совершает это по молитвам церкви и в

силу бескровной умиловительной жертвы, приносимой за умерших. О скончавшихся с хулою на Духа Святого, или — что то же — в смертном грехе, и не раскаявшихся Церковь не молится, — и вот потому-то, как сказал Спаситель, хула на Духа Святого не отпустится человеку ни в сем веке, ни в будущем.

Во второй книге Маккавейской повествуется о доблестном и благочестивом вожде иудейском, Иуде Маккавее, следующее: «Выступил Иуда с тремя тысячами пеших и четырьмястами конных. Когда они вступили в сражение, случилось пасть немногим из иудеев... Так как наступал седьмой день, то они очистились по обычаю и праздновали субботу. На другой день бывшие с Иудею пошли, как требовал долг, перенести тела павших и положить их вместе с сродниками в отеческих гробницах. И нашли они у каждого из умерших под хитонами посвященные Иамнийским идолам вещи, что закон запрещал иудеям: и сделалось всем явно, по какой причине они пали. Итак, все прославили праведного Судию, Господа, открывающего сокровенное, и обратились к молитве, прося, да будет совершенно изглажен соделанный грех; а доблестный Иуда увещевал народ хранить себя от грехов, видя своими глазами, что случилось по вине павших. Сделав же сбор по числу мужей до двух тысяч драхм серебра, он послал в Иерусалим, чтобы принести жертву за грех, и поступил весьма хорошо и благочестно, помышляя о воскресении. Ибо если бы он не надеялся, что павшие в сражении воскреснут, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвых. Но он помышлял, что скончавшимся в благочестии уготована превосходная награда, — какая святая и благочестивая мысль! — Посему принес за умерших умиловительную жертву, да разрешатся от греха» (2 Макк. 12, 33—34, 38—45).

2. Поминование усопших существует в церкви христианской со времен апостолов. Поминование усопших, как предание апостольское, существует в церкви христианской с самого ее начала. Доказательство этого мы находим в древних литургиях и в свидетельствах святых отцов и учителей церкви.

Все древние литургии, как те, которые употребляются или употреблялись в церкви восточной, православной, известные под именами: св. апостола Иакова, брата Господня, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоустого, св. Григория Двоеслова, — так и литургия церкви западной: римская, испанская, или мозарабская, галликанская и др., наконец, литургия различных неправославных сект, издревле существующих на востоке: яковитов, коптов, армян, эфиопов, сирийцев, несториан и прочих, как они ни многочисленны и ни разнообразны, содержат в себе молитвы за умерших. А это непрерываемо свидетельствует нам о том, что от дней самих апостолов, предавших церкви чин Божественной литургии, не было времени, когда бы христиане не молились за своих усопших братьев, и притом при совершении важнейшего из своих божественных богослужений.

Св. Григорий Нисский пишет: «Ничего без рассуждения, ничего бесполезного не предано от Христовых проповедников и учеников и не принято повсеместною Церковью Божией, но это есть дело весьма богоугодное и полезное — при Божественном и преславном таинстве совершать поминование об усопших в правой вере.

Св. Иоанн Златоуст, говоря о пользе молитв за умерших, пишет: «Не напрасно узаконено апостолами творить пред страшными Тайнами поминование об усопших: они знали, что великая бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние». — «Не напрасно бывают приношения за усопших, не напрасно моления, не

напрасно милостыни: все это установил Дух Святый, желая, чтобы мы получили пользу друг чрез друга».

Св. Иоанн Дамаскин: «Таинники и самовидцы Слова, покорившие круг земной, ученики и божественные апостолы Спасителя не без причины, не напрасно и не без пользы установили при страшных, пречистых и животворящих Тайнах совершать поминовение о верных усопших, что от конец до конец земли владычествующая апостольская и свободная Церковь Христа и Бога и содержит твердо и беспрекословно с того времени даже доныне и до кончины мира содержать будет. Ибо вера христианская, чуждая заблуждений, ничего бесполезного не приняла и не стала бы ненарушимо содержать вовеки, но все полезное, богоугодное и весьма спасительное».

Киприан: «Епископы, наши предшественники, благочестиво рассуждая и заботясь о спасении, определили, чтобы ни один умирающий брат не возлагал после себя попечительства и покровительства на священнослужителя, и если бы кто сие сделал, то не творили бы за того приношения, и жертва о успении его не совершалась бы: ибо не заслуживает именоваться в молитве священников пред алтарем Божиим тот, кто хотел отвлечь от него священников и слуг алтаря».

Евсевий: «Весь народ, вместе с священнослужителями, не без слез и глубоких воздыханий, возносил к Богу молитвы о душе Царя и этим исполнял желание боголюбезного».

Св. Кирилл Иерусалимский: «Поминаем и прежде почивших, во-первых, патриархов, пророков, апостолов, мучеников, чтобы их молитвами и предстательством принял Бог моление наше; потом молим о преставившихся святых отцах и епископах и, вообще, о всех из нас прежде почивших, веруя, что превеликая будет

польза душам, о которых моление возносится в то время, как святая предлежит и страшная жертва».

Св. Ефрем Сирин: «Если подзаконные священники служебными приношениями очищали грехи убиенных на брани, как оскверненных беззакониями, о коих упоминается в Писании (2 Мак. 12), то кольми паче священники Нового Завета Христова могут действительно очищать долги отшедших от земли грешников святыми приношениями и молитвами уст своих». — И в другом месте: «Неотступно будем умолять Его (Бога), чтобы изгладил вины паствы Своей — чад избранной и святой церкви Его, и чтобы очистил грехи умерших, почивших в уповании на Него!»

3. Святоотеческие объяснения, почему и как наши молитвы могут быть благотворны для умерших. В писаниях древних отцов и учителей церкви мы находим сообразные с словом Божиим объяснения того, почему и как наши молитвы могут быть благотворны и спасительны для скончавшихся в вере и покаянии.

Св. Кирилл Иерусалимский в 5 тайноводственном поучении говорит: «Хочу я вас и примером уверить, — ибо, я знаю, многие говорят: какая польза душе, с грехами или без грехов отходящей от мира сего, если она поминается в молитве? — А что, если бы какой царь послал досадивших ему в ссылку, а их ближние потом, сплетиши венец, принесли бы ему оный за терпящих наказание, — то не сделал ли бы он им облегчение наказания? Таким образом и мы за усопших, если они и грешники, принося Богу молитвы, не венец соплетаем, но Христа, закланного за наши согрешения, приносим, умиловляя за них и за нас Человеколюбца Бога».

Св. Иоанн Златоуст в беседе III на послание к филиппийцам пишет: «Когда весь народ и священный собор стоят с простертыми к небу руками и когда предлежит

страшная жертва, — как не умиловитим мы Бога, молясь за них (умерших)? Но это о тех только, которые в вере умерли». И в другом месте (в беседе ХХІ на Деяния апостольские): «Есть еще, поистине есть возможность, если хотим, облегчить наказание скончавшегося грешника. Если будем творить о нем частые молитвы и раздавать милостыни, то, хотя бы он был и недостойн сам по себе, Бог услышит нас. Если Он ради апостола Павла спас других и ради одних щадил других, то как не сделает того же самого и для нас?»

Блаженный Августин учит (Слово CLXXII): «Не должно сомневаться, что молитвы св. церкви, спасительная жертва и милостыни, совершаемые за души умерших, вспомошествуют им к тому, чтобы Господь был к ним милостивее, нежели сколько заслужили они по грехам своим. Ибо вся Церковь соблюдает это, как преданное от отцов, чтобы за скончавшихся в общении тела и крови Христовой молиться, когда воспоминаются они в свое время при самом жертвоприношении, и выражать, что жертва приносится и за них. Кто также усомнится, что и дела милосердия, совершаемые для умиловития за них, приносят пользу тем, за которых не все воссылаются Богу молитвы?»

Во всех приведенных отеческих изречениях раскрывается та мысль, что если Бог многократно благоволил являть милость Свою одним по вере и предстательству других (Мф. 8, 13; 9, 2; 15, 28), то нет основания сомневаться и в том, что Он не отвергнет наших молитв за наших умерших братьев, нуждающихся в милосердии Божиим. Другие отцы указывали на то, что наши молитвы могут помогать и умершим точно так же, как они помогают живущим еще на земле, но разлученным с нами по телу братьям нашим, находящимся в путешествии, в плену, в заточении, в темнице, и как помогают молитвы

родителей их немощным детям (Флп. 1, 4—19; Кол. 1, 9; 2 Тим. 1, 3; 2 Кор. 1, 11; Деян. 12, 5—12).

Наши молитвы могут действовать на души скончавшихся непосредственно, если только они скончались в правой вере и с истинным раскаянием, то есть в общении с Церковью и с Господом Иисусом, — так как в этом случае, несмотря на видимое удаление от нас, они продолжают вместе с нами принадлежать к одному и тому же телу Христову (Еф. 1, 23; Кол. 1,18), в котором точно так же не может не сохраняться сочувствия и взаимного влияния между членами, как естественно существует оно между всеми членами нашего тела (1 Кор. 12, 26) и как обнаруживается оно и во внешней природе между существами одного рода, живущими хотя отдельно, но одной жизнью.

«Для умерших, — говорит св. Ефрем Сирин, — благодетельны поминовения, совершаемые святыми во время их жизни. Смотрите, вот и пример сему представляют некоторые творения Божии, как-то: виноград — его зреющие грозды в поле и выдавленное вино в сосудах: когда созреют ягоды на виноградной лозе, тогда вино, стоящее в доме неподвижно, начинает пениться и волноваться, как бы желая убежать. То же бывает, кажется, и с растением — луком: ибо как скоро начнет созревать лук, посаженный в поле, в то же время дает отпрыски и лук, в доме находящийся. Итак, если и растения имеют между собою такое соощущение, то не более ли для умерших ощутительны молитвенные приношения? Когда же благоразумно согласишься на то, что сие происходит сообразно с природою тварей, то представляй себе, что ты — начаток тварей Божиих».

Равным образом и другой св. отец замечает: «Как бывает с заключенным в сосуде вином, которое, когда цветет виноград в поле, слышит запах и цветет вместе с

ним, — так думай, — учит св. Афанасий Вел., — и о душах грешников: они получают некоторое благодеяние от приносимой за них бескровной жертвы и благотворения, как знает и повелевает единый Владыка живых и мертвых, Бог наш».

Наконец, наши молитвы могут быть благотворны для скончавшихся в правой вере и с истинным раскаянием потому, что, отойдя в другой мир в общении с Церковью, они при том в самих себе перенесли туда начаток добра, или семя новой жизни, которого только не успели сами раскрыть здесь и которое, под влиянием наших теплых молитв, при благословении Божиим, может мало-помалу развиться и принести плод, как развивается доброе семя в земле под живительным влиянием солнца, при благорастворении воздуха, — между тем как для скончавшихся в нечестии и нераскаянности и совершенно погасивших в себе дух Христов (1 Сол. 5, 19) ничего не помогут никакие молитвы живущих еще братий, подобно тому как ничего не могут сделать для оживления гнилых семян, потерявших начало растительной жизни, ни влияние солнца, ни благорастворенный воздух, ни питательная влага.

Такого рода рассуждения мы встречаем у блж. Августина и у св. Иоанна Дамаскина.

Блаженный Августин говорит: «Нимало не должно сомневаться, что (молитвы св. церкви, спасительное жертвоприношение и милостыни) приносят пользу умершим, — но лишь тем, которые прежде смерти жили так, чтобы по смерти все это могло быть для них полезным. Ибо для отшедших без веры, споспешествуемой любовью, и без общения в таинствах напрасно совершаются ближними дела того благочестия, коего залога они не имели в себе, когда находились здесь, не приемля или всуе приемля благодать Божию и сокровищест-

вужа себе не милосердие, а гнев. Итак, не новые заслуги приобретаются для умерших, когда совершают за них что-либо доброе знаемые, а только извлекаются последствия из прежде положенных ими начал».

Св. Иоанн Дамаскин пишет: «Каждый человек, имевший в себе малую закваску добродетелей, но не успевший превратить оную в хлеб, — поелику, несмотря на свое желание, не мог сего сделать или по лености, или по беспечности, или потому что отлагал со дня на день и, сверх чаяния, постигнут и пожат кончиною, — не будет забыт праведным Судией и Владыкой, но Господь по смерти его возбудит его родных, ближних и друзей, направит мысли их, привлечет сердца и преклонит души к оказанию ему пособия и помощи. И когда Бог подвигнет их, а Владыка коснется сердец их, они поспешат вознаградить опущение умершего. А тот, кто вел жизнь порочную, которая была вся усеяна тернием и исполнена скверн и нечистот, который никогда не внимал совести, но с беспечностью и ослеплением погружался в мерзость похотей, удовлетворяя всем пожеланиям плоти и нимало не заботясь о душе, — которого все мысли заняты были плотоугодием и который в таковом состоянии постигнут кончиною, — сему никто не прострет руки, но так будет с ним поступлено, что ему не подадут помощи ни супруга, ни дети, ни братия, ни родственники, ни друзья: поелику Бог не призрит на него».

4. Частное поминовение умерших. Св. Церковь молится постоянно о *всех* прежде почивших отцах и братиях наших; но она совершает также особое молитвенное поминовение о *каждом* усопшем отце и брате нашем, по нашему благочестивому желанию и вызову.

К частному поминовению умерших относятся: *третины, девятины, сорочины и годовщина*.

а) *Третий день*. Поминовение усопших в третий день

после смерти есть предание апостольское. Оно совершается, *во-первых*, потому, что скончавшийся крещен был во имя Отца и Сына и Св. Духа, Бога единого в Троице, хранил невредимою веру, принятую во св. крещении, и так как он в течение жизни молился об отпущении грехов единому в Троице Богу, то и по преставлении его св. Церковь творит о нем поминовение в третий день; *во-вторых*, потому, что он сохранил три богословские добродетели, служащие основанием нашего спасения, именно: веру, надежду и любовь; *в-третьих*, потому, что существо его имело тройственный состав — дух, душу и тело, которые согрешают вместе и потому, по переходе человека в загробный мир, требуют очищения от грехов.

Кроме такого богословского значения поминовения усопших в третий день, оно имеет еще значение таинственное, касающееся загробного состояния души. Когда св. Макарий Александрийский просил ангела, сопровождавшего его в пустынь, объяснить ему значение церковного поминовения в третий день, то ангел отвечал ему: «Когда в третий день бывает в церкви приношение, тогда душа умершего получает от стрегущего ее ангела облегчение в скорби, которую чувствует от разлучения с телом, — получает потому, что славословие и приношение в церкви Божией за нее совершено, отчего в ней рождается благая надежда, ибо в продолжение двух дней позволяется душе, вместе с находящимися при ней ангелами, ходить на земле, где хочет. Посему душа, любящая тело, скитается иногда около дома, в котором положено тело, и таким образом проводит два дня, как птица, ища себе гнезда. Добродетельная же душа ходит по тем местам, в которых имела обыкновение творить правду. В третий же день Тот, Кто Сам воскрес в третий день из мертвых, повелевает, в подражание Его

воскресению, вознестись христианской душе на небеса, для поклонения Богу всяческих».

б) *Девятый день.* В девятый день Св. Церковь совершает молитвы и бескровную жертву об усопшем также по преданию апостольскому. Она молит Господа, чтобы душа усопшего удостоилась быть причтенною к лику святых молитвами и предстательством девяти ангельских чинов. Св. Макарий Александрийский, по откровению ангельскому, говорит, что после поклонения Богу в третий день повелевается показать душе различные приятные обители святых и красоту рая. Все это рассматривает душа шесть дней, удивляясь и прославляя Творца всяческих, Бога. Созерцая все это, она изменяется и забывает скорбь, которую чувствовала, находясь в теле. Но если она виновна в грехах, то, при виде наслаждений святых, она начинает скорбеть и укорять себя, говоря: «Увы мне! Сколько я осуетилась в том мире! Увлечшись удовлетворением похотей, я провела большую часть жизни в беспечности и не послужила Богу как должно, дабы и мне удостоиться сей благодати и славы. Увы мне, бедной!» По рассмотрении же в течение шести дней всей радости праведных она опять возносится ангелами на поклонение Богу.

в) *Сороковой день.* Дни плача по умершим в самой глубокой древности продолжались сорок дней. Так, израильтяне оплакивали Моисея сорок дней.

Вообще число сорок есть число знаменательное, часто встречающееся в Священном Писании. Евреи питались в пустыне манною сорок лет; Моисей постился сорок дней и сорок ночей, приемля закон от Бога; Илия провел сорок дней и сорок ночей в путешествии к горе Хориву; Господь Иисус Христос после Своего крещения провел в пустыне сорок дней и сорок ночей, а после

Своего воскресения также в продолжение сорока дней учил апостолов тайнам Царствия Божия.

Основываясь на предании апостолов, узаконивших в Церкви Христовой древний обычай иудеев — оплакивать умерших сорок дней, Св. Церковь справедливо и благочестно с древнейших времен постановила правилом творить поминовение по усопшим в продолжение сорока дней (сорокоуст) и особенно в сороковой день (сорочины). Как Христос победил диавола, пробыв сорок дней в посте и молитве, так точно и Св. Церковь, принося в продолжение сорока дней молитвы, милостыни и бескровные жертвы об усопшем, испрашивает ему у Господа благодать победить врага, воздушного князя тьмы, и получить в наследие Царство Небесное.

Святой Макарий Александрийский, рассуждая о состоянии души человеческой по смерти тела, продолжает: «После вторичного поклонения Владыка всех повелевает отвести душу в ад и показать ей находящиеся там места мучений, разные отделения ада и разнообразные нечестивых мучения, в которых души грешников непрестанно рыдают и скрежещут зубами. По этим разным местам мук душа носится тридцать дней, трепеща, чтобы и самой ей не быть заключенной в оных. В сороковой день она опять возносится на поклонение Господу Богу, и теперь уже Судия определяет приличное ей по делам место заключения».

Симеон Солунский пишет (глава 372): «Сорокоусты совершаются в воспоминание вознесения Господня, случившегося в сороковой день после воскресения, и с той целью, чтобы и умерший, восстав из гроба, вознесся в сретение Господу, быв восхищен на облацех, и тако был всегда с Господом».

г) *Годины и годовщины*. День смерти христианина есть день рождения его для новой, лучшей жизни. Вот

почему мы празднуем память наших братий по истечении года со дня их кончины. Празднуя второе рождение их для неба, мы умоляем благоутробие Божие, да милостив будет Господь душам их, да подаст им вожделенное отечество в вечное наследие и сотворит их паки жителями рая.

Так как *любовь*, по слову апостола, *никогда не прекращается* (1 Кор. 13, 8), то смерть не расторгает нашего союза любви с усопшими нашими братьями: они живут духом с нами, пребывающими на земле, и мы сохраняем в сердцах своих живую память о них. С особенной живостью возобновляется в нас память их во дни кончины их — *годовщины*, и мы прибегаем в эти дни к молитве веры и любви, как к действительнейшему средству, с одной стороны, удовлетворить требованию своего горящего любовью сердца, а с другой — доставить отраду и облегчение душам переселившихся от нас в горний мир.

«*Годины*, или поминовение покойника в день его смерти, спустя год после нее, и *годовщины*, повторяющие поминовение с возвращением этого дня и в последующие годы, надо совершать непременно под управлением той мысли живой веры, что ради совершившегося подчинения Самого Господа, по Его вочеловечении, человеческим условиям времени, для нас годовые и многогодовые возвращения, или как бы повторения дня отшествия покойного в другую жизнь, имеют живой смысл и соотношение к его душе и судьбе. Надо вере и человеколюбию нашему пользоваться этим для спешествования успокоению усопших».

5. Рассказы о спасительности молитв за умерших. 1) Блаженный кир-Лука рассказывает о самом себе, что, когда умер родной его брат в крайнем небрежении, он просил Бога открыть ему участь умершего. Стоя

однажды на молитве, старец увидел душу брата своего в руках бесовских. Тогда он послал некоторых из братий осмотреть келью умершего. Посланные нашли золото и дорогие вещи, которые старец приказал отнести в ближайший город и раздать бедным и нищим. Сделав это, старец опять стал молиться и увидел судилище Божие и ангелов света, спорящих с бесами за душу его брата. Бесы вопияли: «Ты праведен, так суди же: душа наша, ибо она творила дела наши». Ангелы говорили, что она избавлена милостынею, разданною за нее. Бесы противились и восклицали: «Да разве он раздал милостыню? Не сей ли старец?» Устрашенный подвижник отвечал: «Да, я сотворил милостыню, но не за себя, а за сию душу». Тогда бесы исчезли, и видение кончилось (Пролог, августа 24 дня).

2) Преподобный Макарий, задав вопрос сухому черепу, узнал важные истины касательно состояния умерших. Он, между прочим, спросил: «Ужели вы никогда не чувствуете никакого утешения?» (Преподобный обыкновенно совершал молитвы за усопших и желал знать, служат ли они в пользу.) Милосердующий о душах Господь восхотел открыть об этом Своему угоднику и, чтобы уверить раба Своего, вдохнул иссохшему черепу слова истины: «Когда, — отвечствовал череп, — ты приносишь молитвы за мертвых, то мы чувствуем некое утешение» (Слово об усопших в вере).

3) Св. игумения Афанасия завещала сестрам своего монастыря, незадолго до своей кончины, творить нищим трапезу в течение сорока дней после ее смерти, в память ее. Но сестры исполняли это завещание только в течение десяти дней, и такое забвение ее воли вызвало святую из другого мира. Явившись в сопровождении двух ангелов некоторым из сестер, она сказала: «Для чего преступили вы заповедь мою? Да будет вам известно,

что творимая до сорока дней за душу милостыня, питание алчущих и молитвы священников умилоствуют Богу: если души усопших грешны, то чрез это они получают от Господа отпущение грехов, а если безгрешны, то благотворительность за них служит ко спасению благотворителям» (Четии-Минеи и Пролог, 12 апреля).

4) Св. мученица Перпетуя, во время общей молитвы в темнице, нечаянно произнесла имя своего умершего брата Динократа. Вразумленная этой нечаянностью, она стала молиться о нем Богу и в следующую ночь удостоилась видения. Она видела брата выходящим из темного места, в сильном пламени, мучимого жестокой жаждой, нечистого видом и с раной на лице, с которой он умер. Между ним и св. мученицей была глубокая пропасть, так что они не могли приблизиться друг к другу, а подле того места, где стоял Динократ, был полный водоем (колодезь), край которого был гораздо выше его роста, так что брат ее никак не мог достать напиться из него. Из этого св. мученица уразумела, что брат ее находится в муках, и с сильным воплем и слезами стала ежедневно молиться о спасении его. Вскоре она удостоилась второго видения: темное место, в котором находился ее брат, сделалось светлым, и брат ее, чистый лицом и в прекрасной одежде, наслаждался прохладой; где у него была рана, там остался только след ее, край водоема был только по пояс ему, и на краю водоема стояла полная золотая чаша, из которой он пил и потом стал веселиться. Этим и кончилось видение, из чего св. Перпетуя поняла, что он освобожден от мук (*Деяния мучеников* Рюикара. Изд. 1802 г. III, гл. 7 и 8: страдания святой Перпетуи).

5) Св. Иоанн Дамаскин повествует, что «у одного из святых мужей был ученик, живший беспечно. Что же? Смерть застигла его в таковой беспечности. Милосер-

дый Отец Небесный, подвигнутый слезами и воплями старца, открыл ему того юношу горящим в пламени даже до выи, подобно немилосердому богачу, упоминаемому в притче о Лазаре. Когда же святой подверг себя строгим подвигам поста и молитвы, с крепким воплем умоляя Бога, то увидел его, объятого пламенем до пояса, наконец, когда св. муж присоединил болезни к болезням (то есть еще более усилил свою молитву), то Бог в видении явил его (юношу) старцу изъятым из пламени и совершенно свободным» (в *Слове об усопших в вере*).

6) В одном селе скоропостижно умер дьячок-старик. У него был сын — чиновник. Нечаянная смерть отца поразила сына. Загробная участь умершего не давала покоя доброму сыну почти в течение года. Зная, что в литургии самое важное время для поминовения умерших есть время пения: «Тебе поем, Тебе благословим», печальный сын, находясь в это самое время в церкви (это было в Духов день), с особенным усердием стал молиться Богу об упокоении своего отца. И что же? В ночь на вторник он видит во сне своего отца, который три раза поклонился ему до земли и при последнем поклоне сказал: «Благодарю тебя, сын мой» («*Странник*», 1864 г., декабрь).

Приложение

Решение некоторых вопросов и недоумений относительно молитв за умерших

Нельзя оставить без разрешения некоторых вопросов и недоумений, которые или сами собою возникают

в уме при рассматривании церковного учения о молитвах за умерших, или предлагаются и высказываются неправомыслящими.

1) «О всех ли умирающих без покаяния и приобщения Святых Христовых Таин не должно молиться?» Нет, св. Церковь строго различает тех, которые умирают в нераскаянности и без приобщения Христовых Таин по собственной вине и упорству, и тех, которые только не успевают пред своей кончиной сподобиться таинства покаяния и евхаристии, потому что подвергаются, по независящим от них причинам, внезапной или насильственной смерти. Вследствие этого — тогда как, например, о вольных самоубийцах или нераскаявшихся еретиках Церковь не молится, — о всех чадах своих, скончавшихся напрасной смертью, она с сокрушением истинной матери умоляет Господа помиловать их.

2) «Для чего молиться за тех умерших, которые покалялись пред смертью и, следовательно, получили уже от Господа чрез таинство покаяния прощение и разрешение грехов своих?» Но, во-первых, все ли кающиеся пред смертью приносят надлежащее покаяние, искреннее, глубокое, живое, вполне достаточное для того, чтобы удостоиться от праведного Судии совершенного разрешения от грехов? Все ли даже бывают способны к такому покаянию в тяжкие и страшные минуты смерти? Для всех этих покаявшихся, очевидно, необходимо предстательство церкви, которое бы могло восполнить то, чего у них не доставало. Во-вторых, от приступающих к таинству покаяния требуется, чтобы они не только исповедовали пред Богом свои грехи, но потом действительно обратились от них и принесли плоды, достойные покаяния (Иез. 18, 21—22; Мф. 3, 8; Деян. 3, 19; Апок. 2, 5). А все умирающие вскоре после принесенного ими покаяния не успевают самым делом оправдать и

докончить то, чему в покаянии полагают только начало. Вот это-то недостающее у всех умирающих вскоре после покаяния и восполняет мало-помалу Церковь своими молитвами (Посл. восточных патриархов о православной вере, член 18). В-третьих, для того чтобы удостоиться по смерти небесного блаженства, недостаточно только получить от Бога прощение грехов, а необходимо действительно очиститься от грехов и исцелиться, ибо грешник и прощенный, но остающийся со грехами своими, чувствовал бы себя не на месте посреди праведных небожителей пред лицом Святейшего святых и был бы даже неспособен, по духовной расстроенности своей, ко вкушению райского блаженства. Но молитвы церкви, благотворения, совершаемые живыми за умерших, и особенно приношение бескровной жертвы могут способствовать всем, скончавшимся с семенем новой жизни, чтобы это доброе семя мало-помалу раскрылось в них, возросло в дерево, принесло плод и чтобы таким образом они всецело обновились и совлекались ветхого человека.

3) «Как согласить предстательство церкви и молитвы живых за умерших с учением слова Божия, что Христос есть *единый Посредник между Богом и человеками* (1 Тим. 2, 5) и принес совершенное удовлетворение за всех грешников» (Гал. 3, 13; Евр. 7, 28)? Точно так же, как соглашаются предстательство церкви и молитва живых за живых, которые заповедует само же слово Божие (Иак. 5, 17). Церковь предстательствует пред Богом за умерших, как и за живых, не собственным именем, а именем Господа Иисуса (Ин. 14, 13—14) и силою Его же бескровной жертвы, которую не перестает приносить о спасении всех живущих и умерших. Церковь заботится своими молитвами и ходатайством только усвоить чадам своим бесконечные заслуги *единого Посредника*

между Богом и человеками, предавшего Себя для искупления всех (1 Тим. 2, 5—6).

4) «Как согласить учение о благотворном влиянии молитв церковных за умерших с учением слова Божия, что *человекам положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9, 27), и что на суде Бог воздаст каждому по делам его» (Рим. 2, 6)? По смерти действительно бывает для каждого суд Божий и мздовоздаяние еще нерешительное. И в этом-то снова обнаруживается бесконечная благодать и милосердие к нам Господа, что даже по смерти, после частного суда, Он не окончательно наказывает грешников, а только предначинательно, и оставляет еще длинный период времени, в продолжение которого семя добра, с каким переходят покаявшиеся грешники в вечность, могло бы развиваться в них и очистить их от всякой скверны под благотворным влиянием молитв церкви. По истечении уже этого периода, когда бесконечная благодать Господа успеет, так сказать, совершить все, что можно совершить для блага искупленных Его честною кровью, бесконечная правда Его произведет всеобщий и последний Суд, на котором окончательно воздаст каждому по заслугам.

5) «Если и по смерти отпускаются некоторым христианам грехи вследствие молитв церкви, то как же исполнится слово апостола, что в день последнего Суда *каждый получит соответственно тому, что делал, живя в теле* (2 Кор. 5, 10)?» Слово апостола непреложно, и оно исполнится как на всех людях, так точно и на христианах, которые, по смерти, силою молитв церковных удостоятся получить отпущение грехов. Ибо эти христиане сами, находясь еще в теле, положили начало к тому собственным раскаянием во грехах пред своей кончиной и таким образом еще в теле сделались достойны-

ми молитв церковных и способными воспользоваться ими за гробом.

6) «Если и умершие с покаянием грешники находятся во аде, то как же вспомоществуют освобождению их молитвы церкви, когда из ада нет избавления и на небо оттуда *не преходят*» (Лк. 16, 27)? Правда, в одном месте Св. Писания говорится, что из ада нет избавления и перехода на лоно Авраамово; но в другом месте читаем, что Христос Спаситель нисходил, по смерти, душой Своей в ад, яко Бог, чтобы *проповедать* там избавление, и, как верует Церковь, извел оттуда всех ветхозаветных праведников, или всех уверовавших в Него (1 Пет. 3, 19, «Правосл. испов.», ч. I. отв. на вопр. 49). Что же отсюда следует? То, что если для одних, каков был евангельский богач (Лк. 16, 25), нет избавления из ада, то для других, именно верующих в Господа Иисуса, оно сделалось возможным после того, как Он уже разрушил ад и извел оттуда многих. Как на небе, соответственно нравственному состоянию праведников, есть *обители многи* и различные мздовоздаяния (Ин. 14, 2), так, без сомнения, и во аде, соответственно неодинаковому нравственному состоянию грешников, есть свои разные обители, затворы и хранилища душ (3 Езд. 4, 32, 35, 41); и тогда как в одной из этих страшных обителей, подобно евангельскому богачу, страдают во пламени умершие в нераскаянности и неверующие (Лк. 16, 23), в других могли обитать, — конечно, без подобных страданий, — даже ветхозаветные праведники до самого пришествия к ним Христова, и могут обитать умершие с истинным покаянием и верою в Господа Иисуса грешники. Как из первых обителей или затворов адских нет избавления для узников по самому их нравственному состоянию, так из обителей последнего рода такое избавление уже было для праведников ветхозаветных и может быть для

скончавшихся в вере и покаянии грешников. И в темницах обыкновенных бывают преступники такие, для которых, по законам, невозможно избавление и уже определена смертная казнь, и преступники менее виновные, которые, при помощи ближних, могут получать и часто получают свободу: то же самое должно представлять и о *темнице духов* — аде (1 Пет. 3, 19). По сему-то Православная Церковь молит Господа об избавлении именно из ада, а не из какого-либо другого места душ, отшедших из мира с покаянием, как это особенно видно из молитвы ее на вечерне дня св. Пятидесятницы.

7) «Не суетны ли наши молитвы за умерших, когда мы с достоверностью не знаем, какая их постигает участь, и, может быть, многие, за которых мы молимся, находятся уже в Царствии Небесном, а другие, по частному суду Божию, принадлежат к числу отверженных?» Несмотря на все это, наши молитвы об умерших не суетны. Церковь научает нас молиться за всех скончавшихся в православной вере и с покаянием, исключая явных нечестивцев и нераскаянных; но о ком принять, о ком отвергнуть наши молитвы — это уже принадлежит Господу, Который знает *сущия Своя* и достойные Его милости (2 Тим. 2, 19). Наши молитвы о тех, которые, быть может, находятся уже на небеси или в числе отверженных, если не полезны им, зато и не вредны. Но наши молитвы о всех, благочестиво скончавшихся, только не успевших принести плодов, достойных покаяния, и потому не удостоившихся еще Царствия Небесного, без всякого сомнения, им полезны. А кроме того, молитвы за умерших, во всяком случае, полезны самим молящимся, по слову псалмопевца: *молитва моя в недра мое возвратится* (Пс. 34, 13) и Спасителя: *мир ваш к вам возвратится* (Мф. 10, 13).

8) «Если Церковь молится за всех с покаянием скон-

чавшихся и ее молитвы сильны пред Богом и благотворны для них, то все, за кого она молится, спасутся и никто не лишится блаженства». На это скажем вместе с св. Иоанном Дамаскином: «Пусть так, и — о, если бы сие исполнилось! Ибо сего-то и жаждет, и хочет, и желает, о сем радуется и веселится преблагий Господь, да никто не лишится божественных даров Его. Ибо неужели ангелам Он уготовал награды и венцы? Неужели для спасения духов Он пришел на землю, нетленно воплотился от Девы, соделался человеком, вкусил страдания и смерть? Неужели ангелам Он скажет: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие*? Ты не можешь сего сказать, противник; но все Он уготовал для человека, за которого и пострадал. Ибо кто, составив пир и создав друзей, не пожелает, чтобы они все пришли и насытились благ его? Иначе для чего ему и пиршество готовить, как не для того, чтобы угостить друзей своих? И если мы о сем только заботимся, то что сказать должно о Великодаровитом, Едином по естеству, преблагом и человеколюбивом Боге, Который, раздавая и подавая, более радуется и веселится, нежели тот, кто приемлет и приобретает себе величайшее спасение». Надо также не забывать, что *обители* у Отца Небесного *многи* и степени блаженства вечного будут весьма различны, соответственно самому достоинству тех, которые удостоятся этого блаженства.

9) Древние еретики ариане выставляли против пользы молитв за умерших следующее возражение: «Если молитвы, приносимые за усопших, для них полезны, то пусть никто не живет благочестиво и не творит добра, а снискивает себе друзей каким угодно образом — щедрым ли раздаянием денег или просьбою пред концом жизни — молиться за него Богу, чтобы

ему не страдать в другой жизни и не подвергнуться казни за великие грехи».

Когда в землю брошено зерно, потерявшее начало растительной жизни еще в житнице и внутренне повредившееся до того, что неспособно изникнуть из земли, тогда сколько бы ни орошали это гнилое зерно, сколько бы ни старались подвергать его влиянию животворного солнца и благорастворению воздуха, оно не разовьется и не сделается прекрасным растением. Так и молитвы друзей и сродников не могут помочь душе того умершего, который во время земной жизни пороками и нечестием *погасил в себе дух Христов* (1 Сол. 5, 19), который, называясь христианином, был по душе язычник, а по жизни и делам фарисей; не могут молитвы их помочь душе его выйти из вечной тьмы в Царство святых, где присещает свет лица Божия, ибо отверженному *нет части со святыми* (2 Кор. 6, 15).

Узнают ли друг друга люди в загробном мире?

Учение о том, что люди взаимно узнают друг друга в мире загробном, было предметом почти всемирного верования. Все народы земные придерживались этого учения. В означенную истину веровал как древний мир, так верует и современный — еврей и язычник, христианин и варвар, грек и римлянин, философ и поэт, самые образованные народы и самые дикие племена равно держались этого учения. Это верование во взаимное свидание за гробом с близкими нам людьми особенно дорого чадам Божиим в минуты самых тяжких их испытаний. Оно неизреченно дорого душе человеческой именно тогда, когда разрушаются самые доро-

гие ее земные надежды и болезненно порываются узы сердечных ее привязанностей. Тогда верование, о котором идет речь, является истинно целебным врачевством для наболевшего духа и становится великим утешением для измученного и разбитого сердца; потому что оно научает «не скорбеть, как прочие, не имеющие надежды». Оно уверяет, что разрушение тела порождает только временную разлуку, что дорогие существа отняты не навеки, а только на то малое время, пока продолжится его земная жизнь.

Но основательно ли это верование? Да, мы можем быть твердо убеждены, что Творец, создавший наше существо, не вложил бы в нашу душу столь глубокую веру и столь глубокое желание этого святого взаимного свидания, если бы оно было не истинно, и Дух Святый не допустил бы таковой мысли возрастать и укрепляться в сердцах верующих в час их самых тяжких страданий и скорби, если бы сказанная мысль была заблуждением.

Обращаясь к рассмотрению свидетельств Священного Писания, утверждающих истину того, что люди вновь узнают друг друга в загробной жизни, укажем прежде всего те места пятикнижия Моисея, в которых говорится, что ветхозаветные патриархи «приложились к народу своему».

Так, в книге Бытия, 25, 8, сказано: что Авраам умер, и *приложился к народу своему*. Но этот образ выражения, конечно, не может относиться к *погребению* патриарха, потому что в таком случае означенное выражение было бы не верно, так как Авраам не был погребен там, где были могилы его народа. Его предки жили и умерли в Уре халдейском; Фарра, его отец, умер в Харране и там был погребен; а Авраам был похоронен в новом месте погребения, — и именно, в пещере поля в Махпеле, против Мамре, что ныне Хеврон, в земле ханаан-

ской (см. Быт. 23, 19, и 25, 9—10), — пещере, которую Авраам приобрел от сынов Хетовых и которая находилась далеко от гробниц его отцов. Однако, не будучи погребен с «своим народом», он все же *приложился к нему*, то есть хотя его тело не покоилось с их телами, но то, что составляло самое *его существо*, а именно бессмертный дух, «приложился к его народу» — вступил в тесное, братское единение и был возвращен их дружбе. Также об Исааке мы читаем (Быт. 25, 29): «и испустил Исаак дух, и умер, и *приложился к народу своему*, и погребли его Исав и Иаков, сыновья его».

Заметьте, что здесь говорится, что Исаак «приложился к народу своему» тотчас *после* своей кончины, но до своего погребения. Этим, очевидно, преподается то учение, что, как скоро дух престарелого праведника покинул тело и прежде чем это тело было погребено, освобожденный от уз плоти, он вступил в общение со своими благочестивыми предками, которые до него перешли в шеол. То же выражение употреблено и относительно Иакова в книге Бытия, 49, 33, где слова: *приложился к народу своему*, — не могли, конечно, означать, что он был погребен с ними, так как погребение Иакова совершилось только через сорок дней после того, как он «скончался и приложился к народу своему».

В 32 главе пророчества Иезекииля мы также удостоверяемся в сказанной страшной истине, что *души погибших навеки грешников узнают друг друга*. Здесь, в грозно-величественном повествовании, царь Египетский изображен сошедшим во ад, находящимся там среди князей и необрезанных, а в 21 ст. означенной главы нам сказано о фараоне:

«Среди преисподней будут говорить о нем и о союзниках его первые из героев; они пали и лежат там между необрезанными, сраженные мечом».

Это место Св. Писания изображает пред нами жилище ада и указывает, что души отшедших в мир загробный неистовых мучителей, их союзников и их полчища *находятся вместе*, и мы видим их *говорящими с фараоном во аде*, когда и он сошел туда к ним. А что царь Египетский узнал их, это несомненно, так как вслед за перечислением царей и народов, о которых сказано, что они *сошли в преисподнюю*, и о которых утверждается (ст. 27), что «осталось беззаконие их на костях их, потому что они, как сильные, были ужасом на земли живых», в ст. 31 мы читаем: *увидит их фараон* и утешится о всем множестве своем, пораженном мечом, фараон и все войско его, говорит Господь Бог». Из означенного места книги пророка Иезекииля мы узнаем, что царь Египетский не только будет видеть тех царей и народы, которых он знал на земле, но что вид этих несчастных, преданных вечным мучениям, доставит ему род диавольского радования, раз он узнает, что те, которые были соучастниками его преступлений, станут сотоварищами его страданий.

Той же истине, утешительной для благочестивых и страшной для беззаконных, что люди *взаимно узнают друг друга во аде и будут обречены на вечное сотоварищество*, мы научаемся и 31 главой Иезекииля, ст. 16 и 17, где Бог говорит о царе Ассирийском.

Закончив рассмотрение свидетельств, представляемых Ветхим Заветом, мы теперь приступим к исследованию того свидетельства, которое дается относительно сказанной истины в евангельских повествованиях о земном служении нашего Господа.

В Еванг. Луки, 16 гл., 19—21 ст., мы читаем о богаче жестокосердном и бедном Лазаре следующее: «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон, и каждый день пиршествовал блистательно. Был также

некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях, и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий, и отнесен был ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его. И, возопив, сказал: отче Аврааме, умиلسердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое, ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь. И сверх всего того, между вами и нами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Очевидно, что в этом повествовании Христом сказано многое о бессмертии. Он приподнимает, так сказать, завесу, скрывающую от нас мир духовный, и дает нам взглянуть минутно на состояние душ в загробном мире. Быть может, ни в одном из мест Священного Писания не изображены столь живо различные состояния отшедших и их взаимные друг к другу отношения. Нам дано видеть одновременно небо и ад, и то, что там происходит, поведано нам Тем, Который есть не только «Начальник жизни», но и «Имеющий ключи ада и смерти».

Рассмотрим же, что нам сказано Христом относительно той истины, что люди узнают друг друга и что общение между ними возобновится в том *мире духовном*, который Он раскрывает пред нами в сказанном повествовании. Притча эта учит нас тому, что святые, находящиеся в Царстве славы, не только взаимно узнают друг друга, но что между ними существует самая *искренняя дружба и общение*, так как мы слышим, что Ла-

зарь не только узнал Авраама, но что ему дозволено было и *возлежать на лоне его*, то есть дано было блаженство самого преискренного общения с «отцом верующих и другом Божиим».

Далее, мы узнаем из означенного повествования еще и то, что *спасенные и погибшие могут узнать друг друга*, хотя *общения дружбы* не может существовать между ними; так, богач, находившийся в аду, мог узнать и Авраама, и Лазаря, которые были на небесах, и они также видели его. Но хотя они, таким образом, могли *видеть* друг друга *издалека*, все же не было никакой возможности *взаимного между ними общения*, так как между ними была «утверждена великая пропасть», преграждавшая навеки всякое между ними общение. И это, что нераскаянные грешники будут видеть славу святых, — будет усиливать в течение всей вечности мучения их и увеличивать ужас и мрак их места осуждения.

О различии пола в будущей жизни

Свойственное человеку стремление открыть завесу, отделяющую настоящее от будущего и насколько возможно проникнуть в тайны загробной жизни, это присущее человечеству стремление ставит такой вопрос: существует ли различие полов в будущей жизни? Явления святых на земле мужского и женского пола не оставляют никакого сомнения в существовании двух полов за гробом. Загробная жизнь уже не земная, а ангельская, где нет нужды, да и невозможен уже, например, брак; он необходим был на земле для поддержания рода человеческого. Духовные же отношения людей, начавшиеся на земле, сохраняются, иначе и быть не может, и в загробном мире, для которого эти отношения и пред-

назначались. Брат останется и там братом относительно своей сестры, если она только была на земле и если тоже участница райской жизни; жена останется относительно своего мужа женой, ее права на это при ней; ее духовные отношения к мужу определены Самим Богом. Если не кончается бытие души телесной смертью, если ей предстоит отдать отчет в своих действиях, например, в исполнении или неисполнении обязанности жены, — отдавая отчет, душа должна сохранить и пол свой.

Не согласно с здравым рассудком, чтобы безразличное существо — душа — отдавало бы отчет в действиях, ей не принадлежащих или ей не свойственных. Слово Божие научает нас, что в воскресении тела соединятся со своими душами, следовательно, всякая душа опять навеки соединится со своим телом. Тело есть орган души, орудие ее видимого проявления. Не должно думать, чтобы различие полов заключалось только в видимом теле. Характер, свойство того и другого пола принадлежит не телу, а душе. С этими естественными свойствами, отличающими одну душу от другой, душа переходит с земли в загробный мир. Еще без тела несчастный богач в аду узнал тоже бестелесного Авраама и Лазаря. Значит, почему же нибудь не смешал их, напр., с Саррою, Ревеккою и другими женами, в раю находящимися. Справедливо на земле говорят: такой-то с характером женским, а такая-то с характером мужским; однако ни тот — не женщина, ни та — не мужчина; здесь только говорится о некотором сходстве характеров, точно так же, как бывает, что и мужчины имеют женское лицо, и женщины — мужское, сохраняя, однако же, при себе свой пол — естественный характер души.

О существовании полов в загробной жизни блаженный Августин пишет так: «тогда изгнано будет из плоти лишь недостаточное, а сама природа ее сохранится».

Но пол женщины вовсе не есть недостаток (как учили догматики средних веков о несовершенстве женского пола), но природа, которая, конечно, тогда не будет ни зачинать, ни рождать, посему не будет и бракосочетания, но будет продолжать существовать в своих женских членах не для прежнего употребления, но для нового украшения, и никогда не будет она возбуждать похоти того, кто будет созерцать сие... напротив, она послужит новою причиною прославлять мудрость и благость Бога, Который некогда сотворил то, чего не было, избавил от истления то, что сотворил. Кто, таким образом, сотворил оба пола, «Тот и сохранит их» (См. соч.: *«Наши друзья на небе»*, Killen).

Глава 9

Антихрист

1. Время кончины мира. Несмотря на то, что в слове Божием не указано время кончины мира, люди всегда делают попытки с точностью определить этот великий момент, за которым последует всеобщее воскресение мертвых и Страшный Суд Христов. Общественные бедствия вроде голода, войны, повальных болезней — холеры, чумы, моровой язвы, всегда способствовали распространению в народной массе убеждения в том, что мир наш доживает свои последние дни. Но едва ли когда было так сильно и всеобщее ожидание конца мира на западе, как в исходе первого тысячелетия нашей христианской эры, основанием чему служили следующие слова Апокалипсиса: через тысячу лет диавол выйдет из своей темницы и соблазнит народы, находящиеся в четырех странах земли. Книга жизни будет открыта; море извергнет своих мертвых; каждый будет судим сообразно со своими делами Тем, Который восседает на великом сияющем престоле. И будет новое небо и новая земля.

Бернард Тюрингский (около 960 г.) назначил

даже день конца мира: вселенная, по его мнению, должна разрешиться, когда Благовещение совпадет со страстною пятницею. Это совпадение случилось в 992 году — и ничего необычайного из этого не последовало.

В течение X столетия королевские хартии начинались следующими характеристическими словами: *так как приближается конец мира...*

В 1186 году астрологи напугали Европу, объявив, что в сентябре месяце разразятся великие бури, произойдет землетрясение, появится смертность между людьми, возмущения и распри, революции во всех государствах, уничтожение и гибель всего живущего. Но ничто не оправдало их предсказаний.

Несколько лет спустя, в 1198 году, разнесся слух о конце мира. Но на этот раз миру предстояло разрушиться без посредства небесных явлений; предсказали, что в Вавилоне народится антихрист, и через него погибнет род человеческий.

В конце XIII столетия алхимик Арно де Вильнев объявил, что антихрист народится в 1335 году.

Винцент Ферве, знаменитый испанский проповедник, уверяет, что мир просуществует столько лет, сколько стихов в псалтири, т. е. около 2537 лет.

Один из знаменитейших математиков Европы по имени Стофлер, усердно работавший над разбором календаря, предсказал, что в 1524 году будет всемирный потоп. Этот потоп должен был случиться в феврале месяце, потому что тогда Сатурн, Юпитер и Марс должны были соединиться в знаке Рыбы. Все народы Европы, Азии и Африки, прослышавшие об этом предсказании, были поражены унынием и страхом. Невзирая на радугу, все ожидали потопа. Многие писатели того времени передают, что жите-

ли приморских провинций Германии решили продавать по самой низкой цене свои земли и что люди, имеющие деньги и не очень доверявшие предсказаниям, скупали эти земли. Каждый запасался лодкой на манер ковчега. Доктор Тулузы по имени Орион заказал для себя, своего семейства и своих приятелей ковчег, отличавшийся большими размерами. Подобные же предосторожности принимались в большей части Италии. Наконец, наступил февраль месяц — и не выпало ни одной капли дождя. Никогда, ни в одном месяце, не было такой засухи и никогда астрологи не чувствовали такого смущения. Однако эти достойные люди не упали духом, и им не переставали верить. Тот же Стофлер вместе со знаменитым Региомонтаном снова предсказали, что в 1588 году будет конец миру или, по крайней мере, последуют какие-нибудь важные происшествия, долженствующие всколебать землю.

Новое предсказание — и новое разочарование! И 1588 год не ознаменовался никаким необычным происшествием. В 1572 г. было, правда, явление весьма странное, которое могло оправдать все опасения: неизвестная звезда внезапно зажглась в созвездии Кассиопеи, эта звезда отличалась ослепительным светом и была видна даже днем. Астрологи объявили, что это была звезда волхвов, вторично появившаяся возвестить последнее пришествие Христово.

Предсказание о гибели вселенной в 1840 году долго служило предметом всеобщих ожиданий и стархов. 1840 г. был объявлен роковым. Предсказания самые грозные и ужасные сыпались со всех сторон. На шестое января назначена была последняя развязка человеческой драмы. Весьма многие готовились к роковому событию, покончили со всеми

своими делами и с твердостью ожидали конечной гибели.

Парижский священник Пьер-Луи, живший в 1840 г., из своеобразного толкования Апокалипсиса пришел к тому убеждению, что конец мира последует в 1900 г.

Что касается нашего отечества, то мысль о скорой кончине мира особенно распространена была между русскими в XV столетии. Так, ее встречаем в летописях у митрополита Киприана, митрополита Фотия и других учителей. В Софийской летописи под 1459 годом написано: «зде страх, зде скорбь велика: якоже в распятии Христове сей круг бысть 23, луны 13, сие лето на концы явился, в он же чаем всемирное пришествие Христово. О, Владыко! умножившаяся беззакония наша на земли, пощади, Владыко!» Пасхалии не доводили далее 7000 (1492) года, за этим годом ставили кружок и приписывали: «горе достигшим до конца времен!»

И в наши дни не прекращаются слухи о скорой кончине мира, основывающиеся на тех или других признаках или событиях... 1899 году в этом отношении особенно посчастливилось; многие положительно были убеждены, что мир не просуществует далее ноября этого года...

При неизвестности дня Господня, нам все-таки открыты некоторые признаки его наступления, пред нами ясно выступают два предсказания в Священном Писании. Одно состоит в том, что Евангелие должно быть проповедано всему миру и все язычники и народ израильский должны вступить в церковь. Второе говорит о великом отпадении вступивших, из которого развивается последний образ греха. О том, что христианство сделается всемирной религией, не мо-

жет быть вопроса. Как бы медленно ни шел труд миссии, чрез все языческие религии проходит чувство сознания, что часы их сочтены. Хотя в магометанстве все еще горит огонь древнего фанатизма, но именно это возбуждение против всего христианского показывает, что Евангелие подвергает его опасности. Конечно, победу Евангелию не везде доставляет убеждение в истине его, но чего не сделает миссия, то сделает господство европейской цивилизации. С ним христианство войдет повсюду, как религия господствующих народов. Таким образом, в руке Божией и светские интересы будут служить средством к собиранию народов в союз христианской церкви, дабы концы земли сделались границами церкви.

Страннее всего может казаться надежда на то, чтобы и Израиль преклонился пред Распятием; но мы должны сказать, что самое существование этого удивительного народа показывает, что Бог сберег его для будущности; если же будущность принадлежит Иисусу Христу, то Ему принадлежит и Израиль. В пророчестве сказано, что это будет обращение не отдельных лиц, но всего народа. И та связь, в которой находятся между собою отдельные части этого народа, ясно показывает, что если им раз завладеет религиозное движение, то оно легко может сделаться всеобщим. Один Бог знает, когда это случится; теперь еще закрыты их глаза и помрачен ум, и они не узнают в Иисусе Христе Того, к Кому обращаются их молитвы и их надежды. Израиль служит мамоне и мимолетным интересам века, но в глубине души хранит надежду своих предков. Если тяжелая школа, которую им предназначил Господь, достигнет относительно их своей цели, тогда как бы струпья спадут с их глаз и они узнают, Кого распяли. И чем дольше ругались

они над Тем, Который был исполнением их надежд, тем глубже будет их коленопреклонение и тем вернее их вера и любовь.

С этой будущностью Израиля, по словам пророка, будет совпадать эпоха распространения безбожия по всей земле. Эта злосчастливая во всех отношениях година, беспримерная по силе и повсеместности распространения безбожия, небывалая по тяжести, продолжительности и широте распространения бедствий, которая будет поражать человечество, наступит пред вторым пришествием Иисуса Христа, пред кончиной мира. Прямо и ясно сказано: Сын Человеческий, пришедши, найдет ли веру на земле (Лк. 18, 8)? В Священном Писании эта година называется: последние дни (2 Пет. 3, 3), последние времена (1 Тим. 4, 1), последнее время (Дан. 11, 4, 9). Продолжительность ее в Писании не определена. Конец ее совпадает с пришествием Иисуса Христа и концом мира; но начало ее будет наступать постепенно, и потому его трудно разграничить с предыдущим временем, нельзя указать определенного момента времени, с которого она начинается. Из книги пророка Даниила и из Апокалипсиса видно, что последний и самый страшный период этой години продолжится три с половиной года — разумею время царствования антихриста. Но злосчастливая година страшных бедствий и необычайного распространения нечестия и безбожия начинается раньше начала царствования антихриста, как это видно из речи Иисуса Христа о кончине мира, из второго послания апостола Павла к фессалоникийцам и из Апокалипсиса. Царствование антихриста будет только завершением и концом этой години, последним периодом ее. Но как продолжителен будет предшествующий царствованию антихрис-

та период этой години — это не известно. Чрезвычайное распространение неверия и нечестия по всей земле; всеобщая взаимная вражда между людьми и народами, которая еще задолго до кончины мира усилится до того, что восстанет народ на народ и царство на царство (Мф. 24, 6—7), что люди друг друга будут предавать и возненавидят друг друга (Мф. 24, 10), так что даже предаст брат брата на смерть, и отец детей, и восстанут дети на родителей и умертвят их (Мк. 13, 12); большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба (Лк. 21, 11); великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет (Мф. 24, 21), когда люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную (Лк. 21, 26); умножение беззакония и сопровождающее его охлаждение любви к людям (Мф. 24, 12); предание на мучения и на смерть христиан и ненависть к ним со стороны всех народов за имя Христа (Мф. 24, 9); мерзость запустения, реченная чрез пророка Даниила, стоящая на святом месте (Мф. 24, 14; Дан. 9, 27), — все это и вызовет кончину мира, подобно тому, как яд, отравляя все соки живого существа, причиняет последнему смерть. Господь Иисус Христос прямо сказал, что если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть (Мф. 24, 22). Это значит, что, если бы Иисус Христос и не пришел тогда, чтобы произвести окончательный суд над человеческим родом (Мф. 25, 31—46), чтобы разрушить и обновить огнем небо и землю (Мф. 24, 29; 2 Пет. 3, 7—12), все-таки существование человеческого рода прекратилось бы.

Пред кончиной мира владычество, дерзость и распространенность безбожия, глубина и повсеместность нравственного растрепания и физическая захуда-

лость в человеческом роде будут столь же необыкновенны и чрезвычайны, как будут необычайны многие физические явления и другие события, которые тогда совершатся, как необыкновенна сама кончина мира. Это будет эпоха во всех отношениях, и в частности, в отношении к безбожию, исключительная, единственная, беспримерная, страшная и злосчастная.

Столь же исключительны и причины необычного распространения безбожия пред кончиной мира. На основании Священного Писания и учения отцов церкви, мы можем высказать частью предположения, частью и положительные суждения о причинах страшного распространения и необыкновенного владычества безбожия пред кончиной мира; отметим также и характерные черты безбожного духа тогдашнего времени.

В Священном Писании есть некоторые указания на то, что безнравственность, нечестие и безбожие последней години будут подготавливаться постепенно, быть может, в течение очень долгого времени. Евангелист Иоанн Богослов уже в своем времени говорил: «Как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (1 Ин. 2, 18). В то же время и апостол Павел писал, что тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающей теперь (2 Сол. 2, 7). Однако протекло уже девятнадцать веков с тех пор, как сказаны были те и другие слова, и кончина мира все еще не наступила. Но, с другой стороны, апостолы, как писатели боговдохновенные, не могли высказать в своих посланиях, принятых в канон Священного Писания, ошибочных мыслей, и притом о предмете столь важном. Как же нужно понимать приведен-

ные слова? В них выражается не то, что во времена апостолов приближалась кончина мира, а указывается на сходство событий гражданской и церковной тогдашней жизни, тогдашнего духа времени с тем, что будет происходить пред концом мира, и современная апостолам година изображается ими, как начало печального и страшного конца, — начало не по близости времени, а по сходству явлений жизни. В словах апостола Павла это высказано ясно. Он вовсе не говорил, что наступает кончина мира. Совсем напротив: он самое послание-то свое пишет к фессалоникийцам с той преимущественно целью, чтобы некоторых из них, ожидавших скорого наступления конца мира, разубедить в этом мнении. Он соглашается с тем и утверждает, что тайна беззакония — того беззакония, которое во всей силе и наготе обнаружится пред концом мира, уже действует, но оно действует, именно как тайна, прикровенно, мало заметно, как мало замечен росток, который только через многие годы становится видным для всех, огромным деревом. Подобным образом и кончина мира не станет до тех пор, пока тайна беззакония, уже начавшаяся, не совершится, т. е. пока не обнаружится и не осуществится в полноте и во всей силе. Когда это будет, апостол указывает, но только не прямо, а таинственно: это будет тогда, когда будет взят от среды удерживающий теперь; но что такое удерживающий и когда он будет взят из среды, этого апостол не изъясняет. Не указывая ясно, когда последует конец мира, он, однако же, убеждает солунян не верить слухам, распускаемым неблагонамеренными людьми, что конец мира уже наступает.

Разъяснение истинного смысла приведенных слов апостола Павла дает ключ к пониманию слов Иоанна

Богослова, которые в свою очередь проливают свет на слова апостола Павла. Слова того и другого апостола параллельны и соответственны; мысль в них приблизительно одна и та же, и только выражена она различно. Антихристами евангелист Иоанн Богослов называет людей, отвергающих Отца и Сына (1 Ин. 2, 22); он же говорит, что всякий дух, который не исповедает Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире (1 Ин. 4, 3), об антихристах он говорит еще, что они вышли от нас, но не были наши (1 Ин. 2, 19). Ясно, что под антихристами он разумеет еретиков своего времени — гностиков, отвергавших боговоплощение и не признававших Христа Богом, эвонитов, признававших Христа только человеком, и других еретиков, а может быть, также и лжехристов (много лжепророков появилось в мире, 1 Ин. 4, 1). Приписывая всем таким людям дух антихриста, имеющего прийти пред кончиною мира, евангелист Иоанн говорит, что он, т. е. настоящий антихрист, теперь есть уже в мире. Но так как в его время настоящего антихриста не было и он знал это, то ясно, что и об явлении настоящего антихриста в его время, и о наступлении последнего времени (дети! последнее время, 1 Ин. 2, 18) Иоанн Богослов говорит в том же смысле, как и апостол Павел о тайне беззакония, как начавшей действовать, но еще не совершившейся, не осуществившейся, т. е. он указывает предшественников имеющего прийти антихриста, но предшественников не по непосредственному, а по отдаленному преемству, не по времени, а по духу. Еретики отвергли Христа как Богочеловека, а вместе с тем если и не отвергли Бога, то, по крайней мере, неизбежно извращали учение о Нем, на место

христианства поставляли свое лжехристианство, и настоящий антихрист будет отвергать Христа и возвращать христиан в свою веру (Апок. 2, 17; 13, 5—8; 17, 14). Только он далеко и безмерно превзойдет еретиков степенью, дерзостью, силой и успехами в отрицании Христа и христианства: он будет истреблять христиан, богохульствовать, называть себя Богом и владычествовать на всей земле (Апок. 13, 2, 3—12). Между тем как еретики предызображают обольщения и соблазны, которыми антихрист будет отторгать христиан от Христа (2 Фес. 2, 10—11), гонители христианства из иудеев и язычников были и бывают предшественниками антихриста в его истребительной войне против святых (Апок. 13, 7). Поэтому, не без основания под тайной беззакония, которая, по словам апостола Павла, уже в действии, некоторые отцы церкви, напр., Златоуст, разумели Нерона, как прообраз антихриста. «Ибо, — говорит вселенский учитель, — и тот (т. е. Нерон) хотел, чтобы его считали Богом. Хорошо сказал он (т. е. апостол) — тайна, ибо Нерон не так явно и бесстыдно выдавал себя за Бога, как антихрист! А другие отцы церкви и под тайной беззакония разумеют еретиков, и в таком случае сходство и параллелизм двух изъясняемых мест — из первого послания евангелиста Иоанна Богослова и из второго послания апостола Павла к солунянам — будет еще ближе. Так, блаженный Феодорит говорит: «Иные утверждали, что Нерона назвал апостол тайною беззакония и делателем злочестия. Но думаю, что апостол означил сим породившиеся ереси; потому что ими диавол доводит многих до отступления от истины. Наименовал же их тайною беззакония потому, что сеть беззакония в них сокрыта, сам же диавол явно ведет людей к богоотступничеству. Посему-то

пришествие его апостол назвал открытием. Ибо, что всегда приуготовлял втайне, провозгласит тогда открыто и ясно. Эти разноречивые толкования можно примирить предположением, что апостол Павел под тайной беззакония разумел Нерона только преимущественно, как наиболее типического и притом современного ему прообраза антихриста, но не исключительно его одного. Создавая свои послания в ответ на потребности своего времени, апостолы, тем не менее, предназначали их для всех времен. Как евангелист Иоанн Богослов, говоря о современных ему еретиках — антихристах, подразумевал и еретиков последующих времен, как выразителей антихристианского духа: так и апостол Павел словами: тайна беззакония, обозначил предшественников антихриста всякого рода и всех времен: еретиков, безбожников, неверующих и лжеверующих, гонителей христианства. Самый способ выражения апостола Павла дает понять, что действие тайны беззакония будет не кратковременное, не единократное, какова была деятельность Нерона, а постоянное, имеющее продолжаться до того времени, пока она не обнаружится явно, дерзко, во всей силе и страшной широте, пока антихристианский дух всех времен, воплощающийся и действующий в разнообразных противниках Христа, не сосредоточится в антихристе, пока он не достигнет завершения высшей степени развития и вместе своего конца в безбожии, безнравственности и антихристианстве пред кончиною мира. Не один Нерон, а целый ряд Неронов — этих гордых самообожателей, жестоких деспотов, кровожадных, как тигры, завоевателей, безнравственных распутников, нечестивых безбожников, сумасшедших попирателей истины и страшных гонителей христианства — пройдет в течение ве-

ков до конца мира. Ирод, так называемый Великий, избивший четырнадцать тысяч вифлеемских младенцев (Мф. 2, 16); Римский император Калигула, безумно говоривший, что если бы у человечества была одна голова, то он отсек бы ее; Домициан, Диоклетиан, Юлиан Отступник и другие жестокие гонители христиан, Аттила, названный бичом Божиим; Чингис-хан и Тамерлан, превращавшие многолюдные города в груды мусора и целые царства в пустыни и воздвигавшие вместо памятников огромные пирамиды из отрубленных голов; Наполеон и другие Тамерланы нового времени, из-за честолюбия и властолюбия погубившие миллионы людей — кто они, как не предшественники по духу, как не прообразы по жизни и деятельности того зверя, выходящего из моря, которому дано вести войну со святыми и победить их, которому будет дана власть над всяким коленом и народом, и языком, и племенем, которого даже образ, одушевленный чародейской силой его помощника-зверя, выходящего из земли, будет говорить и действовать так, что будет убиваем всякий, кто не будет поклоняться образу зверя (Апок. 13, 1, 7, 11, 15)? Далее, если евангелист Иоанн Богослов назвал антихристами гностиков, отрицавших боговоплощение (докетов), иудействующих, не признающих Христа Богом, отступников от христианства, принявших истинную веру, но не устоявших в ней, лжепророков и лжехристов, поставлявших себя на место истинного Христа, то не должны ли быть названы антихристами все позднейшие еретики, а также и имеющие явиться впоследствии? Не антихристы ли, не предшественники ли апокалипсического антихриста гностики второго и третьего века, манихеи, антитринитарии, ариане, аполлинаристы, несториане, монофизиты и монофе-

литы, пелагиане, иконоборы, богомилы и павликиане, социниане, жидовствующие, древние и новые антиномисты, наши раскольники, особенно беспоповцы, наши хлысты и прочие сектанты, ирвингиане и другие бесчисленные толки мистического сектанства? Не антихристы ли крайние рационалисты прошлого и нашего века, вроде Павлюса, Штрауса, Ранена?.. Не антихристы ли деисты, пантеисты, радикальные скептики и агностики, материалисты и безбожники? Не антихристы ли будут и все имеющие явиться еретики, отступники от веры, лжеверы, отрицатели, враги и гонители религии и христианства, враги истины и добра, закоренелые в грехах, богохульники и безбожники? Все таковые были и будут предшественниками, прообразами и предуготовителями апокалипсического зверя-антихриста в тех действиях последнего, в которых он явится лжецом и обманщиком, явным, сильным, дерзким врагом Бога, христианства, религии и всего святого и будет требовать божеского поклонения только одному себе. Еретичество, кровожадная жестокость, нравственное беззаконие, богохульство и безбожие и соединенные с ними умственный упадок и физическое вырождение, проявляясь в течение веков в разных формах, то ослабевая, то усиливаясь, но никогда не прекращаясь, замирая в одних формах и в одних местах и возгораясь с новой силой в других видах и в других местах и народах, будут постепенно накапливаться в человеческом роде; зло, антихристианство, вражда против Бога, хотя и чрез промежутки, но все-таки будут усиливаться, пока не возрастут до всепоглощающего потопа зла пред кончиной мира. Эта почва произрастит и антихриста, а главное — она будет благоприятствовать безмерным, всемирным успехам его безбожной дея-

тельности. Конечно, главной причиной необыкновенной быстроты и широты успехов его пропаганды безбожия будет то, что он будет хотя человек, но в нем сосредоточится вся сила сатаны. Самое пришествие его будет по действию же сатаны, и по действию же сатаны оно будет сопровождаться всякою силою, и знамениями, и чудесами ложными, и всяким неправедным обольщением погибающих (2 Фес. 2, 9—10). Но и сам сатана, и антихрист, в которого он вложит всю свою силу, не могли бы в столь короткое время, именно в сорок два месяца (Апок. 13, 5), распространить безбожие по всей земле, если бы успехи их деятельности не были подготовлены предшествующим погружением человечества во зло, предшествующим распространением в человечестве антихристианского и богопротивного духа, если бы человечество уже не было предрасположено к отпадению от Бога и Христа и к переходу в царство сатаны. А такое безбожное и противохристианское предрасположение человеческого рода, имеющее быть пред концом мира, пред явлением антихриста, подготовится постепенно, частью самым историческим ходом развития и накопления зла, частью скрытой деятельностью диавола, напряженность которого будет усиливаться по мере приближения земной истории человечества к концу и предугадывания диаволом конца своей власти на земле. Вот это то противохристианское и безбожное предрасположение человечества, имеющее быть и усилиться прежде явления антихриста и имеющее начаться, быть может, даже задолго до него, и будет ближайшей причиной и естественным источником безбожия, которое при антихристе распространится по всей земле; а раннейшая безбожная эпоха, как, например, безбожная эпоха прошлого и текущего века,

равно как всякого рода антихристы и всякого рода антихристианство всех времен и мест, могут быть признаны отдаленными причинами печального нравственного и религиозного состояния человечества пред пришествием антихриста и, чрез подготовку этого состояния, отдаленными источниками безбожия последней страшной години.

2. Личность антихриста. Скажем теперь о лице антихриста. Кого надо разуметь под этим именем? Протестанты и раскольники беспоповщинского согласия стараются доказать, что под именем антихриста, упоминаемого в Священном Писании, должно разуметь и целое общество беззаконников, или их преемственность, или антихристианский дух и учение, или же, наконец, все это вместе.

Но такое мудрование ложно. Ясное учение как Св. Писания, так и Церкви вселенской, обличая неправоту заблуждающихся, несомненно показывает, что антихрист, в собственном смысле этого слова, будет одно определенное лицо, а не какое-либо общество или противохристианское направление. «Хотя антихрист (учил св. Иоанн Дамаскин) есть и всякий неисповедующий, что Сын Божий пришел во плоти, что Он есть совершенный Бог и сделался совершенным человеком, не преставая быть Богом, но в собственном смысле и преимущественно называется антихристом тот, который придет при кончине века... человек, имеющий... принять на себя все действие сатаны».

В Св. Писании находятся ясные и несомненные указания на то, что, кроме многих антихристов, или противников Иисуса Христа, будет еще антихрист, как лицо особенное.

1) Это можно видеть в словах Иисуса Христа, сказанных к неверующим иудеям: *Аз приидох во имя От-*

ца Моего, и не приемлете Мене: аще ин придет во имя свое, того приемлете (Ин. 5, 43). Некоторые из неправомыслящих утверждают, что здесь слово *ин* относится вообще ко всякому лживому пророку или учителю и имеет значение неопределенное, а весь смысл этих слов Спасителя нужно излагать так: «Я пришел во имя Отца Моего, и вы не принимаете Меня: а если какой-нибудь лживый учитель придет к вам от моего имени, такого вы примете». Но к антихристу, как особенному и чрезвычайному противнику Христову, относят эти слова св. Кирилл Александрийский, и блж. Феодорит, Феофилакт, архиеп. Болгарский, и св. Златоуст, который их так изъясняет: «О ком это Христос говорит: *придет во имя свое*? Здесь Христос указывает на антихриста... Если вы преследуете Меня, говорит Он, из любви к Богу, то гораздо более следовало бы так поступить с антихристом... он насильственно будет похищать все ему не принадлежащее и называть себя Богом над всем». Подобно восточным, и западные древние отцы и учителя церкви видели в этих словах Спасителя предречение об антихристе, как особенном и чрезвычайном противнике Христовом, которого иудеи примут за Мессию. Так изъясняют слова эти, между прочим, св. Амвросий Медиоланский, блж. Иероним и блж. Августин.

2) Апостол Павел в своем втором послании к солунским христианам оставил ясное учение о лице и свойствах этого врага Христова. *Открыется человек беззакония*, свидетельствует он, *сын погибели, противник* (2 Сол. 2, 2—3)... *явится беззаконник..., его же пришествие по действию сатанину* (ст. 8—9). Самый образ выражения греческой речи в этих словах представляет антихриста как определенного человека. Апостол называет его человеком беззакония, то есть чрезвы-

чайным беззаконником, злодеем-безбожником в особенном и крайнем значении этого слова. Кроме того, апостол здесь же говорит, что антихрист сядет в церкви Божией, будет выдавать себя за Бога, творить знамения и чудеса для обольщения тех, которые не при-
яли любви истины. Свойства эти не могут быть относимы к обществу, а приличествуют одному лицу. — Рассматриваемые слова апостола относили к антихристу, как лицу особенному, святой Иринею и ученик его, святой Ипполит. Святой Кирилл Иерусалимский, предложив вопрос об антихристе: «кто же это такой?» — отвечает, что в сем случае нужно прибегнуть к учению апостола Павла (2 Сол. 2), и при сем рассуждает об антихристе, как особенном человеке и орудии диавола. Святой Златоуст на основании слов апостола Павла (2 Сол. 2, 3) говорит об антихристе: «Кто же таков он? сатана ли? никак: но человек некоторый, приемлющий все его действо». — Блж. Иероним, Феодорит Кирский, святой Иоанн Дамаскин — все, на основании этих слов апостола, единогласно говорят об антихристе, как особенном человеке.

3) Святой апостол и евангелист Иоанн, которому открыты были последние судьбы мира, пишет: *Дети, слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша* (1 Ин. 2, 18). Святой Иоанн в этих словах указывает христианам признаки последнего времени. Такими признаками поставляет он, во-первых, имеющего явиться антихриста, во-вторых, уже появившихся противников Христовых: о первом говорит в числе единственном, а о вторых — во множественном. А это показывает, что он различает антихристов вообще от антихриста в смысле особенном. — Кроме того, об одном антихристе апостол говорит толь-

ко как об имеющем прийти, но еще не существующем: *антихрист грядет*; напротив, о многих антихристах свидетельствует, что они уже появились: *быша*. Тайнозритель, конечно, знал, что и после него в Христовой церкви появятся многие еретики и лжеучители, подобные появившимся при нем: следовательно, если бы хотел указать здесь под именем антихриста не лицо особенное, а только вообще лжеучителей, то и совсем не упомянул бы о нем или сказал бы так же, как и о существующих в его время, то есть, что «антихрист грядет», в числе множественном.

Притом апостол Иоанн, когда говорит о многих появившихся антихристах, то не составляет пред их наименованием члена и этим дает знать, что он понимает здесь всех вообще противников Христовых в целой их совокупности. Напротив, когда говорит о грядущем антихристе, то составляет пред его наименованием член, показывая этим, что он понимает некоторое особенное, определенное лицо. — Это свидетельство святого Иоанна об антихристе как определенном лице столь ясно и непререкаемо, что неправомыслящие проходят его молчанием.

Итак, Священное Писание ясно научает, что, вопреки лжеучению неправомыслящих, под именем антихриста в смысле собственном должно разуметь особенного и чрезвычайного врага Христовой церкви, который по существу своему будет лицом определенным, человеком, а не каким-либо обществом или собором безбожников.

Глава 10

О воскресении мертвых

1. О воскресении мертвых по верованию св. угодников Божиих. Веру в воскресение мертвых св. угодники свидетельствовали ясно и несомненно. Св. Антоний исповедовал: верую в Господа, что в воскресение мертвых воскреснет это тело нетленным. «Не боюсь я смерти, — говорил св. Иаков Персиянин царю, угрожавшему муками. — Временная смерть не есть смерть, но сон: как от сна, восстанут из гробов все люди в страшное пришествие Христа моего». Когда сему св. мученику отрезали большой перст и приставник царский стал увещавать его, говоря: «Пощади себя, Иакове, послушайся повеления царева, поклонись богам и жив будешь», — тогда он сказал: «Когда отрезают от виноградной лозы ветви ее, то в каждом отрезанном месте она вновь прозябает и приносит плод, так и человек, насажденный в винограднике Бога Вышнего и присоединенный к истинной Лозе — Сыну Божию, отрезаемый ныне временной смертью, в будущем веке воскреснет цел, зеленея прозябанием

нетленной славы и принося плод вечного воздаяния». В Вифаидской стране, в одном монастыре некто, именуемый Иеракс, учил, что воскресения теперешних тел не будет и что Господь даст каждому другое, новое тело. Случилось там быть св. Епифанию Кипрскому. Сей святитель пришел в монастырь в то самое время, когда Иеракс проповедовал свое лжеучение. Услышав его, святитель, обратившись к нему, сказал: *«Да заградятся уста твои...»* Тотчас Иеракс сделался нем и не мог сдвинуться с места. Тогда св. Епифаний сам стал учить народ и, на основании слова Божия, утверждал, что каждый восстанет в том теле, в котором живет в мире сем и умрет. А Иераксу сказал: «Слышишь правую веру и теперь сам скажи слово истины». Отверзлись у Иеракса уста, он покался в своем заблуждении и исповедал слово истины.

Утверждая и возвещая истину воскресения мертвых, св. угодники приводили и основания для сего воскресения, указывая на воплощение и искупление, совершенное Господом Иисусом Христом, и тридневное воскресение Его из мертвых. Господь же в вящее утверждение сей истины и в обличение сомневающих в ней, по молитвам св. угодников, воскрешал мертвецов еще в сей жизни. «Христос, — исповедовал св. мученик Дула, — из любви к роду человеческому соделался человеком для того, чтобы как одним первосозданным человеком смерть вошла в мир, так одним же человеком, Господом нашим Иисусом Христом, вошло воскресение людей». — «Что ты говоришь, — возражал ему на это игемон, — уже ли мертвые воскреснут?» — «Ей, воскреснут, — отвечал мученик, — если мертвые не воскреснут, то как же Бог будет судить мир?» «Спаситель наш, — наста-

вляла св. Акилина своих сверстниц, — воскрес в третий день, утвердив сим ту истину, что во второе Его пришествие будет общее воскресение мертвых».

2. Мысли о воскресении мертвых. «Смерть не что иное есть, как долговременный сон» (св. Иоанн Златоуст).

«Как уснувший вечером пробуждается утром с обыкновенной силой жизни, так уснувший смертью телесной пробудится в новую, бессмертную жизнь в день всеобщего воскресения» (Филарет, митр. Московский).

«Что наши могилы? Нива Божия, куда повергаются тела, как семена, из которых неведомым для нас образом произрастет некогда новое, бессмертное тело, как из малого сотлевшего семени дивно возникает красивый колос» (1 Кор. 15, 35—38), (Дух. цв.).

«Червь готовится для себя гроб, заключается в нем и умирает; но с появлением благодатной весны из этого гроба возрождается легкая, блестящая бабочка, — и творение, пресмыкающееся в прахе, порхает среди цветов благовонных; зернышко, брошенное в недра земли, раскрывается, возникает и красуется в виде золотистого колоса. Все превращается и возрождается на земле, все постепенно возвышается к совершенству. Человек ли, благороднейшее творение, подобие Вседержителя, будет несчастнее червя пресмыкающегося, беднее зерна ячменного! Нет! За пределами земного бытия простирается лестница к вечности» (Дух. цв.).

«Никакие частицы наших тел, как бы ни были они рассеяны, хотя бы тела наши истлели, хотя бы были сожжены, не погибают для Бога. Они переходят в стихии, из коих взяты рукою Вседержителя» (Блж. Августин).

«Богу легче, удобнее собрать прах тела человеческого, рассеянный по лицу земли, нежели нам собрать платье наше, раскиданное по комнате» (Иаков, архиеп. Нижегородский).

3. Примеры воскрешения из мертвых.

1) В Иоппии, что ныне Яффа, жила одна христианка по имени Тавифа, известная своим трудолюбием и благотворительностью. Во время пребывания ап. Петра в Лидде случилось, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице, и как Лидда недалеко была от Иоппии, то верующие, услышав, что Петр находился там, послали к нему двух человек просить его, чтобы не замедлил притти к ним. Петр тотчас пошел с ними, и когда он прибыл, его ввели в горницу. Все вдовицы со слезами подошли к нему и показывали рубашки и платья, какие шила Тавифа, живя с ними. Петр выслал всех вон и, став на колена, помолился, потом, обратившись к телу, сказал: «Тавифа, встань!» — и она открыла глаза и, увидев Петра, села. Он подал ей руку и поднял ее. Потом, призвав вдовиц и прочих верующих, представил ее им живую.

Чудо имело большое влияние на жителей Иоппии, и многие уверовали во Христа (Деян. 9, 36—42).

2) Один еретик старался поколебать истину православной веры и прельстил уже множество народа. По просьбе православных, тяжело скорбевших о таком бедствии, пришел блаженный Макарий, чтобы оградить чистоту веры во всем Египте от волнения неверия. Когда еретик приступил к нему и хотел обмануть его неведение островами из Аристотеля, блаженный Макарий, ограничивая его многословие краткостью апостольской, сказал: *«Не в словеси Царство Божие, но в силе; пойдем на гробницы и призовем имя Господне на первого мертвеца, какого найдем, и, как*

написано, *покажем нашу веру от дел*, дабы его свидетельством яснейшим образом подтвердить истину правой веры и доказать ее несомненность не суетным словопрением, но силой знамений и показанием безошибочным». Услышав это, еретик, связанный стыдом пред окружавшим их народом, притворно согласился на предложенное условие и обещался прийти на другой день; но когда народ, желая видеть чудо, собрался на другой день в назначенное место и ожидал еретика, тот, уstraшенный сознанием своего неверия, скрылся и потом вовсе бежал из Египта. Блаженный Макарий, ожидавший его вместе с народом до девятого часа, когда увидел, что он ушел со стыда, взял с собою людей, приведенных им в заблуждение, и пришел к упомянутым гробницам. От разлива Нила весь Египет на значительное время обыкновенно покрывается водою и уподобляется тогда неизмеримому морю, так что совершенно невозможно человеческие тела зарывать в землю, разве по окончании разлива. Поэтому у египтян вошло в обычай, набальзамировав тела умерших благовонными мастьями, скрывать их в пещерах на возвышенных местах. Итак, блаженный Макарий, остановившись пред одним весьма древним трупом, сказал: «Человек! если бы со мною пришел сюда тот еретик, сын погибели, и я в его присутствии призвал бы имя Христа, Бога моего, скажи, встал ли бы ты пред этими людьми, которые развращены его лжеучением?» Тогда мертвец, приподнявшись, отвечал утвердительно. Авва Макарий спросил его, кто он был, когда жил на свете, в какое время жил и знал ли тогда имя Христово? Тот отвечал, что жил он при древнейших царях и об имени Христовом в те времена и не слыхал. Тогда авва Макарий сказал ему: «Почивай в мире с прочими в чине

твоим, доколе не пробудит тебя Христос в конце времен!»

Совершить это чудо побудила авву Макария нужда находившейся в опасности целой области, полное благоговение ко Христу и искренняя любовь к Нему. (Из сказаний Кассиана Римлянина о подвижниках, 15 гл.)

3) В создаваемой, с царского соизволения, церкви св. Парфений, епископ Лампсакийский (живший в IV веке), намеревался престол устроить из камня, находившегося в одном из разоренных языческих капищ, для чего он и поручил камень этот обделать искусным мастерам. По окончании работы камень повезли к церкви, но на дороге взбесились впряженные волы; возчик по имени Евтихиан, не сумев сдержать разъяренных животных, упал под колеса, и повозка с тяжелым камнем переехала Евтихиана, который тут же и умер. Узнав о несчастье, Парфений с несколькими гражданами прибыл на место происшествия и, увидев раздавленного возчика, стал на колени и начал со слезами молиться о возвращении жизни Евтихиану. С последним словом молитвы мертвец, на глазах всего народа, вдруг воскликнул: «Слава Тебе, Христе Боже, возвращающий жизнь мертвым», и встал исцеленный, как ни в чем не бывало, и довез благополучно камень до церкви. С той поры в Лампсаке врачам нечего было делать: чуть кто чем заболит — тотчас обращается к епископу — и тот именем Божиим врачевал недуги и болезни (Ч.-Минеи, февраль).

4) В III веке, во дни нечестивого царя Декия, лютого гонителя христиан, в г. Ефесе жили семь юношей, по званию своему воины, дети городских старшин, добрые по жизни христиане. О них донесли идолопоклоннику царю, что они не приносят идолам жертв.

Декий разгневался, лишил их воинского звания, но, жалея их благородства и красоты, дал им время на размышление. Юноши-воины, воспользовавшись данным сроком, удалились из города в одну глубокую пещеру около горы Охлан, чтобы молитвою приготовиться на предстоящие страдания, взяв несколько сребреников на нужды. По временам младший из них тайно пробирался в город за покупкой пищи.

Раз он услышал, что по приказанию царя их ищут на суд и на страдания. Ввиду опасности, юноши удалились в глубину пещеры, так что и посланные не могли найти их. Тогда царь приказал загородить самый вход в пещеру камнями, чтобы совсем задушить юных христиан. При этой работе были тайные христиане; они записали имена и страдания юношей на двух оловянных дощечках и в медном ящике положили их между камнями.

После Декия прошло уже 200 лет, на греческий престол вступил Феодосий младший, император-покровитель христиан. Он по поводу появления еретиков, отвергавших воскресение мертвых, тужил, скорбел и молился Богу о вразумлении заблуждающихся. Господь услышал молитву благочестивого царя — и открыл тайну ожидаемого воскресения мертвых.

Работники владельца горы Охлан, разбирая камни на строившуюся ограду, сделали отверстие в пещеру. В это время Господь *оживотворил семерых юношей, спавших около 200 лет*: они воскресли, как бы пробудившись от сна, одежды их были целы, тела не изменились, сами не постарели. Думая, что наступило утро, юноши, по обычаю, послали младшего брата своего в город за покупкой пищи. Взяв сребреник, он пошел со страхом, как при Декии, но когда приблизился к городским воротам и увидал на них честные кре-

сты, когда услышал громко и открыто исповедующих имя Христово, то невольно удивился и спросил: «Как этот город называется?» — «Ефес», — отвечали ему. Юноша подошел к торговцу хлебом и в уплату за хлеб подал сребреник. Увидев монету с изображением Декия, вышедшую из употребления, торговцы представили незнакомца городским властям. Пред начальником города юноша открыл, кто он, где и с кем живет. Тут же случился епископ, он сказал начальнику: «Пойдем с юношей видеть чудо!»

Епископ, начальники и народ пришли к пещере, нашли медный ящик, прочитали написанное и отыскали других 6 юношей, красивых, веселых, и, поклонясь им в ноги, выслушали от них самих рассказ о пребывании в пещере. Сам император Феодосий, по письму епископа, прибыл в Ефес, поклонился и поцеловал воскресших.

Юноши, побеседовав с благочестивым царем и преклонив главы, уснули сном смерти, по повелению Господа, до второго Его пришествия. (Чет.-Мин. 4 авг.)

5) Во время епископства св. Доната некая жена лишилась своего мужа. Ко вдовству ее присоединилась новая скорбь: один бесчестный заимодавец, получив с умершего долг, не отдал ему расписку в получении долга и стал требовать долг со вдовы его, не давая без того погребсти тело умершего. Вдова обратилась к помощи епископа. «Верно ты знаешь, — спросил епископ, — что долг уплачен?» — «Верно знаю, долг уплачен за несколько дней до смерти, но расписки не получено». Тогда святитель убеждал заимодавца не беспокоить умершего. Заимодавец с упорством требовал своего долга и даже поносил святителя. Тогда епископ, подойдя к одру умершего, коснулся его рукою и воззвал: «Слыши, человече!» Мертвец ожил,

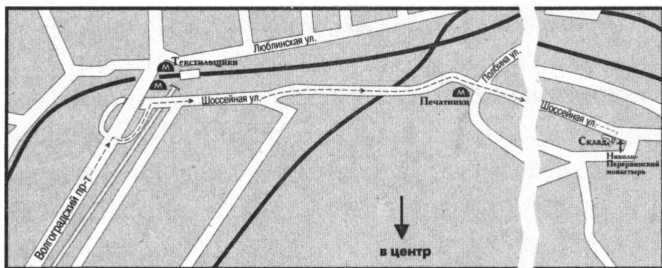
открыл глаза и сказал: «Что, владыко?» — «Встань и посмотри — что делать с твоим заимодавцем: он не дает погребать тебя, требует долга и имеет в том расписку твою». Оживший мертвец, грозно посмотрев на заимодавца, обличил его ложь и неправду, указав даже, когда и на каком месте он заплатил ему долг. Заимодавец стоял, как немой. Мертвец требовал расписки, и когда тот отдал, то разодрал ее. После сего он обратился к святителю и сказал: «Благо сделал ты, владыко, что возбудил меня на обличение сего грешника; повели мне уснуть». — Гряди, чадо, в покой! — и оживший мертвец снова уснул сном смертным. (Чет.-Мин. апреля 30 дня.)

6) Одна жена, придя к св. Макарию Египетскому, со слезами высказала ему свою скорбь о том, что умерший муж ее позабыл сказать ей, где он положил взятое под залог. Преподобный повелел откопать гроб его и спросил умершего, где он положил заложенное. Мертвец из гроба указал это место. Тогда преподобный сказал ему: «Усни опять до дня воскресения». (Чет.-Мин. января 19 дня.)

Содержание

Глава 1. Кончина людей.....	3
Глава 2. Исход души из тела	15
Глава 3. Рассказы о явлениях душ умерших людей, удостоверяющие в бытии загробной жизни	93
Глава 4. Мытарства (частный суд по смерти)	272
Глава 5. Загробная жизнь вообще	297
Глава 6. Загробная участь праведников	306
Глава 7. Загробная участь грешников.....	335
Глава 8. О ходатайстве живых за умерших	386
Глава 9. Антихрист.....	419
Глава 10. О воскресении мертвых	438

Православное братство во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня

Оптовый склад возле Свято-Никола-Перервенского монастыря предлагает:

- Более 3000 наименований книг всех издательств Москвы и России по издательским ценам. **Литература, изданная Крестовоздвиженским братством, реализуется со значительными скидками.**

- настенные календари
- Видеофильмы (VHS и DVD)

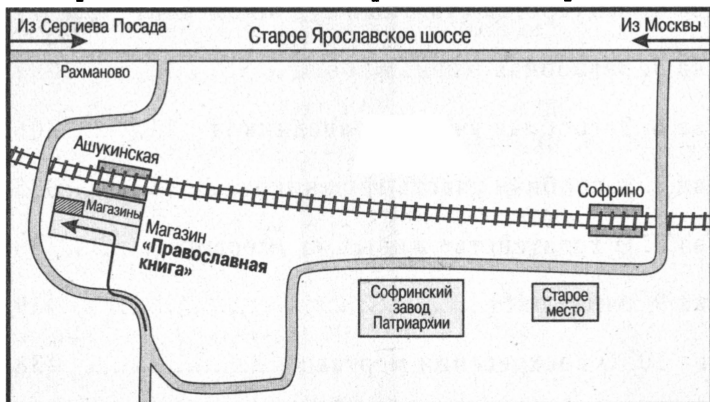
Широкий выбор рождественских, пасхальных и других праздничных подарков. Подарки ко дню ангела.

Наш адрес: г. Москва, ул. Шоссейная, д. 74.

Тел.: 354-4883, 353-5355

Открыт новый магазин

Крестовоздвиженского православного братства

Тел. 8-906-704-08-90

ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО
ВО ИМЯ ВОЗДВИЖЕНИЯ
ЧЕСТНОГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО
КРЕСТА ГОСПОДНЯ